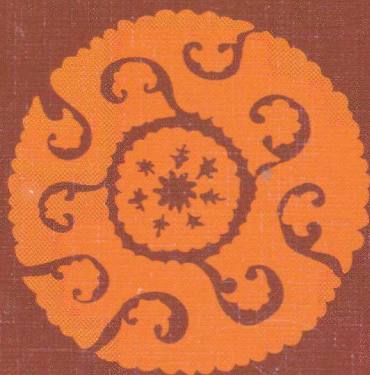

Д.И. Эдельман

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА ВОСТОЧНОИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Лексика

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт языкознания

Д.И. Эдельман

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА ВОСТОЧНОИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Лексика

Москва

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
2009

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 08-04-16060д*

Редактор издательства

М.И. Карпова

Эдельман Д.И.

Сравнительная грамматика восточноиранских языков : лексика / Д.И. Эдельман ; Ин-т языкознания РАН. — М. : Вост. лит., 2009. — 280 с. — ISBN 978-5-02-036396-0 (в обл.)

Книга завершает серию монографий автора под общим названием «Сравнительная грамматика восточноиранских языков», изданных с подзаголовками: «Фонология» (М., 1986) и «Морфология. Элементы синтаксиса» (М., 1990). В данной монографии впервые проводится сравнительно-исторический анализ исконной лексики далеко разошедшихся языков (живых и вымерших, распространенных от Кавказа до Центральной Азии) большой генетической группы иранской языковой семьи, а также анализ основных компонентов лексической системы реконструированного праиранского состояния и затем рефлексов древних лексем и путей их изменения в восточноиранских языках. Рассматриваются вопросы релевантности лексических изоглосс для определения генетического членения иранской языковой семьи на группы. Особое внимание уделено архаичной лексике «малых» бесписьменных языков и диалектов, ареальной лексике, воздействию субстрата на лексическом уровне.

Научное издание

Эдельман Джой Иосифовна

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА ВОСТОЧНОИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Лексика

Утверждено к печати Институтом языкознания РАН

Редактор *М.И. Карпова*. Художник *Э.Л. Эрман*. Технический редактор *О.В. Волкова*
Корректоры *О.В. Ефремова, Н.О. Хотинский*. Компьютерная верстка *О.Г. Климова*

Подписано к печати 24.04.09. Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. п. л. 17,5
Усл. кр.-отт. 17,8. Уч.-изд. л. 17,7. Тираж 800 экз. Изд. № 8363. Зак. № 709

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
www.vostlit.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

© Эдельман Д.И., 2009
© Институт языкознания РАН, 2009
© Редакционно-издательское
оформление. Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 2009

0.1. Успехи последних десятилетий в историческом исследовании иранских языков позволили уже на новом витке развития науки обратиться к уточнению целого ряда диахронических процессов на всех языковых уровнях, включая лексический. Это стимулируется, в частности, результатами системного исследования истории иранской языковой семьи на фонетико-фонологическом и морфолого-синтаксическом уровнях.

В частности, разработка исторической фонетики и фонологии иранских языков с учетом, с одной стороны, общего индоевропейского фона, с другой — материала всех известных ныне иранских языков (включая живые, малоисследованные прежде языки) обусловила возможность уточнить фонетико-фонологическую систему праиранского состояния. Более четкими предстали процессы, сопровождавшие выделение иранского праязыкового континуума диалектов из более ранних — праарийского и затем индоиранского. Тем самым уточнялся материальный облик реконструируемых праязыковых лексем. Была выявлена также относительная хронология процессов, сопровождавших «распад» праиранского континуума на генетические группы и подгруппы. При этом рассмотрение не только ранней фонемной парадигматики, но и фонемной синтагматики и просодики (см. [Эд. СГВЯ-Ф, 23–65]), оказалось не менее существенным для этимологического отождествления различных словоформ от единого праязыкового корня.

Уточнение путей трансформации общеиранской праязыковой системы в разные системы конкретных иранских языков способствовало также выявлению спонтанных и неспонтанных правил в этом процессе, включая те, которые продиктованы ареальными артикуляционными тенденциями и типологическими правилами фонологизации определенных звукотипов. Это помогло, в свою очередь, более четко представить дивергенцию праиранской системы на генетические группы и подгруппы и отделить основные признаки, характеризующие западную и восточную группы (и их подгруппы), от второстепенных — относительно поздних и невсеобъемлющих (подробнее см. [Эд. СГВЯ-Ф; Раст. СИГЗЯ-Ф]). Пересмотр и реинтерпретация историко-фонологических изоглосс, разделяющих эти группы, показали, что действительно релевантными в генетической классификации

иранских языков оказались не все из традиционных, предполагавшихся ранее (см. подробнее [Оранский ИЯИО, 140–145; Эд. Генет. класс.; Эд. СГВЯ-Ф, 212–216], там же литература).

Все это позволило откорректировать, в свою очередь, этимологии ряда слов и сделать новые этимологические разработки, обнаружить некоторые заимствования из западноиранских языков в восточноиранские и наоборот, включая относительно ранние. Это же дало возможность выявить заимствования из одного языка в другой в пределах восточноиранской группы.

Исторический анализ морфолого-синтаксического уровня способствовал уточнению общеиранских парадигм и путей их дальнейшей трансформации, выявлению распределения по парадигмам тех или иных словоформ в праиранской системе и в системах конкретных языков последующих периодов. Особенно это важно для слов с гетерогенными парадигмами, поскольку их существование обусловлено предшествующей синонимией основ, которая стимулировала их вхождение в такие парадигмы в виде супплетивных (это относится главным образом к ряду местоимений и глаголов). Выявление закономерностей в процессах трансформации морфологических парадигм и синтаксических структур позволило не только определить спонтанные линии развития морфологии и синтаксиса, но и выявить случаи «перебоев» и «мутаций» в этом развитии, связанных с парадигматическим выравниванием, с давлением на словоформу со стороны грамматической или лексической парадигмы (например, при изменении облика некоторых местоимений, числительных, глаголов под воздействием соседних слов в пределах группы). Яснее стало давление синтаксических структур (например, в становлении словообразовательных превербов, в организации сложногоименных глаголов) и в конечном счете со стороны содержательной стороны языка. Все это дало возможность уточнить историю ряда лексем и некоторых лексических классов.

В результате этих исторических исследований выявилась определенная диспропорция между сведениями о праязыковой системе, предоставляемыми разными языковыми уровнями. Это породило, как минимум, два комплекса проблем, существенных для изучения истории лексики иранских языков, и в частности восточноиранских.

Первый включает проблемы реконструкции праиранского лексического фонда. Подробнее о них будет сказано в готовящейся работе, здесь же их общий обзор будет представлен в гл. I.

Второй комплекс связан с возможностью (или невозможностью) использования свидетельств лексического уровня в качестве тестовых классификационных признаков при определении генетического

членения иранской языковой семьи. Как мы знаем, важнейшим критерием наибольшей близости родственных языков и их принадлежности к единой генетической группе является совокупность общих системных инноваций, поскольку общие архаизмы могут иметься и у дальнеродственных языков, а единичные похожие несистемные инновации могут иметь параллели и в дальнеродственных и даже в неродственных языках. При членении языковой семьи на генетические группы важно наличие у каждой группы определенной совокупности системных инноваций, отличной от соответствующей совокупности системных же инноваций у другой группы. При этом наличие какого-либо элемента в одной группе и отсутствие его в другой не являются решающим в генетической классификации: этот элемент мог быть утрачен в разные эпохи под влиянием разных исторических факторов. Последнее обстоятельство подтверждается показаниями как исторической фонетики и морфологии, так и этимологическими исследованиями. Для противопоставления групп языков на лексическом уровне существенным могло бы явиться распределение праиранских синонимов на слова, употребительные только в западной или только в восточной группе (желательно с максимальным охватом языков обеих групп). На практике же разброс иранских языков по огромному пространству и существование многих из них в многоязычных ареалах с неизбежными перекрестными заимствованиями заставляют очень тщательно выискивать возможность таких соответствий, чтобы избежать соблазна принять заимствованное (или уподобленное заимствованному) слово за исконное.

Как известно, историческая фонетика и фонология четко делят иранские языки на две основные генетические группы, условно называемые западной и восточной. Вместе с тем намечавшиеся в исследованиях XIX в. морфолого-синтаксические признаки противопоставления этих генетических групп (см. [Geiger Kl. Dial., 417–423]), были стерты последующей информацией. Часть этих признаков оказалась относительно поздней и охватывающей далеко не все языки той и другой групп, и потому не может быть признана релевантной в определении генетической принадлежности языков. При этом обнаружились другие морфологические различия между частью восточных и частью западных языков, имеющие ареальную приуроченность или сходные типологические причины и также относительно поздние. К тому же в некоторых случаях сходные между собой морфолого-синтаксические инновации оказались результатом воздействия неспонтанных структурных и содержательных категорий со стороны языков субстрата (см. подробнее [Эд. Ист. морф., 51–54; Эд. СГВЯ-М, 265–267], там же литература).

Иными словами, оказалось, что различия между восточноиранскими и западноиранскими языками в исторических морфологии и синтаксисе, в противовес различиям в исторических фонетике и фонологии, не образуют всеохватных изоглосс и потому не могут трактоваться как значимые генетические признаки соответственно восточной и западной групп. Поэтому, признавая принципиальную методическую ценность морфологических изоглосс для определения членения языковой общности на генетические группы, пришлось констатировать, что специфика материала иранских языков не позволила на данном этапе изученности их истории выявить «чистые» изоглоссы, отделяющие все языки восточной группы от всех западных. Их выявлению препятствовали: 1) существенная структурная перестройка западноиранских и подавляющего большинства восточноиранских языков, «смывшая» многие элементы древней флексии, которые могли быть тестирующими показателями дивергенции; 2) отсутствие древних памятников письменности восточноиранских языков, сопоставимых по абсолютному и относительному времени соответствующим западноиранским.

Таким образом, дивергенция праиранского на восточную и западную группы иранских языков уверенно может быть проведена на основании совокупности определенных историко-фонологических соответствий, хотя и значительно меньших (но и более древних), чем предполагалось ранее (подробнее см. [Эд. СГВЯ-Ф, 212–217]). Морфолого-синтаксические изоглоссы, которые однозначно могли бы быть истолкованы как генетические, разделяющие языки восточной и западной группы, практически отсутствуют (см. [Эд. СГВЯ-М, 265–267]).

На ранних этапах сравнительно-исторического изучения иранских языков высказывались предположения о наличии также определенных древних лексических изоглосс, противопоставляющих западноиранские языки восточноиранским, поэтому целесообразно в ходе настоящего исследования остановиться на них более подробно, тем более что более поздний разброс языков по ареалам мог порождать лексические различия между группами языков в разные периоды (о некоторых из них см., например, [S-W CLI, 168–169]). Вместе с тем приходится учитывать, что такие различия могут быть обязаны не генетическим, а ареальным факторам (см. ниже, см. также гл. II, раздел 2.3).

0.2. Следует особо подчеркнуть роль изучения материала «малых» бесписьменных языков для воссоздания истории иранской языковой семьи в целом и для изучения истории восточноиранской исконной лексики в частности. О ценности этого материала для сравнительно-исторического изучения фонетики, морфологии и лексики уже

приходилось писать [Эд. «Малые» языки]. Показания этих языков оказались важны не только для реконструкции этапов филиации арийской языковой общности и вычленения праиранского континуума из более ранних — индоиранского, общеарийского и индоевропейского. Они высветили характерные признаки последующего членения праиранского на западную и восточную группы, а также свидетельства членения праиранского диалектного континуума на другие ранние группы, не имевшие явных продолжений в виде самостоятельных единиц в ходе последующей дивергенции иранских языков. Они же дали свежий материал для изучения исторической лексикологии иранской языковой семьи.

Как известно, традиционная «классическая» иранистика как часть индоевропеистики конца XIX — начала XX в. базировалась в своих реконструкциях праязыковой системы в основном на фактах языков древних памятников. Данные живых языков использовались в этих целях в значительно меньшей степени, причем то были в основном крупные (в масштабах иранской языковой семьи) языки: классический персидский, в меньшей степени белуджский, курдский, осетинский. Это неудивительно, поскольку, во-первых, сама методика компаративистики зародилась и совершенствовалась в ту эпоху на богатом для этого материале древних индоевропейских языков, а, во-вторых, из языков живых, особенно «малых» бесписьменных, только часть имела первые описания и публикации материалов, иногда в весьма несовершенной записи. Часть языков была известна только по названиям, а некоторые вообще еще не были открыты.

В тот период реконструкция древней фонетической (и лишь отчасти фонологической) системы, морфологии, элементов лексики (включая праязыковые корни, основы и целые слова), построенная на базе свидетельств древних иранских языков — авестийского и древнеперсидского — считалась для иранской семьи наиболее архаичной, праязыковой, лежащей в основе истории всех иранских языков. Новый известный к тому времени материал родственных языков в целом вписывался в эту систему, а отклонения либо еще не были известны, либо не привлекали к себе достаточного внимания.

Дальнейшее приращение свежего материала «малых» языков и диалектов, особенно усилившееся в 20-е годы XX в., и историко-лингвистическое осмысление этого материала обусловили новую ступень развития компаративистических исследований языков арийской ветви индоевропейского, и в частности языков иранской семьи. Эта ступень ознаменовалась переосмыслением и уточнением как самой схемы филиации арийской языковой семьи, так и характерных черт действительно праиранского языкового состояния.

Обнаружилось, что некоторые отклонения в живых языках от традиционной «классической» схемы развития обусловлены не инновациями, а глубочайшими архаизмами. Живые языки, особенно бытующие в изолированных ареалах (или находящиеся в социальной изоляции в некоторых конфессиональных общинах), хранят иногда рефлексy более архаичного состояния, чем то, которое зафиксировано в древних памятниках и потому считавшееся праязыковым. Это обстоятельство помогло уточнить фонетические и фонологические процессы, сопровождавшие филиацию арийской общности, а заодно уточнить и схему этой филиации, и фонетический и фонологический состав праиранского состояния, и изменения, сопровождавшие уже его филиацию на западные и восточные прадialeкты¹.

Подробнее о роли живых языков в реконструкции истории иранской и — шире — арийской семьи см. [Morg. Ir.-Dard.; Эд. Реконст. общеир.; Эд. СГВЯ-Ф, 23–65; Эд. «Малые» языки].

Все это оказалось важным и для исторической лексикологии: во-первых, уточнились звучание и фонологический состав праязыковых лексических элементов: корней, основ и слов; во-вторых, выявились определенные словообразовательные и словоизменительные элементы, а, в-третьих, в ряде случаев обнаружилось отличие исконных слов того или иного языка от заимствованных из других иранских языков (и от уподобленных заимствованным).

Живые языки дали возможность также пополнить состав праиранского лексикона за счет включения в него лексем, которые прежде считались утраченными, а также за счет уточнения наиболее архаичных форм отдельных слов и их наиболее архаичной семантики (см. гл. I). Помогли они и в решении вопроса о роли лексики в определении изоглосс, которые могли бы уточнить первоначальное членение иранского праязыкового континуума диалектов на генетические группы и подгруппы (см. гл. II).

Работы, посвященные истории иранской языковой семьи, создали системную базу для системного же анализа истории лексики иранских языков в сравнительно-историческом, историко-типологическом и ареальном аспектах. Особо хотелось бы подчеркнуть, что значительная часть ирановедческих работ, где освещаются системы разных иранских языков, включая ранее малоизученные, а также история иранских языков в разных аспектах, была подготовлена в Секторе иранских языков Института языкознания АН СССР, ныне — Сектор иранских языков Отдела индоевропейских языков Института языкознания РАН — под руководством и при непосредственном участии проф. В.С.Расторгуевой и В.И.Абаева. Эти работы опубликованы в виде коллективных монографий [ОИЯ; ОИТИЯ] и серии

индивидуальных монографий и статей. Помимо общей системной базы исторического исследования иранских языков эти труды создали определенные методические ориентиры для сравнительно-исторического, типологического и ареального анализа иранских языков в целом и, следовательно, для системного же анализа истории их лексики. Это относится и к истории лексики определенных генетических групп иранской семьи, в частности восточноиранской группы.

0.3. Историческому исследованию иранской лексики способствуют накопленные к настоящему времени огромный лексический фонд и немалый фонд этимологий, которые содержатся в собственно этимологических словарях [Morg. EVP; Morg. NEVP; Morg. EVSh; Аб. ИЭСОЯ; Ст.-К. ЭСВЯ; ЭСИЯ 1, 2, 3; Цаб. ЭСКЯ I (т. II подготовлен и ждет публикации); Hasandust EDP; Ch. EDIV] и в словарях, где этимология составляет один из элементов словарной статьи (например, [Barth. AiW; Benz. Chwar. Wort.; MacK. Khwar. Gl.; MacK. BSTBL; Henn.-MacK. Khwar. Dict.; Bailey DKS; Gharib Sogd. Dict]). Словарные разделы содержатся также в работах, посвященных описанию малоисследованных языков [Morg. IIFL I, II; Ефимов Яз. орм.]; в работах о лексических группах в разных иранских языках [Gersh. Outdoor terms; Gersh. Ir. chron. adv.; Ст.-К. Назв. раст.; Ст.-К. Назв. пахотн. орудия; Ст.-К. Терм. орош.]; в трудах, посвященных сравнительно-историческому анализу отдельных групп и подгрупп иранских языков или их исторической фонетике, морфологии [С ГОЯШ; С ГОМШ; Раст. СИГЗЯ-Ф; Ст.-К. ИФВЯ; Ed. Hist. Cons.], и многих других. Часть новых этимологий была включена и в первые книги настоящей работы (см. [Эд. СГВЯ-Ф; Эд. СГВЯ-М]).

Лексический материал пополняется также за счет основ и корней, сохранившихся к настоящему времени только в составе сложных слов (о ценности этого материала для истории лексики см. в статье В.И.Абаева [Аб. Слож. слова, 75–85]).

Особо следует отметить обобщающие работы [GIPh; Оранский Введ. 1–2; Оранский ИЯ; Оранский ИЯИО] и многотомный труд «Основы иранского языкознания» (далее [ОИЯ]), где подробный исторический анализ включает большой этимологический корпус по каждому из рассматриваемых иранских языков. Имеется также огромное число частных этимологических разработок отдельных слов и групп слов по разным иранским языкам — в монографиях, статьях, отдельных заметках, разбросанных по сборникам и журналам (таких статей огромное количество, поэтому перечислить даже основные из них нет возможности).

Общий обзор работ этого направления был приведен в [Эд. Лексикол., 62–63; Эд. Введение в кн.: ЭСИЯ 1, 7–9].

В пополнении сведений о лексическом фонде восточноиранских языков большую помощь оказывают также работы разных исследователей, посвященные отраслевой терминологии: земледелия, животноводства, охоты, различных ремесел, терминологии родства и др. (см., например, [Цховребов 1973; Битарова 1974; Мирбобоев 1991; Аламшоев 2002] и многие другие), а также труды этнографов (при их лингвистической интерпретации).

Весь этот фонд дает возможность системного анализа лексики — праиранской и продолжающей ее (с пополнениями, трансформацией и неизбежными утратами) лексики восточноиранских (и западноиранских) языков.

0.4. Поскольку лексика как языковой уровень тесно связана, с одной стороны, с другими уровнями, а с другой — с содержательной стороной языка, изучение истории слов как языковых знаков подразумевает исторический анализ не только их «означающего» (материальной и структурной стороны знака), но и «означаемого» (его содержательной стороны). Поэтому анализ и систематизация лексики подразумевают рассмотрение ее по двум параметрам: 1) по материальным и структурным признакам слов (с учетом их фонетических, фонологических, морфологических и словообразовательных свойств и их трансформации); 2) по семантическим признакам слов (с учетом их круга значений и трансформации слов в этом плане). В силу двусторонности слова как языкового знака обе задачи в изучении истории лексики взаимосвязаны: без учета материальной общности слов и словоформ и реконструкции их прототипов невозможно реконструировать лексему как материальный элемент праязыковой системы, а без учета их семантической общности невозможны ни сведение их в единое гнездо, ни реконструкция их семантических прототипов и семантической группировки восстанавливаемых слов.

Такая двойственность задач и методов выдвигает целый ряд проблем разного характера и уровня глубины и делает историческую (включая сравнительно-историческую) лексикологию в методическом плане едва ли не самой сложной из всех сравнительно-исторических дисциплин.

0.5. Сама идея диахронического изучения иранской лексики возникла давно и была во многом связана с идеей создания этимологического словаря иранских и даже индоиранских языков, с привязкой этимологий лексических единиц к реконструируемым праиранскому и праарийскому хронологическим срезам и далее — к их индоевропейским истокам. И с открытием все новых рукописей вымерших языков, как и с исследованием все новых живых языков и диалектов, с описанием их лексики, с составлением словарей (или даже только

списков слов) у лингвистов укрепилось осознание того факта, что найденные лексемы могут и должны быть собраны и организованы в единую цельную этимологическую систему, продолжающую индоевропейскую. Это породило многие статьи по этимологии конкретных слов в разных живых и вымерших языках, хотя лишь в части таких статей эта «стратегическая» задача выражалась эсхеплицишно — в виде заглавия статьи, вводных фраз или ремарок к конкретным этимологиям, в виде примечаний и т.п.

При этом исследователями уже давно были осознаны и методические трудности в реконструкции элементов такой единой многоступенчатой системы. Так, О.Семереньи, начиная серии своих этимологических статей «Iranian Studies» и «Iranica», выделил в качестве одного из насущных направлений иранистики создание «Iranian Lexicon» [Szem. Ir.-1, 60]. По его замыслу, задачей этого труда должен был стать список словарных гнезд (word-families), где в качестве заглавного слова выступало бы древнеиранское, или «первичное иранское», а сама словарная статья включала бы подробное обсуждение его дериватов и их исторических продолжений (там же, 60). В этой статье он анализирует трудности подобной работы, главную из которых он усматривает в опасности непосредственного проецирования современных фактов на индоевропейский «экран» (там же, 60–61). О.Семереньи подчеркивает необходимость взвешенного подхода к этимологии каждого конкретного слова, включая исконные иранские слова, восходящие к древним — вплоть до индоевропейских — корням. Он находит, что, убедив себя в архаичном характере какого-либо конкретного языка (по его терминологии, «диалекта»), например хотаносакского или осетинского, исследователь может поддаться соблазну проследить найденные здесь формы до древнеиранского и даже до индоевропейского уровня, хотя древние индоевропейские языки не подтвердили бы его выводов. Эту трудность сравнительно-исторического метода осознают все исследователи, считает автор [Szem. Ir.-1, 60–61] (в чем, как кажется, О.Семереньи был излишне оптимистичен). При этом он отмечает, что в большинстве случаев данные живых иранских языков могут быть уверенно прослежены до древнеиранского и далее — через (индо)иранский до индоевропейского уровня, хотя и с необходимой осторожностью (там же).

Следует подчеркнуть аспект именно взвешенности при реконструкции таких удаленных во времени этимологических прототипов, о чем писал О.Семереньи. Как известно, часть слов, восходящих к индоевропейским корням, может быть результатом и более поздних словообразовательных процессов различной хронологической глубины и ареальной отнесенности, поскольку процесс словообразования

с древнейших индоевропейских времен до наших дней непрерывен. В разных иранских языках выявляются основы, слова и даже словоформы, продолжающие соответствующие индоевропейские (и имеющие аналогии в других индоевропейских языках), однако имеются и такие, которые образованы позднее — в общеарийский и общеиранский периоды или еще позже, притом из того же исконного индоевропейского материала, согласно древним же моделям и при помощи столь же древних средств. Такие слова могут быть ограничены не только определенным ареалом функционирования (само по себе это еще не свидетельствует об их архаичном или инновационном характере, однако настораживает), но и, главное, «продвинутостью» семантики.

В качестве иллюстрации можно привлечь рассмотренные уже неоднократно названия водяной мельницы в различных иранских языках Средней и Центральной Азии, образованные по моделям **x^vat-āra^{na}(ka)-*, букв. 'само-мельющая' (ср. ягн. *xutanna*) и **x^vat-āra^{ka}-*, букв. 'само-молка' (материал см. в гл. II). Термины построены из исконного материала, продолжающего индоевропейский: это композиты, включающие в качестве первого компонента праиран. **x^vat-* 'само-' от местоименной основы **x^va-*, **x^vai-* 'сам, свой' (из и.-е. основы **s(e)u-* и производной от нее основы на **-t-* [Рок. IEW, 882–883]), в качестве второго — именные и причастные образования от общеиранского корня **ar-* (из индоир. **al-*, продолжающего и.-е. **al-* 'молоть, размельчать' [Рок. IEW, 28–29; Мh. EWA-1, 55–56]). Общая модель — композит — также исконна, аналогичные слова распространены в разных индоевропейских языках (ср. рус. *самопрялка*, *самокат*, *ковер-самолет* и др.). Вместе с тем, однако, природные условия гипотетической прародины и способ хозяйствования соответствующей древней эпохи (для праиранского состояния не реконструируется столь развитая технология с механизацией процесса помола) не предполагали существования такой реалии, как водяная мельница, и наличие ее обозначения для того периода весьма сомнительно (см. об этом также [Эд. Лексикол., 61]). Об относительно позднем образовании этих слов свидетельствуют также чисто лингвистические факты — различие вариантов второй части композита, где в одних языках выступает имя существительное, в других — причастие настоящего времени.

Немалую роль играет воздействие субстрата на лексику иранских языков в виде не только явных заимствований (что может быть относительно прозрачным), но и усвоения субстратных словообразовательных моделей или изменения объема значений слова, его жанровой характеристики и других возможных сдвигов в его семантике.

В связи с этим новые слова, состоящие из общеиранского или даже индоевропейского материала, в некоторых случаях оказываются не только относительно поздними, но и построенными к тому же согласно моделям неспонтанного, иногда субстратного происхождения, представляя лексические единицы, которые и не должны были существовать в общеиранской и тем более в индоевропейской системах. Это касается даже слов, относимых обычно к «центральной», или «ядерной», лексике или к «основному словарному фонду», в том числе и слов, входящих в закрытые лексические парадигмы. Таковы, например, местоимения 2-го лица множественного числа в большинстве юго-восточных иранских языков Центральной Азии, как и в соседних с ними индоарийских и дардских языках. Они построены по моделям типа **ta/tu-māx* (в иранских языках), **ta-smā* (в индоарийских). Вторая часть этих местоимений унаследована из парадигмы старых личных местоимений множественного числа, а первая часть представляет собой как бы препозитивный детерминатив 2-го лица, продолжающий этимологически основу древнего местоимения 2-го лица ед. числа (ср. ном. **tuçam*, ген. **taça*). Эти разновидности (иранская, индоарийская и дардская), сложившиеся в данных языках относительно поздно, параллельно и независимо друг от друга, представляют собой варианты единой ареальной модели, возникшей, по-видимому, под воздействием общего субстратного построения местоимений множественного числа от основ местоимений единственного числа постпозитивными формантами (подробнее см. [Morg. Pers. Pron.; Эд. Личн. мест.; Эд. СГВЯ-М, 209–213], там же материал и предшествовавшая литература; см. также гл. II настоящей работы).

Эти и другие различия в процессе словообразования из единого древнего «строительного материала», наблюдаемые в разные эпохи и в разных ареалах, заставляют быть особо осторожными при разработке этимологии многих лексем, чтобы избежать проекции относительно поздних слов на общеиранский (или даже на более поздний древневостокиранский) хронологический «экран», базируясь только на исконности материала и древности моделей. В истории иранского лексикона отмечаются также случаи параллельного словообразования в разных языках от единых корней по единым же унаследованным моделям и едиными словообразовательными средствами, при том что они могут быть образованы в разное время и могут существенно различаться с точки зрения их семантики. Ср., например, осет. диг. *nakæ* 'плавание' < **snāka-* [Аб. ИЭСОЯ II, 152]; кл. перс. *šinā* 'плавание (человека, животного)' < **snāka-*, но ишк. *ūznūk* 'надутый бурдюк для плавания' < **snāka-*. Тем большая осторожность

необходима при проекции материала иранских языков, включая восточноиранские, на индоевропейский уровень.

Влияние суперстрата в виде иранского языка, «престижного» в том или ином регионе (персидского, таджикского, дари, пашто), реализуется в лексике обычно либо заимствованием слов, либо — что менее явно — фонетическим уподоблением исконных слов заимствованным, а также усвоением словообразующих моделей и/или элементов или семантическими сдвигами.

Такое влияние одних иранских языков на другие непосредственно сказывается на исторической лексикологии восточноиранских языков. Имеются и усложненные случаи, например заимствования согдийских слов в таджикские говоры, а затем распространение этих слов — уже в качестве таджикизмов — в разные языки, включая восточноиранские. Некоторые согдийские слова проходят еще и через тюркское посредство. Такие заимствованные или уподобленные слова не всегда легко отличимы от исконных, продолжающих те же древние прототипы, а это затрудняет выявление как фонетического облика и семантики самого прототипа, так и путей их дальнейшей трансформации по языкам.

Таким образом, критерий взвешенности каждой этимологии, о котором писал О.Семереньи, требует большой предварительной работы в виде анализа как разных аспектов диахронии каждого языка (включая его историческую фонетику и морфологию), так и лексических систем различных языков, генетических языковых групп и подгрупп и чисто ареальных объединений. Немаловажен и этнолингвистический, и культурологический анализ лексики иранских языков.

0.6. Отдельную проблему, как уже говорилось, представляет возможность (или невозможность) проведения таких лексических изоглосс, которые членили бы иранский мир на генетические группы — прежде всего на те же две основные: западную и восточную, которые прослеживаются на основании историко-фонетических, точнее, историко-фонологических признаков. В конце XIX — начале XX в., в условиях относительной скудости материала живых и вымерших иранских языков, имевшегося в распоряжении лингвистов (и при отсутствии сведений даже о существовании целого ряда языков), намечались лексические противопоставления западной и восточной групп — в виде различий в этимологии отдельных слов с одинаковой семантикой. Эти слова считались свойственными языкам либо одной, либо другой группы. Однако, когда в дальнейшем, уже в первой половине XX в., в научный обиход был введен большой лексический материал, многократно превышающий предыдущий, эти противопоставления оказались размытыми: те слова, которые считались тестирующими

для принадлежности языка к западной или восточной группе, как оказалось, существуют в обеих группах. Так, предполагаемые прежде различия между западными и восточными иранскими языками в этимологии названий собаки и рыбы оказались не абсолютными, а частотными: каждое из них, как выяснилось, шире распространено в языках той или иной группы, но не охватывает всю группу целиком (см. трактовку этих слов и материал в кн. [Оранский Введ.₁, 351], где эти слова даются, но уже с оговорками, и [Оранский ИЯИО, 157–158; Оранский Введ.₂, 343–344], где их незакрепленность за группами еще более явна). В ходе дальнейших этимологических исследований второй половины XX — начала XXI в. наличие исконных лексических изоглосс, разделяющих западную и восточную ветви, стало еще более проблематичным. В связи с этим представляется целесообразным еще раз вернуться к возможности выявления лексических различий между западными и восточными иранскими языками на более широком материале (см. гл. II настоящей работы).

Таким образом, весь ход иранистических исследований приводит к необходимости диахронического, и в частности сравнительно-исторического изучения лексики иранской языковой семьи и составляющих ее групп и подгрупп. На это же наталкивают как результаты диахронического исследования лексики языков, ближайше родственных иранским (индоарийских, дардских, нуристанских), так и общие достижения индоевропеистики.

0.7. В то же время необходимость такого исследования обусловлена общим контекстом развития лексикологии как отрасли языкознания — и в теоретическом аспекте, и в анализе исторической лексикологии различных языковых семей, с учетом «нового витка» разработанности методики теоретических и сравнительно-исторических лексикологических исследований и создания этимологических словарей. Данный круг проблем в настоящей работе не подвергается специальному рассмотрению, поскольку это не входит непосредственно в ее задачи, однако уместно подчеркнуть, что без опоры на теоретические труды в этой области наши представления о лексической системе иранских языков, включая лексическую систему праязыка, и о путях трансформации этой системы в конкретных языках, в том числе и восточноиранских, были бы неполными и неточными.

В последние десятилетия усилился интерес к глубоким этимологическим исследованиям разных языков и к методике разработки и системной подачи этимологий, к созданию этимологических словарей и к методике их создания. См., например, посвященные этой проблеме публикации в ежегоднике «Этимология», в различных

сборниках и журналах. См. также новые этимологические словари разных семей и групп, например [ЭССЯ; Mh. KEWA; Mh. EWA; ЭСТЯ; Klimov 1998; ЭСИЯ 1, 2, 3; Ch. EDIV] и др.

Поскольку одной из задач настоящей работы является обзор реконструируемых элементов лексической системы праиранского состояния, методы и приемы глубоких этимологических исследований играют здесь особую роль. В этой связи принципиальное значение для нас имеет статья К.Уоткинса [Watkins 1990], вобравшая в себя результаты многодесятилетних дискуссий и представляющая современную (в лучшем смысле этого слова, т.е. учитывающую и прошлые, и последние достижения) концепцию методики этимологического анализа. К.Уоткинс выделяет три этапа сравнения материала и соответствующие им три уровня этимологии, различающиеся по степени глубины: первый этап, обозначенный им как Е 1 (*comparanda*), представляет собой сравнение сходных слов в разных языках, при котором истинные этимологии еще не отделены от проблематичных. Второй этап — Е 2 — выведение праформ (иногда с вариантами) и пополнение списка сравниваемых слов с учетом их истории. Это уже истинная этимология. С ее учетом вырабатывается история фонологии и морфологии (при охвате и дериватов, и флексии), по мере изучения которых (и по мере включения в орбиту исследования новых языковых материалов) варьируется и углубляется уровень Е 2. Этот процесс может продолжаться до уровня Е 3, отличительный признак которого состоит в том, что сюда включаются и неочевидные этимологии, и факты истории данных языков. К.Уоткинс усматривает различие между уровнями Е 2 и Е 3 в степени глубины, связанной со степенью сравнительно-исторической исследованности данного языка и языковой ветви, семьи в целом. Такой уровень достигается, считает он, в лучших этимологических словарях [Watkins 1990, 291–295].

По его мнению (там же, 295), все «явные» этимологии (т.е. уровня Е 2) в индоевропейских языках сделаны еще до 1850 г.², теперь наступила очередь «неявных» (т.е. уровня Е 3) (там же, 297). В итоге К.Уоткинс констатирует, что все этимологические принципы и процедуры применяются исследователями индивидуально, и в заключение приводит слова Я.Малкиеля о том, что этимологический труд требует от исследователя: 1) изобретательности ума, находящего ассоциации изолированных фактов; 2) тонкости в выстраивании фонологии, грамматики и семантики; 3) сочетания эрудиции и деликатности в обращении с языком и культурой; 4) чутья — где остановиться.

Эти концепции этимологических исследований учитываются как в томах Этимологического словаря иранских языков [ЭСИЯ], так и в данной работе.

0.8. Рассмотренные положения существенны для исследования лексики иранской языковой семьи в целом, а также лексики той или иной группы иранских языков, в данном случае — восточноиранской, поскольку они напрямую связаны с глубиной этимологической реконструкции слов, составляющих лексикон этой группы в разные исторические периоды.

Анализ с этих позиций различных этимологических словарей языковых семей и языковых групп внутри семей (т.е. этимологических словарей корневых, пословных, с реконструкциями лексем праязыкового уровня или ареального распространения слов и т.д.) представляет отдельный интерес, однако к данной работе он не относится. Вместе с тем самый принцип степени глубины проработки этимологий здесь важен, поскольку часть различий между разными этимологическими словарями, как и между разными историческими исследованиями лексики родственных языков, продиктована характером анализируемого материала. Здесь важными представляются, например: а) количество языков, входящих в ту или иную семью и/или группу; б) степень их лингвистического расхождения; в) возможность проследить этапы дивергенции языковой семьи или группы и отражение этих этапов в лексике (в частности, здесь возможна различная хронологическая глубина реконструируемого прототипа отдельной лексемы: прототип может принадлежать к общему праязыковому состоянию для всей языковой семьи или группы или же к «малому праязыку», общему лишь для одной из составляющих ее ветвей); г) частотность и глубина языковых контактов и соответственно взаимных заимствований, затемняющих картину спонтанного развития лексики каждого из языков; д) влияние со стороны других языков — родственных или неродственных — на все или часть языков данной семьи или группы и т.п. Все это имеет отношение не только к методике отражения лексического материала в этимологических словарях и к принципам их построения, но и к анализу истории лексики группы родственных языков, в частности восточноиранской.

0.9. Отдельную проблему для реконструкции праиранской лексики и для анализа ее развития в более поздних иранских языках, включая восточноиранские, представляет проблема взаимодействия различных языковых уровней в синхронном состоянии языка и в диахронии. Этот вопрос частично обсуждался в свое время в связи со сравнительно-историческим изучением морфологии иранских языков, когда выяснилось, что, вопреки традиционному представлению, морфологические трансформации в этих языках стимулировались не фонетическими явлениями (включая место ударения в слове, на чем

настаивала традиция), а изменениями содержательной стороны языка. В частности, главной причиной «сворачивания» древней именной флективной парадигмы оказалась не сама по себе безударность падежных окончаний (они не во всех формах были безударными), а развитие новой грамматической системы, в которой те же (и новые) «падежные» значения имен передавались иными — неморфологическими — средствами: синтаксическими или лексическими. Это делало падежные окончания если не избыточными, то факультативными. Фонетика лишь закрепляла результаты морфологических трансформаций, «убирая» поочередно окончания, становившиеся избыточными, но сохраняя в течение более длительного времени те окончания, которые при равном и даже менее «выгодном» фонетическом облике и положении имели более весомую информативную нагрузку. Имеется также много примеров воздействия синтаксических структур на морфологию и — опосредованно — на фонологию и фонетику.

Таким образом, основная причинно-следственная цепочка диахронических трансформаций — от содержательной стороны языка через лексику и синтаксис к морфологии и далее к фонологии и фонетике (при наличии лишь отдельных частных изменений с обратной стимуляцией) — для иранских языков очертилась весьма отчетливо, о чем уже приходилось писать (см. [Эд. СГВЯ-Ф, 207–208; Эд. Уровни₁, 161, 166; Эд. Уровни₂, 40–41; Эд. Ист. морф., 54–61; Эд. СГВЯ-М, 257–260]).

Сравнительно-исторический анализ лексики иранских языков дает дополнительный существенный материал для изучения взаимоотношений их языковых уровней и в синхронии, и в диахронии. При этом воздействие содержательной стороны и взаимодействие уровней оказываются заметно неодинаковыми даже в разные периоды истории одного языка; тем более разнообразны они в истории целой языковой семьи.

Очевидно, что в ходе анализа взаимоотношений лексического уровня с другими уровнями языковой системы, особенно в диахронии, следует сразу разграничить два аспекта проблемы: методический (т.е. учет исследователем в ходе анализа лексики результатов анализа других языковых уровней) и собственно системный (т.е. взаимоотношение уровней в самой языковой системе).

В методическом отношении определяющим является тот факт, что лексический уровень, наиболее зависимый от содержательной стороны языка, представлен системой, которая наиболее открыта и подвижна и притом наименее жестко структурирована по сравнению с системами других уровней. Поэтому сравнительно-исторический анализ лексики семьи языков и особенно реконструкция праязыковой

лексики подразумевают использование в качестве структурной и материальной базы результаты анализа и реконструкции других, более закрытых и жестко структурированных языковых уровней, т.е. фонетико-фонологического (с учетом морфонологии) и морфолого-синтаксического. Без опоры на них отождествление слова как единицы лексической системы практически невозможно или, по меньшей мере, бездоказательно. Это относится к слову и в синхронии, и в диахронии, поскольку этимологические поиски, сопоставления разных слов и даже отдельных словоформ невозможны без учета их структурного и материального облика. Это относится и к реконструируемым прототипам тех или иных слов, словоформ, основ и корней.

Изучение взаимоотношений лексического уровня с другими уровнями в синхронных системах иранских языков и в их истории показывает, что эти отношения различались в разные периоды, но практически всегда были зависимы в первую очередь от отражавшихся в языке различных содержательных категорий.

0.10. Предлагаемая работа посвящена историческому анализу исконной лексики восточноиранских языков, начиная от праиранского состояния, и трансформациям этой исконной лексики в восточноиранских языках. Кроме того, предполагается еще раз провести — уже на современном этапе изученности лексического фонда иранской языковой семьи в целом — поиск лексических отличий восточноиранских языков от западноиранских. Работа базируется на сравнительно-историческом методе с привлечением данных, полученных в результате применения других методов: историко-типологического (учитывающего структурно-типологический и контентивно-типологический анализ материала), а также ареального, особенно важного для восточноиранских языков, разнесенных от Кавказа до Центральной Азии и вступающих в многообразные контакты с иранскими и неиранскими языками, включая неиндоевропейские.

Поскольку лексический уровень отличается от фонетико-фонологического и морфологического наличием не только спонтанных подвижек в исконном материале, но и целыми пластами заимствованных компонентов (включая словообразовательные модели и элементы семантики), они будут оговорены особо. Вместе с тем специальное рассмотрение заимствованной лексики здесь не предусматривается, поскольку заимствования в разные восточноиранские языки, которые происходили и происходят из разных источников в различных ареалах и в разные эпохи, не представляют единой системы, которая могла бы повлиять существенным образом на систему унаследованной лексики, и не показательны для генетической классификации языков.

Иранский лексический материал обнаруживается не только в самих иранских языках, но и в виде иранских заимствований в другие языки: материал древних иранских языков — в основном в соседних древних языках (см. например, труды [Грантовский 1970–2007; Hinz NÜ; Mh. OnP; Mh. AirN] и др.), материал более поздних языков — в славянских, кавказских, тюркских и др. (см. например, материал в [Аб. ОЯФ; Аб. ИЭСОЯ; Зализняк Слав.-ир.; Трубачев Слав.-ир. лекс.; Андроникашвили 1966; Иванов Лекс. конт.] и многих других работах). Эти данные по возможности учитываются, так как они представляют свидетельства об исконном иранском фонде.

Порядок изложения в данной книге принят в принципе тот же, что и в предыдущих книгах работы «Сравнительная грамматика восточноиранских языков» (см. [Эд. СГВЯ-Ф; Эд. СГВЯ-М]): в главе I рассматриваются основные характеристики праиранской лексики, некоторые проблемы ее реконструкции, учитывающей хронологическую и ареальную неоднородность праязыка как системы, а также основные семантические группы лексем. Здесь представлены реконструированные праиранские (иногда также древнеиранские диалектные) слова, их предыстория и там, где возможно, ранние этапы их трансформации, следы которой проявляются затем в более поздних языках. Эта глава носит обзорный характер, поскольку более подробно о принципах реконструкции праиранского лексикона я пишу в готовящейся работе. В главе II рассматриваются рефлексы праязыковых лексем в более поздних языках, главным образом восточноиранских; материал отдельных западных языков приводится только как сравнительный — для демонстрации наличия соответствия данному слову в западноиранской среде. Случаи отсутствия надежных рефлексов в западной или восточной группе будут отмечаться особо. Лексический материал II главы сгруппирован в те же семантические группы, которые фигурировали в главе I; в связи с этим неизбежны некоторые повторы — «переключки» между I и II главами. В обеих главах при рассмотрении материала отправным пунктом служит реконструированный праиранский (и/или древнеиранский) прототип.

Способ подачи языкового материала принят такой же, как в предыдущих работах. Реконструированные прототипы приводятся в том виде, который предполагается для данного хронологического уровня: праиранские реконструкции (с учетом праязыковых ареальных вариантов) даются в том виде, который принят в [Эд. СГВЯ-Ф; Эд. СГВЯ-М; Раст. СИГЗЯ-Ф] и в [ЭСИЯ]; древнеиранские (возможно, диалектные) формы приводятся в том виде, в котором они должны были звучать. Зафиксированный материал древних иранских языков приводится, как правило, в фонетической и фонологической

транскрипции, принятой в [Barth. AiW; Kent OP], индоевропейские реконструкции — в основном по [Pok. IEW], с некоторыми уточнениями по более новым исследованиям. Как я уже писала в первой книге работы [Эд. СГВЯ-Ф, 22], для данного исследования наиболее удобно использовать фонологическую систему позднего индоевропейского языка, отраженную в [Pok. IEW]. Эта система базируется на результатах сравнительно-исторического анализа индоевропейских языков. Более ранние этапы, реконструированные с применением метода внутренней реконструкции (ларингальная система) и типологии (реинтерпретация консонантной системы в работах Т.В.Гамкрелидзе, Вяч.Вс.Иванова, П.Хоппера и др.), я учитываю в других работах, но здесь они не представляются необходимыми, поскольку поздняя система индоевропейского языка «накануне распада» более наглядна для этимологических исследований иранских языков. Материал вымерших не-древних иранских языков дается в общепринятом виде — в транслитерации или в транскрипции, в том виде, в котором он приводится в специальных трудах по этим языкам (примеры, взятые из других источников, выверяются по специальным работам).

Материал живых иранских языков (также выверенный по специальным исследованиям, посвященным данным языкам) дается, как правило, в фонологической транскрипции, принятой в отечественной литературе: для основной части языков используется Международная иранистическая транскрипция, для осетинского языка — несколько отличная система, применяемая в трудах В.И.Абаева (с некоторыми изменениями, приближающими ее к Международной транскрипции). Для отдельных языков и диалектов, фонологическая система которых нуждается в дополнительном исследовании (йидга, сангличский, ванечи и др.), используется фонетическая транскрипция, применяемая в специальных исследованиях.

Общий обзор и список всех работ по данной проблематике здесь не приводится: он занял бы несколько томов. Список трудов, непосредственно использовавшихся при написании настоящей работы, приложен в ее конце; в тексте работы и списке использовано кодовое обозначение названий трудов, удобное для представления этимологий³.

Глава I.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ПРАИРАНСКОЙ ЛЕКСИКИ

1.1. ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Проблемы реконструкции праиранского лексикона производны от общих проблем реконструкции праязыковой лексики — трудности (и принципиальной возможности или невозможности) реконструкции как праязыкового слова в качестве языкового знака во всей его полноте, так и праязыковой лексики как целостной системы. Это естественно, поскольку, чем выше языковой уровень и чем теснее он связан с содержательной стороной языка, тем труднее поддаются реконструкции составляющие его единицы и тем сложнее моделирование его системы в целом [Lehmann 1991, 1–3]. Число единиц, составляющих лексический уровень (т.е. слов), несоизмеримо больше в количественном плане по сравнению, например, с фонологическим уровнем, а их взаимоотношения (структурные и содержательные) многократно сложнее качественно, образуя по существу очень сложную открытую систему. Поскольку подробнее о принципах реконструкции праязыкового лексикона будет сказано в готовящейся работе, здесь уместно остановиться лишь на некоторых наиболее существенных чертах праиранской лексики и проблемах ее реконструкции.

Так, реконструкция слова для праиранского состояния (как и для прошлого состояния какого-либо конкретного языка) предполагает восстановление: 1) его фонетического облика; 2) фонологического состава и просодической характеристики; 3) набора конкретных словоформ, объединяемых этим абстрактным «словарным» словом (практически — восстановление его морфологической парадигмы или хотя бы ее центральной части); 4) функций этих словоформ (практически — элементов синтаксиса или хотя бы основных синтаксических структур, в которых функционируют данные словоформы); 5) круга значений (или набора сем) — с определением хотя бы приблизительных границ этого круга. В идеале также желательна разработка классификации сем: выявление иерархически значимых, ведущих сем при словообразовании, и ведомых, зависимых сем, характера

коннотаций, определение стилистических, жанровых и других характеристик слова и т.д.

На практике вся эта совокупность характеристик слова едва ли достижима, особенно учитывая хронологическую удаленность праиранского состояния. Материальная сторона слова как языкового знака (т.е. п. 1–2) реконструируется относительно однозначно, структурная и функциональная стороны (п. 3–4) — с определенными ограничениями (об этом говорилось в предыдущих книгах работы «Сравнительная грамматика восточноиранских языков», см. [Эд. СГВЯ-Ф, 7–20; Эд. СГВЯ-М, 3–7]). Семантическая же сторона (п. 5) может быть выявлена лишь в некотором приближении — в виде неких содержательных вех, но не сколько-нибудь полного набора сем, притом без явного разграничения центрального и периферийных значений и тем более без определенных границ словоупотребления. Иначе говоря, для реконструкции лексемы возможно допущение неких значений (и, следовательно, словоупотребления), но нет возможности выявить опытным путем запреты на словоупотребление, и следовательно, нет возможности выявить отсутствие у слова того или иного значения и тем самым определить границы его семантики. О проблемах и приемах семантической реконструкции имеется большая литература (см., например, [Трубачев Сем. рек.; Бенв. Общ. лингв., 331–349; Дыбо А.В. Семант. рек.] и многие другие, см. также сжатый, но весьма информативный обзор работ, освещающих проблемы этимологии и реконструкции семантики в упомянутом труде [Watkins 1990, 289–292]). Тем не менее материал иранских языков может служить дополнительным стимулом поисков в этом направлении.

Рассмотрим некоторые аспекты изучения праязыковой лексики.

1.2. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ С ДРУГИМИ ЯЗЫКОВЫМИ УРОВНЯМИ В ПРАЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ

При реконструкции лексической системы праиранского состояния, как и при анализе дальнейшего изменения лексики, мы постоянно сталкиваемся с необходимостью учета показаний фонетического, фонологического и морфолого-синтаксического уровней того или иного периода и с диахроническими процессами на этих уровнях.

Праиранская языковая система в структурном плане характеризовалась, как известно, унаследованным от более ранней эпохи и определенным образом трансформированным фонетико-фонологическим и морфолого-синтаксическим строем — с троичной системой фонем

(гласные, согласные, сонанты), с богатой и развитой флективной парадигмой имени и глагола, пронизанной системой морфонологического аблаута. Это сказалось и на словообразовании, и на оформлении определенных морфолого-семантических классов имени и глагола.

Именная подсистема характеризовалась тремя родами (мужской, женский, средний), многопадежным склонением — с вариантами, зависящими от типа именной основы. Это, с одной стороны, отражало древнейшую семантическую классификацию имен, с другой — сказывалось на их словообразовании и диахронической трансформации.

В семантической классификации имен существительных актуально было противопоставление существительных по роду и одушевленности ~ неодушевленности (из более ранней активности ~ инактивности), что отражалось в их падежной парадигме и в выражении множественности обозначений одушевленных ~ неодушевленных объектов (ср., в частности, выражение множественности имен среднего рода как собирательности и согласование их с глаголом в единственном числе, сохраняемые еще в языке Авесты, см. [Reichelt Aw., 300–301], подробнее см. [Barth. Vorgeschichte, 113 и сл.]). Имелись и более частные семантические подклассы, имевшие определенные морфологические признаки (например, словообразовательные модели и парадигмы терминов родства, имен деятеля и орудия, имен действия, абстрактных имен).

Особую семантическую подсистему составляли местоимения, имевшие также особую морфологическую парадигму, и числительные — абстрактные выразители числа.

Глагольная подсистема отлична семантически и особой словоизменительной парадигмой. Здесь прослеживаются три основных типа видо-временных основ, выражавших соответственно действие в процессе, длительное, многократное, начало действия // процесса и т. д. (основы презенса) ~ точечное или завершенное (основы аориста) ~ результативное действие или состояние (основы перфекта). Ведущая роль оппозиции трех типов основ (презентной, аористной и перфектной), употребляемых в сочетании с двумя основными типами окончаний (первичными и вторичными), свидетельствует о существенности в предшествовавшую эпоху отражения в этой категории лексики значения способа действия (соответственно его продолженности, точечности и результативности), притом что обозначение времени было вторичным. Кроме того, в глаголе продолжали существовать классы, выражавшие: а) центробежное действие; б) центростремительное действие и состояние. Это отражалось до некоторой степени оппозицией парадигм — активной ~ медиальной; возможно, сохранялись также рудименты более древней оппозиции активных ~ стативных

глаголов и обозначений действия ~ состояния (подробнее см. [Елизаренкова 1960, 120–147; Макаев 1977, 50, 56–57; Гамкр., Ив. ИЕ I, 293 и сл.]). Наличие уже в праиранском состоянии таких типов основ, как каузативные и пассивные, указывает на процесс развития классификации глаголов по принципу переходности ~ непереходности, а деноминативные образования указывают на развитость словообразования глагола.

Все эти классы, выявляемые методом фонетической и морфологической реконструкции, были значимы и для лексики, поскольку отражали определенные содержательные основания их членения.

В структурном плане для праиранского состояния еще было важным сохранение (от индоевропейского и общеарийского состояний) различия между корнем и основой слова. Корень являлся носителем основной семантики и центральным элементом слово- и формообразования. Будучи представлены различными (на фонологическом уровне) последовательностями фонем, корни выступали в определенных формообразующих (на морфологическом уровне) и словообразующих (на лексическом уровне) последовательностях элементов.

Более ранняя (доиранская) этимология корней выявляет их различные структурные классы: 1) «первичные», «истинные» архаичные корни раннеиндоевропейского состояния, характеризовавшиеся определенным фонологическим составом и определенными фонетическими презентациями, в зависимости от позиции и от лексического статуса содержавшего их слова (подробнее см. [Бенв. Словообр., 178 и сл.; Гамкр., Ив. ИЕ I, 215 и сл.]); 2) восходящие к разновременным индоевропейским, общеарийским и индоиранским образованиям с ранними распространителями и ранними и поздними аффиксами — при утрате последними продуктивности (так называемые мнимые, или квазикорни, как в древнеиндийском языке, подробнее см. [Зализняк 1975, 59 и сл.; Елизаренкова 1982, 127 и сл.]).

К числу первых в праиранском относились в основном корни с унаследованной раннеиндоевропейской структурой CVC-, например **tak-* ‘течь, идти’ < и.-е. **tek^w-* [Pok. IEW, 1059] или **gau-* ‘корова, бык’ < и.-е. **g^wou-* [Pok. IEW, 482]. К числу вторых — вторичные, но достаточно ранние образования, в которых первичный корень практически уже невычленим: ср., например, **snaig-* : *snig-* ‘снег; идти снегу’ < и.-е. **sneig^{wh}-* [Pok. IEW, 974]; ср. [Семер. Введ., 148]. Сюда же входят и более поздние образования, в которых раннеиндоевропейский корень просматривается относительно однозначно, например праиран. **skand-* : *skad-* ‘ломать(-ся), разбивать(-ся)’ из и.-е. *(s)k(h)end-, (s)k(h)ed- с распространителями и возможным инфиксом *-n- из и.-е. **sek-* ‘резать’ [Pok. IEW, 918–919] или праиранские

корни на *-š из вторичных индоевропейских образований с распространителем *-eu- и суффиксом *-s: праиран. *brauš- 'ломать(ся), разбивать(ся)' из и.-е. *bhr-eu-s- от первичного корня *bher- [Рок. IEW, 133, 171], праиран. *grauš- 'кусать, жалить' из и.-е. *gʷr-eu-s- 'кусать' от первичного *gʷer- 'глотать' (ср. *gʷr-ēu-ǵh-, *gʷrū-ǵh- 'кусать' [Рок. IEW, 474, 485]) и т.п.

Количество вторичных корней в праиранском состоянии достаточно велико. Отнесение их к разряду именно корней подтверждается участием в таких слово- и формообразовательных структурах, которые обычно образуются от корня, а не от основ, а также их закономерными морфонологическими вариантами (аргументацию см. [Зализняк 1975]).

Для нас в этой системе существенно то, что в праиранском состоянии корни (первичные и вторичные) еще вычленялись из слова в качестве его «стержня» — носителя центральной семантики, абстрагированной в той или иной мере от значения конкретных слов и форм (т.е. в реконструкции — семантика корней находилась как бы над конкретным значением глагольных или именных основ и словоформ). Тем самым корень не был связан напрямую с морфологическим уровнем.

В то же время образованные от корней основы, представлявшие некую конкретную базу для формо- и словообразования, уже совмещали семантическую и грамматическую информацию, указывая, помимо основной семантики, также на принадлежность слова к подсистемам имени, глагола или «частиц» (в широком понимании этого термина, включая наречия, преверб, предлоги и др.).

Типы основ имени и глагола определяли внутри этих подсистем классы и подклассы, ориентированные как на содержательную сторону языка (и связанные со словообразованием), так и на структурную (и связанные со словоизменением, например на типы склонения имен, спряжения глаголов). Последние могли отражать и различия, уже чисто формальные для данной эпохи, например тематические и атематические типы словоизменения.

Служа базой конкретных словоформ, основы несли не только главную семантическую нагрузку (включая кроме конкретного словарного значения и такие семы, как одушевленность ~ неодушевленность, род существительного или переходность ~ непереходность, каузативность глагола и т.п.), но и некую периферийную информацию (например, модальную оценку в уменьшительных, сравнительных и других именных образованиях, интенсивность действия в глаголе), а также грамматические значения (например, согласовательный род в прилагательном, модальность в глагольных словоформах).

Тем самым тип основ был существенным и в лексическом аспекте (в семантике и словообразовании), и в грамматическом (поскольку он предопределял их сочетаемость с определенным типом флексии).

Сохраняющиеся еще в этот период различные классы основ (корневые, редуцированные, аффиксальные), характеризующиеся определенным для каждого из них фонетическим видом корня, еще не утратили и некоторых лексических и грамматических значений, присущих этим классам в других древних индоевропейских языках, хотя количество и роль корневых и редуцированных основ и, следовательно, их продуктивность заметно убывают. Наиболее продуктивны в праиранском аффиксальные основы, четко подразделявшиеся (за небольшим исключением) на именные и глагольные.

При этом если суффиксы имен несли в основном лексическую — словообразовательную — нагрузку, а их словоизменительные функции (например, образование вторичных согласовательных форм женского рода прилагательных по типу существительных женского рода) имели подчиненный характер, то глагольная суффиксация носила комплексную нагрузку — лексическую и грамматическую, и мы не всегда можем провести четкую грань между словообразованием и формообразованием. Например, глагольный суффикс **-aia-* (обычно в сочетании с усилением огласовки корня) можно уверенно считать словообразующим, поскольку он изменяет значение и валентность самого глагола — от переходного к каузативному, от «простого» к интенсивному либо от непереходного к переходному (ср. от корня **śrau-* ‘слушать ~ звучать’, ‘издавать ~ воспринимать звук’: основы **śrau-* ‘слушать’ ~ **śrāuaia-* ‘провозглашать, восхвалять’). В то же время суффикс **-ia-* (обычно в сочетании со слабой огласовкой корня) можно рассматривать и как средство словообразования непереходных глаголов, и как средство формообразования пассивных форм глагола (ср. **bara-* ‘нести’ ~ **br̥-ia-* ‘быть несомым’), хотя в праиранском состоянии и позднее синтетические глагольные формы с этим суффиксом так и не генерализовались в регулярную парадигму пассива, в отличие от их древнеиндийских соответствий. Так называемые инхотативные основы со слабой огласовкой и суф. **-sa* < и.-е. **skel-* относились обычно к категории состояния, примыкая к непереходным.

Тем самым в глагольной системе еще условно-синхронного праязыкового состояния так называемые классы презентных основ (32 класса, по Хр. Бартоломе, соотносимые с 19 классами языка Авесты, по Г.Райхельту, и с 10 классами древнеиндийской традиции), рассматриваемые традиционно в соответствующих разделах грамматики, не являлись, строго говоря, только грамматическими классами, а либо

представляли собой определенные модели словообразования, либо несли двойную нагрузку слово- и формообразования. При этом некоторые из них к праиранскому состоянию были уже «пустыми», т.е. чисто формальными рудиментами более древних образований, значения которых — семантические и грамматические — были уже утрачены; часть же из них находилась в процессе переосмысления, на что указывают их рудименты в более поздних иранских языках (о восточноиранских языках см. гл. II).

Функции инфикса в праиранском (в виде вставного носового элемента, гоморганного следующему за ним согласному) неясны, однако, судя по семантической нагрузке его рефлексов в некоторых языках в последующие периоды (см. гл. II), он не был и в праязыке «окаменевшим рудиментом» более раннего — индоевропейского — инфикса.

Регулярная префиксация в праиранский период в глагольной системе (как и в именной) практически отсутствовала. В глаголе имелся лишь аугмент, который оформлял индикативные формы глагола со значением действия в прошлом, т.е. выражал грамматические значения времени и модальности и явной лексической нагрузки не нес. При этом он не был здесь генерализован как обязательный показатель, в отличие от древнеиндийского языка; а его генерализация в древнеперсидском и отдельных других языках, включая часть восточноиранских (согдийский, ягнобский, хорезмийский), относится к более позднему периоду.

Большая часть так называемых превербов, предлогов этого периода на деле еще не представляла собой превербов и предлогов в полном смысле этих терминов, они не были ограничены предглагольной и предыменной позициями. Они входили в многочисленную группу «наречий» или «частиц» (в широком смысле этого термина, включающем неизменяемые корни, основы или застывшие формы различных значимых слов с локальными, темпоральными, дейктическими и другими значениями), не лишенных еще собственного значения и употреблявшихся в предложении в функции конкретизаторов. Эти лексические элементы, занимавшие в наиболее раннюю эпоху относительно свободное место в предложении (благодаря свободному в целом синтаксису, характерному для языков с высокоразвитой морфологией), только позднее, войдя в определенные именные и глагольные группы, сыграют огромную роль и в грамматическом строе иранских языков, и в развитии словообразования, особенно глагольного. В праязыковую эпоху они были еще относительно самостоятельными, поэтому интерпретация их как элементов глагольной или именной словоформы была бы для того периода преждевременной.

При этом не исключено синтаксическое и семантическое тяготение части из них к соотнесению с определенными полнозначными словами: уже в языке Авесты часть таких лексических элементов употреблялась как самостоятельно (в виде наречий), так и в сочетании с глаголами, другая же часть — только в сочетании с глаголами, причем семантика глагола могла существенно изменяться. (Характерно, что в языке Авесты различные презентные основы от одного и того же глагольного корня часто зафиксированы в сочетаниях этого глагола с разными превербами, либо одна основа фиксируется без преверба, другая — с определенным превербом.) Это важный момент взаимодействия лексического уровня с морфолого-синтаксическим.

Существенную роль в формировании основ имени и глагола и в их функционировании при словоизменении и словообразовании играла в ту эпоху система морфонологических чередований. Например, подъем ступени огласовки в основе глагола (сопровождаемый во многих глаголах суффиксом **-ai̯a-*, см. выше, но в ряде глаголов — и без него), указывающий на каузативность, переходность или интенсивность семантики глагола, как и подъем ступени огласовки в образовании ряда имен (ср. **ham(a)-* 'лето, осень' ~ **hāmana-*, **hāmīna-* 'летний'; именной компонент **bāra-* 'несущий' от глагольного корня **bar-* 'нести'), можно интерпретировать как лексический прием — образование новых производных лексем. В то же время аналогичные перегласовки в падежной парадигме являются грамматическим средством.

Сравнительно небольшую роль в словоотождествлении играл в тот период супплетивизм основ в гетерогенных парадигмах, главным образом в подсистеме личных местоимений и части указательных — основ номинатива ~ косвенных падежей. При этом если для личных местоимений этот супплетивизм к праиранскому периоду носит уже чисто формальный характер (ср. местоимение 'я': ном. **ažam* ~ основа косвенных падежей **ta-*), то для указательных он неоднозначен. Известно, что «сцепление» в единой парадигме местоимения 'тот' рефлексов индоевропейских местоименных основ **so-* и **to-* (связанных в раннем индоевропейском с членением их денотатов по активности ~ инактивности или одушевленности ~ неодушевленности) произошло относительно рано (во всяком случае оно существовало уже в индоиранском состоянии). Однако возможность объединения в рамках той или иной общей парадигмы какой-либо пары (или группы) других дейктических основ (а их реконструируется для праиранского около 20, если учитывать простые и комбинированные основы) выглядит проблематично. Не исключено, что в разных ареалах даже относительно единого праиранского состояния конкретная

семантика разных указательных местоименных основ не была одинаковой. Вследствие этого неодинаковым или не вполне единообразным по ареалам могло быть и разбиение всего инвентаря указательных основ на семантические подгруппы, а также объединение пар (или более?) местоимений, относящихся к одной семантической подгруппе, в единую супплетивную парадигму.

Трудности выявления таких объединений усугубляются также невозможностью реконструировать полный набор падежных, родовых и числовых форм от каждой из дейктических основ. История различных иранских языков показывает весьма высокую вероятность того, что в различных праязыковых ареалах этимологически единые местоименные основы несли неодинаковый набор сем: ср., например, системы местоимений 3-го лица (восходящих к указательным) и указательных местоимений в персидском, пашто и других языках: кл. перс. *u*, *vai* 'он' из форм от праиран. **aça-*; *īn* 'этот' из **aina-*; *ān* 'тот' из **ha-* + **ana-*; в языке пашто *day* 'он' из **aita-*; *háya* 'тот, этот' из **ha-* с частицей **ga*; *húya*, *hóya* 'тот' из **aça-* с той же частицей; шугн. *yam* 'этот' из **ima-*; *yid* 'тот (возле тебя)' из **aita-*; *yu* 'тот (далекий)' из **aça-* и др., примеры рефлексов разных основ в восточноиранских языках см. также [Эд. СГВЯ-М, 216–229].

Определенную содержательную нагрузку в праиранском состоянии несла также флексия, обусловленная принадлежностью слова к тем или иным морфологическим и лексическим подсистемам имени и глагола и тем самым указывавшая на эту принадлежность лексемы к определенному семантическому подклассу (праиранскому или — остаточно — доиранскому). Ср., например, общую флексию номинатива и аккузатива у имен среднего рода (из индоевропейских инактивных, т.е. обозначавших семантический класс неодушевленных), при различении флексий номинатива и аккузатива у имен мужского и женского рода (из индоевропейских активных, т.е. обозначавших класс одушевленных). Сочетания определенных типов основ с определенными типами флексий образовывали определенные же классы склонения и спряжения, а часть этих классов была в той или иной степени привязана к определенной семантической базе. Например, в именной подсистеме класс склонения имен с основами на **-tar* охватывает, как правило, термины родства и имена деятеля, причем последние значения различаются и типами склонения. Класс склонения имен на **-ā* ограничен именами женского рода, а имен на **-a* — именами мужского и среднего рода. В глаголе доиранское соотнесение окончаний актива ~ медиума связано с обозначениями центробежного действия ~ центростремительного действия // состояния; в древних иранских языках сочетаемость каузативных основ с окончаниями

актива — признак переходных, интенсивных или каузативных глаголов, а сочетаемость ряда основ с медиальными окончаниями — обычно признак непереходности (или действия для себя).

Таким образом, реконструкция в п. 1–4, ориентированная на материальные и структурные характеристики слова, т.е. на показания фонетико-фонологического и морфолого-синтаксического уровней, дает определенную базу для реконструкции слова в целом, включая определенные элементы его семантики, и для семантической классификации слов.

1.3. СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Значительно сложнее обстоит дело с реконструкцией семантики слова в целом или его основных семантических «вех».

Например, как уже говорилось (см. [Эд. Лексикол., 66–67]), на основании фонетических соответствий, морфологических признаков (имя существительное с исходом основы на праиран. **-ah-* < и.-е. **-os-*) и некоторых семантических ориентиров для праиранского состояния реконструируется лексема **žrajah-*, соответствующая др.-инд. *jrāyas-* ‘движение, струение, бег [воды]’ [Mh. KEWA-7, 29–30]. Обе восходят к и.-е. **ǵlejos-* от глагола **ǵlei-* ‘течь, струиться’, отмечаемого только для индоиранских языков [Pok. IEW, 401]. Продолжения имени **žrajah-* в древнеиранских языках обозначают некую обширную водную массу: ав. п. *zrayah-* ‘море’ (включая обозначение мирового океана — *Vouru-kaša-*), ‘озеро’ (включая названия ряда озер), др.-перс. **drayah-* ‘море’ [Barth. AiW, 1701–1702].

В более поздних иранских языках находим, с одной стороны, обозначения большой воды: ср.-перс. *drayāk*, кл. перс. *daryā* ‘море, океан; река’, совр. перс. *dāryā* обычно в значении ‘море’, тадж. *daryo* ‘река, большая река’ (и уст. ‘море’), благодаря чему слово входит в состав гидронимов в названия больших рек Средней Азии. С другой стороны, в горных местностях Памиро-Гиндукушского региона наблюдается развитие (или продолжение?) иного круга значений: йд. *žōi* ‘озеро’, рош. *žōu* — название озера, язг. *žūu* ‘озеро; маленький искусственный водоем, пруд’, вах. *žūu* ‘водоем’, барт. *žōu* ‘мокрый, сырой’, т.е. здесь ведущим является обозначение стоячей воды (и — в силу природных условий — замкнутого небольшого бассейна). Обозначение же объектов с текущей водой — ‘река, горный поток’ здесь этимологически иное: большая река называется в большинстве языков заимствованным из таджикского словом *daryo* ‘река, главный поток’, а боковые притоки — другими названиями.

Иначе говоря, в языках юго-западной группы (персидском, таджикском) налицо обозначения большой воды и/или движущейся, колышущейся воды, а в ареальной группе восточноиранских языков — стоячей воды, водоема (и затем в бартангском, возможно, через этапы 'озеро' → *'болото' → 'влажное, сырое место' → 'мокрый, сырой').

Тем самым реконструкция семантики праиранского **žraiah-* зависит в известной мере от представления о природных условиях иранской прародины. Скорее всего, это слово обозначало тогда, как и несколько позднее (в древних иранских языках), понятие 'большой не-неподвижной воды', того водного массива, возле которого жило племя. Не исключено, что уже тогда этой 'большой водой' в разных ареалах иранского мира могло быть и море, и озеро, и большая река. И уже позднее — при последующих миграциях племен — в языках юго-западной ветви после древнеперсидской эпохи сохранилось понятие большой воды, волнующейся или текущей мимо, благодаря чему здесь имеются значения 'море' и 'большая река' → 'река', а в части восточноиранских языков, бытующих в горах, сохранялось понятие большой глади воды, из которого постепенно уходила составная часть большого объема, обширности этой глади, и значения развивались по пути 'море // большое озеро' → 'озеро' → 'водоем (озеро, пруд)' → *'болото' → 'влажное, сырое место' → 'влажный, сырой'.

Если это так, то можно считать, что основная, или ведущая, сема индоиранского уровня — течения, струения, бега воды — сменилась в праиранском на другую (возможно, периферийную в более ранний период) — обильную, большую воду, а далее, как видно из приведенных примеров, на разные «ведущие» семы по разным группам языков и ареалам, в зависимости от природных условий, притом что само понятие воды постоянно остается как одно из значений данного гнезда слов. О других обозначениях собственно воды, течения см. ниже.

1.4. СЛОВО КАК ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК — ЭЛЕМЕНТ РЕКОНСТРУИРУЕМОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Все указанные выше проблемы реконструкции семантической стороны слова связаны так или иначе с общей методической проблемой — реконструкцией слова как языкового знака: мы можем с помощью строгих историко-фонетических и историко-морфологических процедур относительно непротиворечиво восстановить внешнюю оболочку лексемы (звучание, фонемный и морфемный состав и даже словообразовательную модель и средства), т.е. «означающее»,

поскольку состав праиранских фонем и морфем в принципе конечен. Однако в реконструкции «означаемого» — семантики лексического элемента применение столь же строгих процедур практически невозможно: содержательная сторона языка заведомо открыта, состав сем неконечен. Отсутствие строгих процедур на практике приходится компенсировать выходом за пределы чисто лингвистической реконструкции, что вынуждает опираться не только на более поздние значения рефлексов этого слова, но и на доступные сведения о культурно-историческом фоне появления или функционирования слова¹. В некоторых случаях остается полагаться в конечном счете на интуицию и на здравый смысл.

Трудности выявления основной семантики и границ круга значений одного слова сказываются на непростом выявлении взаимоотношений слов в системе, а это, в свою очередь, отражается на реконструкции систем синонимов и омонимов праиранского состояния, о которых будет сказано ниже, а также на попытках реконструкции отдельных семантических полей и групп и на их «заполненности». Результаты реконструкции лексики, отражающей конкретные реалии и предметы, как известно, могут быть с большей или меньшей степенью вероятности верифицированы данными археологии и смежных исторических наук, согласно методике «Wörter und Sachen», хотя и здесь существуют определенные «подводные камни». Восстановление же семантической сферы слов, обозначающих более или менее отвлеченные понятия, абстракции, качества, действия (например, сакральная терминология, термины родства, цветообозначения, оценочные слова, большинство глаголов и т.п.), во многом опирается на лингвистический анализ, а также на интуицию исследователя и на общие современные представления о природном, культурно-историческом фоне и менталитете носителей праязыковых диалектов.

В известной мере это положение касается также и обозначений конкретных реалий, поскольку, как уже говорилось, такие слова способны отражать не только сходные, но и различные — с позиций древнего человека — понятия, культурно-исторические концепты, не сводимые им в единый ряд. И сведение их в единый ряд (в виде синонимов или не рассматриваемых здесь отдельно антонимов) или разведение их по разным рядам (в виде омонимов, которые могут оказаться на деле проявлениями древней полисемии слов) с сегодняшних позиций может приводить к определенным натяжкам.

В условиях заведомого отсутствия текста для праязыковой системы (за исключением минимума поэтических и магических формульных последовательностей, верифицируемых их повторяемостью в различных древних индоевропейских языках и относимых исследователями

к индоевропейскому достоянию [Watkins 1992]) выявление более или менее полной смысловой структуры слова требует особого внимания к общему культурно-историческому фону и к конкретным сферам, в которых слово функционирует.

Например, праиран. **daiça-* (из арийск. **daiça-* < и.-е. **deīuo-s* ‘Бог, Небесный’) обозначало первоначально и в праиранском ‘божество, Бог’, хотя позднее, с распространением зороастризма и затем в большинстве ареалов ислама, приобрело отрицательное значение ‘ложное божество’ → ‘злое божество’ → ‘злой дух; демон; дэв’, распространившееся по иранскому (и не только) миру. Вместе с тем о первоначальном значении ‘божество, Бог’ свидетельствуют не только единичные формулы в Авесте и отдельные рефлексy в некоторых более поздних языках, в частности в восточноиранских языках: осетинском, согдийском, но и сохранившиеся (во всяком случае до середины XX в.) народные верования в горных регионах Средней и Центральной Азии, где продолжения этого имени обозначают почитаемые божества старого пантеона (см. ниже, подробнее см. [Андр. 1927; Андр. 1958; Андр. 1970; ЭСИЯ 2, 306–310; Эд. 2005], там же литература).

Что касается праязыковых лексических подсистем и их истории, то наиболее точной реконструкции и наиболее четкой классификации по семантическим группам и полям поддаются такие разряды слов, которые образуют относительно закрытые системы. Наиболее «удобными» в этом плане оказываются числительные (главным образом первого десятка) и местоимения определенных разрядов (личные, указательные, частично вопросительные, реже — некоторые другие). Образyа относительно жесткие и четко структурированные лексические парадигмы, эти слова не только связаны однозначными или, во всяком случае, достаточно ясными отношениями, но и постоянно регенерируют, не допуская выпадения отдельных членов парадигмы, что сохраняет каждую данную лексическую парадигму в целом и составляющие ее элементы. Изменения же в плане выражения не разрушают парадигмы в целом (вписываясь в ее семантическую систему), хотя могут и видоизменить ее в материальном плане. Это могут быть явления парадигматического выравнивания, что ведет к сбоям в исторической фонетике, морфологии и к инновациям в словообразовании, а впоследствии — к замене слабеющих звеньев новыми образованиями (например, замена рефлексов старого местоимения 2-го лица мн. числа инновационным, употребление нового слова или оборота для обозначения девяти в отдельных языках взамен рефлексов праиранского числительного **naça-*, о которых будет сказано в гл. II, см. также [Эд. СГВЯ-М, 186–187]).

Вместе с тем некоторые слова, примыкающие в семантическом плане к такой закрытой парадигме, не всегда могут быть трактованы однозначно как принадлежность данной парадигмы. Яркий пример — праиран. **baiuar-* / **baiuan-* (с неясной более ранней этимологией), рефлексy которого в разных иранских языках традиционно трактуются как 'десять тысяч' (см. ниже). Есть все основания полагать, что первоначально это слово было не числительным, а существительным, обозначавшим 'несметное множество, мириады', о чем говорят продолжение этой основы в осетинском со значениями 'много, многий; долго, очень' и значения 'несметного множества' в некоторых других языках, подробнее см. [ЭСИЯ 2, 63–64], а также то соображение, что точное числительное такого высокого порядка для того периода едва ли существовало, во всяком случае во всех ареалах праиранского континуума.

Отдельная тема — наличие или отсутствие в праиранском состоянии тех или иных слов и отражение затем этого факта в истории конкретных иранских языков. Так, огромную роль в будущей судьбе синтаксиса, а затем и морфологии (и даже отчасти исторической фонологии) сыграло отсутствие в праиранской системе (и позднее — в древних и в части живых иранских языков) отдельной глагольной лексемы с абстрактным значением 'иметь'². Значение посессивности выражалось здесь конструкциями типа 'у меня есть // имеется то-то'. Выработка семантики 'иметь' произошла у рефлексов корня **dar-* позднее и не во всех иранских языках. Поэтому проецировать на праиранский уровень данную семантику корня **dar-* было бы неоправданной натяжкой. Подробнее о роли этого глагола в разных иранских языках см. ниже, см. также [Эд. СГВЯ-М, 66, 70–72, 103 и сл.].

Таким образом, притом что каждый из праиранских словесных элементов, будь то словоформа, слово (в виде системы словоформ), основа или корень, является результатом единичной, «штучной» реконструкции — структурной и содержательной, их общая совокупность поддается трудному, но в целом определенному обобщению и осмыслению с точки зрения как основных структурных характеристик разных лексических разрядов, так и примерного набора сем каждой из единиц, соотношения сем некоторых смежных единиц и организации семантических полей и семантических групп в целом.

Это дает возможность реконструировать фрагменты (иногда довольно значительные) основных семантических полей и групп и даже некоторые целые поля и группы (особенно образующие замкнутые системы, о которых говорилось выше). Опыты реконструкции отдельных полей и групп лексики праиранского состояния, подобранных по общим для них семам, имеются в литературе (см. реконструкции

в [Ст.-К. Флора; Ст.-К. Назв. раст.; Ст.-К. Глаг.; Ст.-К. Назв. пахотн. орудия; Ст.-К. Терм. орош. и др.; Аб. ОЯФ; Бенв. Словарь] и многих других), как и в трудах по другим индоевропейским языкам и по индоевропеистике в целом. Они показывают перспективность и самого направления такого исследования лексики как таковой, и реконструкции на ее основании культурно-исторического контекста существования праэтноса. Обработка в этом аспекте всего массива реконструируемых праиранских праформ — дело будущего, однако некоторые лексические группы восстанавливаются относительно уверенно.

При всех описанных выше трудностях мы можем попытаться выявить некоторые основные семантические группы праязыковых слов — с тем чтобы проследить затем их трансформацию в восточноиранских языках и выявить возможность лексических оппозиций между восточноиранскими и западноиранскими языками.

Ниже приводятся образцы лексических групп. Во избежание повторов в гл. I приводятся только праиранские основы и их истоки, а также единичные верифицирующие их иранские (предпочтительно древнеиранские) продолжения. Информация об их рефлексах в более поздних языках восточной группы (в сравнении с отдельными западноиранскими) дана в гл. II. Праиранские системы числительных, местоимений и глаголов были рассмотрены в [Эд. СГВЯ-М], поэтому здесь в посвященных им разделах приводятся только общие сведения об их инвентаре и словообразовании.

1.5. ОСНОВНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

1.5.1. Имена существительные и прилагательные

В подсистеме имен существительных наиболее компактными и этимологически прозрачными и устойчивыми в диахронии являются слова, оказавшиеся в той или иной мере терминологизованными в праиранский период, но чаще — в доиранский. Многие из них восходят к индоевропейским корням или производным с теми же значениями, что и в праиранском. Рассмотрим наиболее характерные группы слов праиранского состояния.

1.5.1.1. Термины семейных отношений

А. Термины кровного родства

‘Отец’ — праиран. **pitar-* (ср. др.-инд. *pitár-*) — из и.-е. **pətḗr-* [Рок. IEW, 829]: ав., др.-перс. *pitar-* (ном. ав. *pita*, др.-перс. *pitā*).

Отмечены производные от вариантов основы **piðr-*, **fðr-*, **turi-*, **turiā-* и др. и от относительного имени **pitruīa-*.

‘Мать’ — праиран. **mātar-* (ср. др.-инд. *mātár-*) — из и.-е. **māter-* [Pok. IEW, 700–701]: ав. *mātar-*, др.-перс. **mātar-*. Отмечены вторичные образования от **mātar-* и относительного **māðrīa-*.

‘Сын’ — праиран. **putra-* / *puðra-* из индоиран. **putra-* (ср. др.-инд. *putrá-*), о дальнейших индоевропейских этимологиях см. [Трубачев Терм. род., 51]: ав. *puðra-*, др.-перс. *puça-*. Отмечены варианты основы во вторичных образованиях.

‘Сын, отпрыск’ — **hūnu-* (и прич. перф. **hūta-* ‘рожденный’) от корня **hau-* : *hu-* ‘рождать’ (ср. др.-инд. *sūnú-* ‘сын, отпрыск’, *sutá-* ‘сын’) — из и.-е. **sūnu-*, **suta-* (ср. гот. *sunus*, рус. *сын*) от корня и.-е. **seu-* : *sū-* ‘рождать’ [Pok. IEW, 913–914]: ав.г., п. *hunu-* ‘сын, отпрыск’ (дэвовского существа); ав.п. *haota-* ‘род, поколение; племя, отродье’ (дэвовского существа) [Barth. AiW, 1831]. Едва ли слово было полным синонимом предыдущему, а его пейоративный оттенок не был праиранским, см. гл. II, подробнее см. [ЭСИЯ 3, 381–382].

‘Дочь’ — праиран. **dugdar-* (ср. др.-инд. *duhitár-*) из и.-е. **dhughāter-* [Pok. IEW, 277]: ав. *dugədar-*, *duγdar-*.

Возможно, было имя женского рода **putrī-* ‘дочь’, аналогичное **putra-* ‘сын’ (ср. др.-инд. *putrī-* ‘дочь’), рефлексy которого можно усмотреть в отдельных восточноиранских языках.

По-видимому, имелись и другие обозначения детей. Кроме «детских» слов (см. ниже), наиболее распространены были производные от глагольного корня **žan-* ‘рождать’ < и.-е. **ǵen-*: причастия **žāta-* (ср. др.-инд. *jatá-*) и вторичное **žātaka-* ‘рожденный’, относительное имя **žānīa-* — то же.

‘Брат’ — праиран. **brātar-* ‘брат’ и/или ‘кровный родственник, член фратрии’ (ср. др.-инд. *bhrātar-*) — из и.-е. **bhrāter-* ‘член большой семьи; мужчина — кровный родственник; брат’ (ср. греч. φράτηρ ‘член фратрии’, лат. *frater*, нем. *Bruder*, рус. *брат* и т.д.) [Pok. IEW, 163–164]: ав.г., п. *brātar-*, др.-перс. *brātar-* [Barth. AiW, 971–972]. Отмечены производные: относительные имена **brātrīa-*, **brāðrīa-* и **brātruīa-*, **brāðruīa-*, используемые для обозначения других родственников.

‘Сестра’ — праиран. **h(u)uāhar-* / **h(u)uāhar-* > **x^vāhar-* / **x^vahar-* (ср. др.-инд. *svásar-*) — из и.-е. **suesor-* [Pok. IEW, 1051; Szem. Kin., 32–33, 35–42]: ав. *x^vaghar-*. Отмечены производные от основ **x^vāhar-*, **x^vāha-* и от относительного имени **x^vāharīa-*.

‘Дядя’ — относительное имя **p(i)tr(u)īa-*, **ptruīa-* ‘дядя по отцу’ ← ‘отцовский’ — через этап **tərīa-* (ср. др.-инд. *pitruyās*) — из и.-е. **pətruīo-* (ср. слав. **stryjь*) [Трубачев Терм. род., 79–81]: ав.п. *ūiryā-*

‘дядя по отцу’. В более поздних языках отмечаются рефлексy древних производных лексем.

‘Тетя’ — исконных образований мало, и они производны: **p(i)tr̥iā-* > **tr̥iā-* ‘тетя по отцу’, ср. ав.п. *tūiryā-* — то же. В более поздних языках рефлексy единичны. Название тети по матери **mātr̥iā-* имеет единичные не вполне надежные продолжения.

‘Племянник; племянница’, — судя по рефлексам в поздних языках, обозначались описательными оборотами (типа ‘сын / дочь моего брата’), реже — лексикализированными производными от **brātar-* ‘брат’ (редко), **x̥āhar-* ‘сестра’ (чаще), например **brāθr(i)ā-*, **brātr̥iā-*, **brāθrujā-* ‘относящийся к брату’ → ‘племянник, сын брата’ (ср. др.-инд. *bhrātr̥vyā-*) > ав. *brātūiryā* [Barth. AiW, 972], **x̥āh(a)r(i)ā-* ‘относящийся к сестре’ → ‘племянник, сын сестры’ (ср. др.-инд. *svasr̥iā-*).

Ср. также связанные этимологически с данными словами обозначения свояченицы и золовки (см. гл. II).

‘Дед’ — праиран. **niāka-*, более ранняя этимология неясна (возведение к **ni-āca-ka-* < и.-е. **aiō-*, **āyo-* [Pok. IEW, 89] отвергается Э.Бенвенистом [Бенв. Словарь, 157]). Слово засвидетельствовано древними языками: ав.п. *nyāka-*, др.-перс. *niyāka-* [Barth. AiW, 1094] и единичными рефлексамy в более поздних языках.

‘Бабушка’ — самостоятельная праязыковая основа не восстанавливается, ав.п. *nyākā-* ‘бабушка’, возможно, вторичное образование от названия деда. Реконструируемое для индоевропейского **an-* в иранских языках могло затеряться в «детских» словах **ana-*, **nana-* и т.п.

‘Внук; внучка’ — праиран. **napāt-*, ном. м.р. ед.ч. **napāt-s* > **napās* ‘внук’ (ср. др.-инд. *nápāt-*) — из и.-е. **nepōt-* ‘племянник, внук’ (ср. лат. *nepōs* ‘внук’ < **nepōt-s*, слав. *nestera* ж.р. < **nep(s)tera*) [Pok. IEW, 764; Трубачев Терм. род., 76–78; Гамкр., Ив. ИЕ II, 767–768]: ав. *napāt-* ‘внук’, *napī-* ‘внучка’ (и ав.г. (п.) *naptya-* ‘потомок, отпрыск’ [Barth. AiW, 1039–1040]); др.-перс. *napāt-* ‘внук’.

Надежные обозначения правнука, правнучки и прадеда, прабабушки для праиранского состояния не реконструируются.

Исконные названия отца, матери, деда, бабушки (и частично — дяди и тети) в дальнейшем во многих иранских языках — западной и восточной групп — часто вытесняются на разных исторических этапах «детскими» словами (см. ниже).

‘Двоюродные (и далее) брат и сестра’ — обозначаются производными словами, различными по языкам. Общий древнеиранский прототип не выявляется.

«Детские» слова, повторяющиеся по языкам с разными значениями, могут восходить к соответствующим индоевропейским, ср., например,

и.-е. **at(t)a-* > хет. *atta*, греч. *atta*, гот. *atta*, рус. *отец*, ст.-слав. *отъсь* < **at(t)ikos* [Бенв. Словарь, 147]. Об отражении «детских» слов в славянских и других языках см. также [Трубачев Терм. род., 21, 195–197]. Такие слова отмечаются и в языках других семей, будучи связаны с «детской» артикуляцией. Для иранских языков их древнейшие прототипы могут быть реконструированы очень условно, поскольку звучание слов регенерирует по языкам в каждый новый период, приспособляясь к «детской» упрощенной артикуляции. Основные отмеченные рефлексy основ — **tama-*, **nana-*, **ana-*, **anna-*, **ama-*, **atta-*, **tata-*, **dada-*, **baba-*, **papa-*, **kaka-*, **wawa-*, **lala-* и т.п. (см. гл. II).

Б. Термины свойства и др.

Названия свекра и тестя обычно не различаются между собой, то же с названиями свекрови и тещи, хотя исторически первичными считаются обозначения родни мужа. В праиранском продолжают соответствующие индоевропейские.

‘Свекор, тесть’ — праиран. **h₂asura-* / **x^hasura-* (ср. др.-инд. *śvasura-* из более раннего **svasura-*) — из и.-е. **suekuro-* < **suekru-ro-* (вторичное образование от имени жен. рода **suekrū-* ‘свекровь, теща’) [Pok. IEW, 1043–1044; Бенв. Словарь, 171]: ав.п. *x^hasura-* [Barth. AiW, 1874].

‘Свекровь, теща’ — праиран. **h₂asrū-* / **x^hasrū-* (ср. др.-инд. *śvasrū-* из более раннего **svasrū-*) — из и.-е. **suekrū-* [Pok. IEW, 1043–1044].

‘Зять; жених’ — праиран. **zāmātar-* и более раннее **zāma-* (ср. др.-инд. *jāmātar-*) — из производных имен от и.-е. **ġem(ə)-* ‘жениться’ (ср. слав. *zety*, рус. *зять* от **ġent-*, лат. *gener-*) [Pok. IEW, 369–370]. Оба прототипа отражены в Авесте: ав.п. *zāmātar-* ‘зять’ и ав.п. *zāmaoya-* [**zāmavya-*] ‘брат зятя’ [Barth. AiW, 1689] от первичной основы **zāma-* [Бенв. Словарь, 175], а также в единичных поздних языках.

‘Невеста; молодая жена’ — праиран. **uadū-* < арийск. **uadhū-* (ср. др.-инд. *vadhū-* ‘молодая жена’) — производное от глагола **uad-* ‘вести’ → ‘приводить к себе жену; жениться’ < арийск. **uadh-* — из и.-е. **uedh-* [Pok. IEW, 1115–1116]: ав.п. *vaδū-* ‘жена’ [Barth. AiW, 1345].

‘Сноха; невестка’ — праиран. **snušā-* (ср. др.-инд. *snuṣā-*) — из и.-е. **snuśo-s* (ср. рус. *сноха*) [Pok. IEW, 978], которое считается связанным с глаголом **sneu-* : *snu-* ‘вязать’ [Трубачев Терм. род., 132].

‘Деверь’ — праиран. **daiuar-* / **θaiuar-* (ср. др.-инд. *devār-*) — продолжение и.-е. **daiuer-* (ср. рус. *деверь*) [Pok. IEW, 179], возможно,

через диалектную доиранскую форму **dhaiçar-* с оглушением и спигрантизацией **ḍaiçar-*. Единичный рефлекс варианта **daiçar-* (йезди *d(e)ver* 'брат' [Молч. Йезди, 275]) свидетельствует о его бытовании в диалектах праиранского континуума.

'Жена брата мужа, ятровь' — праиран. **iātar-* : **iātr-* / **iāθr-* (ср. др.-инд. *yātr-*, *yātar-* 'ятровь') — из и.-е. **ienāter-* : *ienātr-* (ср. балт. **jēnte*, ген. ед.ч. **jēnters*, рус. диал. *ятровь*, *ятровка*, слов. *jētrva* — из праслав. **jetry* 'жена брата мужа, ятры') [Pok. IEW, 505–506; Трубачев Терм. род., 137]. Рефлексы сохранились в единичных иранских языках.

Другие названия «братьев» и «сестер» по браку («brother-in-law», «sister-in-law») — шурина, деверя, свояка, свояченицы, невестки, золовки — в иранских языках обычно производны от основных терминов родства и свойства (см. гл. II). Возможно, то же было в праязыке.

Надежных рефлексов обозначения золовки, которое продолжало бы и.-е. **ǵlōi-s* 'золовка, сестра мужа', обозначения шурина из и.-е. **siāur(io)-* 'брат жены' от **siū-* 'шить' ← 'вязать' (ср. др.-инд. *syālā-* 'шурин, брат жены'), обозначения свояченицы от и.-е. **sue-* 'свой; свояк, сват' (ср. слав. **svěstb*) [Трубачев Терм. род., 136–139] и других свойственников, о которых писал О.Семереньи [Szem. Kin., 92–95], не обнаружено.

Названия мужа и жены различны по разным иранским языкам и обычно связаны с обозначениями 'мужчина, человек'; 'питающий, кормилец', 'хозяин' ~ 'женщина, рожающая'; 'питающая (младенца молоком)', а также выражаются заимствованиями, описательными оборотами и т.д. Тем самым можно предположить, что то же было и в праязыковых диалектах, как и в других индоевропейских языках, см. [Бенв. Словарь, 169–170].

Другие термины для обозначения семейных отношений:

Названия семейных отношений по второму браку, такие как 'мачеха'; 'отчим'; 'пасынок'; 'падчерица', в иранских языках вторичны, образованы от первичных терминов родства не всегда одинаковыми средствами (см. гл. II), единые прототипы не прослеживаются.

'Вдова' — праиран. **uidauiā-* 'вдова' из арийск. **uidhauī-* (ср. др.-инд. *vidhavā-* 'вдова') — из и.-е. **uidheuiā-* 'вдова' [Pok. IEW, 1127–1128]; ав. *vidavā-* — то же [Barth. AiW, 1443].

1.5.1.2. Обозначения мужчины и женщины, человека

Праиранские термины этой группы неоднозначны: для каждого из этих понятий реконструируются несколько слов, имеющих дополнительные оттенки. Общие названия 'мужчина' и 'женщина' отчасти

связаны с семейными терминами. Показателен язык Авесты, где отмечаются четыре обозначения мужчины (и существа мужского пола) и до семи обозначений женщины (и существа женского пола) [Oettinger 1986, 116–128]. Каждое из этих слов имело определенные оттенки значений.

Так, в применении к мужчинам выделяются авестийские слова: 1) *mašya-*: а) 'человек' в противопоставлении животным, богам и дэвам (часто); б) 'мужчина' (редко); 2) *nar-*: а) 'мужчина' в противоположность женщине, с нейтральной или негативной коннотацией (часто); б) 'человек' в противоположность животному (редко); 3) *vīra-*: 'мужчина' с позитивным оттенком: способный носить оружие, молодой, герой; в сочетании 'скот и люди' используется как обобщенное 'люди'; 4) *aršan-*: а) 'мужчина' по отношению к женщине, мужчина как олицетворение героизма; б) 'существо мужского пола, самец; мужской' (в том числе 'самец; жеребец') [Oettinger 1986, 117–118].

В обозначениях женщин (и существ женского пола) в Авесте наблюдается еще большее разнообразие. Основные слова: 1) *nāirikā-*: 'женщина' в противоположность мужчине, с нейтральным или позитивным оттенком; 'женщина' в противоположность ребенку; 2) *nāirī-*: 'женщина' в противоположность мужчине, с позитивным оттенком (архаизм); 'женщина' в противоположность ребенку; 3) *jaini-*: 'женщина' в противоположность мужчине; супруга, жена; то же — в негативном плане; 4) *jahikā-*: 'женщина' в противоположность мужчине; в негативном плане, а также 'негодяйка' [Oettinger 1986, 128]; слово, производное от ав. п. *jahī-* 'женщина' (в дэвовском смысле), и (с презрительным значением) 'публичная женщина' [Barth. AiW, 606–607]. Кроме того, отмечено *γənā-* — раннеав. *gənā-* — 'возвышенная, божественная женщина' (в Гатах — единственный оппози́т к *nar-* 'мужчина'), *daēnu-*, а также *xšaθrī-* и *hārišī-*. Два последних слова имеют сходное общее значение 'женщина; существо женского пола, самка', хотя и с разными оттенками (подробнее см. [Oettinger 1986, 118–120 и сл.]).

Отмечены также обозначения девушки (возможно, как прислужницы): ав. *kainī-*, *kainīn-*, *kainyā-* ж.р. 'девушка, девица', *kainikā-* 'девушка' — продолжения праиранских основ **kanī-*, **kanīā-* (ср. др.-инд. *kanyā-* ж.р., *kaniṣṭha-* превосх. ст. 'самый молодой') от **kan-* (из и.-е. *ken-* ?) 'молодой, младший' (ср. слав. **čędo* 'чадо' [Трубачев Терм. род., 41 и сл.]).

Неясно, были ли именно все эти обозначения в праязыковом состоянии, а если были, то имели ли они все те же самые оттенки значений, которые они имели в языке Авесты. Рефлексы в более поздних иранских языках указывают на распространенность основ

**martija*- ‘человек; мужчина’ — производного от гл. **mar*- ‘умирать’, т.е. ‘смертный’, и **gnā*- ‘женщина’ (ср. др.-инд. *gnā*- ‘богиня, жена Бога’) — рефлекс и.-е. **g^wnā*-; **janī*- ‘женщина’ — рефлекс и.-е. **g^wenī*- (ср. ст.-слав. *žena* ‘женщина, жена’); оба имени продолжают формы от и.-е. **g^wen*- ‘женщина, жена, госпожа’ [Рок. IEW, 473–474]. Вместе с тем в некоторых языках, включая восточноиранские, эти общие понятия передаются рефлексами других основ и корней, например **strī*- ‘самка, женщина’; **iaušā*- (ср. др.-инд. ведич. *yoṣā*- ‘молодая женщина, жена’); **dainā* и др. (см. гл. II).

Для обозначения человека в древних языках использовался тот же термин **martija*- ‘человек; мужчина’ ← ‘смертный’ (см. ав.г., п. *mašya*-, др.-перс. *martiya*- сущ. ‘смертный; человек, мужчина’ [Barth. AiW, 1148 и сл.]) и **uira*-, букв. ‘мужчина, самец’ (см. ав.г., п. *vira*-, *vira*- [Barth. AiW, 1453–1454]). Первое (**martija*-, букв. ‘смертный’) первоначально, видимо, выступало в противопоставлении обозначению «бессмертных», т.е. святых и божеств (см. ав. г., п. *amāša*- ‘бессмертный’ < **a-mart(i)ia*-, ср. ав.г., п. *aməratāt*-, *aməratāt*- ‘бессмертие’ ~ др.-инд. *amṛta*- прил. [Barth. AiW, 143–147]); в тексте Авесты отмечается также употребление этого слова в противопоставлении обозначению животных и демонов, а также в значении ‘мужчина’ [Barth. AiW, 1149–1150]. Второе (рефлекс **uira*-) в Авесте выступает в значениях ‘человек, мужчина-воин’, а также ‘человек’ в противопоставлении коню и особенно — домашнему скоту, а также при обобщающем обозначении людей (см. обычную авестийскую пару *pasu vira* ‘скот и люди’ < **paśu*- + **uīra*- ‘скот и люди’). Возможно, то же было в праязыковых диалектах (ср. др.-инд. *vīrā*- в аналогичном сочетании).

Судя по рефлексам в разных иранских языках, в праязыке употреблялись также и другие термины, обозначавшие одновременно человека и мужчину, как и во многих других языках мира, включая индоевропейские. Некоторые из них этимологически связаны с обозначениями народа, племени (при этом они же соотносятся с обозначениями мужа). Из праиранских обозначений человека следует особо отметить **dāha*- м.р., **dāhī*- ж.р. от основы **dah(a)*-, имевшей широкое значение ‘народ, жители страны; человек; страна, область, провинция’ (связанное этимологически с **dāha*- ‘дахи’ — название народа — и производным **dahju*- ‘страна’ как место обитания людей, в отличие от древнеиндийского эквивалента *dasyu*- ‘раб-чужестранец’, указывавшего на враждебное отношение к иранцам-дахам, см. подробнее об этой основе и производных [ЭСИЯ 2, 285–288]). По мнению Э.Бенвениста, такое широкое значение термина **daha*- указывает на то, что в праиранский период «этот народ, как и многие другие,

называл себя просто 'люди'» [Бенв. Словарь, 211]. Реконструируется также основа **manu-* 'человек; мужчина; муж' (соответствующая др.-инд. *mānu-* и *mānuṣ-* 'человек, мужчина'), которая, однако, в этом значении в иранских языках широкого распространения не получила (ср. ав.п. *manuš-* — и.с. древнего героя *Manuš-čidra-*, ср.-перс. *Manuščihr* [Barth. AiW, 1135], об остальных см. в гл. II). Отмечены в этом значении и рефлексy праиранских основ **nar-* 'самец, мужчина'; **kāra-* (ср. др.-перс. *kāra-* 1) 'народ'; 2) 'войско'). О восточноиранских рефлексах см. в гл. II.

Таким образом, существовало несколько терминов, которые могли бы быть переведены как 'человек', все они имели определенную коннотацию. Важно, что понятие «человек-мужчина» было связано с обозначением не только «человека-единицы», но и с обозначением рода, народа, войска.

1.5.1.3. Обозначения божеств и «потусторонних» персонажей

В задачи данной работы не входит рассмотрение праиранского пантеона: о нем имеется большая литература. Здесь будут приведены только те названия древних божеств, которые представляют интерес с точки зрения динамики их семантики.

Праиранский пантеон возможно не был однородным по всему континuumу древних ираноязычных племен, соответственно, названия «потусторонних» сил и персонажей и приписываемые им функции могли быть не во всем одинаковы.

Те оттенки (положительных и отрицательных) значений (и функций) того или иного «потустороннего» персонажа, которые отразились в древних памятниках — в текстах Авесты и древнеперсидского языка, донесли до нас их бинарную зороастрийскую трактовку, которая не всегда отражает праязыковой образ того или иного персонажа. Это видно частично и из материала более поздних языков, включая восточноиранские.

Рассмотрим здесь некоторые названия «потусторонних» сил, реконструируемые для праязыковой системы и отраженные затем в восточноиранских языках.

**daiuā-* — первоначально 'Бог, божество' (ж.р. **daiuī-*), позднее (с распространением зороастризма и затем других религий) — 'ложное божество, злое божество; злой дух; дэв, демон'. Слово продолжает арийск. **daiuā-*, ж.р. **daiuī-* 'Бог, божество' (ср. др.-инд. *devā-* 'Небесный, Бог', *devī-* 'богиня'). Возводится к и.-е. *deiwo-* 'Бог, Небесный' от и.-е. корня **dei-* : *deiā-* : *dī-* : *dīā-* 'сиять, светить' (ср. лат. *deus*, греч. *Zeús* — из обозначения обожеcтвленного неба,

лит. *diēvas* 'Бог' и т.д.) [Pok. IEW, 183–187; Гамкр., Ив. ИЕ II, 475–476; Mh. EWA-10, 742–744]: ав.г., п. *daēva-* в Гатах — название божества дозораострийских религий, т.е. 'дозороострийское божество', в поздней Авесте 'демон, дэв, дьявол', ав.п. *daēvī-* ж.р. 'дьяволица, чертовка' [Barth. AiW, 667–670; Henn. SP II, 628 и сл.]; др.-перс. *daiva-* 'ложное божество; идол; демон' [Kent OP, 188–189; Br., Mh. Handb., 114]. Тот факт, что в праиранском состоянии первоначальным значением было не 'демон' а 'Бог, божество', свидетельствуется не только отдельными пассажами в Авесте, но и рефлексам в некоторых восточноиранских языках и экстралингвистическими данными, в частности элементами народных верований (в ареалах восточноиранских языков (см. гл. II, см. также [ЭСИЯ 2, 306 и сл.]).

**ahura-* + **mazdā(h)* — Ахурамазда — имя верховного божества зороастрийцев, букв. 'благая мысль' или 'Господь Мудрый': ав. *Ahura.Mazdāh* (в языке Авесты имя представляло также еще синтаксическое сочетание *Ahura-* + *Mazdāh-* и *Mazdāh-* + *Ahura-*), др.-перс. *A^huramazdā* (или *A^hura^h-mazdāh-*) м.р., ср.-перс. *Ōhrmazd*, *Ōhrmēzd*, *Ōrmēzd*. Восточноиранский материал см. в гл. II. См. также в [ЭСИЯ 1, 101–102].

**mitra* / *miθra-* 1) 'связь, соединение'; 2) персонифицированное имя божества дружбы. Из арийск. **mitra-* (ср. др.-инд. *mitrá-* ср.р. 'Vertrag, Kontrakt, Bündnis' и вторично 'друг' м.р. (из 'дружба' ← 'связь') и персонифицированное имя божества *Mitrá*). Восходит к и.-е. **mi-tro-* 'Bindung' от и.-е. корня **mei-* 'соединять, укреплять' с развитием значения именного производного от 'связь, соединение' → 'дружба' → 'друг' [Pok. IEW, 709–710]: ав.г., п. *miθra-* м.р. 'договор'; ав.п. *miθra-* м.р. — имя арийского божества — Митры при персонификации понятия 'договор' [Barth. AiW, 1183–1186; Gersh. Hymn, 26 и сл.], др.-перс. *Miθra-* {*miθr*, *miθr*, *miθ(r)*} — имя арийского божества Митры [Kent OP, 203b], сохранившееся в древнеперсидском в первоначальном виде благодаря сакральному характеру лексемы, а также под воздействием северо-западного источника, вопреки правилам исторической фонетики древнеперсидского языка (где **tr* > **θr* > *ç*). «Правильная» форма основы зафиксирована в др.-перс. **miça-* 'сговор, договор; заговор' в композите *hamiçiya-* 'заговорщик' < **ham-* + производное от **miça-* [Br., Mh. Handb., 124, 135, 152]. Сакральное значение засвидетельствовано также в побочных источниках **miθra-*, **miça-* (см. обзор литературы в [Mh. EWA-15, 354]). О древней семантике см. также [Mh. KEWA-16, 633–634; Mh. KEWA-26, 778], о социальных функциях и мифологии см. также [Тор. 1968, 108–120].

**baga-* 'доля, судьба, участь' и персонифицированное 'Бог' — раннее именное производное, связанное с корнем **bag-* 'наделять,

распределять; выделять в качестве доли; дарить'. Продолжает арийск. *bhaga- (ср. др.-инд. bhaga- 1) 'благосостояние, имущество; счастье'; 2) 'божество; Господь' (название одного из божеств). Восходит к и.-е. bhag-o- 'доля, участь' со вторым (диалектным?) значением 'божество (богатства, благополучия) → 'Бог', ср. праслав. bogъ, предположительно оформившееся как религиозный термин под иранским — скифским влиянием [Pok. IEW, 107; ЭССЯ-2, 161–165; Мh. EWA-13, 239–240]: ав.г. бага- ср.р. 'доля, участь, судьба' и ав.п. бага- 1) ср.р. 'доля, участь, судьба'; 2) м.р. 'господин, Бог'; др.-перс. бага- 'Бог' [Barth. AiW, 921]. Подробнее см. также [ЭСИЯ 2, 48 и сл.], там же литература.

*bagta- — причастие перфекта от этого же корня — 'наделенный, выделенный, предназначенный; доля' → 'судьба': ав.п. baxta- 'предназначенный, выделенный в качестве доли; участь; судьба' [Barth. AiW, 923]. Подробнее см. [ЭСИЯ 2, 52–53].

*bagtar- — имя деятеля от этого же корня — 'тот, кто наделяет, распределяет'; 'податель (благ)': ав.п. baxtar- 'тот, кто наделяет, предоставляет долю' [Barth. AiW, 923], подробнее см. [ЭСИЯ 2, 54].

В более поздних языках рефлексy *bagta- и *bagtar- могут совпадать (см. гл. II).

Праиранское или древнеиранское название божества ветра *uāiu- — персонифицированное имя от *uāiu- 'ветер' < и.-е. *uēiu- — этимологически связано с основой глагола праиран. *uā- 'дуть, веять (о ветре)' < и.-е. *uē- 'дуть, веять (о ветре)'. Название отразилось в виде ав.п. ¹vayu-, vaua- 'воздух (как божество)' и ²vayu-, vaua- — имя одного из дэвов, божества смерти [Barth. AiW, 1357–1358] и обозначений божества в более поздних языках. Этимологическая связь этого названия с памирскими рефлексами *bagta- и *bagtar-, а также с именем славянского сказочного персонажа Вий, предположенная В.И.Абаевым [Аб. ИЭСОЯ IV, 68–72], не подтверждается, см. гл. II.

*parī-. *parikā- 'пэри' первоначально, по-видимому, 'потустороннее прекрасное существо' или 'соблазнительница', в языке Авесты pairikā- ж.р. 'ведьма, колдунья', соблазнявшая правоверных зороастрийцев и отвращавшая их от праведности [Barth. AiW, 863–864]. Более ранняя история неясна: рефлексy и.-е. *parīkā- 'Buhlerin, Konkubine' отмечены только в иранском и ирландском [Pok. IEW, 789]. В дальнейшем в народных верованиях сохраняется как 'потустороннее прекрасное существо' без отрицательного оттенка значения.

*āzi-dahaka- из *āzi- 'змея' + *dahaka- — имя легендарного кровожадного царя-дракона: ав.п. āzi- 'змея, змей (дракон)' и dahaka- — производное от основы *dah(a)- 'народ; жители страны; человек', см. также [ЭСИЯ 1, 297–298; ЭСИЯ 2, 285–286].

**gandarba-*, **gandarūa-* — название мифического существа — из арийск. **g(h)andh(a)rva-*, **g(h)andh(a)rbha-* (ср. др.-инд. *gandharvá-* м.р. — название мифического существа, имеющего отношение к Со-ме). Более ранний прототип неясен; связывается с именем Кентавра (ср. греч. Κένταυρος), соотносится с водной стихией (от и.-е. **aŕer-* ‘вода, дождь; течение’), см. [Рок. IEW, 80], с божеством ветра, с названием запаха; возможно, нарочитое искажение слова при табуировании, см. [Mh. KEWA-5, 321–322; Mh. EWA-6, 462]: ав.п. *gandarəwa-*, *gandarəwa-* м.р. — имя мифического существа — чудовища; ав.п. *gandrəwa-* м.р. — имя одного из божеств [Barth. AiW, 493; Mh. AirN, I/46]; др.-перс. (или мид.?) **kan-tur-ma* — и.с. (с вариантами, из эламского источника), по-видимому, соответствующее ав.п. *gandrəwa-* — и.с. [Mh. OnP, 176; Hinz NÜ, 102].

1.5.1.4. Названия животных

А. Домашние животные

‘Корова, бык’ — праиран. **gau-* : *gāu-* м., ж.р. (ср. др.-инд. *gāv-*, *gau-*) — из и.-е. **gʷou-* [Рок. 482–483]: ав. *gav-* : *gāv-* ‘корова, бык; крупный рогатый скот’; др.-перс. *gau-* [ЭСИЯ 3, 205 и сл.]. От этих основ в древних иранских диалектах образуются названия оленя (**gau-aźna-* или **gau-asna-*), буйвола (**gau-maiša-*), овцы (**gau-śuanta-*) [ЭСИЯ 3, 207–208].

‘Бычок; бык; телец; вол’ (для откорма или тягла) — праиран. **uxšan-* / **ukšan-* м.р. < арийск. **ukšan-* (ср. др.-инд. *ukṣan-*, ном. ед.ч. *ukṣā* ‘молодой бычок, телец’) из и.-е. **ukʷsen-* или **ukson-* (о различных вариантах индоевропейской реконструкции см., например, [Рок. IEW, 1118; Mh. EWA-3, 210; Гамкр., Ив. ИЕ II, 566; Zimmer 1981, 84–91]): ав.г., п. *uxšan-* ‘самец крупного рогатого скота; бык; молодой бычок, телец’.

‘Дойная корова; корова с молоком’ — праиран. **agnīā-* — из арийск. **aghni(i)ā-* (ср. др.-инд. *āghnyā-*, *aghnyā-* ж.р. ‘корова’ и *āghnya-*, *aghnyā-*, м.р. ‘бык’): ав.г. *agənyā-* ‘дойная корова; корова с молоком’, подробнее о происхождении этой праиранской основы и возможной связи с индоевропейским названием агнца см. [ЭСИЯ 1, 86].

‘Крупное домашнее животное; крупный рогатый скот (единица счета, «голова»)’ — праиран. **staura-* (этимологически родственное праиранскому **stūra-* ‘мощный, толстый, большой’, ср. др.-инд. *sthūrā-* ‘мощный, толстый’): ав. *stūra-* ‘обширный, мощный’, ав. *staora-* ‘крупный рогатый скот; верблюд; лошадь; осёл’.

‘Овца, баран’: 1) праиран. **maiša-* м.р., **maišā-*, *maišt-* ж.р. из арийск. **maiša-* (ср. др.-инд. *mēṣa-* ‘баран’, *meṣī-* ‘овца’), восходящего к и.-е. **moiso-* или **maiso-* (ср. лит. *maišas*, *máišė* ‘большой мешок’, *máiša* ‘сетка для сена’, слав. **měxъ*, рус. *мех*, *мешок*) [Pok. IEW, 747]: ав. *maēša-* м.р. ‘баран’, *maēšt-* ж.р. ‘овца’; 2) праиранская архаичная основа **aui-* ‘овца, баран’ < арийск. **aui-* (ср. др.-инд. *ávi-*) — из и.-е. **oui-*, ж.р. **oui-kā-* (ср. лат. *ovis*, рус. *ов-ца* и т.д.) [Pok. IEW, 784]. Надежных иранских примеров мало, см. [ЭСИЯ 1, 281]; 3) праиран. **pašu-* : *p/ṣu-* > **ṣu-* ‘овца, баран’ (ср. др.-инд. *pášu-*, *paśú-*) — из и.-е. **peku-* [Pok. IEW, 797], часто используется как общее название ‘скот’ и как счетная единица для мелкого скота: ав. *pasu-* ‘домашнее животное’.

‘Коза, козел’: 1) праиран. *būza-* м.р., *bužā-* ж.р. — из и.-е. **bhūgo-* ‘козел’, **bhūgā-* ‘коза’ [Pok. IEW, 174]: ав.п. *būza-* м.р. ‘козел’ [Barth. AiW, 969]; см. [ЭСИЯ 2, 191–192]; 2) праиран. **aža-* м.р. ‘козел’, **ažā-* ж.р. ‘коза’ (ср. др.-инд. *ajā-* ‘козел’, *ajā-* ‘коза’) — из и.-е. **āg-* [Pok. IEW, 6–7]: ав.п. *aza-* ‘козел’; в других языках в самостоятельном виде слово сохранилось мало. См. также [ЭСИЯ 1, 292–293].

Названия детенышей домашнего скота обычно различны по годам появления детенышей на свет. Большинство этих терминов вторичны, однако встречаются и относительно древние (хотя также в своей основе описательные). Наиболее характерны из древних: **uas(s)a-* < **uats(i)a-* ‘теленки’ (ср. др.-инд. *vatsa-*) из и.-е. **uet-*, **uetes-* ‘год’ [Pok. IEW, 1175]. От этого же корня **uat-* из и.-е. **uet-* ‘год’ образованы и другие названия (см. гл. II).

‘Ягненок’ — праиран. **uar(a)-*, **uaraka-*, **uarnaka-* от корня **uar-* (ср. др.-инд. *úran-*, ном. ед.ч. *úrā*, уменьшительное *uraka-*, *urṇa-* ‘ягненок, барашек’, *urabhra-* ‘баран’) [Pok. IEW, 1170; Mh. EWA-3, 225–226]: кл. перс. *barra* < **uarnaka-*.

‘Детеныш животного; плод чрева’ — **garba-*, **grbu-* — варианты основы со значениями 1) ‘материнское чрево’; 2) ‘детеныш животного’ < арийск. **garbha-* (ср. др.-инд. *garbha-* м.р. ‘материнское чрево; плод чрева; эмбрион; новорожденный’) — из и.-е. **g^welbh-*, **g^wolbho-* 1) анат. ‘матка’; 2) ‘детеныш животного’ [Pok. IEW, 473; Mh. EWA-6, 474–475; ЭСИЯ 3, 188–189]: ав.п. *garəwa-* 1) ‘материнское лоно’; 2) ‘плод чрева’; ав.п. *garəbuš* ‘детеныш животного’ [Barth. AiW, 515, 524; Сок. ЯА, 246].

Некоторые термины, общие по составляющим их основам, могут несколько различаться по языкам в плане словообразования и обозначения детенышей разных домашних животных или их возраста. Ср. именные образования от корня **gam-* ‘идти, приходить’,

включавшего значения 'приходить в мир, рождаться' и 'доходить до зрелости' с разными префиксами и суффиксами, рефлексy которых отмечаются в поздних иранских языках, включая восточноиранские. Эти слова используются для обозначения молодого животного, достигшего половой зрелости [ЭСИЯ 3, 133–135]. Древность этих образований неясна. Подробнее о них см. в гл. II.

'Лошадь, конь':

1) праиран. **aśua-* (ж.р. **aśuā-*) < арийск. **aśua-* (ср. др.-инд. *āśva-*) — из и.-е. **ēkuo-s* (ср. лат. *equus*, лит. *ašvīenis* 'жеребец', *ašvā* 'кобыла', греч. ἵπλος) [Pok. IEW, 301–302; Mh. EWA-2, 139]: ав.г., п. *aspa-* 'лошадь, конь', ж.р. *aspā-*, *aspī-* 'кобыла'; др.-перс. *asa-* (в композите *asa-bāra-* 'всадник' и в акк. *asam*) и *aspa-* (из северо-западного источника или из авестийского), скиф. **aspa-* (в и.с. "Аспакхос и др.) [Аб. ОЯФ, 157–158], подробнее см. [ЭСИЯ 1, 243];

2) отглагольные **bāra-*, **bāraka-* м.р., **bāračī-* ж.р. от корня **bar-* 'нести, вести, везти' отразились в части западноиранских языков и во многих восточноиранских. Возможно различие обозначений лошади по древним диалектам, жанрам, а также по ее военным или хозяйственным функциям, подробнее см. [ЭСИЯ 2, 101–102].

'Осёл' — праиран. **xara* (ср. др.-инд. *khara-*): ав. *xara-*.

'Собака, пёс' — реконструируются три названия:

1) **śuan-* : *śun-* 'собака' < арийск. **śuan-* : *śun-* (ср. др.-инд. *śvan-* : *śun-* (ном. *śvā*), ж.р. *śunī-*) — из и.-е. **k̑un-* : *kun-* (ср. лит. *šiū*, *šuniukas*, греч. κῦων, κυνός, гот. *hun-d-s*, рус. *су-ка*; рус. *собака* считается многими исследователями иранским заимствованием) и др. [Pok. IEW, 632–633; Mh. KEWA-23, 402–403]: ав. *span-* : *sūn-* (ном. *spā*), ж.р. *sūnī-* 'собака'; ср. также производные: **śua-ka-* < арийск. **śua-ka-* (ср. др.-инд. *śvaka-* 'волк' < **k̑un-ko-*): ав. *spaka-* 'собаководный', мид. **spaka-* (σπᾱκα), др.-перс. **saka-* (при закономерном развитии здесь **śu- > s-*); о более поздних соответствиях см. в гл. II, этимологии и подборку материала см. также [Morg. IIFL II, 453, 541; Ст.-К. ЭСВЯ, 327; Bailey DKS, 405; Оранский ИЯИО, 156–158; Эд. «Малые» языки, 234–235];

2) праиран. (или др.-иран.?, возможно, звуко-символические) основы м.р. **kuta-*, ж.р. **kuī-* 'пёс, собака' (ср. рус. *кутя*, *кутёнок*) [Фасмер II, 433–434; ЭССЯ-13, 81]; рефлексy распространены в большей части восточноиранских языков (см. гл. II);

3) праиран. **gadua-* — возможно, диалектное либо обозначение собаки особой породы, отличной от обозначаемой праиран. **śuan-* : *śun-*, см. [Barth. AiW, 489], либо стилистически окрашенное или звуко-символическое, если усматривать в нем образование от **¹gad-* 'громко говорить, кричать; лаять', т.е. 'лаяющая; лайка' [Аб. ИЭСОЯ II,

299], или *³*gad-* ‘бежать’ или от варианта **gad-* корня **gand-* : **gad-* ‘пачкать, пакостить’. Рефлексы засвидетельствованы в Авесте: ав.п. *gaḍwa-* м.р., *gaḍwā-* ж.р. ‘собака’ и в более поздних языках, в основном восточноиранских, см. гл. II, см. также [ЭСИЯ 3, 103].

Обозначение щенка основой **skan(a)-* (? звучание не вполне ясно, см. гл. II), возможно, связанной с и.-е. *(*s*)*ken-* ‘малый, молодой’, ср. рус. *щен. щенок* [Фасмер IV, 502; Аб. Ск.-европ. изогл., 14, 21–22], рефлексы прослеживаются в ряде восточноиранских языков. См. гл. II.

Б. Дикие животные

‘Волк’ — праиран. **urka-* м.р., **urkī-* ж.р. (ср. др.-инд. *vṛka-*, *vṛkī-*) — из и.-е. **uḷkʷo-* ‘волк’, **uḷkʷī-* ‘волчица’ [Pok. IEW, 1178–1179]: ав. *vəhrka-*.

‘Медведь’ — праиран. **ṛ(ś)ša-* < арийск. **ṛśša-* (ср. др.-инд. *ṛkṣa-*) — из и.-е. **ṛkso-* или **ṛkpo-* [Pok. IEW, 875]: ав.п. *arša-* [Barth. AiW, 203].

‘Лисица’ — праиран. **raupa-*, **raupi-*, **rupaśa-*, **raupaśa-* (ср. др.-инд. *lōpāśa-* ‘шакал, лиса’) — из и.-е. **lup-*, **ulp-* [Pok. IEW, 1179; Аб. ИЭСОЯ II, 433–434; Гамкр., Ив. ИЕ II, 513]: ав. *raopi-*, *urupi-* — название животного, похожего на собаку, первоначально, возможно, относилось к лисе и шакалу.

‘Заяц’ — праиран. **śaha-* (ср. др.-инд. *śaśa-* < **śasā-*) — из производного от и.-е. **kas-* ‘серый’ (ср. др.-пруск. *sasins* ‘заяц’), см. [Pok. IEW, 553]. Рефлексы отмечены в восточноиранских языках.

‘Олень, лань’ — др.-иран. **gauāzna-*, **gauāśna-* или **gauasna-* — сложение из **gau-* ‘корова, бык’ (см. выше) + основа **aźna-* от глагольного корня **až-* ‘гнать, погонять; вести’, в производных также ‘охотиться’, см. [ЭСИЯ 1, 288 и сл.; ЭСИЯ 3, 207–208], в некоторых работах предлагается также трактовка второй части как основы слова **aža-* ‘коза, козел’ [Аб. ИЭСОЯ II, 320] и **aś(a)na-* ‘каменный’. См. ав.п. *gavasna-* — название животного [Barth. AiW, 510].

‘Свинья; кабан (домашний или дикий); домашняя свинья (?)’ — праиран. **hū-* > *xū-* < арийск. **sū-* (ср. др.-инд. *sū-* в *sūkara-* ‘свинья, кабан’) — из и.-е. **sū-* : *suu-os* ‘кабан, свинья’ [Pok. IEW, 1038–1039], о возможности домашнего разведения свиней древними индоевропейцами см. [Бенв. Словарь, 39]: ав. *hū-* ‘свинья, боров; кабан’.

‘Дикий кабан, вепрь’ — праиран. **uarāza-* (ср. др.-инд. *varāhā-* м.р. [Mh. KEWA-19, 150]). Более ранняя история неясна: возможно возведение к арийск. **uapr-āza-* и сопоставление с рус. *вепрь*, в таком случае в исходе основы можно предположить элемент **aža-*, отмечаемый и в названии оленя. Это было бы косвенным свидетельством этимологической связи **aža-* в названиях вепря и оленя с глагольной

основой *až- 'гнать, погонять; вести', а не с названием козы. Ав.п. ¹varāza- м.р. 'кабан, вепрь' (и ²varāza- — собственное имя божества) [Barth. AiW, 1366].

Основа *parša- 'поросенок, свинья' — из и.-е. *porko-s 'свинья, поросенок' [Pok. IEW, 841], рефлексy фиксируются в единичных иранских языках; о наличии основы в прошлом в большем ареале свидетельствуют ее заимствования в финно-угорские языки из иранского источника.

'Мышь' — праиран. *mūš (ср. др.-инд. *mūṣ-*, рус. *мышь*) — из и.-е. *mūs- [Pok. IEW, 752–753]: ав. п. *mūš-* — название потустороннего существа женского пола вида пэри [Barth. AiW, 1189].

О табуистических названиях мыши, возникших в разных восточноиранских языках от праиранской основы *paru- 'серый' или *para- 'зола, пепел' — из и.-е. *pel-, *pol-uo- 'серый, седой, половый', см. в гл. II. Ср. аналогичные образования обозначения мыши от слов 'серый, серенький': лтш. *pele*; лит. *pelė*, др.-прус. мн.ч. *peles* 'мыши', ср. также рус. *полчок*. Подробнее см. [Ed. Taboo, 127–128], см. также в гл. II.

'Червь' — праиран. *kṛmi- (и *karmi- ?) (ср. др.-инд. *kṛmi-*) — из и.-е. *k^wṛmi- [Pok. IEW, 649]: ср.-перс. *kirm* 'червь, змея'.

'Змея' — праиран. *aži- или *aži- (ср. др.-инд. *áhi-* 'змея; уж') — из и.-е. *ang^w(h)i-* или *eǵhi- (ср. рус. *уж, уг(о)рь*) [Pok. IEW, 43–45]: ав. *aži-* 'змея; змей, дракон' [Barth. AiW, 266]. Подробнее см. [ЭСИЯ 1, 297–298].

'Ёж' — праиран. *ažina- (?) из *eǵhi-no- 'относящийся к змее, змеед', ср. рус. *ёж*, лит. *ežys* [Pok. IEW, 292], подробнее см. [ЭСИЯ 1, 296].

'Дикобраз' — праиранский прототип неясен, возможно, *śukurna- — связанное с обозначением собаки или, скорее, представлявшее собой композит 'игло-шерстный; с игольчатой (*śuka-) шерстью (*urna-)': ав.п. *sukurəna-*.

'Выдра' — праиран. *udra- (ср. др.-инд. *udan-* 'вода' и *udrá-* — название водяного животного, вероятно 'речная выдра') — из и.-е. *udro- 'водяной зверь' от *ud-r- / *ud-n- 'вода' (ср. рус. *выдра*): ав.п. *udra-* 'выдра; речная выдра' [Barth. AiW, 387; Mh. EWA-3, 215, 218].

По-видимому, в праиранском, как и ранее, были продуктивны образования названий животных по внешнему виду, в частности по их окраске. Сюда могут относиться:

'Леопард, барс' — праиран. *pard-, *pṛd-, производное *pṛdanaka-, арийский прототип неясен (ср. др.-инд. *pṛdāku-* 1) 'пантера'; 2) 'тигр') — восходит к основе и.-е. *pard- (?) (ср. греч. *πάρδος* 'пантера'), см. [Mh. KEWA-12, 301 и сл.; Гамкр., Ив. ИЕ II, 500–501]

или **prđ-* ‘пестрый, яркий’ [Аб. ИЭСОЯ I, 450]: кл. перс., тадж. *palang* < **prđanaka-* и др.

Названия животных коричневого и/или желтого цвета **babru-* > **babra-* связаны этимологически с **baura-* ‘гнедой; темно-коричневый’: ав.п. *bawra-*, *bawri-* ‘бобр’, совр. перс. *bābr* ‘тигр’, тадж. *babr* ‘леопард’, дари *babr* ‘лев’ и др. [ЭСИЯ 2, 153]. Предположение о заимствовании названия тигра в виде **vagr* из др.-инд. *vyāghrá-* ‘тигр’ [Horn NP, 7; Horn Gr., 42], поддержанное затем некоторыми исследователями, опровергается фонетическим обликом среднеперсидских соответствий: *babr*, *bapr*, *papr*. Древнее **vagr* дало бы ср.-перс. **vayr*. Сюда же относятся названия пестрых животных, о которых подробнее см. в гл. II.

Общее праиранское название кошки не реконструируется, что объясняется относительно поздним появлением самого животного в повседневной жизни человека в этом ареале. Однако дикий кот здесь существовал. Возможно, к древнеиранскому диалектному корню типа **urp-* < и.-е. **ulp-* (обозначавшему небольшое животное, ср. название лисы) восходят совр. перс. *gorbe*, тадж. *gurba* ‘кошка’ < **urp-aka-*. Однако наиболее часты звукосимволические названия типа тадж. *pišak* ‘кошка’, производные от междометия *piš*, *piš* ‘кис-кис’ и т.п.

В. Птицы

‘Курица, петух’ — праиран. **kṛka-*, **kurka-* (ср. др.-инд. *kṛka-vāku-*, *kṛkara-*) — из очевидно звукосимволического варианта и.-е. **kerk-*, **kork-*, **krek-*, **krok-*, обычно — общее название для петуха и курицы: ав.п. *kahrka-* 1) ‘кукареканье петуха’; 2) ‘петух’ [Barth. AiW, 452]; в дальнейшем в разных языках вырабатывались основы женского рода типа **kṛkā-* и **kṛkī-* (или с поздними перегласовками по типу основ на *-ā и *-ī) для обозначения собственно курицы.

Этимологически связано с предыдущим словом обозначение хищных птиц: ‘орел, коршун; ястреб’ (?) по модели **kṛkāša-*, букв. ‘куроед’: ав.п. *kahrkāsa-* ‘коршун, ястреб’, см. [Barth. AiW, 452]; подробнее см. [ЭСИЯ 1, 235].

‘Утка’ — праиран. **āti-* (ср. др.-инд. *āti-* ‘водяная птица’) — из и.-е. **ati-*, **anti-* от **anət-* ‘утка’ (ср. рус. *утя*, *утка*) [Рок. IEW, 41–42]. Фиксируются разные суффиксальные образования от этой основы, подробнее см. [ЭСИЯ 1, 317].

Для обозначения вороны, галки, гуся, отчасти также других птиц с громкими резкими голосами использовались звукосимволические основы от глаголов со значениями ‘кричать, петь, звучать, пищать’ и т.п. Особенно продуктивны производные от корней типа **gar-* : *jar-* : *gr-*, **grā-* ‘кричать, взывать; подавать голос; звучать; шуметь’,

**žar-* — то же и т.п. Эти корни восходят к фонетически совпадающим рефлексам различных более ранних индоевропейских корней: и.-е. **ger-*, **grā-* 'шуметь, хрипло кричать' [Pok. IEW, 383–385]; и.-е. **gar-* 'издавать крик' [Pok. IEW, 383]; и.-е. **ghel-* 'кричать, взывать, громко звать' [Pok. IEW, 428]; и.-е. **gher-* — корень, отмеченный в звуко-символических словах обычно с редупликацией, а также с перегласовкой [Pok. IEW, 439]; и.-е. **gal-* 'кричать, взывать, громко звать' [Pok. IEW, 350–351]; и.-е. **g^wer(ə)-* 'возносить голос' (т.е. петь; восхвалять, прославлять и т.п.) [Pok. IEW, 478] и др. Часть таких названий птиц имеет аналоги в других индоевропейских языках: пшт. *zāṇa* ж.р., *zāṇau* м.р. 'журавль' ~ греч. γέρανος 'цапля, аист', лит. *garnūs* 'цапля', осет. *zærnyg*, *zyrnæg* 'журавль' [Аб. ИЭСОЯ IV, 304], одно из названий гуся: **ga(n)s-* 'гусь' и др. Сходные типы образования названий других птиц предполагаются и для праиранского состояния. Примеры и этимологии см. в гл. II.

Особняком стоит возможный прототип названия вороны, *ворона* — композит **ku-ṣarna-* от основы **ṣarna-*, если это не позднее сложение в восточноиранских языках. Во всяком случае, праиранское название **ṣarna-* 'ворона' сопоставимо с рус. *ворона* и имеет более глубокую историю, чем **ku-ṣarna-*. См. об этом образовании в гл. II.

Г. Насекомые

'Вошь' — праиран. **śuiš-* — возможно, табуированное слово, если связать его с индоевропейским **k^huei-* 'грязь' [Pok. IEW, 628], в дальнейшем получило широкое распространение в западной и восточной ветви иранских языков с глубокой древности.

'Гнида' — праиран. **likša-*, **rikša-* из арийск. **likša-* (ср. др.-инд. *likṣā-*) связано с и.-е. **erek-* 'вошь; клещ' (?), см. [Pok. IEW, 335]: перс. *rišk*. О фонетической стороне см. [Эд. СГВЯ-Ф, 61].

'Муравей' — праиранские или диалектные древнеиранские основы **mar-*, **mur-* из и.-е. **mor-ṣ-* и с метатезой **ṣor-m-* (ср. др.-инд. *vamrā-* 'муравей') связано с обозначением червя (подробнее см. [Гамкр., Ив. ИЕ II, 527]): тадж. *mur*, *murčak* 'муравей'.

'Блоха' — праиран. > **frušā-*, **frušt-* из арийск. **plušā-*, **plušt-* (ср. др.-инд. *plūṣi-* м.р. 'блоха'). Восходит к индоевропейскому обозначению блохи с фонетическими вариантами в анлауте и с метатезами в корне, связанными со звуковой символикой и табуированием, ср.: и.-е. **plus-* (> индоиран. **pluš-*, арм. *low*), и.-е. **pust-* (> лат. *pūlex* 'блоха'), и.-е. **psul-* (> греч. φύλλα), индоевропейские производные от **blou-*, **bhlou-*: *blusa-*, *bhleusa-* 'блоха'. Возможна также контаминация с производными от и.-е. **preu-* 'прыгать, скакать' (ср. др.-инд. *plava-* 'лягушка', др.-исл. *frauki*). См. также др.-верх.-нем.

flōh, нем. *Floh* 'блоха', лит. *bluša* 'блоха', слав. **blъxa*, чеш. *blecha*, рус. *блоха*, см. [Рок. IEW, 102; ЭССЯ-2, 129–130; Эд. Ир.-слав., 35]. Об отражении разных праформ в различных индоарийских языках: **pluṣi-*, **pruṣi-*, **pruci-*, **pricu-*, **priṣu-*, **prāṣu-* см. [Turner CDIAL, 9029, 14711], см. также [Mh. KEWA-13, 386; Mh. EWA-13, 197–198].

'Саранча; кузнечик' — праиран. **madaxa-*, ср. ав.п. *maḍaxa-* м.р., *maḍaxā-* ж.р. 'саранча' (дэвовское животное) [Barth. AiW, 1114].

'Муха, москит, комар' — праиран. **muxša-*, **maxša-* < **makša-*, **makaśa-* из арийск. **mak(a)ša-* с фонетическими вариантами (ср. др.-инд. *mákṣikā-* 'пчела'). Восходит к и.-е. **mus-* с разными индоевропейскими диалектными вариантами [Гамкр., Ив. ИЕ II, 534–535]: ав. п. *maxšī-* ж.р. 'муха'; кл. перс. *magas* [Barth. AiW, 1112].

'Оса, шершень, пчела' — праиран. **uabzā-* — из и.-е. **uobhsā-*, обозначавшего в данном ареале осу, шершня (ср. нем. *Wespe*, рус. *оса*) [Рок. IEW, 1179]. Надежного прототипа для названия медоносной пчелы нет, хотя наличие в праиранском и далее — в индоевропейском — названия меда предполагает существование и названия пчелы. Возможно, оно было вытеснено описательными (звукосимволическими или табуированными) названиями (см. [Аб. ИЭСОЯ I, 208, 210; Гамкр., Ив. ИЕ II, 602 и сл.]). В части иранских языков употребляются рефлексy **uabzā-* в значениях разных жалящих (и/или жужжащих) насекомых — осы, пчелы, шершня и иногда овода: см., например, ср.-перс. *vabz*, *vawz* 'Wespe', бел. *gvabz* 'пчела, оса, шершень', орм. *buzwa* 'паук', ав. *vawžaka-* — название какого-то демонического животного (в некоторых работах трактуется как 'паук' и ассоциируется с глаголом **uab-* / **uaf-* из и.-е. **uebh-* 'ткать, плести', в других — как 'скорпион'). О восточноиранских языках см. в гл. II.

1.5.1.5. Названия частей тела и внутренних органов

'Голова' — праиран. **śarah-* (ср. др.-инд. *śiras-*) — из и.-е. **ker-es-* от корня **ker-*, **kerə-* и т.д. 'верхняя часть тела; голова; рог (животного); вершина (горы)' [Рок. IEW, 574]: ав. *sarah-*.

Композит **ka-mṛda-* 'череп' из вопросительно-восклицательного местоимения **ka-* и именной основы **mṛda-*, **marda-* 'голова, череп' (ср. др.-инд. *mūrdhān-* 'голова, верхушка, лоб'), продолжающей и.-е. **melōdh-* : *molədh-* : *m_lədh-* 'верхушка, голова' (ср. др.-англ. *molde* 'верхушка головы') [Рок. IEW, 725]: ав. *ka-mərəda-* 'голова (дэвовского существа)', букв. 'что за голова'; продолжено в ср.-перс. (пехл.) *katāl* — то же. Ср. также, но без пейоративного оттенка в отдельных восточноиранских языках (см. гл. II).

‘Бровь’ — праиран. **(a)brū-*, в диалектах **afrū-* — через этапы **aphrū-* < **abhrū-* — с оглушением и спирантизацией (ср. др.-инд. *bhrū-*, *bhrū-ka-*) — из и.-е. **bhrū-* [Pok. IEW, 175–176]. Первый прототип продолжен в ав. *brvat-* и др., второй — в осет. *ærfyg* | *ærfug*, подробнее см. [ЭСИЯ 1, 75–77].

‘Глаз; глаза’ — праиран. **čašman-* < **čaššman-* от основы **čaš-* < **čašš-* (ср. др.-инд. *cákṣu-* ‘глаз’ от той же основы) от корня **kaś-* ‘смотреть’ — из и.-е. основы **k^wek̑-s-* от корня **k^wek̑-* [Pok. IEW, 638–639]: ав. *čašman-*, подробнее см. [ЭСИЯ 2, 238–239].

‘Глаз(а); очи’ — праиран. **axš-*, **aš-* отмечено в форме дв. числа **aši* — из арийского **akši* / **ač(i)i* (форма образована по аналогии с **uši* ‘уши’), связано с и.-е. **ok^w(e)s-* : **ok^ws-* — от глагола и.-е. **ok^w-* ‘видеть’ (ср. лат. *oculus*, рус. *око, очи*) [Pok. IEW, 776]: ав. *aši* дв.ч. ‘глаза’ [Barth. AiW, 229], подробнее см. [ЭСИЯ 1, 281–283].

‘Ухо; уши’ — праиран. **gauša-*, связанное с корнем **gauš-* : **guš-* ‘звучать; слышать’ (ср. др.-инд. *ghoṣa-* ‘звук; зов; крик’) [Pok. IEW, 454]: ав. *gaoša-*, др.-перс. *gauša-* [Barth. AiW, 486], подробнее см. также [ЭСИЯ 3, 250–252].

Праиран. **auš-* : *uš-* ‘ухо; уши’ < арийск. **auš-* : *uš-* (ср. др.-инд. *uṣī* ном. дв.ч. ‘уши; понимание, разум’) — из и.-е. **ōus-* : *əus-* : *us-* (ср. лат. *auris*, англ. *ear*, лит. *ausis*, рус. *ухо, уши*) [Pok. IEW, 785]: зафиксировано в ав.п. *uš-* 1) ‘ухо’ (ср.р., по отношению к ахуровским существам), ном. ед.ч. *uš* и в формах дв.ч. от осн. *ušī*; 2) ‘слух’; др.-перс. *ušīu* ‘уши’, ср.-перс. *uš*, кл. перс. *hōš* [Barth. AiW, 414], подробнее [ЭСИЯ 1, 268–269].

‘Зуб; зубы’ — праиран. **dant-* : *dat-*, **dantan-* : **dantān-* < арийск. **dant-* : **dat-* (< **dnt-*) и производных (ср. др.-инд. *dānt-*, *dat-*, *dān-* ‘зуб’) — из и.-е. **dont-*, **dent-* : **dnt-* [Pok. IEW, 289] (из более раннего прич. наст. вр. **edont-* : **edent-* от гл. и.-е. **ed-* ‘есть, кушать’): ав.п. *dantan-*, ср.-перс. *dandān* ‘зуб, зубы’, подробнее см. [ЭСИЯ 2, 329 и сл.].

‘Язык’ — праиран. **hižua-* : *hižū-* — из неясного арийского прототипа: по историко-фонетическим законам праиран. **hižua-* должно было продолжать арийск. **sih^hua-* и иметь древнеиндийское соответствие в виде **sihvā-*, однако такой формы не существовало, см. [Mh. KEWA-6, 436–437]: др.-инд. ведич. *jihvā-*, *juhū-* указывает на более раннее арийское **fij^hua-* при последующей диссимиляции, различной для праиранских и праиндоарийских диалектов. Может быть возведено к индоевропейскому (возможно, диалектному) прототипу **gīgh^hua-* — редуцированной основе глагола **g^hheu-* : **g^hhūa-* ‘звать, зывать’, т.е. ориентированному на значения ‘language, speech’, а не ‘tongue’. Прототипы и.-е. **d^hg^hhū-*, **d^hg^hhūa-* с перестановками в разных

группах индоевропейских языков и с появлением в арийских языках *-i- в результате ассоциации с древнеиндийским глаголом *lih-* 'лизать' [Pok. IEW, 223] мало объясняют облик этой основы в иранских языках в целом. Не проясняют картину и реконструированные М. Майрхофером индоевропейские праформы в виде **dṇḡ^hueh₂-* / **dṇḡ^huh₂-*, см. [Mh. EWA-8, 591–593]. Индоевропейские прототипы в разных группах индоевропейских языков неединообразны, ср.: арм. *lezu* (ген. *lezvi*) 'язык', *lezvak* 'язычок', лат. *lingua*, гот. *tuggo*, англо-сакс. *tungo*, англ. *tongue*, др.-верх.-нем. *zunga*, нем. *Zunge*, лит. *liežuvis*, церк.-слав. *jęзыкъ*, польск. *język*, рус. *язык* и др. Они были подвержены различным (по группам языков) изменениям по аналогии с производными от других слов (и по мнению ряда исследователей — в результате искажений при табуировании). Поэтому для реконструкции праиранского слова целесообразно ограничиться данными самих иранских языков и древнеиндийского, с учетом ассоциации с глаголом 'звать' (праиран. **záu-*, **zūā-* < и.-е. **ḡheu-* : **ḡhuā-*). Обсуждение индоевропейской этимологии данного слова см. [Pok. IEW, 223; Br., Mh. Handb., 125; ЭССЯ-6, 74–75; А6. ИЭСОЯ IV, 279; Эд. СГВЯ-Ф, 91; Mh. KEWA-6, 436–437, 442; Mh. EWA-8, 591–593; Buck Synop., 230]. Праиран. **hižūā-* : *hižū-* в большинстве иранских языков после древнего периода имеет тенденцию к утрате первого слога, возможно, в результате дальнейшего влияния гл. **záu-* : **zūā-* 'звать, зывать', с рефлексом **zū-* в виде **zb-* (аналогично **sū-* > **sp-*), а также к наращению субстантивирующих суффиксов.

Уже в древних иранских языках основы неединообразны: ср. ав.п. *hižvā-*, *hižvah-*, ав.г., п. *hižū-* 'язык', в композитах также ав.п. *hižu-* 'язык' [Barth. AiW, 1815–1816]; др.-перс. *hižū-*, *hižān(a)-* (засвидетельствована форма акк. ед.ч. *hižānam* {*hz'nm*}), мид. **hižbān-* 'язык' [Kent OP, 214; Br., Mh. Handb., 125]. В дальнейшем суффиксальные образования различаются по разным группам языков, материал см. в гл. II; подробнее см. также [ЭСИЯ 3, 403 и сл.].

'Нос' — праиран. **nah-* : *nāh-*, перед глухими согласными также **nas-* : *nās-* (ср. др.-инд. **nas-* : *nās-*) — из и.-е. **nas-* [Pok. IEW, 755]; ав. п., др.-перс. *nāh-* 'нос'.

'Лицо, передняя, лицевая часть; лоб' — **anīka-* < арийск. **anīka-* (ср. др.-инд. *ánika-* 'лицо, облик; внешний вид; передняя часть') — из производного от и.-е. **en-* или **eni-* [Pok. IEW, 311, 775–776]; ав.п. *ainika-* 'лицо, лоб; передняя часть', подробнее см. [ЭСИЯ 1, 171–172].

'Рука' — праиран. **žasta-* (ср. др.-инд. *hásta-*) — из и.-е. **ḡhesto-* [Pok. IEW, 447] и вторичное **dasta-* имеют «правильные» отражения в виде ав. *zasta-* и в языках юго-западной группы, где **ž* закономерно

переходит в $*\delta > d$: др.-перс. *dasta-*, ср.-перс. *dast*, кл. перс., тадж. *dast*, совр. перс. *dāst*, тат. *däs* и т.п. В языках северо-западной подгруппы и восточной группы, где начальное $*\acute{z}$ - должно было развиваться в $*z$ - (как в авестийском), налицо тем не менее рефлекс праиран. $*d$ -: гил. *dəs(t)*, курд. *dāst* и т.д. (о восточноиранских рефлексах этого слова с отражением анлаутного $*d$ - см. в гл. II). Это объясняется контаминацией рефлексов $*\acute{z}asta-$ с иными словами, связанными или ассоциировавшимися с понятием руки: 1) $*dasta-$ 'умелый, искусный' от корня $*dans-$ 'быть способным; быть правомочным' [Периханян 1973, 456]; 2) $*dašna-$, $*dašina-$ 'правая рука, десница' (ср. ав. *dašina-*, др.-инд. *dákṣiṇa-*, рус. *десница*) из и.-е. $*deks-$ [Рок. IEW, 190]; 3) $*dašta-$ от корня $*daś-$; 4) $*dasta-$ < *dad-ta-* 'делающая, создающая' от корня $*dā-$ 'создавать, устанавливать'; 5) 'подающая, воздающая' от корня $*dā-$ 'давать' [Кл., Богол. 1980, 128; Богол. Словообраз., 40–41]. См. подробнее [ЭСИЯ 2, 371 и сл.], там же более ранняя литература.

Праиран. $*bāzu-$ 'рука' (?) (ср. др.-инд. *bāhú-*) — из и.-е. $*bhāḡhu-$ [Рок. IEW, 108] в большинстве иранских языков имеет значения 'рука' и 'верхняя часть руки': ав. *bāzu-* 'рука', см. [ЭСИЯ 2, 371 и сл.].

Праиран. $*arma-$: $*rma-$ 'рука' (ср. др.-инд. *īrmá-*) — из и.-е. $*arə-mo-$: $*r-mo-$ 'рука' от корня и.-е. $*ar-$: $*r-$ с широким кругом значений (ср. нем. *Arm*) [Рок. IEW, 55 и сл.]: ав. *arəma-*, подробнее см. [ЭСИЯ 1, 225–226].

Соотношение между $*bāzu-$, $*\acute{z}asta-$ и $*arma-$ в праиранском состоянии неясно (ср. опыт сведения $*bāzu-$ и $*arma-$ в единую систему, связанную в конечном счете с «разделочной» терминологией [Дыбо А.В. Семант. рек.]).

'Локоть, локтевой сустав' — праиран. $*aratni-$, $*aratna-$, $*artna-$, а также диалектное $*arī-nā-$ (ср. др.-инд. *aratní-*) — из индоевропейских имен $*ole-$, $*ole-t-n-$ и $*olīnā-$ 'локоть, локтевой сустав' [Рок. IEW, 307–309], от корня и.-е. $*el-$: $*elēi-$, $*lēi-$ 'сгибать(-ся)': ав. *arəθna-*, др.-перс. *arašni-*, см. [ЭСИЯ 1, 213 и сл.].

'Плечо; плечевой сустав' — праиран. $*\acute{s}upti-$ (ср. др.-инд. *\acute{s}upti-*) — из и.-е. $*\acute{k}upti-$ от основы и.-е. $*\acute{k}up-$ 'плечо' [Рок. IEW, 627]: ав. *\acute{s}upti-* 'плечо'.

Праиран. или др.-иран. $*f\acute{s}āna-$ 'плечо; лопатка' или 'плоская поверхность тела'. Более ранняя история неясна: Г.Бейли [Bailey DKS, 67] реконструирует и.-е. $*psen-$, которое, по его мнению, существовало наряду с $*spen-$, ср. и.-е. $*sp(h)\acute{e}-$ [Рок. IEW, 982–983] и и.-е. $*p\acute{k}ten-$ [Рок. IEW, 797]: ср.-перс. *\acute{s}ānak*, *\acute{s}ānag* 'гребень; вилы' и 'лопатка (анат.)' — во втором значении [МасК. CPD, 79], кл. перс. *\acute{s}āna* 'плечо'; подробнее см. [ЭСИЯ 3, 88].

‘Нога’ — праиран. **pād-* (ср. др.-инд. *pāda-*, *pād-*, *pad-*) — из и.-е. **pēd-* : **pōd-* ‘нога’ [Pok. IEW, 790]: ав.г., п. *pad-* : *pād-* м.р. 1) ‘нога (человека и божества)’; 2) ‘нога, лапа (животного)’; 3) ‘стих, часть стиха’; др.-перс. *pād-* ‘нога’; ср. ав.г. *pada-*, ав.п. *paða-* 1) ‘нога (как мера длины)’ (т.е. фут); 2) ‘стих; часть стиха’ [Barth. AiW, 842], возможно, связанное также со следующим прототипом.

‘Ступня, стопа’ → ‘след ноги’ — праиран. **pada-* — основа, которую иногда трактуют как вариант предыдущего слова, хотя на деле они различаются семантически и грамматически (ср. др.-инд. *padá-*) — из и.-е. **ped-*, **pod-*, **pedo-* ‘след ноги, место для ног(и)’ [Pok. IEW, 790–791]: ав.г. *pada-*, ав.п. *paða-* ср.р. ‘ступня, стопа, след’, др.-перс. *pada-* — то же [Barth. AiW, 842].

‘Колено’ — праиран. **žānu-* и **žnū-* > **šnū-*, **žnū-* (ср. др.-инд. *jānu-* ‘колено’, **abhi-jñú-* ‘до колен’) — из и.-е. **ġenu-*, **ġneu-* : **ġnū-* [Pok. IEW, 380–381]; из прототипа **žānu-* большинство обозначений в западных и восточных иранских языках (см. гл. II); из прототипа **žnū-*, **šnū-*: ав. *žnū-*, *šnū-*, *xšnū-* [Barth. AiW, 559, 1717] и рефлексy в отдельных языках западной и восточной групп. Подробнее см. в гл. II.

‘Палец (руки и ноги)’ — два родственных праиранских прототипа: 1) праиран. **anguli-*; 2) праиран. **angušta-*, **angušti-*. Оба названия из арийских и индоевропейских прототипов, однако первое более архаично, с аналогами в разных индоевропейских языках: 1) **anguli-* ‘палец’ (ср. др.-инд. *angūli-*, *angūri-*) — из и.-е. **anguli-*, производного от основы **angu-* ‘сустав, угол’ — от глагола и.-е. **ank-*, **ang-* ‘гнуть(-ся); сгибать(-ся)’ (ср. лат. *angulūs*, церк.-слав. *ог(ъ)лъ*, рус. *угол*, англ. *ankle*, др.-норв. *okkla* ‘сустав на ноге’) [Pok. IEW, 45–47; Mh. KEWA-1, 21–22; Mh. EWA-1, 48–49]. Рефлексы засвидетельствованы как архаизмы в единичных «малых» языках (материал см. в гл. II); 2) **angušta-* из арийской производной основы **angušt(h)a-* и возможной вторичной **angušt(h)i-* (ср. др.-инд. *anguṣṭha-*), от той же индоевропейской основы **ang(u)-*. Образование по модели превосходной степени, возможно, с первоначальным значением ‘большой палец’, в отличие от остальных: ав.п. *angušta-* ‘палец (руки, ноги)’ [Barth. AiW, 130–131]. Рефлексы засвидетельствованы почти во всех иранских языках, включая восточноиранские. Подробнее об этой паре основ и их продолжениях см. [Эд. «Малые» языки, 235–236; ЭСИЯ 1, 168 и сл.].

‘Рог; ноготь’ — праиран. **srū-*, **srūā-* (ср. др.-инд. *śṛṅga-* ‘рог’) — из производных от и.-е. корня **ker-*, **kereu-* с наращениями [Pok. IEW, 574 и сл.]: ав.п. *srū-*, *srūā-* 1) ‘ноготь’; 2) ‘рог (животного)’ [Barth. AiW, 1647–1648].

‘Копыто’ — праиран. **śapa-* / **śafa-* из индоиран. **śap(h)a-* < арийск. **śap(h)a-* (ср. др.-инд. *śapha-*) — из и.-е. **kopho-* ‘копыто’: ав.п. *safa-* ‘копыто (лошади)’ [Barth. AiW, 1557].

‘Пятка’ — праиран. **pāršni-*, **pāršna-* (ср. др.-инд. *pārṣṇi-* [Mh. EWA-12, 123–124]) — из и.-е. **persnī-*, **persnā-* [Pok. IEW, 823]: ав.п. *pāšna-* ‘пятка’ [Barth. AiW, 891].

‘Ягодицы, зад; бёдра’ — праиран. **śrauni-* (ср. др.-инд. *śrōṇi-*) — из и.-е. **klouni-* от **kleu-* : **klō(u)-* [Pok. IEW, 607–608]: ав.п. *sraoni-* ‘зад’ [Barth. AiW, 1633].

‘Бедро’ — праиран. **rāna-* < **hrāna-* ‘бедро’ — из и.-е. **srēno-*, **srēnā-* ‘часть тела: бедро, ляжка’ [Pok. IEW, 1002]: ав.п. *rāna-* ‘бедро; внешняя часть бедра’ [Barth. AiW, 1523].

‘Кость, кости’ — праиран. **ast-*, **asti-* (ср. др.-инд. *asthi-*) — из и.-е. **ost(h)-*, **ost(h)i-* [Pok. IEW, 783]: ав.г., п. *ast-* ‘кость’, ав.п. *asti-* ‘кость’ [Barth. AiW, 211, 213], подробнее см. [ЭСИЯ 1, 232–234].

‘Спина’ — праиран. **pršta-*, **pršti-* (ср. др.-инд. *prṣṭha-* ‘спина’, при *prṣṭi-* ‘ребро’ [Mh. EWA-13, 165–166]) — из сочетания и.-е. **pr-* + основы глагола **stā-* ‘стоять’ [Pok. IEW, 813]: ав. *paršta-*, *paršti-* ‘спина’ [Barth. AiW, 878].

‘Грудь’ — праиран. **uarah-* ‘грудь’ — из арийск. **uaras-* (? , ср. др.-инд. *úra-* ‘грудь’ [Mh. KEWA-2, 109]). Восходит к и.-е. **ueros-* ‘грудь’ [Pok. IEW, 1165]: ав. **uarah-*, отраженное в ср.-перс. (пехл.) *war* ‘грудь’; кл. перс., тадж. *bar* [Раст. СИГЗЯ-Ф, 101].

‘Ребро, рёбра; бок, сторона’ — праиран. **parśu-*, **prśu-* (ср. др.-инд. *pársu-* ‘ребро’ [Mh. EWA-12, 100–101], *pārsvā-* ‘бок’) — из и.-е. **perk-* ‘рёбра, грудь’ (ср. церк.-слав. *prъsi*) [Pok. IEW, 820]: ав. *parasu-*, *pərasu-* [Barth. AiW, 896].

‘Хвост’ — праиран. **dumb-*, *dumb(a)-* — из и.-е. **dumb-*, **dumbh-* [Pok. IEW, 227]: ав.п. *duma-* ‘хвост’ и ав.п. *dumna-* < **dumbhna-* [Barth. AiW, 749–750], подробнее см. [ЭСИЯ 2, 479 и сл.].

‘Пуп, пуповина’ → ‘родня, род; племя, народ’ — праиран. **nāb-* и **nāf-* (вариант **nāf-* — через этап оглушения **nābh-* в **nāph-*) < арийск. *nābh-* (ср. др.-инд. *nābhya-*, *nābhi-* ‘пуп, пуповина’) — из и.-е. **nōbh-* ‘пуповина; родство’ [Pok. IEW, 314–315]: ав.п. *nabā-* ‘родственный’ в композите *nabā-nazdišta-* ‘ближайший родственник (?)’ [Barth. AiW, 1040], ав.п. *nāfa-* 1) ‘пуп’; 2) ‘родня; семья’ [Barth. AiW, 1062].

‘Кожа, шкура’ — праиран. **čarman-* (ср. др.-инд. *cárman-* ‘шкура, кожа’) — из и.-е. **(s)ker-tan-* ‘снятая шкура’, производного от и.-е. **(s)ker-* ‘срезать; отрезать, стричь’ [Pok. IEW, 938–947]: ав. *čarətan-*, др.-перс. *čarman-* ‘шкура, кожа’ [Barth. AiW, 582], см. [ЭСИЯ 2, 231–232].

Древнеиранская (диалектная?) производная основа **pausta-* отмечается в значении 'кожа, шкура' в юго-западных языках и в виде заимствований в другие языки. Ср. др.-перс. *pavastā* 'глиняная оболочка таблетки с надписью'.

'Печень' — праиран. **iak-r-* / **iak-n-* (ср. др.-инд. *yákṛt-*, ген. *yaknáḥ* 'печень') — из и.-е. **iēk^w-r(t)-* / **iek^w-n-* [Pok. IEW, 504]: ав. *yākarə-*, др.-перс. **yakar-*, тадж. *jigar* 'печень'.

'Почка; почки' — праиран. **urd-ka-* (или **urt-ka-*) анат. 'почка, почки' — из арийск. **urd-ka-* (ср. др.-инд. *vrkkāu* 'почки' дв.ч.); ав. *vərədka-* 'почки' дв.ч., *vərətka-* [Barth. AiW, 1420]; ср.-перс. *gurtak*, кл. перс., тадж. *gurda* анат. 'почка, почки'.

'Сердце' — праиран. **zard-*, **zardi-*, **zrdiia-*, **zardaia-*, **zrd-* < арийск. **jhard-*, **jhardi-*, **jhardaiā-*, **jhrd-* (ср. др.-инд. *hṛd-* 'сердце', *hārdi-* 'живот', где *h-* < **ǵh-*) — из озвонченных ареальных вариантов и.-е. **ǵhērd-*, **ǵhrd-* и т.п. от и.-е. **kērd-*, **kṛd-* и т.п. 'сердце' [Pok. IEW, 579–580]: ав. *zərəd-*, *zərədaya-* 'сердце'.

'Мозг' — праиран. **māzga-* (ср. др.-инд. *majjā-*, где *jj* < **-zgi-*) — из и.-е. **moz-g-o-* [Pok. IEW, 750]: ав. *mazga-*.

'Подбородок, челюсть' — праиран. **zānu-* (ср. др.-инд. *hānu-* ж.р. 'челюсть') — из и.-е. **ǵenu-* 'подбородок, челюсть' (ср. греч. *γεγυς* ж.р. 'челюсть, щека, подбородок') [Pok. IEW, 381]: ав. **zānu-* 'подбородок' в составе композита ав.п. *zānu.drūjah-* [Barth. AiW, 1689].

'Загрибок, затылок; задняя часть шеи; грива' — праиран. **grīuā-* : *graiuā-* 'шея; затылок; загривок' < арийск. **grīuā-* (ср. др.-инд. *grīvā-* ж.р. 'затылок, загривок, задняя часть шеи') — из и.-е. **ǵ^wrī-uā-* 'шея, место у шеи' (ср. лтш. *grīva* 'устье реки', церк.-слав. *grīva*, рус. *грува*) [Pok. IEW, 475; Mh. EWA-7, 509; Фасмер I, 458; ЭССЯ-7, 130]: ав.п. *grīvā-* 'шея, затылок (дэвовских существ)' [Barth. AiW, 530], подробнее см. [ЭСИЯ 3, 291–292].

'Кишка; кишки' — праиран. или др.-иран. **rauta-* — производное от гл. **rau-*, **hrau-* в значении 'течь'. Древность слова неясна. Ср. кл. перс. *rōda*, тадж. *rūda*.

'Кишка, vagina' — праиран. **guda-* — из арийск. **guda-* (ср. др.-инд. *gudā-* м., ср. р. 'кишка, задний проход, vagina'). Более ранняя история неясна, возможно, это продолжение и.-е. **gu-d-ó-* 'кишка', если считать его производным от корня **geu-d-* [Pok. IEW, 393], анализ см. в [Mh. EWA-7, 490]: ав.п. *gūda-* — название ответвления, протока (?) *Raphā* [Barth. AiW, 524]; надежных продолжений в поздних иранских языках не найдено, см. также [ЭСИЯ 3, 293].

'Волосы':

1) праиран. **uarśa-* 'волосы (человека и животного?)' (ср. др.-инд. *vālśa-* м.р. 'ветка') — из и.-е. **uel-k-* (ср. рус. *волос*) [Pok. IEW, 1374]:

ав.п. *varəsa-* м., ср.р. единичное и собирательное 'волос (человека и животного, обычно на голове)' [Barth. AiW, 1374];

2) праиран. **gauna-* : *guna-* 'волосы; масть; цвет' → 'вид' < арийск. **gauna-* : *guna-* (ср. др.-инд. *guna-* 'качество, цвет', ведич. *guṇá-* 'нить; волокно') — из и.-е. **gou-no-m* 'нечто вьющееся, изогнутое; сводчатое' [Pok. IEW, 393, 397] от и.-е. **gēu-* : *gəu-*, *gū-* 'гнуть, сгибать(-ся), образовывать свод' [Pok. IEW, 393–398; Mh. KEWA-5, 338; Mh. KEWA-26, 695; Mh. EWA-7, 489–490; Fr. LEW I, 149]; ав.п. *gaona-* 1) 'волосы'; 2) 'цвет волос; цвет, масть' [Barth. AiW, 482]; др.-перс. **gauna-* 'волосы' в производном слове **gaunaka-* и.с. (из эламского источника), букв. 'волосатый' [Hinz NÜ, 105]; подробнее см. [ЭСИЯ 3, 240 и сл.];

3) праиран. **gaiša-* 'кудри, локоны', **gaišu-* 'кудрявый' из арийск. **gaiśa-*? (ср. др.-инд. *kéśa-* 'волосы на голове' — контаминация **géśa-* и *késara-*? [Mh. KEWA-4, 267; Mh. EWA-6, 401]). Более ранняя история не вполне ясна. См. ав.п. *gaēsa-* 'кудри, локоны', *gaēsu-* 1) 'кудрявый'; 2) 'косматый, лохматый' [Barth. AiW, 480], о различиях в анлауте авестийского и древнеиндийского слов см. также [Mh. KEWA-4, 267]; подробнее см. [ЭСИЯ 3, 115 и сл.];

4) праиран. **drau-*, **drauca-* 'волосок, волос', более ранняя история неясна. Рефлексы отмечены в языке ормури (кан. *dr^a*, лог. *dri*), в дардских языках и в ряде восточноиранских (см. гл. II). Не исключен ареальный характер. См. подробнее [ЭСИЯ 2, 461–462].

'Шерсть (на животном или соскобленная, находящаяся в обработке)' — праиран. **uarnā-* : **urnā-* < арийск. **uarnā-* : **urnā-* (ср. др.-инд. *ūrṇā-* 'шерсть') — из и.-е. корня **uel-*, **uelə-*, фигурирующего в словах со значениями 'волосы, шерсть', а также 'трава, лес' (ср. рус. диал. *волна* 'неспряденная шерсть') [Pok. IEW, 1139]; ав.п. *varənā-* 1) 'шерсть животного'; 2) 'кудри; локоны' [Barth. AiW, 1372].

Праиран. **darśa-* : **dṛśa-* : **dārsā-* 'грубая шерсть (козы, яка)' < арийск. **darć-* : **dṛć-* — из и.-е. **dar-k-* или **dṛ-k-ó-* или является праиранским заимствованием из древнеиндийского, ср. др.-инд. *dūrśa-* 'вид грубой одежды из (козьей) шкуры'. Связано этимологически с праиранским корнем **dar-* : *dṛ-* : *drā-* 'рвать, разрывать' и с названиями шкуры, кожи, ср. греч. *δέρμα* (подробнее см. [ЭСИЯ 2, 353 и сл.]).

1.5.1.6. Слова, связанные с жизнедеятельностью

'Кровь' — праиран. **uahu-*, **uahunī-*, **uahuṇa-*, **uahuṇi-* 'кровь' — из производного от и.-е. корня **ues-* 'увлажнять; сочить-ся; мокрый' [Pok. IEW 1171–1172]. Продолжение раннего праиран.

**uahu-* ‘кровь’ отразилось в авестийском производном *vaṇhu.θwa-* ‘кровавый бой, кровопролитие’ [Barth. AiW 1349], ав. *vaṇhutāt-* ‘кровь’ [Сок. ЯА, 333]. Во многих иранских языках продолжились прототип **uahuani-* > **x^vahuni-*, образовавшийся очевидно путем метатезы слогов из более раннего **uahunī-* (с переходами *xu-* и *x^va-* < **x^va-* < **h₂ua-* < **hu-* через этапы **uax^vani-* < **uahuani-*?), и рефлексy **uahunī-*, **uahunī-*. Ср. ав. *voḥunī-* < **x^vahuni-* и *voḥuna-* [Barth. AiW 1434; Сок. ЯА, 332–333]; кл. перс. *xūn*; сив. *fīn* ‘кровь’.

‘Слеза; слезы’ — праиран. **asru-* < арийск. **ácru-* (ср. др.-инд. *ásru-* ‘слеза; слезы’) — из и.-е. **akru-* ‘слеза’ (ср. тох. А *ākār*, лит. *ašarà*, *āšara* ‘слеза’) — варианта и.-е. **daḥru-* ‘слеза’ [Pok. IEW, 23, 179]; ав.п. *asrū-* ‘слеза’, подробнее см. [ЭСИЯ 1, 241 и сл.].

‘Пот; потеть’ — праиран. **h₂aid-* : *h₂id-* > **x^vaid-* : *x^vid-* ‘потеть’ < арийск. **suid-* : *suid-* (ср. др.-инд. *sved-* : *svid-* ‘потеть’) — из и.-е. **sueid-* ‘потеть’; а также имя праиран. **h₂aida-* > **x^vaida-* ‘пот’ (ср. др.-инд. *svēda-* м.р. ‘пот’) из и.-е. **suoido-* ‘пот’ (ср. лат. *sudāre* ‘потеть’, *sūdor*, *sūdōris* ‘пот’, нем. *schwitzen*, др.-верх.-нем. *swizzen* ‘потеть’, нем. *Schweiß* ‘пот’) [Pok. IEW, 1043]; ав.п. *x^vaēd-* ‘потеть’ [Barth. AiW, 1860; Сок. ЯА, 261]; ср.-перс. *x^vist*, *x^vistak* (пехл. {*hwyst*}) ‘вспотевший, потный’ — прич. прош. вр. от гл. ‘потеть’ [Barth. AiW, 1860]; ср.-перс. инф. *x^vistan* ‘потеть’; ав.п. *x^vaēda-* м.р. ‘пот’ [Barth. AiW, 1860] и др. Подробнее см. [ЭСИЯ 3, 455 и сл.].

‘Моча; мочиться’ — глагол и отглагольные имена от корня **maiž-* : *miž-* ‘мочиться’ < арийск. **maiḥ-* (ср. др.-инд. *meh-*) — из и.-е. **meiḡh-* [Pok. IEW, 713]; ав. *maez-*, ср.-перс., кл. перс. *mēz-*.

‘Кал’ — праиран. **gūta-*, **gūḍa-* ‘кал, навоз, экскременты’ — из арийск. **gūt(h)a-* (ср. др.-инд. *gūthá-* ‘экскременты; грязь; нечистоты’, *guvāti* ‘испражняется’, прич. перф. *gūna-* ‘испражнения’). Возводится к одному из производных от и.-е. **g^wōu-*, **g^wū-* ‘грязь, навоз, экскременты; нечто отвратительное’ (ср. др.-верх.-нем. *quāt*, нем. *Kot* ‘испражнения’, арм. *ku*, *koṅ* ‘навоз, помет’; праслав. **govno*, рус. *говно* и др.), см. [Pok. IEW, 483–484; Mh. KEWA-5, 341–342; Mh. EWA-22, 160]; ав.п. *gūḍa-* ‘нечистоты, кал; помет, навоз’ [Barth. AiW, 524]; подробнее см. также [ЭСИЯ 3, 294–295];

праиран. **darta-* : **dṛta-*, **darti-* ‘навоз, кал’ из арийск. **dharta-* : **dhrta-*, **dharti-*. Возводится к и.-е. **dhr-to-* от корня **dher-* ‘нечистоты; испражняться’ [Pok. IEW, 206–208]. Рефлексы отмечены в восточноиранских языках Средней и Центральной Азии, подробнее см. [ЭСИЯ 2, 356–357].

Единого праиранского глагола со значением ‘испражняться’ не прослеживается. Отмечаются праформы **rai-* / **lai-* и **xard-*, привязанные к определенным группам языков и ареалам, однако противоположения

восточноиранских и западноиранских языков по данным основам не наблюдается, ср.:

**rai-* : *ri-* и *lai-* : *lī-* ‘испражняться’ — из и.-е. **lei-* ‘лить’ (но и и.-е. **lei-* ‘мазать; слизь’), возможно, при контаминации с и.-е. **reiǝ-* : *rī-* [Pok. IEW, 330, 664]: ав.п. *ray-*, инф. *-irita-* ‘испражняться’ [Barth. AiW, 1511]; ср.-перс. *ri(y)-* : *rīd-*; кл. перс. *rīn-* : *rīd-* ‘испражняться’; тадж. *rin-* : *rid-*, инф. *ridan* ‘испражняться’. О других соответствиях этого корня см. [Эд. Ир.-слав., 165–166].

**xard-* ‘испражняться’, которое может быть возведено к и.-е. **ker-* ‘грязный, серый; мутный, нечистый по цвету’ с распространителем **-d* в значении ‘мазать, пачкать’ [С ГОЯШ, 58], см. также [Morg. EVSh, 78].

1.5.1.7. Дом

‘Дом, жилище’:

1) праиран. **dam-*, **dama-*, **d(a)man-*, **dmana-*, **nmana-* — из арийск. **dam-*, **dama-*, **dmā-*, **dmāna-* (ср. др.-инд. *dām-*, *dama-* и *māna-* ‘здание, жилище, жилье’). Варианты восходят к соответствующим основам и.-е. **dēm-*, **dōm-*, **dm-*, *dm̥-*, **domo-* и др. (о происхождении индоевропейских основ есть разные мнения, ср. [Pok. IEW, 198–199; Szem. Kin., 78, 95; Бенв. Словарь, 196–204]): ав.г., п. *dam-* ‘дом, жилище’, *nēmō*, *dēmāna-*, ав.п. *nmāna-* ‘жилище, дом’; ср.-перс., парф. *mān* ‘дом, жилище, дворец’, кл. перс. *mān* ‘дом, домашняя утварь’, подробнее см. [ЭСИЯ 2, 324 и сл.];

2) праиран. или др.-иран. **kata-*, **xata-* ‘дом, хижина’ < **k(h)ŋ-to-*, связанного этимологически с глаголом **kan-* / **хан-* ‘копать, рыть’ — из арийского **k(h)an-* — то же: ав.п. *kata-* ‘хижина; келья’; о вариантах с **k-*, **x-* в более поздних языках см. в гл. II.

3) праиран. **gr̥da-* ‘дом, жилище’ < арийск. **gr̥dha-* (ср. др.-инд. *gr̥hā-* м.р. ‘дом, жилище’) — из и.-е. **gh̥rdhó-*, связанного этимологически с и.-е. **gherdh-* ‘охватывать, огораживать’ (ср. алб. *garth* ‘ограда’, гот. *gards* ‘дом’, слав. **gordь*, церк.-слав. *gradь*, рус. *город*, *огород*, *ограда*) [Pok. IEW, 444; ЭССЯ-7, 33–40; Mh. EWA-7, 495]: ав.п. *gər̥da-* м.р. ‘нора, пещера — жилище (дэвовских существ)’ [Barth. AiW, 522–523]; др.-перс. **gr̥d(y)a-* ‘раб, слуга’ (как относящийся к дому) [Hinz NÜ, 107; Оранский ИЯИО, 67], там же литература; подробнее см. [ЭСИЯ 3, 292–293];

4) праиран. **uis-*, **uisa-* ‘дом, селение; клан, род’ — из арийск. **uić(a)-* (ср. др.-инд. *viś-* ‘дом, жилище’) — производного от и.-е. **ueik-* : *uik-*, **uoiko-* ‘дом, селение; место проживания’ [Pok. IEW, 1131]: ав. *vis-* ‘дом, селение; клан’.

‘Двери, дверь (двустворчатая)’ — праиран. **d̥uar-* / **d̥uār-* ‘дверь, двери; ворота’, а также ‘двор, дворовые постройки; утварь’ < арийск. **d̥uar-* / **d̥uār-* : **dur-* (ср. др.-инд. *dvār-* в формах дв. и мн.числа *dvārau-*, *dvārā-* ‘двери; ворота; обе створки двери’) — из и.-е. **dh̥uē-* : **dh̥uō-* : **dhur-* : **dh̥ur-* (ср. нем. *Tür* ‘дверь’, *Tor* ‘ворота’, рус. *дверь*) [Pok. IEW, 278–279]: ав.п. *dvar-* 1) ‘ворота, двери’; 2) ‘проход в горах’, подробнее см. [ЭСИЯ 2, 499 и сл.].

1.5.1.8. Другие термины (Outdoor terms)

‘Дорога, путь’ — праиран. **panta-* : *paθ(a)-* < арийск. **pantha-* : **patha-* (ср. др.-инд. *panthā-*) — из и.-е. **pont(h)ā-* : *pnt(h)ə-* ‘путь, дорога, переправа, мост’ (ср. англ. *path*, слав. **pōtь*, рус. *путь*), производного от глагола и.-е. **pent-* ‘идти’ [Pok. IEW, 808–809]: ав.п. *panti-*, ав.г., п. *paθ-* [Barth. AiW, 847–848].

‘Переправа, брод’ → ‘мост’:

1) праиран. **prt̥u-* ‘переправа’ — производное от глагола **par-* ‘переправляться, переходить’: ав. *pəratu-* ‘брод’, кл. перс. *pul* ‘мост’;

2) праиран. **haitu-* ‘мост’ (← ‘плетеный, скрепленный, связанный’); плотина, запруда — из арийск. **saitu-* (ср. др.-инд. *sētu-* ‘узы, оковы; дамба, мост’, этимологически связанное с глаголом др.-инд. *sā-* / *say-* ‘связывать’). Восходит к производному с распространителем **-t-* от глагола и.-е. **sē(i)-*, *-səi-* : *sī-*, **sei-* : *si-* ‘связывать (в том числе и колдовством); веревка, ремень’ (ср. др.-прус. *saytan* ‘ремень’, лит. *saĩtas* ‘узы; привязь’, ст.-слав. *sěťь*, рус. *сеть*) [Pok. IEW, 891–892; Mh. KEWA-24, 501; Fr. LEW II, 156; Mh. EWA-19, 720; Mh. EWA-20, 721, 745]: ав.п. *haētu-* ‘мост; дамба, плотина’ [Barth. AiW, 1728]; о рефлексам в поздних языках см. в гл. II, см. также [ЭСИЯ 3, 399–400].

‘Колесо’ праиран. **čaxra-* < **čakra-* из арийск. *čakra-*, ср. др.-инд. *cakra-* ‘колесо’. Восходит к и.-е. **k^wek^wlo-*, **k^wok^wlo-* ‘круг, колесо’ [Pok. IEW, 640]: ав.п. *čaxra-* ‘колесо’, подробнее см. [ЭСИЯ 2, 248 и сл.].

О праиран. **nāu-* ‘пустой или выдолбленный ствол дерева’ см. с. 94–96.

1.5.1.9. Названия растений

‘Дерево’ — праиран. **daru-*, **dāru-*, **drau-* : *dru-*, **druça-* : **dr̥ça-* ‘дерево (как растение); древесина, дерево (как материал)’ < арийск. **daru-*, **dāru-*, **drau-* : *dru-*, **druça-* : **dr̥ça-* (ср. др.-инд. *dāru-* ‘древесина’) — из и.-е. **deru-*, **dreu-* : *dru-* и т.п. (ср. рус. *дерево*) [Pok. IEW, 214–217]: ав.п. *dāru-*, *drav-* : *dru-* [Barth. AiW, 738–739], подробнее см. [ЭСИЯ 2, 357 и сл.].

‘Дерево; лес’ — праиран. **uana-* < арийск. **uana-* (ср. др.-инд. *vāna-* ср.р. ‘лес; дерево’, *vānā-* ж.р. ‘кусочек дерева; древесина’): ав.п. **van-* ж.р. ‘дерево’, ав.п. *vanā-* ж.р. ‘дерево’ [Barth. AiW, 1353–1354], ср.-перс. (перевод авестийского) *van* ‘дерево’.

Виды деревьев (наиболее старые названия):

‘Береза’ — праиран. **barza-* : **brza-* : **barzi-*, **barzi-na-* < арийск. **bharj(i)-* (ср. др.-инд. *bhūrjā-* ‘вид березы’) — из и.-е. **bhērāg-*, **bhṛg-* ‘береза’ ← ‘светлый, белый’ (ср. рус. *береза*) [Pok. IEW, 139]: пар. *bhīn* ‘дерево’ < **baržina-* (переход семантики связан с отсутствием берез в ареале [Morg. IFL I, 240]), подробнее см. [ЭСИЯ 2, 127 и сл.].

‘Древоидный можжевельник, арча’ — праиран. **ha(m)prši-*, **ha(m)pršā-* — возможно, связано этимологически с **³ham-* ‘лето’, если учесть, что это вечнозеленое дерево (‘лета просящий’?). Более древняя история неясна. В наиболее раннем прототипе праиран. **-š-* < и.-е. **-k-*. См. ав.п. *hapərəsī-* — название растения (использовавшегося для приношения священному огню) [Barth. AiW, 1765]; др.-перс. **haprda-*, **haprduya-* (из эламского источника), мид. **haprsa-* (из аккадского источника) — и.с., букв. ‘можжевельник’ [Mh. OnP, 437–438; Hinz NÜ, 19, 117]; ср.-перс. (?), парф. *’bwr(s)* ‘можжевельник’ [Gersh. Amber, 179] и др., см. также гл. II. Подробнее см. [ЭСИЯ 3, 356–357].

‘Ива, лоза’ — праиран. **uaiti-*, **uaita-* ‘лоза, ива’ < арийск. **uaiti-*, **uaita-* (ср. др.-инд. *veta-*, *vetasā-* ‘камыш, прут’). Имя связано с корнем глагола **uai-* : **uī-* ‘вить, обвивать; гнуть(-ся)’ — из и.-е. **uei-* ‘гнуть(ся), вить(ся)’ (ср. др.-верх.-нем. *wīda* ж.р., нем. *Weide* ‘ива’, лат. *uītis*, лит. *vytis* ‘ива’, рус. *ветла*) [Pok. IEW, 1122; Фасмер I, 306]: ав.п. *vaēti-* ‘ива, ивовый прут’ [Barth. AiW, 1314].

‘Цветок, роза’ — праиран. **uarda-* — производное от глагольного корня **uard-* ‘расти’: ав. *varəda-* ‘роза’ [Barth. AiW, 1369]; ср.-перс., кл. перс., тадж. *gul*; сив. *vel*, *vele*.

Ниже приводятся прототипы названий некоторых культурных растений, в основном тех, которые отмечены в языках Памиро-Гиндукушского региона, подробнее о них см. в работе [Ст.-К. Назв. раст., 128–129].

‘Пшеница’ — праиран. **gantūma-*, **ganduma-* ‘пшеница’ — слово сходно с др.-инд. *godhūma-* ‘пшеница’, однако из-за отсутствия закономерных звукосоответствий общеарийский прототип не реконструируется; возможно, название было ранним культурным заимствованием в арийские языки либо претерпело изменения, связанные с народной этимологией, см. [Barth. AiW, 495], подробнее с литературой см. [Mh. EWA-7, 498–499]: ав.п. *gantuma-* м.р. ‘пшеница’, об этимологии см. [Barth. AiW, 495], подробнее см. [ЭСИЯ 3, 150–152].

‘Зерно, злаки; жито’ — праиран. **īaça-*, рефлексы которого в разных языках употребляются в обозначениях разных злаков, < арийск. **īaça-* (ср. др.-инд. *yáva-* ‘зерно, ячмень’) — из и.-е. **īeço-* ‘хлеб в зерне, злаки’ [Pok. IEW, 512]; ав.п. *yava-* ‘злак’ [Barth. AiW, 1265–1266]; подробнее о рефlekсах см. в гл. II.

‘Зерно, хлеб в зерне; злак; зерно, зернышко’ — праиран. **dāna-* < арийск. **dhāna-* (ср. др.-инд. *dhānā-* ж.р., мн.ч. ‘хлебá; зерно (семенное); поджаренные хлебные зерна’) — из и.-е. **dhōnā-*, см. [Pok. IEW, 242; Mh. EWA-10, 787]; ав.п. *dāna-* ‘зерно’, подробнее с литературой см. [ЭСИЯ 2, 448 и сл.].

‘Ячмень’ — праиран. или др.-иран. **kaśaka-*, в древних иранских языках не засвидетельствовано, о поздних языках см. в гл. II.

‘Просо’ — праиран. или др.-иран. **(h)aržana-* или **ārzana-*, обозначавшее по ареалам разные растения, судя по рефlekсам, преимущественно ‘просо’ — из арийск. **āržana-*, однако, возможно, термин передавался по цепочке заимствований, ср. др.-инд. *arjana-*. О рефlekсах см. в гл. II, подробнее [ЭСИЯ 1, 230].

‘Конопля’ — праиран. **banga-* из арийск. **bhangā-* (ср. др.-инд. *bhaṅgá-* ‘конопля; наркотик из конопли’, *bhaṅgā-* ‘конопля, напиток из конопли’), однако возможно раннее культурное заимствование в иранские языки из индоарийских. По [Mh. KEWA-14, 461–462], более раннее **bank-* / *bang-* связано метатезой с **kanp-* / **kanb-* ‘конопля’. Ср. также рус. *пенька* ‘волокно из конопли’ и ав.п. *baṇha-*, *bangha-*: 1) название растения, содержавшего наркотик; 2) название хмельного напитка; 3) ‘наркотическое состояние’; ав.п. *baṇha-* прил. ‘одурманенный наркотиком’ [Barth. AiW, 82]; подробнее [Mh. KEWA-14, 461–462; Mh. EWA-14, 241]. Из более поздних языков см. ср.-перс. *bang* ‘белена’, кл. перс. *bang* — род опиума из конопляных листьев, белены. Подробнее см. [ЭСИЯ 2, 81 и сл.]. К связи слов **banga-* и **kanp-* / **kanb-* ‘конопля’ ср. аналогичные слова-перевертыши, обозначающие растения, дающие волокно, в других индоевропейских языках, см., например, [Казанскене В.П. О происхождении древнегреческого *χίτων*. — В поисках «ориентального» на Балканах. Античность. Средневековье. Новое время (Балканские чтения 7. Тезисы и материалы). 24–26 марта 2003. М., 2003 (Ин-т славяноведения РАН)].

Сходные между собой названия грецкого ореха возводятся к древнеиранским диалектным формам, построенным по несколько различным моделям, свойственным разным диалектам древнего континуума (см. [Ст.-К. Назв. раст., 129]). Все они являются именными производными от единого глагольного корня — праиран. **gauž-* ‘прятать(-ся), укрывать(-ся), покрывать(-ся)’, — но с различными

префиксами. Единая праформа не выявляется. Это естественно, поскольку ареал природного распространения грецкого ореха был южнее ареала древних иранских диалектов, а распространение окультуренного вида шло, очевидно, неодинаково по ареалам и, следовательно, распространение данного культурного описательного термина могло частично заимствоваться по цепочке, с небольшими различиями в словообразовательных моделях по древним диалектам. См. подробнее [Ст.-К. Назв. раст., 110–111; Эд., Кл. Лекс. изогл.], см. также гл. II.

1.5.1.10. Названия природных объектов, явлений и стихий

‘Вода’ — названия связаны с обозначениями реки, источника, родника и других водных объектов:

1) **āp-* : *ap-* ‘вода; поток, река’ < арийск. **āp-* : *ap-* ‘вода; поток’ (ср. др.-инд. *āp-* : *āp-* ‘вода’) — из и.-е. **āp-* : *ap-* ‘вода; поток, река’ (ср. тох. А, В *āp* ‘вода; поток’, др.-прус. *ape* ‘ручей’ и т.д.) [Pok. IEW, 51–52]: ав.г., п. *āp-* : *ap-* и *āpi-* ‘вода’, подробнее см. [ЭСИЯ 1, 311 и сл.];

2) **uda-* или **auda-* ‘родник’ < арийск. **auda-* — то же, от глагольного корня **aud-* : *ud-* ‘пробиваться родником, сочиться наружу’ (ср. др.-инд. *od-* — то же) — из глагола и.-е. **ued-* : *ud-* [Pok. IEW, 78 и сл.]: ав.п. *aoda-* ‘родник, источник’, см. [ЭСИЯ 1, 257];

3) **dānu-* ‘вода, река’ < арийск. **dānu-* (ср. др.-инд. *dānu-* ‘каплющее течение; капающий, капель; роса’) — из и.-е. **dānu-* — от глагольного корня **dā-* ‘течь’ при праиранской контаминации с производным от **dan-* ‘течь’ < арийск. **dhan-* (ср. др.-инд. ведич. *dhān-u-* ‘бежать, течь’) [Pok. IEW, 175, 249]: ав.п. *dānu-* ‘течение; поток, река’, подробнее см. [ЭСИЯ 2, 450 и сл.];

4) **xan-*, **xā-* // **kan-*, **kā-* ‘источник, родник’ < арийск. **k(h)ā-*, **khan-* (ср. др.-инд. *khā-* ж.р. ‘источник, родник’), при этимологическом родстве с глаголом **khan-* ‘копать’: ав.п. *xan-* ж.р. ‘источник, родник’, ном. мн.ч. *xā* [Barth. AiW, 531–532; Аб. Этимол. заметки, 446; Mh. EWA-6, 442–451].

‘Река, поток’ — **rautah-* из более раннего **hrautah-*, связано с корнями **hrau-* и **raud-* ‘течь’ < арийск. **srau-* (ср. др.-инд. *srāvati* ‘течет’; *srōtas-* ‘река, поток’) — из и.-е. **sreu-* [Pok. IEW, 1003]: ав. *raod-* ‘течь’, ав. *urvant-*, др.-перс. *rautah-* [Barth. AiW, 1492, 1494–1495].

‘Море, большая река’ — праиран. **zraīah-* (см. выше, с. 31–32). ‘Огонь’:

1) праиран. **ātr-*, **ātar-* ‘огонь’ < арийск. **āt(h)r-*, **āt(h)ar-* — из и.-е. **ātr-*, **āter-* (ср. праслав. **atra-*) [Pok. IEW, 69]: ав.г., п. *ātar-*, *ātərə-*, *ātr-*, *āṭr-* ‘огонь’, подробнее см. [ЭСИЯ 1, 318–324];

2) праиран. **agni-* 'огонь' < арийск. **agni-* (ср. др.-инд. *agni-* м.р. — то же) — из и.-е. **egni-*, **ogni-* (ср. церк.-слав. *огнь*, рус. *огонь*) [Pok. IEW, 293]. Основа отмечена в древнеиранском собственном имени, подробнее см. [ЭСИЯ 1, 85–86].

'Гора':

1) праиран. **gari-* 'гора, холм; валун, скала' < арийск. **gari-*, **gri-* (ср. др.-инд. *giri-* 'гора, холм, возвышенность') — из и.-е. **g^wr-i-*, **g^weri-* от корня и.-е. **g^wer-*, **g^wor-* с развитием значений 'гора' → 'лесистые горы; лес на горе' → 'лес, деревья' (ср. алб. *gur* 'скала, камень' < **g^weri-*, лит. *girià*, *gìrė* 'лес'; праслав. *gora*, ст.-слав. *gora*, церк.-слав. *gorà* 'гора', рус. *гора*) [Pok. IEW, 477–478; Fr. LEW I, 153; Фасмер I, 438; ЭССЯ-7, 29–31; Mh. EWA-7, 487]: ав.п. *garay-* : *gairi-* 'гора; горная местность, горная цепь' [Barth. AiW, 513–514; Hinz NÜ, 102]; подробнее см. [ЭСИЯ 3, 191 и сл.];

2) праиран. **kaupa-* / **kaufa-* 'гора; горб (животного)' — из и.-е. **keu-p-* [Pok. IEW, 591]: ав. *kaofa-* 'гора, горб животного'.

'Земля' — праиран. **žam-* < арийск. **jham-* (ср. др.-инд. *kṣam-* 'земля'). Возводится к вариантам и.-е. **gh̥dem-*, **gh̥dom-* (ср. лат. *humus*, лит. *žėmė* 'земля', рус. *земля*) [Fr. LEW II, 1299; Pok. IEW, 414–416]: ав.г., п. *zam-* 'земля', др.-перс. *zam-* — то же [Barth. AiW, 1662–1663]; тадж. *zamin* 'земля'.

'Солнце' — праиран. **h(u)ṣar-* / **h(u)ṣan-* > **x^var-* / **x^van-* : *hūr-* / *hūn-* (?) — из арийск. **s(u)ṣar-* : *sūr-* / *s(u)ṣan-* : *sūn-* 'солнце; Солнце (как божество)' (ср. др.-инд. *sūrya-* 'Солнце; божество-Солнце' и *svār-*, *sūvar-* ср.р. 'солнце, солнечный свет; ясное сияющее небо'). Варианты восходят к и.-е. **suuél-*, *suél-*, *sūl-* / **suen-* : *sun-* с основами на чередующиеся **l/n* (ср. лат. *sōl*, гот. *sauil* 'солнце', лит. *saulė* 'солнце', праслав. *slъnьse* — уменьшительное от **slъnь*, др.-рус. *сьлньце*, рус. *солнце* [Фасмер III, 710–711], но гот. *sunno*, *sunna*, нем. *Sonne*, англ. *sun*) [Pok. IEW, 881–882], ср. несколько иной вид арийского и индоевропейского прототипов в [Mh. EWA-20, 742, 793–794]: ав.г., п. *hvar-*, ав.г. *x^van-* 1) 'Солнце (как светило), солнечный свет'; 2) Солнце как имя божества [Barth. AiW, 1847–1848] (варианты основы в разных падежах: ав.г. *x^vəng* ген. ед.ч. < и.-е. **suen-s*; ав.п. *hū* ген. ед.ч., наряду с *hūrō* соответствующее др.-инд. ведич. *sūras* и др., см. [Barth. AiW, 1864; Mh. EWA-20, 793]); др.-перс. **hvar-*, **x^van-* 'солнце' в составных словах, см. подробнее [ЭСИЯ 3, 438 и сл.].

'Луна, месяц' — праиран. **māh-* (перед глухим согласным суффиксов также **mās-*) < арийск. **mās-* (ср. др.-инд. *mās-*) — из вариантов и.-е. *mēs-*, *mēns-* от основы и.-е. *mēnōt-* 'луна, месяц (включая календарный)' [Pok. IEW, 731–732]: ав.г., п. *māh-* 'луна; Луна как

божество' (ср. формы ном. *mā*, ген. *māṇhō*), др.-перс. *māh-* — то же [Barth. AiW, 1170–1171]; ср.-перс., кл. перс. *māh*, тадж. *moh* 'луна; месяц (включая календарный)'

'Звезда' — праиран. **stār-* < арийск. **stār-* (ср. др.-инд. *tarā-* 'звезда') — из и.-е. **stēr-* 'звезда' (ср. англ. *star*) [Pok. IEW, 1027–1028]: ав. *stār-* 'звезда'.

'Заря, рассвет' — праиран. **aušah-*, **ušah-*, **ušāh-* < арийск. **ušas-* (ср. др.-инд. *uśás-* и *uśā-*, *uśar-*) — из и.-е. **usōs-* и **āusōs-* 'рассвет, заря' (ср. лат. *aurōra* 'утренняя заря', лит. *aušrà* 'заря'). Является производным именем от индоевропейского глагола, известного в вариантах **auēs-* : **aus-* : **us-* и др. [Pok. IEW, 86–87, 1174]. В иранских языках имя тоже связано этимологически с праиранским глаголом от корня **auš-* : *uš-* : *auah-* : *uah-* 'светить(ся), сиять; рас-светать' (ср. др.-инд. *uṣa-*, *ucchatī-*). Обозначение зари, рассвета в иранских языках: ав.г., п. *ušah-* : *uš-* 'утренняя заря, рассвет; утро'. Подробнее см. [ЭСИЯ 1, 263].

'Весна, лето' — праиран. **uāhar-* < арийск. **uasar-* / **uasan-* (ср. др.-инд. *vasar-* 'рассвет', *vasan-tá-* 'весна') — производное имя от того же корня и.-е. **auēs-* : **aus-* : **us-*, но в иной огласовке (ср. лит. *vāsara*, *vasarà* 'лето', рус. *весна* и др.) [Pok. IEW, 1174; Аб. ИЭСОЯ IV, 46–47]: ав.п. *vaṅhar-* ср.р. 'весна', кл. перс. *bahār*, подробнее см. [ЭСИЯ 1, 264–265].

'Лето' — праиран. **ham-* / *han-* (второй вариант основы — перед-дентальными и заднеязычными), **hama-* 'лето (и осень?)' < арийск. **sama-* (ср. др.-инд. *sāmā-* 'полугодие, год; время года', *āi-sāmah* 'в этом году, этот год') — из и.-е. **sem-*, **semā-* (с распространителем **-ā*), **semer-* (с распространителем **-r*), ср. др.-ирл. *sam*, др.-англ. *sumor*, др.-верх.-нем. *sumar*, нем. *Sommer* [Pok. IEW, 905; Mh. KEWA-23, 437–438; Mh. EWA-19, 704]: ав.п. *ham-* : *-šam-* м.р. 'лето' и при вто-ричной тематизации — *hama-* 'лето', во мн.ч. также 'летом, в летнее время' [Barth. AiW, 1773; Kel. NR, 399] и производные слова, напри-мер ав.п. *hāmīna* 1) прил. 'летний'; 2) сущ. ср.р. 'летнее время, лет-ний период' [Barth. AiW, 1809]. См. подробнее [ЭСИЯ 3, 355–356].

'Зима' — праиран. **zaina-*, **zīman-*, **zīmaka-* (ср. др.-инд. *hēman-* лок. 'зимой') — из и.-е. **gh̑iom*, **gh̑iōm*, ген. **gh̑iemós*, **gh̑imós* и **gh̑iomós* 'зима' от корня **gh̑ei-* : **gh̑i-* 'зима, снег' (ср. рус. *зима*) [Pok. IEW, 425]: ав. *zūā-*, *zayan-*, *zayana-* 'зима' (ген. *zīmō*).

'Сезон, год' — праиран. **šarad-* 'год, сезон', а также 'холод, хо-лодный' — из арийск. **čarad-* (ср. др.-инд. *śarád-* 'осень, год') — рефлекс производного от и.-е. **kel-* 1) 'морозить; холодный'; 2) 'теп-лый' [Pok. IEW, 551]: ав.п. *sarəta-* 'холодный' и *sarəd-* 'год' [Barth. AiW, 1566].

‘Лед; мороз; холод’ — праиран. **aiḥa-* : *īḥa-* ‘лед, холод; мороз; холодный, замерзший; превратившийся в лед’ и глагольная корневая основа **aiš-* : *īš-* ‘остужать(-ся); морозить(-ся); превращаться в лед’ — из основ и.-е. **ei-s-* : *ī-s-* от индоевропейского корня **ei-* (ср. нем. *Eis* ‘лед’ и др.) [Pok. IEW, 301]: ав.п. *isu-* ‘морозный; ледяной’, подробнее см. [ЭСИЯ 1, 140 и сл.].

‘Тепло, теплый; жарко, жара’ — праиранские производные: 1) от корня **tap-* ‘теплый, горячий; делать(-ся) / быть теплым, горячим’ < арийск. **tap-* (ср. др.-инд. *tap-* ‘жечь; нагревать(-ся)’: *tápati*, *tapu-* ‘быть горячим, жарким’, прич. *taptá-*) — из и.-е. **tep-* ‘быть горячим, теплым’ (ср. лат. *tepēre* ‘быть теплым’, рус. *мен-ло*) [Pok. IEW, 1069–1070; Mh. EWA-8, 623–625]: ав. *tap-* ‘быть горячим, нагреваться’ (през. инх. осн. *tafsa-*, прич. перф. *tapta-*, осн. кауз. *tāpaya-*), например, *ham.tapta-* ‘ставший горячим; горячий’, *tafsat* ‘стал нагреваться’ и различные производные [Barth. AiW, 631 и сл.]; 2) от корня **gar-* < арийск. **ghar-* — из и.-е. **g^wher-*, имя **garma-* ‘горячий, теплый’ < арийск. **gharma-* (ср. др.-инд. *gharmá-* ‘жара’) — из и.-е. **g^wher-mo-* [Pok. IEW, 493–495]: ав.г., п. *garəma-* ‘жар, жаркий; горячий; теплый’, подробнее см. [ЭСИЯ 3, 160 и сл.].

‘Снег’ и глагол ‘идти снегу’ — праиран. **snaig-* : *snig-* < арийск. **snaigh-* : *snigh-* (ср. др.-инд. *sneh-*, пракр. *siṇeha-* ‘снег’) — из и.-е. **sneig^wh-* : *snig^wh-* ‘снег; снежить’ (ср. лат. *niv-*, нем. *Schnee*, англ. *snow*, рус. *снег*, лит. *sniėgas*, лтш. *sniegs*) [Pok. IEW, 974; Mh. KEWA-11, 170; Mh. EWA-11, 49]: ав. *snaēg-* ‘идти снегу’, през. осн. *snaēža-*.

‘Снег’ — праиран. или др.-иран. **uapra-* ‘снег’ (← ‘насыпанное’?) < арийск. **uapra-* ‘нечто насыпанное’ (ср. др.-инд. *vāpra-* м., ср.р. ‘насыпь; насыпанное; куча’): ав. *vaфра-* ‘снег’ [Сок. ЯА, 332].

‘Дождь’ и глагол ‘дождить, увлажнять’ — праиран. **uā̌r-* : *ur-* 1) ‘дождить; идти (об осадках)’; 2) ‘обводнять’ < арийск. **uā̌r-* : *ur-* (ср. др.-инд. *vār-*, *vāri-* ‘вода’) — из и.-е. **aǔer-*, **uē̌r-* ‘вода, течение, дождь’ [Pok. IEW, 80]; ав. *vār-* ‘дождь, дождить’.

‘Облако, туча’ (и ‘небо’?) — праиран. **abra-* < арийск. **abhra-* (ср. др.-инд. *abhrá-*) — из и.-е. **n̥mbh-ro-* или **n̥mbh-lo-* [Pok. IEW, 315–316]: ав.п. *awra-*, др.-перс. **abra-*, ср.-перс. *abr* ‘облако, туча’, подробнее см. [ЭСИЯ 1, 74 и сл.].

‘День’:

1) праиран. **aijan-* / **aiar-* ‘день’ < арийск. **aijan-* / **aiar-* — из и.-е. **ā̌ien-* / **ā̌ier-* ‘день; утро’ [Pok. IEW 11–12]: ав.г., п. *ayar-*, ав.п. *ayan-* ‘день’ [Barth. AiW, 157], подробнее см. [ЭСИЯ 1, 147];

2) праиран. **diā-*, **diau-* : **diu-*, **dian(a)-* ‘день’ < арийск. **diā-*, **diau-* : **diu-*, **dian(a)-* : *dina-* ‘день’ (ср. др.-инд. *adyá* ‘сегодня’

и др.) — из именных основ и.-е. **dīā-*, **dīēu-* : *dīu-* ‘день’ и **deien-*, **deino-*, *dino-* (ср. праслав. **dьнь* ‘день’, рус. *день*). Основы связаны с и.-е. *dei-* : *di-* ‘светить’ и с обозначением неба [Pok. IEW, 185–186; Mh. EWA-10, 750–752]. Подробнее см. [ЭСИЯ 2, 453 и сл.];

3) праиран. **rauča-* ‘свет, день’ — производное от корня **rauk-* ‘светить, быть светлым, блестящим’ — из и.-е. **leuk-* ‘светить(ся)’ (ср. др.-инд. *rócate* ‘светится’), подробнее об индоевропейском корне см. [Pok. IEW, 687 и сл.]: ав. *raočant-* ‘светящий(-ся)’, ср.-перс., кл. перс. *rōz* ‘день, дневное время’.

‘Ночь’:

1) праиран. **xšar-*, **xšapan-* < арийск. **kšar-* (ср. др.-инд. *kṣár-*, *kṣapá-* ‘ночь’) — имя от редкого индоевропейского корня **k^wsep-* ‘темнота, темный; тьма’ [Pok. IEW, 649]: ав.п. и др.-перс. *xšar-* ‘ночь’ (в противовес дню), ав.п. *xšapan-* ‘ночь’, ав.п. *xšapar-* ‘ночь’ и ав.г., п. *xšapā-* ‘ночь’ [Barth. AiW, 548–549];

2) праиран. **nakt-* / *naxt-* / *naγd-* ‘ночь’ < арийск. **nakt-* (ср. др.-инд. *nakt-*, ном. ж.р. *nak*) — из и.-е. **nek^w(-t)-*, **nok^wt-* ж.р., **nok^wti-* ж.р., **nok^wt(e)r-* ср.р. ‘ночь’ (ср. лат. *nox* (*noct-*), гот. *nahts*, англ. *night*, нем. *Nacht*, лит. *naktis*, церк.-слав. *nošť*, рус. *ночь*) [Pok. IEW, 762; Mh. KEWA-10, 121; Mh. EWA-11, 2–3]: ав. *upa-naxtar-* ‘сумеречный, близкий к ночи (о вечерних и утренних сумерках)’ [Barth. AiW, 391], о самостоятельном употреблении слова см. в гл. II.

1.5.1.11. Названия качеств

А. Названия цвета

Названия цвета представляют особую трудность для семантической реконструкции, даже в случае уверенного восстановления звучания слова. С одной стороны, многие названия, казалось бы, самых распространенных «чистых» цветов, например красного, желтого, зеленого, синего, выражены словами, имеющими в разных иранских языках разные этимологии. С другой стороны, этимологически родственные названия могут в разных языках (и даже в диалектах одного языка) обозначать существенно разные (с нашей точки зрения) цвета и оттенки. Поэтому реконструировать праиранское значение названий того или иного цвета приходится с очень большой осторожностью. Более или менее явных случаев очень мало.

Например, праиран. **žarita-* восстанавливается по звукосоответствиям из разных иранских языков (см. ниже) и сопоставлению с др.-инд. *hárīta-* ‘зеленый’. Рефлексы праформы: ав. *zairita-* ‘желтый, желтоватый’ и др. (материал более поздних языков см. в гл. II) указывают на первоначальное значение ‘желтоватый’ ← ‘золотистый’.

Основа — производная с суф. **-ita-* от корня **žar-* < и.-е. **ghel-* 'желтый, зеленый; серый' или 'голубой' [Pok. IEW, 429], К этому же корню **ghel-* восходит праиран. **žaranja-* 'золото' или 'золотой' > ав. *zaranya-*, др.-перс. *daraniya-*, кл. перс. *zarr* (из северо-западного источника?) 'золото' и т.п. [Pok. IEW, 429]. Таким образом, при всем разбросе последующих значений первоначальным было отождествление праиран. **žarita-* с желто-зеленым участком спектра и с понятиями 'золотистый; золотой'. В дальнейшем они разошлись по языкам (о более поздних языках см. в гл. II).

Неясно распределение круга значений и границ между словами, обозначающими цветá «холодной» части спектра, например прототипами **kapausta-* и **axšaina-*.

От праиран. **kapausta-* в западных и восточных иранских языках происходят обозначения серо-голубого, синего, сизого, серого цветов и производные — названия дикого голубя, вяхиря (материал см. в гл. II).

От праиран. **axšaina-* происходят обозначения широкой гаммы цветов «холодной» части спектра — синего, зеленого, серого, а также коричневато-зеленого, «болотного» (цвет зеленых и каре-зеленых глаз) и др. Прототип ав. *axšaēna-* трактовали обычно как **a-xšaina-* 'не-светлый', 'не-светящийся', т.е. 'темный', от корня **xšai-* 'светить(-ся)' [Barth. AiW, 51], но более правы Г.Моргенштерне [Morg. EVP, 74] и затем Г.Бейли [Bailey DKS, 26–27], усматривавшие здесь связь с прототипом **axša-*, соответствующим др.-инд. *akṣa-* 'синий минерал; купорос'. Иными словами, **axšaina-* должно обозначать 'синий; сине-зеленый' как 'относящийся к купоросу, к синему минералу', что более естественно, учитывая наличие в семантике рефлексов элемента не обязательно темного, но относящегося к сине-зеленой части спектра (см. материал в гл. II). Подробнее см. также [ЭСИЯ 1, 284–286], там же обзор этимологий и литературы.

Для нас существенно то, что в ряде языков продолжены рефлексы и **kapausta-* и **axšaina-*, а также то, что они, по всей видимости, сосуществовали в единой праязыковой системе. Праязыковые границы между ними установить уже трудно. Важно, что в более поздние эпохи наблюдаются случаи совпадения набора значений рефлекса **kapausta-* в одном языке с аналогичным набором значений рефлекса **axšaina-* в другом языке того же ареала. Подробнее об этом см. в гл. II.

Обозначения черного цвета в разных языках имеют разные этимологии. Они возводятся к праиранским основам, обозначающим темный цвет, темноту, мрак и т.д. Наиболее употребительны:

1. Праиран. **šīāua-* 'темный; черный' (ср. др.-инд. ведич. *śyāvā-* 'темно-коричневый, темный', *śyāvi-* 'ночь'; *śyāmā-* 'темно-серый, темно-зеленый; черный') — из производного от корня и.-е. **kēi-*,

используемого в обозначениях цвета, в частности и.-е. **k̑ē-mo-* и др., относившиеся к темным тонам [Pok. IEW, 540–541]: ав.п. *syāva-* ‘черный’ [Barth. AiW, 1631].

2. Праиран. **tā(n)θra-*, **tā(n)θrija-* ‘темный, черный (?)’ (ср. др.-инд. *tamsra-* ‘темный, свинцового цвета’ и др.) — из и.-е. **tem(ə)-* ‘темный’, *temāsrā-* ‘тьма’, **tems-ro-* ‘темный’ [Pok. IEW, 1063–1064]: ав.п. *tqθrya-* ‘темный’, *tqθra-* ‘темнота, тьма’ [Barth. AiW, 650].

3. Праиран. **har-* ‘черный; темный’ < арийск. **sar-* — из и.-е. **sal-* ‘грязно-серого цвета’ и т.д. или **ser-*, **sor-* ‘красный’ (ср. рус. *серый* и др.) [Pok. IEW, 910–911]: совр. перс. *xire*, тадж. *xira* ‘темный, мрачный; мутный’, подробнее см. [ЭСИЯ 3, 371].

Понятие белый представлено обычно рефлексам слов, обозначающих ‘светящий(-ся); светлый; блестящий’. Это большей частью продолжения праиран. **śuaita-* ‘светящий(-ся); светлый; блестящий’ и производных от него, реже — праиран. **ruk-na-* ‘светлый’ от корня **rauk-* ‘гореть, блестеть’ (< и.-е. **leuk-*), хотя с последним корнем связано в некоторых языках и обозначение красного цвета, см. ниже:

1. Праиран. **śuaita-* : *śuita-* ‘светящий(-ся); светлый; блестящий; белый’ < арийск. **śuaita-* (ср. др.-инд. *śvetā-* ‘белый’, *śvitna-*, *śvitra-* ‘белый’) — из и.-е. **k̑ei-to-* ‘белый, светлый’ (ср. лит. *šviečti*, *šviēsti* ‘светиться’, церк.-слав. *svytiti se*, *svytěti se* ‘светиться’, рус. *свет*, *свет-лый* и др.) [Pok. IEW, 629]: ав.п. *spaēta-* ‘белый, светлый’; *spita-gaona-* ‘белого цвета, белый’ [Barth. AiW, 1609, 1623]; др.-перс. **saita-* ‘белый’ в производном **upasaita-* (из эламского источника) ‘почти белый’ [Hinz NÜ, 245]; мид. **spita-* ‘белый’ в производных и составных словах: **spitaka-* и.с. (из греческого источника), букв. ‘белый, блондин’, **spitamanah-* и.с. (из греческого источника) ‘с чистыми (букв. ‘белыми’?) мыслями, чувствами’ [Hinz NÜ, 226–227]. Сюда же относятся обозначения белого, светло-серого: **śuait-ra-* : **śuit-ra-* ‘белый’ (ср. др.-инд. *śvitrā-* ‘белый; беловатый’); **śuit-na-* ‘белый’ (ср. др.-инд. *śvitnā-* ‘светлый, беловатый’).

2. Праиран. **ruk-na-* ‘блестящий, светящий(-ся)’ → ‘белый, светлый’ от корня **rauk-* : *rauč-* : *ruk-* ‘свет; светлый; светить(-ся); быть светлым, блестящим’ (ср. др.-инд. *rócate* ‘светится’) — из и.-е. **leu-k-*, ср. греч. *λευκός*, греч. *λύχνος* м.р. ‘лампа, светильник’ → заимствованное рус. *луна*, подробнее об индоевропейском корне см. [Pok. IEW, 687 и сл.]. Отмечено язг. *roxn* 1) ‘белый, светлый’; 2) ‘рассвет’ < **ruk-na-* и др.

Обозначения красного цвета связаны этимологически с обозначениями огня, огненного или светящегося, горящего:

1. Праиран. **aruša-* ‘светлый, огненный, красный’ и др. (ср. др.-инд. ведич. *aruṣā-* м.р., *áruṣī-* ж.р. ‘огненного цвета, гнедой,

рыжий; блестящий', *aruṇá-* 'красноватый, золотисто-желтый') от основы арийск. **aru-*, см. подробнее [ЭСИЯ 1, 228 и сл.].

Эта основа иногда контаминируется с образованиями **ruk-ta-* и **rauṣṣ-ta-*, **rauṣṣ-na-* (?) от корня **rauk-* в значении 'быть светлым, блестящим'.

2. Производные от праиран. **raud-* : *rud-* 'красный' — из и.-е. **reudh-* : *rudh-* 'красный' с производными **rudho-*, **rudh-ro-*, **rudh-jo-*, **rudh-so-* — то же (ср. лит. *raūdas*, церк.-слав. *rudь* и др.) [Pok. IEW, 872–873]: ав. *raoidita-* 'красноватый' (ср. др.-инд. *róhita-* 'красноватый').

3. Праиран. **śukra-* 'красный' ← 'горящий, огненный, пламенеющий' — производное от корня **śauk-* : *śauṣ-* 'гореть, светить' < арийск. **śuk-ra-* 'огненный; яркий' (ср. др.-инд. *śukrá-* 'ясный, светлый; блестящий; белый', *śuklá-* 'белый, светлый, чистый'): ав. *suxra-* 'красный' [Barth. AiW, 1582], др.-перс. *Θuxra* — и.с.

4. Не исключено праиран. **sau-ra-* 'красный' — из и.-е. **keu-ro-* от корня и.-е. **²keu-* 'светить(-ся); светлый, яркий; блестящий', откуда ав. *sūrət* 'рано утром', *a-sūiri* 'предутренний мрак' и др. (ср. и.-е. **kou-no-s* от того же корня > др.-инд. *śóna-* 'красный, ярко-красный' и др.) [Pok. IEW, 594–595].

Материал и этимологии см. также [Tom., 814; Geiger Kl. Dial., 294, 303; Morg. EVP, 69; Morg. IFL II, 539; Эд. СГВЯ-Ф, 26; Ст.-К. ЭСВЯ, 321].

Еще более расплывчаты границы между обозначениями коричневого, бурого, темно-серого и других темных цветов.

1. Праиран. **baura-* 'коричневый, темно-коричневый; гнедой' < арийск. **bharu-* с ранней метатезой (?) — из и.-е. **bher-* 'блестящий, лоснящийся; светло-коричневый (в основном о животных соответствующего цвета)'. От этого прототипа производны названия животных и растений желтого и коричневого цвета, см. выше. Подробнее см. [ЭСИЯ 2, 151–154].

2. Праиран. **gaura-* '(грязно-)белый, серый' (?) — из арийск. **gaura-* (ср. др.-инд. *gaurá-* прил. 'беловатый, желтоватый, красноватый' и *gaura-* м.р. 'бык; *Bos gaurus*'), о внутренней форме слова и возможной связи с **gau-* см. [Mh. EWA-7, 503]. Слово отразилось в разных иранских языках в названиях животных (возможно, первоначально — табуистических), например ср.-перс., кл. перс. *gōr* 'дикий осел; онагр', бел. *gōr 1* 'дикий осел' — из персидского; 2) — название красноватой рыбы [Elf. Bal., 53], см. [ЭСИЯ 3, 246].

Обозначения серого цвета также различны. Возможно, это связано со степенью «густоты» или темноты серого или с его оттенками:

Праиран. **paru-* ‘пепельно-серый, бледно-серый’ от праиран. **par-* < и.-е. **pel-* ‘серый; грязно-белый’ (ср. др.-инд. *palita-* ‘седой, старый’, *paruśa-* ‘пятнистый’, нем. *fahl* ‘бледный, блеклый’, рус. *половый* и др.) [Pok. IEW, 804–805]: ав.п. *pouruša-*, *raouruša-* ‘серый, седой’; то же в ав.п. *pouruśaspa-* — и.с. отца Заратуштры, букв. ‘(имеющий) серых коней’ [Barth. AiW, 903].

Оттенки грязно-серого, темного обозначались производными от корня **har-* ‘быть черным, темным’ (см. выше).

Характерно обозначение различных животных путем производных от названий их цвета. Не всегда ясно, имеем ли мы дело с табуистическими названиями либо это распространенное в разные времена в разных языках естественное словообразование. См., например, праиран. **śaha-* ‘заяц’ из производного от и.-е. **kas-* ‘серый’ (см. выше), названия животных коричневого и желтого цвета от **baura-* [ЭСИЯ 2, 151–154], табуистические названия мыши от основы **paru-* ‘серый’ и др.

Б. Оценочные слова

‘Хороший, благодатный, добрый’ — праиран. **uahu-*, ж.р. **uahuī-* < арийск. **uasu-* (ср. др.-инд. *vasu-*) — из и.-е. **uēs-* ‘хороший, добрый’ (ср. лтш. *vesels* ‘здоровый’, рус. *веселый*) и др. [Pok. IEW, 1174–1175]: ав.г., п. *varghu-*, *varghv-*, *vohu-* м.р. ‘добрый, хороший (в том числе в религиозном значении); подходящий, пригодный для чего-л.; благоприятный’, ж.р. *varghvī* < **uahuī-*; др.-перс. *vahau-* : *va^hu-* [Barth. AiW, 1395–1399]. Наиболее широкое распространение в поздних языках получили рефлексy древних форм степеней сравнения, см. превосх. ст. праиран. **uahišta-*, ж.р. **uahištā-* > ав.г., п. *vahišta-* ‘наилучший’, ж.р. *vahištā-* [Barth. AiW, 1399–1402].

‘Хороший, добрый; подходящий’ — праиран. **hu-* / *hū-* : *hуа-* > **hu-* : **x^{va}-* < арийск. **su-* (ср. др.-инд. *sú-* нареч. ‘хорошо, очень’ и *su-*, *sva-* ‘хороший, прекрасный’ в композитах, например *sú-kr̥ta-* ‘хорошо / прекрасно сделанный’) — из и.-е. **su-*, **sū-*, **sue-* ‘хороший, здоровый’. О более ранней истории — возможном происхождении от ранне-и.-е. **esu-*, связанного с глаголом и.-е. **es-* ‘быть’ см. [Pok. IEW, 1037–1038; Mh. KEWA-23, 478–481; Mh. EWA-20, 734–736]: ав.г., п. *hu-*, *hū-*, ав.п. *hva-*, *hvā*, *x^{va}-*; ав.г., п. *x^{va}-* [Barth. AiW, 1817–1818, 1846, 1852, 1854, 1875, 1879]; др.-перс. *u-* [hu-], **hva-*, **x^{va}-* [Kent OP, 175–176; Br., Mh. Handb., 147–148; Hinz NÜ, 131–132, 140]; мид. **hu-*, **fa-* (< **hуа-*). Подробнее с литературой см. [ЭСИЯ 3, 414 и сл.].

‘Плохой’ — с вариантами значения:

1) праиран. **aga-* ‘плохой, злой’ < арийск. **agha-* (ср. др.-инд. *agha-* ‘злой, плохой; зло’) — из и.-е. **agh-* [Pok. IEW, 8] при

возможной контаминации в праиранском с рефлексами **agah-* < арийск. **agas-* < и.-е. **agos-* ‘вражда; долг; вина, грех’: ав.п. *aya.vant-* ‘исполненный зла, опасности’. Подробнее см. [ЭСИЯ 1, 85];

2) праиран. **aka-* ‘злой, плохой’ — из арийск. **aka-* (ср. др.-инд. *aka-* ‘горе, страдание; печаль; боль’), предположительно связано с и.-е. **akw-* ‘причинять страдания, вред, ущерб; вредить’ [Рок. IEW, 23; Mh. EWA-1, 39]: ав.г., п. *aka-* ‘злой, дурной, плохой’, ж.р. *akā-*. Подробнее см. [ЭСИЯ 1, 150];

3) праиран. или др.-иран. **uata-* ‘плохой, слабый’ — из индоевропейского производного с формантом *-*t-* от корня и.-е. **uā-*, **uō-*, **uə-* ‘ударять, ранить’ либо от и.-е. **uen-* с тем же значением [Рок. IEW, 1108]. В последнем случае это рефлекс индоевропейского причастия на *-*to-* от корня в нулевой огласовке: **uŋ-to-* ‘побитый, израненный’: ср.-перс., парф. *wad* ‘плохой’ [Бойсе WL, 90];

4) праиран. **dauš-* : *duš-* ‘дурной, плохой; недостающий; горе, несчастье’ < арийск. **dauš-* : *duš-* (ср. др.-инд. *doṣa-* ‘зло’, *duṣ-* ‘дурной, плохой’) — из индоевропейского производного с распространителем *-*s* от корня и.-е. **deu-*. В иранских языках отмечен в именах, реже — в отыменных глаголах. Подробнее см. [ЭСИЯ 2, 411].

1.5.2. Числительные и местоимения

1.5.2.1. Числительные

Система числительных продолжает позднюю индоевропейскую десятичную при сохранении этимологических рудиментов более ранней — четверично-восьмеричной. По семантике и словообразованию унаследованные числительные подразделяются на следующие группы:

1) одноосновные названия чисел первого десятка — от 1 до 10; 2) двусосновные названия чисел второго десятка — от 11 до 19; 3) двусосновные и суффиксальные названия круглых десятков; 4) двусосновные и более сложные названия сочетаний десятков с единицами; 5) одноосновные, двусосновные и комбинированные названия больших чисел.

В целях экономии объема в гл. I приводятся только праиранские основы. Подтверждающий их материал, включая древнеиранские рефлексy и их продолжения в западноиранских языках, дается в гл. II в сравнении с восточноиранским.

Одноосновные обозначения единиц (до 10):

‘Один’ — реконструируются основы: 1) общеиранская **aiuā-*, ж.р. **aiuā-* (ср. др.-инд. *evā* ‘так’); 2) диалектная **ś(i)ia-*, ж.р. **ś(i)īā-*. Обе продолжают основы указательных местоимений, см. [Оранская

Мест.-числ., 55–60]: 1) из сросшихся дейктических корней и.-е. **ei-* / *oi-* + **-uo-* ‘(э)тот’; 2) из и.-е. **ke-* / *ko-* + **io-*; 3) особняком стоит **ham-* : *ha-* из и.-е. **sm-*, употребляемое в композитах, со значением ‘один, единый, соединенный’.

Остальные праиранские числительные этого разряда реконструируются практически без вариантов: ‘два’ — **d(u)uá-*, ж.р. **d(u)uā-* (ср. др.-инд. *dvá-*, *duvá-*, *dváu*, ж.р. *dve*) — из и.-е. **duuo-*; ‘три’ — **trai-* : **tri-* / **θrai-* : **θri-*, ж.р. **tišr-* (ср. др.-инд. ведич. *trí-*, *tray-*, ж.р. *tisr-*) — из и.-е. **trei-*, ж.р. **t(r)isr-*, ср.р. *tri-*; ‘четыре’ — **čatvar-* : **čatur-*, ж.р. **čatahr-* (ср. др.-инд. ведич. *catvár-*, *catur-*, ж.р. *cátasr-*) — из и.-е. **k^wetuor-*, ж.р. на **-esr-*; ‘пять’ — **panča*, без дифференциации по роду, как и обозначения дальнейших чисел (ср. др.-инд. ведич. *pāñca*) — из и.-е. **penk^we-*; ‘шесть’ — **xšuaš* из более раннего **šuaš* < арийск. **šuaš* (ср. др.-инд. *ṣaś-*, *ṣat*) < раннеарийск. **sua(ć)š* — из и.-е. **s(u)ek̑s-* из более раннего и.-е. **uek̑s-* с наращением **s-* по аналогии с **septm-* ‘семь’ (в праиранской форме отражена общеарийская ассимиляция **s-* → **š-* по конечной **-š*, а последующее наращение **x-* произошло уже в диалектах праиранского континуума, см. [Эд. СГВЯ-Ф, 53]); ‘семь’ — **haptá-* < арийск. **sapta-* (ср. др.-инд. ведич. *saptá-*) — из и.-е. **septm-*; ‘восемь’ — **aštā*, **aštāu* < арийск. **aštā*, **aštāu* (ср. др.-инд. ведич. *aṣṭā*, *aṣṭāu*) — из и.-е. **oktō(u)-* ‘восемь’ — формы дв. числа от ранне-и.-е. **okto-* ‘четыре’ (о продолжающем ее ав. *ašti-* ‘мера ширины в четыре пальца’ см. [Henn. Oktō(u), 69]. Индо-европейская форма свидетельствует о раннеиндоевропейском четверично-восьмеричном счете, см. подробнее [Henn. Oktō(u), 69; Pok. IEW, 775; Эд. СГВЯ-М, 46], там же более ранняя литература); ‘девять’ — **naṇa-* (о возможности более раннего варианта **anaṇa-* см. в гл. II) < арийск. **naṇa-* (ср. др.-инд. *nāva-*) — из и.-е. **-neun-* < **e-neuen-* ‘девять’ (этимологически связанного с и.-е. **neuos* ‘новый’, что является дополнительным свидетельством наличия в раннем индоевропейском четверично-восьмеричного счета, см. [Pok. IEW, 318–319]); ‘десять’ — **daśa-* < арийск. **daśa-* (ср. др.-инд. *dāśa-*) — из поздне-и.-е. **dek̑m-t-*, является существительным: ‘десятка, десяток’.

Двуосновные названия чисел второго десятка — от 11 до 19, как и обозначения других неполных десятков, отражали математическую процедуру сложения, строились в соответствии с моделью копулятивных микросинтаксических сочетаний и затем копулятивных композитов. В наиболее ранний праиранский период представляли собой сочетания названий единиц с названиями десятков, согласно порядку «от меньшего к большему» (типа «пять + десять»), например

ав. *pañca-dasa-* ‘пятнадцать’ (ср. др.-инд. *pañca-daśa-*). Тот же порядок компонентов был у числительных после 20 (см. ниже).

Вместе с тем конкретные словообразовательные модели числительных не были одинаковыми по всему праиранскому континууму, что отразилось в облике этих числительных в последующие периоды в разных живых и вымерших языках. Отмечены рефлексы следующих праиранских и древнеиранских прототипов: а) древнее (вероятно, общеарийское) синтаксическое сочетание в виде последовательности полноформенных слов типа **aiṣam daśam* ‘одиннадцать’, букв. ‘один [и] десять’; б) уже сформировавшийся композит, состоящий из двух основ, расположенных в том же порядке, что и ранние сочетания слов, типа **aiṣa-daśa-* ‘одиннадцать’, букв. ‘один-десять’ (в ряде случаев с растяжением гласного); в) свободные синтаксические сочетания числительных, связываемых соединительными союзами ‘и, также’. Такие свободные сочетания могли (и могут поныне) образовываться на разных этапах истории языков; при диглоссии они являются, скорее всего, принадлежностью разговорной речи, в отличие от стандартизованных лексем и/или древних микросинтаксических сочетаний «высокого штиля». Учитывая унаследованный в праиранском порядок компонентов, они должны были формироваться по принципу «один и десять» при разном падежном оформлении основ и при поддержке их аналогией с обозначениями чисел типа «двадцать один» как «один и двадцать». Это были образования типа **aiṣa-ča daśa-*, **aiṣam-ča daśa-* с энклитическими присоединительным союзом **-ča* ‘и, также’, либо с повтором союза **aiṣa-ča daśa-ča* (возможно, также **aiṣa-utā daśa-*, **aiṣam-utā daśa-* с союзом **-utā* ‘и’) и т.п. Не исключены и относительно вторичные сложения, построенные в ту же эпоху по тем же моделям, подробнее см. [Эд. Двуосн. числ.].

Наблюдаются рефлексы следующих построений:

‘Одиннадцать’ — прослеживаются практически все три древние модели: а) сочетание полноформенных слов **aiṣam *daśa-* ‘одиннадцать’, букв. ‘один [и] десять’, а также **ś(i)ṣam daśa-*; б) композит **aiṣā-daśa-* ‘одиннадцать’, букв. ‘один-десять’ с растяжением второго **a* в **ā* по аналогии с **duṣā-daśa-* ‘двенадцать’ (ср. др.-инд. ведич. *ékā-daśa-* ‘одиннадцать’ с аналогичным растяжением второго гласного, хотя начальный элемент *eka-* отличен от праиранского); в) свободные синтаксические сочетания с союзами типа **aiṣa-ča daśa-*, **aiṣam-ča daśa-*.

‘Двенадцать’ — зафиксированы: а) сочетания полноформенных слов, в которых **d(u)ṣā* — форма ном.-акк. (ср. др.-инд. ведич. *dvādaśa-*); б) композит **d(u)ṣā-daśa-*, продолжающий более раннее

сочетание полноформенных слов; в) синтаксическое сочетание с союзом *-ča: *d(u)ñā-ča daśa-, букв. 'два-и десять'.

'Тринадцать' — прослеживаются рефлексy: а) общеарийского сочетания полноформенных слов *traīas daśa- (ср. др.-инд. ведич. trāyo daśa-), продолженного в праиранском в виде 1) сочетания *traīah daśa- (ставшего затем вторичным композитом *traī-daśa-, т.е. типом (б); о позднем композите см. ниже); 2) раннего доиранского сращения общеарийского сочетания *traīas daśa- в праиранский диалектный вариант в виде композита *traīaz-daśa (с озвончением *-s в *-z перед звонким *d-); возможен также тип (в) — сочетания с союзом *-ča и влияние этих сочетаний на последующее развитие данных форм. Наблюдаются и рефлексy позднего композита *tri-daśa- или *trīn-daśa- со слабой огласовкой первого компонента в виде *-i-, *-ī- по аналогии с *tṛi(n)-śat- 'тридцать'.

'Четырнадцать' — отмечены рефлексy моделей а) и б): *catvār-daśa- и *čatur-, *čatru- + daśa- (ср. др.-инд. ведич. caturdaśa-).

'Пятнадцать' — прослеживаются рефлексy праиранского композита типа (б) *panča-daśa- (ср. др.-инд. ведич. pañcadaśa-); по некоторым данным, также типа (в) — сочетания *panča-ča daśa- при последующей утрате первого *-ča- (исхода основы) в результате гаплогонии.

'Шестнадцать' — зафиксированы рефлексy построений, относящихся к разным эпохам. Наиболее распространенные рефлексy: 1) праарийского композита *šṇaž-daśa-, образованного из сочетания раннеарийских *šṇaš 'шесть' и *daśa- 'десять', с озвончением *-š- > *-ž- в позиции перед звонким согласным *d- (ср. отражение этого композита в др.-инд. ведич. ṣoḍaśa 'шестнадцать' с ḍ < *žd); 2) праиранского композита типа (б): *xšṇaž-daśa- (с наращением *x- перед *š еще в диалектах праиранского состояния, как и в обозначении шести и в ряде других иранских слов); в продолжениях этого композита происходит затем дальнейшая трансформация группы *-žd- (см. гл. II). Отмечаются и рефлексy вторичных сложений типа (б): *xšṇaš-daśa- и (в): *xšṇaš-a-daśa- (подробнее см. в гл. II).

'Семнадцать' — сохранились рефлексy композита типа (б): *haptā-daśa- (ср. др.-инд. sapṭā-daśa-).

'Восемнадцать' — сохранились продолжения композита типа (б): *aštā-daśa- с кратким *-a- в исходе первой основы (ср. др.-инд. aṣṭā-daśa- с долгим -ā-).

'Девятнадцать' — имеются рефлексy композита типа (б): *nāṇa-daśa- и, возможно, типа (в): *nāṇa-ča daśa-.

Праиранские числительные, обозначающие полные десятки, отражали математическую процедуру умножения и строились согласно

последовательно десятичному счету; были результатом различных словообразовательных типов.

Числительные от 20 до 50 представляли собой рефлексy более старых детерминативных композитов, где в первой части выступали застывшие падежные формы или основы числительных первого десятка, иногда с фонетическими изменениями (главным образом с растяжением гласного), а во второй — основа **-śant-* : *-śat-*, продолжающая «свернутое» индоевропейское обозначение «десятки» — **dekem-t-* : **dek̑m-t-*. Эта основа могла быть представлена в полной огласовке **-śant-* в числительных от 30 до 50 и в «нулевой» — **-śat-* < **-k̑mt-* < **-dk̑m-t-* в числительном 20. Последняя огласовка первоначально была свойственна форме дв. числа: 'две-десятки', т.е. 'двадцать', но затем распространилась и на обозначения последующих числительных. Форма множественного числа этой основы **-śamt-* < и.е. **-k̑omt-* прослеживается в единичных случаях (см. ниже).

'Двадцать' — **uī(n/m)śati* (с **-n/m-* по аналогии с названием тридцати) — из арийск. **uī(m/n)-ćati-* (ср. др.-инд. *vimśati*) — из и.е. **(d)ui-k̑mti-* 'две-десятки'.

'Тридцать' — **tri-śat-* > **θri-śat-* с вариантами **trin-śat-* > **θrin-śat-* — из **trīn* (акк. м.р.) или **trīni* (ном.-акк. ср.р.) + **-śat-* (ср. др.-инд. *trimśat-*); реже — со вторым элементом в форме мн.ч.: **tri-śant-*.

'Сорок' — **catuāṛ-śat-*, а также **catuāri* + *-śat-* (ср. др.-инд. *catvārimśat-*), **catuāṛ-śant-*.

'Пятьдесят' — **pañcā-śat-* и **pañcā-śant-*.

Числительные этого разряда, обозначающие числа от 60 до 90, представляли собой имена с суффиксом **-ti-* от соответствующих числительных первого десятка: 'шестьдесят': **ṣṣaṣṭi-* (ср. др.-инд. *ṣaṣṭi-*); 'семьдесят': **haptāti-* (с растяжением **-a-* > **ā-* по аналогии с обозначением восьмидесяти); 'восемьдесят': **aṣṭāti-*; 'девяносто': **naṇati-*.

Остальные группы обозначений чисел после 10 содержат числительные, отражающие комбинации разных математических процедур, главным образом умножения и сложения (о вычитании см. в гл. II). Формально они представлены комбинациями определительных и копулятивных микроструктур, превращавшихся в дальнейшем, при их лексикализации, в сочетания детерминативных композитов (и/или абстрактных имен) с копулятивными. В числительных, обозначающих сочетания десятков с единицами (числа, отражающие комбинацию умножения и сложения), в древнейшем состоянии соблюдался порядок «от меньшего к большему», типа **pañca-* + **uī(n/m)śati-* 'двадцать пять', букв. 'пять + двадцать' или с соединительным союзом

*-ča, например **pañča-ča* **ũ(n/m)śati-* (ср. др.-инд. *pañca-ca viṃśati-*) ‘двадцать пять’, букв. ‘пять-и двадцать’. Практически это были однотипные сочетания.

Названия единиц более высоких порядков (как и **daśa-* ‘десять’) представляли собой существительные: **śāta-* ‘сто’ (ном.-акк. ср.р. **śātam*, ср. др.-инд. *śātām*) — из и.-е. **k̑ntóm* < *(*d*)*k̑ntóm*; **haṣāhra-* ‘тысяча’ (ном.-акк. ед.ч. **haṣāhram*, ср. др.-инд. *sahāsram*) — из диалектного и.-е. прототипа (для арийского, греческого, латинского) **sm̥-gheslom* из **sm̥-* ‘один, единый’ и **gheslo-* ‘тысяча, множество’, см. [Pok. IEW, 446; Семер. Введ., 242]. Отмечено также имя **baiuar-* / **baiuan-*, обозначавшее множество, традиционно трактуемое как ‘десять тысяч’, но обозначавшее первоначально, скорее всего, ‘несметное множество, мириады’. Надежных соответствий в других индоевропейских языках, включая древнеиндийский, не обнаруживается, ср. др.-инд. *bhūri*, не вполне аналогичное иранскому, см. [Mh. KEWA-15, 514]. О возможном реальном значении слова в праязыке и материал см. в гл. II, см. также [Barth. Vorgeschichte, 112; Аб. ИЭСОЯ I, 262; ЭСИЯ 2, 63–64].

При обозначении нескольких сотен, тысяч и т.п. использовались сочетания, в которых числительные выступали как препозитивные определения к существительному, например **duuai śatai* ‘двести’, букв. ‘две сотни’ (дв. число), **čatuarah śata-* ‘четыреста’ и т.д.

Праиранские порядковые числительные представляют собой грамматические прилагательные, производные от количественных числительных, и продолжают более древние — индоевропейские образования с соответствующими огласовками и суффиксацией. Исключение — обозначение понятия «первый», продолжающее прилагательные со значениями ‘передний, находящийся впереди’: **fra-tara-*, **fra-tama-*, **pauru(i)ja-* (ср. др.-инд. *pūrvya-*, рус. *первый*).

Имелись и другие разряды числительных.

Подробнее о праязыковых числительных и их индоевропейских источниках см. [Эд. СГВЯ-М, 45–52], там же литература. О числительных в иранских языках см. также [Emm. Iran. Numer.].

1.5.2.2. Местоимения

Прослеживаются местоимения практически всех традиционных разрядов: полноударные личные и указательные и соответствующие им энклитические, а также вопросительные, неопределенные, относительные, определительные, притяжательные, возвратные и обстоятельственные, т.е. наречные местоимения.

Личные местоимения были представлены лексемами 1-го и 2-го лица единственного, двойственного и множественного числа с гетерогенными парадигмами, 3-е лицо обозначалось указательными местоимениями.

Полные лексемы личных местоимений:

1-е лицо. Ед. число: ном. **ažám* < арийск. **ajhám* (ср. др.-инд. ведич. *ahám*) из и.-е. **eĝ(h)-óm* [Рок. IEW, 291]: ав. *azəm*, др.-перс. *adam*, см. также [ЭСИЯ 1, 294 и сл.]; основа косв. падежей **ma-* < арийск. **ma-* (ср. др.-инд. *ma-*), из и.-е. **me-* [Рок. IEW, 702], ген. **mána*: ав. *mana*, др.-перс. *mana*; в иранских языках более поздних периодов отражаются рефлексy прототипа именно генитива **mana*. Дв. число: ном. предположительно **uām* < арийск. **uām* (ср. др.-инд. ведич. *vām*), в иранских языках надежных рефлексов не фиксируется; основа косв. падежей **āua-*: ав. *əəvā* (акк.). Мн. число: ном. **uajám* < арийск. **uajám* (ср. др.-инд. ведич. *vayám*) из основы и.-е. **uei-* [Рок. IEW, 1114]: ав. *vaēm*, др.-перс. *vayam*; в более поздних языках надежные рефлексy не прослеживаются; основа косв. падежей **ahma-* < арийск. **asma-* (ср. др.-инд. *asma-*) из и.-е. **ṛsme-* < **ṛs-(s)mé-*, с первым компонентом в виде основы энклитического местоимения 1-го л. мн. числа и.-е. **nēs-* : *nos* : *ṛs-* в нулевой ступени огласовки (с отражением и.-е. **ṛs-* > арийск. **as-*, ср. др.-инд. *as-*) > праиран. **ah-*, см. подробнее [ЭСИЯ 1, 97]; ген. **ahmākam* < арийск. *asmākam* (ср. др.-инд. *asmākam*, *asmé*) — практически местоимение-прилагательное, образованное от основы косвенных падежей: ав. *ahmākəm*. В древних иранских диалектах форма видоизменилась фонетически: **ahmākam* > **amākham* > **amāxam*, ср. др.-перс. *amāxam* [Kuiper 1965, 305]; в более поздних языках отразился в основном древнеиранский прототип **amāxam*.

2-е лицо. Ед. число: ном. **t(u)uam* < арийск. **t(u)uam* (ср. др.-инд. ведич. *tvám*) от основы и.-е. **tū-* (с тем же элементом **-am*, что и в 1-м лице ед. числа) [Рок. IEW, 1097]: ав. *tvəm*, *tūm*, *tū*, др.-перс. *tuvam*; основы косв. падежей **ta-*, **t(u)ua-* и др. < и.-е. **te-*, **t(e)ue-*, **t(e)uo-*, **toi-*; ген. **tāua* < арийск. **tāua* (ср. др.-инд. ведич. *táva*) из и.-е. **teue* или **teuo*: ав. *tavā*. Дв. число: ном. **iūuām*, предположительно из арийск. **iūuām* (ср. др.-инд. ведич. *uivám*), надежных рефлексов в иранских языках не засвидетельствовано; основа косв. падежей **iūua-*, ген. **iūuākam* (?) — ав. *yavākəm*, возможно, вторичная аналогическая форма, уподобленная генитиву мн. числа, ср. др.-инд. ведич. *uivós*, *uiváyo*s. Мн. число: ном. «слабое» ударное или энклитическое **iūš* и (возможно, вторичное) **iūšam* из арийск. **iūš* и

**iūš-am* (ср. др.-инд. ведич. *yūyám* — из более раннего **iūšam*, ср. лит. *jūs* 'вы') из и.-е. **iūs* от корня **i-* [Pok. IEW, 513–514]: ав. *yūžam*, ав. г. *yūš*; основа косв. падежей праиран. **ušmá-* < арийск. **ušmá-* с начальным компонентом **uš-*, продолжающим и.-е. **us-* — вариант энклитического местоимения 2-го лица мн. числа **uēs*, **uōs* : **us-* в нулевой огласовке, с корневым элементом **m*, как и в местоимении 1-го лица мн. числа; ген. **ušmākam* < арийск. **ušmākam* (ср. др.-инд. *yuṣmāka(m)*): ав. *yūšmākam*. Форма генитива здесь также продолжала местоимение-прилагательное, как и у местоимения 1-го лица мн. числа. Далее форма **ušmākam* перестроена в **ušmāxam* по аналогии с **atāxam*.

В ряде работ праиранская основа косвенных падежей реконструируется в виде **iūšmá-* (соответственно, дат. **iūšmabīā*, ген. **iūšmākam* и т.п.). Это делается на основании форм с начальным у- в авестийском и древнеиндийском. Однако появление протетического у- в косвенных падежах в древнеиранских диалектах, как и в древнеиндийском языке, перед основой **ušma-* (а также растяжение гласного первого слога в авестийских основах *yūšma-*, в генитиве *yūšmākam*) — результаты позднего диалектного парадигматического уподобления по аналогии с номинативом **iūšam*. В общем праиранском состоянии наращения **i-* не было, на что указывает дальнейшая судьба этого местоимения в целом ряде иранских языков (см. ниже). Тот факт, что наращение у- в косвенных падежах охватило не все древнеиранские языки и диалекты, подтверждается материалом тех иранских языков, где начальный **i-* сохраняется в виде у- или усиливается, переходя в *j-*, *ž-* (> *z-*), подробнее см. [Эд. СГВЯ-Ф, 78]: в этих языках в местоимениях от основы **ušma-* следов начального **i-* нет.

Б. Указательные местоимения

Имелось несколько серий указательных местоимений, различающихся лексически и образованных от разных основ, восходящих к разным же индоевропейским дейктическим корням или к сращению двух и более индоевропейских корней. Реконструируются полные и энклитические указательные местоимения. Тенденция полных указательных местоимений к «склеиванию» в двухкомпонентные основы приводит в словообразовательном плане к копулятивным композициям, как и в других индоевропейских языках. Она вызвана, по-видимому, ослаблением значения указания у «первичных» дейктических корней, что требует подкрепления или усиления присоединением другого корня, который на тот момент имеет более четкое указательное

или эмфатическое, или отождествительное, удостоверительное и т.п. значение. Процессы склеивания продолжались в праиранском и в более поздние периоды в разных иранских языках.

Основные из праиранских полных местоимений:

Простые (однокоренные): 1) **a-* м., ср. р., **ā-* ж. р. — из и.-е. **o-* м., ср. р., **ā-* ж.р.; 2) **ai-* : *i-*, *ī-* — из и.-е. **ei-* / **oi-* : *i-* (основа связана чередованиями с предыдущей; не исключено, что она уже — результат «склеивания» в раннем индоевропейском состоянии); 3) **ha-*, ж.р. **hā-* — из и.-е. **so-* / **se-*, ж.р. **sā-*; 4) **ta-*, ж.р. **tā-* — из и.-е. **to-*, ж.р. **tā-*.

Сложные, являющиеся результатом раннеиндоевропейского «склеивания»: 5) **aiua-*, ж.р. **aiūā-* — из и.-е. **oio-*, ж.р. **oiūā-*; 6) **hūa-*, ж.р. **hūā-* — из и.-е. **suo-*, ж.р. **suā-*.

Более поздние вторичные основы, появившиеся в результате «склеивания» двух первичных основ и/или морфемного перераспределения элементов внутри падежных форм от первичных корней: 7) **ima-* (арийская инновация от корня **i-*); 8) **aija-*, ж.р. **aijā-* — от корней **a-* + **-ia-*, ж.р. **a-* + *jā-*; 9) **ijia-*, ж.р. **ijjā-* — от корней **ei-* / *oi-* : **i-* в слабой огласовке: **i-* + **-ia-*, ж.р. **i-* + *jā-*; 10) **aiša-*, ж.р. **aišā-* — из и.-е. **ei-* / *oi-* : **i-* + **-so-*, ж.р. + **-sā-*; 11) **aita-*, ж.р. **aitā-* — из и.-е. **ei-* / *oi-* : **i-* + **-to-*, ж.р. + **-tā-*; 12) **aiua-*, ж.р. **aiūā-* — из и.-е. **ei-* / *oi-* : **i-* + **-uo-*, ж.р. + **-uā-*; 13) **ana-*, ж.р. **anā-* — из и.-е. **o-* + **-no-*, ж.р. + **-nā-*; 14) **aina-*, ж.р. **ainā-* — из и.-е. **ei-* / *oi-* : **i-* + **-no-*, ж.р. + **-nā-*; 15) **hau*, **hāu* — из и.-е. **so-*, **sā-* + дейктический элемент **-u-*; 16) **amu-* — из вторичной основы **ama-* + дейктический элемент **-u-*; 17) указательно-относительные **h(i)ia-* '(тот), который', ж.р. **h(i)jā-*, аналогичные др.-инд. *syá-*, — из сращения первичного **ha-* с относительными **ia-*, ж.р. **jā-*; 18) арийские указательно-относительные **t(i)ia-* '(тот), который', ж.р. **t(i)jā-*, аналогичные др.-инд. *tyá-*, — из сращения первичного **ta-* с относительными **ia-*, ж.р. **jā-*; 19) **h(u)ua-* / **xva-* в указательном значении — из сращения первичного **ha-* с дейктическим элементом **-ua-* (ср. возвратный аналог, см. ниже); 20) **t(u)ua-* / **θua-* в указательном значении — из сращения **ta-* с дейктическим элементом **-ua-* (ср. возвратный аналог, см. ниже); 21) **ś(i)ia-*, ж.р. **ś(i)jā-* — из рефлексов и.-е. **ko-*, **ke-*, **k(e)i-*, **k(i)io-* [Pok. IEW, 609–610], сохранившееся спорадически в композитах, например орм. *šāp* 'сегодня' [Morg. IFIL I, 408] (ср. лит. *šiañdien* 'сегодня', рус. *сей*, *сей-час*), а также в основе числительного 'один', см. выше.

Возможно, были праиранские и древнеиранские другие «слитные» двойные основы.

Отдельные простые, или первичные, основы выступают также в составе энклитических местоимений (см. ниже).

Распределение всего этого множества по семантическим сериям и по падежным парадигмам (учитывая гетерогенность парадигм ряда местоимений) не вполне ясно. Возможно, по диалектам праиранского континуума они были неодинаковы. На основании семантики их рефлексов в разных иранских языках прослеживаются следующие наиболее типичные правила распределения дейктических основ по сериям (в целом сходным с лат. *hic* — *iste* — *ille*), т.е. в соответствии с тремя сериями Бругмана, см. [Brugm. Demonstr.]:

1. Первичные **ai-* с вариантами, **a-* и вторичные **ai̯a-*, **i̯ia-*, **ima-* относились к серии Ich-Deixis — ближнего к говорящему 'этот (что возле меня)'. Сюда же относилась основа с рефлексом и.-е. **k̑-*, рудименты которой отмечаются предположительно в единичных иранских языках (хотя эта этимология признается не всеми).

2. Первичные **ta-*, **ha-* и вторичные **aita-*, **ai̯ša-* относились к сериям а) Du-Deixis — ближнего к собеседнику 'этот / тот (что возле тебя)' и б) Der-Deixis (связанной с предыдущей) — эмпфазы и анафоры 'тот самый; тот, который' (вне привязки к пространственной сфере участников дискурса). Тем самым, эта группа продолжила соответствующую индоевропейскую серию с элементами **s*, **t* с теми же значениями, см. [Мейе Введ., 332]. Этот комплекс значений сохраняется не только в праиранском состоянии, но и в некоторых живых иранских языках, включая восточноиранские (см. гл. II). При этом раннеиндоевропейская оппозиция корней с **s* ~ **t*, маркировавшая одушевленность ~ неодушевленность или активность ~ инактивность денотата (ср. и.-е. ном. м.р. **so* — ж.р. **sā* — ср.р. **tod*), в поздних иранских языках не сохранилась. Ее этимологические рудименты прослеживаются лишь в словоизменении.

3. Основы **aça-*, **hāu*, **amu-*, **ana-* (и вторичные производные от них, например **an-tara-*, **an-(i)ia-* 'другой') относились к серии Jener-Deixis 'ближний к третьему лицу; удаленный от говорящего и собеседника' («тот»). Тем самым, эта группа продолжила соответствующую индоевропейскую этимологическую «удаленную» серию с элементами **u*, **n* (элемент **l* в иранских языках не прослеживается).

Однако установить точную соотнесенность всех праиранских основ с теми или иными сериями или с другими семантическими группами трудно, не имея контекста. Даже для языка Авесты распределение основ по классам рассматривается разными исследователями различно (ср., например, [Reichelt Aw., 279–287] и [Сок. ЯА ОИЯ, 185–186]).

Подробнее о праиранских и древнеиранских указательных местоимениях и их этимологии см. [Barth. Vorgeschichte, 136 и сл.; Brugm. Demonstr.; Reichelt Aw., 200–202, 208, 279–287; Мейе Введ., 332 и сл.; Kent ОР, 68–69; Сок. ЯА ОИЯ, 184–188; Семер. Введ., 217–221; Эд. СГВЯ-М, 55–59].

В. Энклитические местоимения

Энклитические местоимения, соотносимые с личными и указательными, употреблялись при отсутствии эмфазы, в слабой акцентной позиции, при обозначении объектов и определений. Поэтому существовали в формах косвенных падежей. Основные энклитические местоимения: личные — 1-го л. ед.ч. акк. **mā*, ген.-дат. **mai* (< и.-е. **mei / moi*), дв.ч. общая форма **nā*, мн.ч. акк. **nāh* (< и.-е. **nēs / *nōs*), ген.-дат. **nah* (< и.-е. **nes / *nos*); 2-го л. ед.ч. акк. **t/θiā*, ген.-дат. **tai* (< и.-е. **t(ū)ei / t(ū)oi*), дв.ч. общая форма **iā*, мн.ч. акк. **iāh* (< и.-е. **iēs / *iōs*), ген.-дат. **iah* (< и.-е. **ies / *ios*).

Для 3-го лица и для указания использовались указательные энклитики с основами: **i*, **ī* (из соответствующих индоевропейских основ); **hai* : *hi* / **šai* : *ši* с вариантами с **h* / **š*, в зависимости от исхода предшествующего слова (из и.-е. **sei* : *si*) и **dai* : *di* (из индоевропейской основы **di* или **d̥m*). Отмечаются следы взаимодействия полноударных местоимений в косвенных падежах с энклитическими — в праязыке и особенно явно в более поздние эпохи.

Г. Другие разряды местоимений

Наиболее существенные вопросительные местоимения: **ka-* м. и ср.р., **kā-* ж.р. из и.-е. **k^wo-*, **k^wā-* соответственно; а также **čai-* : *či-* из и.-е. **k^wei* : **k^wi-*. К ним примыкает наречное **ku-* 'где, куда' и 'когда' из и.-е. **k^wu-*. Они же выступали в качестве неопределенных (особенно в сочетании с частицами **čit*, **ča*) и отчасти относительных. Вместе с тем прослеживаются относительные местоимения от основы **ia-* м. и ср.р., **iā-* ж. р. и образованные от них сочетания с другими местоимениями (**ta-*, **ha-*). Имелась также большая группа определительных местоимений, по сути — прилагательных, образованных от местоименных основ типа **ka-tara-* и **ka-tama-* 'который', **či-uant-*, **či-iant-* 'сколь большой' → 'сколько, сколький' и др., а также рефлексy более старых образований типа притяжательного и возвратного **h(u)ia-*, **h(u)iai-* > **x^va-*, **x^vai-* 'свой; сам' < и.-е. **sue-*, **seue-*, **seuo-* и др.

Подробнее о праиранских местоимениях и их индоевропейских источниках см. [Эд. СГВЯ-М, 52–62], там же литература.

1.5.3. Глагол

Для праиранского состояния в глагольной подсистеме, как уже говорилось выше (см. с. 25 и сл.), было особенно важно различие между корнем и основой слова. Корень — носитель основной семантики — выступал в качестве своеобразного стержня в разных глагольных (и именных) основах, имевших уже конкретные значения. Часть классов, направленная в доиранском состоянии на передачу оппозиции «центробежное действие ~ центростремительное действие и/или состояние», постепенно сдвигалась в семантическом плане на передачу оппозиции «переходность ~ непереходность».

Здесь нет возможности привести перечень глаголов по семантическим группам для праязыкового периода, поскольку такой список был бы огромен и дублировал бы в известной мере словник почти всех корней праиранского состояния и всех 32 (по Хр.Бартоломе) производных основ (с разными превербами) от каждого корня. Это — задача другого исследования. Часть праиранских глагольных корней и производных основ рассмотрена в вышедших томах Этимологического словаря иранских языков [ЭСИЯ] и продолжает анализироваться в подготавливаемых следующих томах, перечень праиранских и отчасти древнеиранских корней содержится в большом вышедшем недавно словаре «*Etymological Dictionary of the Iranian Verb*» [Ch. EDIV]. Для нас важно, что практически почти все глагольные корни имели рефлексy в виде производных глагольных (и именных) лексем в восточноиранских языках. Важно также отсутствие в праиранской системе глагола со значением 'иметь', который развивался впоследствии на базе глагола **dar-* 'держатъ, удерживать(-ся)': этот факт сыграл впоследствии большую роль в трансформации структуры практически всех иранских языков³. Подробнее о структурных особенностях праиранской глагольной подсистемы и ее отражении в восточноиранских языках говорилось в предыдущей книге, см. [Эд. СГВЯ-М, 14–38 и 69–146].

В семантическом плане в глагольной подсистеме, как и в именной, каждая лексема помимо центральной семы имела периферийные, т.е. каждый глагол кроме основного имел какие-то дополнительные значения и оттенки, которые мы не всегда можем восстановить, как и границы между сферами значений глаголов со сходными центральными семами. Некоторые из таких маргинальных сем могут впоследствии стать центральными, что отразится в дальнейших семантических сдвигах каждого глагола. Однако этот процесс протекает индивидуально в каждом языке, и результаты его могут быть очень разными, поэтому проецировать все последующее разнообразие на праиранскую систему было бы неверно.

Трудность реконструкции более или менее отчетливого лексического значения каждого из глаголов (не только корней, но и основ), а потому определения семантических границ между глаголами обуславливает трудность выявления синонимии, омонимии, полисемии и контаминации в праиранской глагольной системе. Интересно в этом плане наблюдение над синонимией рифмующихся корней, которая, однако, может быть вторичного происхождения, зависимой от вторичной контаминации [Ch. EDIV, XIV]. Вместе с тем выявление праязыковой синонимии глаголов могло быть очень удобным подспорьем в поисках тестирующих лексических признаков, противопоставляющих западноиранские и восточноиранские языки: распределение рефлексов глаголов, входящих в синонимическую пару, по этим группам можно было бы расценить как генетически значимый признак. Однако обнаруженные рефлексy «синонимов» либо встречаются в обеих группах, либо один из них зафиксирован только в одной из групп, а ноль в другой не является генетически значимым.

Поэтому, не имея возможности в данном обзоре проанализировать даже основы семантической классификации глагольной лексики, остановлюсь лишь на единичных примерах.

Условность синонимии в праязыковых корнях можно проиллюстрировать на примере праиранской пары глаголов **kauš-* и **gan-*. Оба они содержат сему 'убивать' в древних текстах и сохраняют ее в рефлексах этих глаголов в более поздних иранских языках западной и восточной групп. Впоследствии выступают отчетливые различия между значениями этих глаголов, но и они характерны для обеих групп. Возможно, что часть этих различий была заложена уже в диалектах праязыкового континуума.

Глагол **kauš-* зафиксирован в авестийском: ав.п. *kaoš-* (только в сочетании с *fra-*) в значении 'убивать, умерщвлять' [Barth. AiW, 432]. Позднее в среднеперсидском *kuš-* : *kušt-* зафиксировано то же значение. Однако в продолжениях среднеперсидского отмечаются дальнейшие иные значения, возможно, развившиеся из этого основного (или заложенные в праязыке?): глагол имеет здесь дополнительное терминологическое значение ритуальной процедуры резания скота (поскольку «неправильно», не по ритуалу, убитое животное было запретным для еды). Здесь же налицо и дальнейшие значения (производные от основного?), возможно, через этапы переносного употребления этого глагола: 'убивать' → 'резать ритуально (о скоте)' и др. Во многих восточноиранских языках терминологическое значение 'ритуально резать животное для употребления в пищу' стало основным и даже единственным для этого глагола (материал см. в гл. II).

Корень **gan-* (из и.-е. **g^when-* ‘убивать’) в древних иранских языках выявляет в основном два круга значений: 1) ‘бить, ударять; падать’ и 2) ‘ранить, убивать’ (см. ав.г., п. *gan-*, др.-перс. *gan-*) [Barth. AiW, 490–493]. В дальнейшем наблюдаются семантические изменения в основном в виде закрепления в разных языках одного из этих кругов значений: либо как центрального, либо как единственного. Далее развиваются дополнительные новые значения, см. в гл. II.

При этом разделить с точностью значения этих глагольных корней в праиранском состоянии (как и отделить их от других корней со значениями ‘бить, убивать, резать’ и др.) едва ли возможно.

Не всегда отчетливо реконструируются и границы поля — семантической группы глаголов. В дальнейшем возможны различные пути перераспределения значений между членами одной глагольной группы, формирование новых глагольных семантических классов, которые не прослеживаются в праязыковой системе и т.п. О развитии таких семантических классов в восточноиранских языках см. в гл. II.

1.6. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СЛОВ В ПРАИРАНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ГРУППАХ

Как уже говорилось, в результате приблизительности в реконструкции набора сем отдельного слова, неясности их иерархии, а также весьма приблизительной границы круга значений слова, серьезные трудности возникают и при попытках восстановить для праязыкового состояния соотношение постулируемых лексических единиц — слов как элементов единой лексической системы. Это касается, в частности, трудностей в реконструкции взаимоотношений слов, относящихся к той или иной лексической группе, т.е. явлений синонимии, омонимии, полисемии и случаев контаминации слов в праиранский период.

1.6.1. Синонимия

Выявление синонимических пар в праязыке и в древних иранских диалектах важно по двум причинам. Во-первых, в разных иранских языках существуют слова с гетерогенными парадигмами, где в качестве супплетивных членов используются словоформы от разных основ и корней, например в разных падежах имен, особенно местоимений; в разных основах настоящего времени и прошедших времен глагола. Вместе с тем, естественно, что до образования этой единой парадигмы

данные основы и корни должны были стать действительно синонимичными. Во-вторых, и это существенно для данной работы: поиски лексических противопоставлений между западноиранскими и восточноиранскими языками следует искать прежде всего в праязыковых синонимических парах, компоненты которых впоследствии могли бы разойтись по разным генетическим группам языков.

Вместе с тем анализ праязыковых синонимов вызывает большие трудности. Эти трудности, особенно в выявлении степени синонимичности слов, объясняются в части случаев субъективным фактором, т.е. тем, что мы зачастую не можем реконструировать более или менее древнюю границу значений между словами-«соседями» в семантической группе, и нам сейчас могут представляться практически полными синонимами в прошлом такие слова, которые в действительности характеризовались в ту эпоху лишь частичной синонимией (обладая некими семантическими или стилистическими и прочими различиями, которые были впоследствии утрачены), либо обозначали соответственно класс и подкласс обозначаемых предметов и явлений и т.д., либо вообще не являлись синонимами (см. ниже). Возможно, с этим обстоятельством связано отчасти обилие синонимов, фиксируемых в праязыковом материале этимологических словарей (ср. упреки, которые предъявлялись в этом плане, в частности к словарю Ю.Покорного).

О другом, уже объективном, факторе в появлении лексической синонимии (в том числе и полной) в праязыковой системе, т.е. заимствовании слов из одного диалекта в другой в условиях диалектной вариативности праязыковой лексики уже писалось [Трубачев 1985, 12].

«Синонимы», выявляемые в праиранской системе, могут относиться к разным типам, и причины их возникновения не всегда самоочевидны, особенно в тех случаях, когда рефлексy двух (или более) слов-синонимов впоследствии оказываются разведены по ареалам. Иногда при такой ситуации невозможно решить, сосуществовали ли эти слова в рамках единой лексической системы, были ли они синонимами (в том числе семантическими, жанровыми, стилевыми и другими лексическими вариантами выражения единых или сходных понятий, являлись ли они архаизмами или инновациями и т.п.), или они были связаны с диалектной стратификацией праязыка и изначально принадлежали разным диалектным лексическим системам.

Так, например, обозначение лошади, коня в разных иранских языках приводит нас к разным праформам древнейшего праиранского состояния: 1) унаследованное имя **aśua-* 'конь, лошадь' и 2) отглагольное **bāraka-* от корня **bar-* 'нести, вести, везти', см. с. 48; обозначение собаки — к трем прототипам: 1) унаследованное **śuan-* : *śun-*

‘собака’; 2) (возможно, звуко-символическое, междометное) **kuta*-м.р., **kuī*- ж.р.; 3) производное **gaḍa*- ‘собака’, обозначавшее собаку, отличную от той, которая обозначена ав. *span*- [Barth. AiW, 489] и др. (см. с. 48–49).

В традиционной схеме членения иранской языковой семьи на западную и восточную генетические группы первое и второе обозначения собаки (а также обозначения рыбы, восходящие, как теперь известно, к **matsja*- и **kapa*-) и некоторые другие рассматривались в качестве генетических признаков соответственно западной и восточной групп. Исследования последних десятилетий показали, однако, что каждое из этих обозначений 1) не ограничено языками только одной генетической группы; 2) не охватывает все языки той или иной группы. Некоторые из них могут быть связаны не с членением диалектов праязыкового периода на западные и восточные, а с древним, но иным членением, либо с более поздними ареалами. Другие же, возможно, носят жанровый, стилистический характер (высокого или разговорного стиля, возможного табуирования и т.п.) и обязаны диглоссии, которая, по-видимому, была свойственна и наиболее архаичному периоду в истории иранских языков, см. [Kazama 1986]. Некоторые имена могут быть просто обозначениями разных реалий (например, собак разных пород, как предполагал Хр.Бартоломе, см. выше) или обозначениями класса и подкласса объектов.

Некоторые пары сходных по значению слов могут быть связаны с хронологической неоднородностью лексики, бытовавшей в диалектах праиранского континуума, с архаизмами и инновациями в словообразовании и семантике слов.

Частично такие слова (синонимы?) явно сосуществовали в единой праязыковой лексической системе, хотя, по-видимому, не были полными синонимами в наиболее ранний период (однако, возможно, и становились таковыми позднее), т.е. являлись синонимами, обязанными своим возникновением не диалектной, а хронологической стратификации праязыка.

Так, в диалектах праиранского состояния еще сохранялись рефлекс-ы общеарийского (из индоевропейского) названия ночи: 1) праиран. **nakt*-, **naxt*-, **nayd*- (для восточного ареала) — ‘ночь’, унаследованное из праарийского и индоевропейского обозначения ночи; 2) праиран. **xšap*- (а также **xšapan*- : *xšapar*-, **xšapā*-) из общеарийского **kšap*- с тем же значением, продолжавшего в конечном счете и.-е. **k^wsep*- ‘темный, темнота’. В дальнейшем в индоарийских языках второе слово широкого распространения не получило, однако отмечается в северо-западном регионе дардских языков. В иранских же языках

оно распространилось почти повсеместно, см. с. 70, 182. Трудно определить, были ли эти два слова — **nax/kt-* и **xšap-* в раннем праиранском состоянии уже полными синонимами, либо они сохраняли вначале некие оттенки значения, разграничивавшие их, и стали полными синонимами позднее (вследствие чего и произошло вытеснение первого слова вторым), однако, судя по наличию обеих основ в языке Авесты, они не были разведены в праязыке ареально даже в относительно поздний период, а судя по семантике их в том же языке Авесты, они оба использовались в позднем праиранском для обозначения понятия ночи и как времени суток, и как темноты. Неясно, осознавалось ли первое слово как архаизм?

В праиранском состоянии отмечаются и относительно синонимичные слова, продолжающие более ранние доиранские производные (первичное и вторичное) от единого корня. В этом отношении характерны названия пальца: первое — более раннее — зафиксировано только в «малых» языках и диалектах, второе — более позднее, но также доиранское — общее, распространенное в иранском мире: 1) **anguli-*, **anguri-* ‘палец (руки, ноги)’ — из и.-е. **anguli-* — именной основы от и.-е. **ang(u)-* ‘сустав, угол’ от корня **ang-*, **ank-* ‘сгибать(ся)’; 2) **angušta-*, **angušti-* ‘палец’ — из арийск. **angušta-*, **angušti-*, от той же индоевропейской основы; соответствует форме превосходной степени, с первоначальным значением ‘большой палец’ (см. с. 57). Подробнее об этой паре синонимов см. [Эд. «Малые» языки, 235–236; ЭСИЯ 1, 169–171], там же литература.

В диахронии более поздних иранских языков имеются интересные примеры перехода слов, близких по значению, но не синонимичных, в разряд частичных и затем полных синонимов, иногда с последующей поляризацией значений и разрушением синонимии. Подробнее об этом будет сказано в гл. II.

Для праиранского состояния реконструируется несколько слов для обозначения особей крупного рогатого скота. Для нас в данном случае существенны два из них: 1) **gau-* : *gāu-* (м. и ж.р.; ном. ед.ч. **gāuš*) ‘корова, бык’, широко распространенное в вымерших и живых иранских языках западной и восточной групп; в большинстве языков — в значениях ‘корова, бык’ или ‘корова’; подборку рефлексов **gau-* см. [Оранский ИЯИО, 139–140]; 2) **uxšan-* (м.р., по диалектам также **ukšan-*; ном. ед.ч. **uxšā*, **ukšā*) ‘бык, телец, вол (?)’, см. с. 46, отразившееся в более узком кругу иранских языков, дальнейшие рефлексy вторoгo слова см. в гл. II.

Материал показывает, что эти лексемы не были разведены по диалектам праязыка, хотя вторая отразилась в относительно ограниченном ареале восточноиранских диалектов Средней Азии и примыкающих

регионов. Отдельные языки сохранили рефлексy обеих лексем в разных значениях. При этом в подавляющем большинстве языков за продолжениями основы **gau-* : *gāu-* закрепилось значение 'корова', редко также второе значение 'бык', т.е. практически обозначения коровы как представителя вида. Продолжения основы **uk/xšan-* обычно имеют значения 'бык, вол'.

Семантика этих слов еще для индоевропейского состояния обсуждалась в литературе неоднократно. Если **g^wou-* относят обычно к обозначениям единицы крупного рогатого скота (с соответствующим оформлением их наименований мужским или женским родом имени, что отражается в их падежных парадигмах), то семантика, дальняя этимология и даже фонологический состав второго термина вызывают споры. Одни исследователи связывают его с корнем **uk^ws-* 'увлажнять, брызгать' и реконструируют **uk^wsen-*, **uk^wson-* со значением 'бык-производитель', другие — с корнем **ueg-* (или **Hueg-*) 'расти' + *-s* и реконструируют **ukson-*, **Huksen-* со значением 'подрастающий (не взрослый) или выращиваемый бычок, жертвенный телец' и т.п. (обзор мнений см., например, в [Pok. IEW, 1118; Mh. EWA-3, 210; Гамкр., Ив. ИЕ II, 566; Zimmer 1981, 84–91]). При любой трактовке конкретного значения ясно, что индоевропейский этимон праиранского **uk/xšan-* служил первоначально не родовым обозначением обычной единицы крупного рогатого скота, как **g^wou-* > общеир. **gau-*, а названием быка, бычка или тельца, предназначенного для каких-то особых целей.

О круге значений и того и другого слова в праиранском состоянии можно судить на основании сопоставления более ранней, в частности индоевропейской, семантики с семантикой в конкретных иранских языках, в частности в наиболее древнем — авестийском, где *gau-* (муж., жен. род) выявляет значения 'бык, телец, корова' (с разными оттенками) [Barth. AiW, 505–509], а *uxšan-* означало 'самец крупного рогатого скота, телец' и персонифицированное изображение солнечного сияния — 'бык сияющего дня' [Barth. AiW, 383], т.е. использовалось в применении не только или не столько к единице крупного рогатого скота, сколько к быку или бычку для обособленных функций. По-видимому, сходный круг значений имели эти слова и в праиранской системе: **gau-* : *gāu-* м., ж.р. 'единица крупного рогатого скота' ~ **uk/xšan-* 'телец, бычок на откорме (?)' или '(будущий) тягловый бык, вол', что можно трактовать как отношения класса и подкласса. О дальнейшем ареальном сближении значений рефлексов **gau-* и **uk/xšan-* см. в гл. II. См. также [Эд. Лексикол., 68–71].

К проблеме синонимии в праиранском и в более поздних языках прямое отношение имеют супплетивные основы в гетерогенных

парадигмах. Особенно это характерно для ряда местоимений и некоторых глаголов (материал см. в гл. II). Естественно, что объединение в гетерогенную парадигму разных основ возможно тогда, когда эти основы на каком-то этапе стали синонимичными.

1.6.2. Омонимия

Определенные трудности возникают в ряде случаев и при лексической атрибуции реконструируемых праязыковых словоформ, сходных материально, но не тождественных семантически. Проблема отнесения их к единому для праиранского состояния «словарному слову» с развитой полисемией или к разным «словарным словам» — омонимам не всегда может быть решена однозначно. История иранских языков выявляет примеры как «изначальных» для праиранской системы омонимов, появившихся в результате фонетического совпадения разных индоевропейских слов и словоформ, так и «вторичных», появившихся в результате «расщепления» единого доиранского слова с развитой (или еще не затухшей) полисемией.

К первой группе относятся такие корни и основы, как, например, праиран. **dau-* 'давить, нажимать, придавливать; бить' < и.-е. **dhau-*, ср. рус. *давить*; праиран. **dau-* 'быстро двигаться; бежать, убегать' < и.-е. **dheu-* 'бежать; течь, струиться'; праиран. **dau-* 'зажигать, сжигать; гореть' < и.-е. **dāu-* : *dəu-* (см. [Рок. IEW, 179–181, 235, 259–260; ЭСИЯ 2, 383 и сл.]). Таких омонимов может быть несколько (см., например, семь праиранских омонимов **dā-* от различных индоевропейских корней [ЭСИЯ 2, 420–448]), и их омонимичность для праиранского состояния сомнений не вызывает (хотя в некоторых трудах разные корни **dā-* объединяются авторами в единый глагол с широким семантическим диапазоном).

Более трудными для семантической трактовки представляются корни и основы, появившиеся в результате «расщепления» единого доиранского полисемичного слова. В этих случаях вопрос об омонимии двух лексических единиц или полисемии единой лексической единицы не всегда может быть решен однозначно. Проблема возникает иногда с определением относительной хронологии процесса «расщепления» единого индоевропейского слова: его «расщепление» в доиранскую эпоху означает омонимию его продолжений в праиранском состоянии, а отнесение этого процесса к иранской (даже праязыковой) эпохе — полисемию единого слова. Поскольку данный круг вопросов освещался неоднократно в лингвистической литературе в самых различных аспектах (см. [Трубачев 1985, 10, 14–15;

Аб. Избр. II, 176 и сл.] и многие другие), достаточно ограничиться рассмотрением здесь одного примера, представленного иранским материалом.

Как приходилось отмечать [Эд. Лексикол., 72–74], можно строить различные предположения о наличии одного или двух слов в праиранском, представленных в виде **nāu-*, — продолжений (или продолжения) и.-е. **nāu-* (в словаре [Рок. IEW, 755–756] реконструирована основа **nāus-* ж.р., однако ее рефлексy в индоиранских языках свидетельствуют о прототипе **nāu-*, поскольку и.-е. **-s-* продолжилось бы здесь в виде **-š-*, чего не произошло). Для индоевропейского реконструируется значение ‘судно (выдолбленный или пустой ствол дерева)’ (там же), однако даже в ряде языков Европы отмечаются др.-верх.-нем. *nuosc*, ср.-верх.-нем. *nuosch* ‘корыто, желоб’, др.-фриз. *nōst* ‘корыто’, ср.-нижн.-нем. *nōste* ‘ясли, корыто для скота; корыто для воды’ (там же), что указывает на относительно длительное переживание здесь наиболее архаичного значения слова: ‘выдолбленный (//пустой) ствол дерева’ → ‘сосуд // изделие из выдолбленного (//пустого) ствола’.

В иранских языках древнего периода (как и в древнеиндийском или латинском) засвидетельствованы только значения **nāu-*, связанные с понятием лодки, челна, судна: др.-перс. *nāv-* ‘лодка, судно’, *nāviya-* ‘судоходность’; ав.п. *navāza-* ‘лодочник, моряк’, *nāvaya-* ‘судоходный’ (ср. др.-инд. *nāv-* ‘лодка, бот’, *nāvājā-* ‘лодочник, моряк’, *nāvu-* ‘судоходный’ и т.п.). Однако в более поздних языках находим рефлексy **nāu-* не только с этим кругом значений (см., например, ср.-перс. **nāydāg* [n’ywt’k] ‘глубокий, судоходный’ [MacK. CPD, 58], кл. перс. *nāv* ‘корабль, судно’ [Гаффаров 1974, 854]; совр. перс. *nāv* I 1) ‘военный корабль’; 2) ‘корабль, судно’ и производные от него: *nāvbār* ‘штурман’, *nāvbāri* ‘кораблевождение’, *nāv(e)gān* ‘флот’ и т.п. [Перс.-рус. словарь II, 624–625]; осет. *nau* ‘пароход, корабль, судно’ и производные [Осет.-рус. словарь, 271]), но и со значениями, восходящими к более раннему индоевропейскому ‘изделие из выдолбленного //пустого ствола’. Обычно это ‘желоб’, реже — ‘трубка’.

Таковы, например, ср.-перс. *nāu* ‘труба, трубка; флейта; жердь, мера длины (10 футов)’ (из **nāu(a)ia-* при возможной контаминации с *nau* ‘тростник’) и производные типа *nāuīzag* [n’yck’] ‘мелкий тростник, солома’ [MacK. CPD, 58]; кл. перс. *nāv* ‘ручей, канал, проток; водосток’; *nāv*, *nāvdān* ‘желоб, водосток, труба’; *nāvis* ‘небольшая стрела’, *nāva* ‘корытце для раствора на стройке’, *nāu* ‘камыш, тростник; флейта, горло’ (параллельно с *nau* ‘тростник’ < **nadi-*) и др. [Гаффаров 1974, 854–855]; совр. перс. *nāv* II 1) ‘труба или деревянный желоб (для стока воды)’; 2) ‘водосток, акведук’ (в словаре дается

как омоним к *nāv* I 'корабль, судно' и т.д.) [Перс-рус. словарь II, 624] и производные: *nāvdān* 'деревянный желоб; открытый лоток для слива или сброса (чего-либо)', *nāve* 'творило' и др. (там же, 624–625); тадж. *nová* (< **nāṣaka*-) 'желоб', в говоре Бухары *ноуџа* 'продолговатая наковальня дляковки кувшинов' [Махмудов, Бердиев, 166], в Исфаре *novča* 'желоб' [Раст. 1963, 145]; осет. *пук* | *покæ* 'желоб' (с вторичным суффиксом *-k*); йидга *пowoуō* (< **nāṣaka*-) 'желоб для воды', мундж. *пəwəyika* (с поздним наращением вторичного суф. **-ka* к первичному, перешедшему в *-γ-*) с тем же значением, пашто *nāwá* 'желоб, водосток' (заимств.?): шугн., руш., хуф., барт. *nōw*, сар. *nəw* 'желоб, желобок, лоток', язг. *nəw* 'желоб для воды (на мельнице)', ягн. *nōw* 'желоб' (заимств.?) и др.

В горных долинах среднеазиатского и примыкающих регионов из значения 'желоб' развилось дальнейшее — 'узкое ущелье, лощина, ложбина в горах', вначале как переносное в рамках круга подзначений общего значения 'желоб' (ситуация, сохранившаяся в язгулямском), затем ведущее (например, в шугнанском) и, наконец, единственное, свойственное слову 'ущелье', омонимичному слову 'желоб' (например, в ягнобском). В классическом персидском развивается вторичный круг значений *nāvdān*- 'шлюз, река, канал' и др. [Ягелло, 1653].

Сема 'полый ствол' получила и другую линию развития, продолжившись в применении к стволу не только дерева, но и других растений, в частности трубчатых. С этим связано развитие значения 'трубка' и контаминация этого слова с обозначениями тростника, камыша: т.е. *nāu* (< **nāṣ(a)ia*-) ~ *nau* (ср. также упоминавшиеся выше ср.-перс. *nāu* 'трубка, флейта' и продолжавшее его кл. перс. *nāu* 'камыш, тростник; флейта, трубка; горло' и их производные). Формы, продолжающие основы без суф. **-ia*-, т.е. **nāṣ*- и **nāṣaka*- с наращением позднего суф. *-ak*, характеризуются набором сем, являющихся дальнейшим развитием значений 'трубочка' → 'камыш, тростник', часто с приобретением значения 'трубчатый' или 'изделие из тростника'. Так, кл. перс. *nāvak* переводится обычно как 'камышовая стрела', однако отмечаются и значения 'трубка, через которую пускается стрела, самострел; камыш или что-н. пустое; канал; жало пчелы' и др. [Ягелло, 1653]. Слово отмечено и в сочетании *tīr-i nāvak* 'стрела *nāvak*', очевидно, при частичной утрате значения 'стрела' в самом слове *nāvak*. Характерен в отношении семантики этого слова оборот: *va tīr-andāzān va nāvak-andāzān va naft-andāzān* 'и метатели стрел, и метатели *nāvak*, и метатели «нафта» (горючей жидкости, горящей нефти)' в памятнике XII–XIII вв. [Нажмутдинова 1991, 96]: здесь речь идет об особых стрелах, причем смысл их употребления

может быть не в особом материале (камыш?), а в трубчатой форме. Ср. продолжения этого слова в современных языках: перс. *nāvāk* 1) '[небольшая] стрела'; 2) (редко) 'тростник'; *nāvākāndāz* (уст.) 'стрелок из лука, лучник'; тадж. *novak* 'стрела'; пашто *nāvak* (заимств. из дари) 'род стрелы; жало (осы, пчелы)' и т.д.

Характерно, что развитие различных линий значений и их поздняя трансформация по языкам типа: 1) 'лодка' → 'судно' → 'военный корабль'; 2) 'желоб' → 'лощина в горах'; 3) 'трубка' → 'вид стрелы' и др. — зависели от природных условий, хозяйственного и общественного уклада и в конечном счете от способа обработки и использования природных реалий.

Рассмотренные линии развития значений показывают примеры становления омонимических пар в конкретных иранских языках из слов с некогда единым значением, однако оставляют открытым вопрос о семантическом соотношении прототипов в праиранском состоянии: были ли в ту эпоху **nāu-* 'лодка' и **nāu-* 'желоб' и другие хозяйственные изделия из полого ствола' уже разными словами-омонимами, либо это было еще, как и в индоевропейском, единое слово с отчетливо выраженной полисемией, однако обозначавшее уже не 'выдолбленный // полый ствол растения', а 'изделие из выдолбленного // полого ствола', и конкретные значения — 'большой сосуд из выдолбленного // полого ствола, используемый для плавания в нем' и 'желоб, труба // трубка, сосуд для воды и др. из выдолбленного // полого ствола, используемый в хозяйственных и других целях' — принадлежали еще этому единому слову (см. также [Gersh. Outdoor terms, 79]).

По мнению В.И.Абаева, это были два слова с различными прототипами, во всяком случае для осетинского языка: **nāu-* 'корабль, лодка' и **naṇaka-* 'желоб' (из индоир. **nau-* 'двигаться') [Аб. ИЭСОЯ II, 192–193], однако другие иранские языки указывают на оба круга значений у продолжений прототипов **nāu-*. Часть языков, включая мунджанский и йидга (возможно, сюда же входит и осетинский), имеет тенденцию к сокращению корневой гласной в суффиксальных формах, особенно при переносе ударения на суффикс (по типу **nāu-aka-* > **naṇaka-*), а часть (авестийский и согдийский) — к сокращению долгих перед сонорными у и w в определенных позициях (ср. др.-инд. *nāvāja-* 'моряк', ср.-перс., парф. *nāwāz*, но ав. *nawāza-*, согд. *nawāz* [Gersh. GMS, 17]. Скорее, здесь можно говорить о контаминации рефлексов **nāu-* и производных от **nau-* в тех случаях, когда речь идет об обозначении желоба, стока.

1.6.3. Контаминация

Кроме синонимов и омонимов уже в праиранском состоянии были возможны слова и основы, обязанные своим происхождением контаминации таких лексических единиц, которые были сходны фонетически и семантически, хотя и продолжали производные от различных индоевропейских корней. Они не всегда легко обнаруживаемы, в ряде случаев — спорны. Могут возникать при частичном сходстве звучания и значений либо при омонимичном совпадении наиболее существенных производных слов и т.д.

Примером первого может служить обозначение руки в праиранском и в древних иранских диалектах: здесь явны прототипы праиран. **žasta-* и вторичное (возможно, распространившееся по древним иранским диалектам позднее) **dasta-*. Первое происходит из арийск. **jhasta-*, ср. др.-инд. *hásta-* и закономерно восходит к и.-е. **ǵhesto-* [Pok. IEW, 447]. Данный прототип имеет «правильные» отражения в виде ав. *zasta-* и в языках юго-западной группы, где **ž* закономерно переходит в **δ > d*: др.-перс. *dasta-*, ср.-перс., кл. перс., тадж. *dast* и т.д. В остальных иранских языках, где начальная **ž-* должна была перейти в **z-*, рефлекс праиранского **d-* объясняется контаминацией рефлексов **žasta-* с другими словами, связанными или ассоциировавшимися с понятием руки: 1) **dasta-* 'умелый, искусный'; 2) **dašna-*, **dašina-* 'правая рука, десница'; 3) **dašta-* 'сильная, которая может'; 4) **dasta-* 'делающая, создающая'; 5) **dasta-* 'подающая, воздающая', см. выше, с. 55–56; см. также [Кл., Богол. 1980, 128; Богол. Словообраз., 40–41; ЭСИЯ 2, 371 и сл.; там же более ранняя литература].

Примером второго служит частичная контаминация уже в древности праиранских глаголов **gam-* : *ga-* (из и.-е. **g^wem-* : **g^wm̥-*) 'двигаться, идти, приходить' и **gā-* (из и.-е. **g^wā-*) 'идти; ступать, шагать', которые были сопряжены еще в индоевропейском состоянии благодаря близким звучаниям и наличию общих сем 'идти, двигаться'. В праиранском состоянии их сближение было усилено совпадением отдельных, но весьма существенных для грамматики и семантики форм, например, праиран. **gata-* — причастие перфекта со значением 'пошедший, шедший, ушедший', которое может восходить и к и.-е. **g^wa-to-* от корня **g^wā-*, и к и.-е. **g^wm̥-to-* от корня **g^wem-*, притом что в праиранском состоянии, в древних иранских языках и позднее различались как сами корни **gā-* 'идти; ступать, шагать' и **gam-* : *ga-* < **g^wm̥-* 'двигаться, идти, приходить', так и некоторые производные основы от этих корней (ср., например, праиранские инхоативные презентные основы **gasa-* < **g^wa-ske-* и **jasa-* < **g^wm̥-ske-*,

в последнем случае с палатализацией $*g > *j$ под влиянием последующего $*m$ -, см. [Эд. СГВЯ-Ф, 30–31]).

Совпадения существенных для грамматики форм со сходными значениями вызывали в дальнейшем в ряде случаев усиление процесса контаминации таких слов в целом (в плане их семантики и фонологического облика), образуя контаминированные слова — с большей или меньшей степенью полисемии. Они образуются и позднее, в частности в восточноиранских языках (см. в гл. II).

1.7. ВЫВОДЫ

Как уже говорилось, у нас нет возможности реконструировать лексическую систему праиранского периода во всей полноте составляющих ее слов и их отношений. Мы не располагаем сколько-нибудь полным списком ни семантических групп, ни конкретных слов, составляющих каждую группу. Не всегда достаточно четко определимы границы круга значений каждого слова и границы между кругами значений и сферами употребления слов-соседей по семантическому полю. Однако определенные вехи и ориентиры здесь проследить удается.

Как отмечалось в специальной литературе в отношении индоевропейских языков в целом, наиболее уверенно реконструируются пласты лексики, отражающие материальные реалии, наличие которых подтверждается археологическими находками. Все, что выходит за эти рамки, т.е. лексика, отражающая духовный мир, общую картину видения мира, социальную структуру, семейные отношения, обычаи и др., реконструируется с той или иной степенью приближения на основании различных косвенных данных. Ими могут служить, в частности, лексические составы определенных групп. Например, состав терминов родства является своеобразным «детектором» семейных отношений, синхронных праиранскому (или несколько более раннему) состоянию; названия домашних животных, культурных растений, терминология дома и т.п. характеризуют быт древних племен; состав и классификация указательных местоимений свидетельствуют о восприятии и членении пространства и т.д.

Наиболее четкой реконструкции поддаются те семантические группы, которые содержат более или менее полный для данной группы и замкнутый (хотя эта замкнутость и относительна) набор прототипов. Прежде всего это лексико-грамматические группы: числительные, местоимения и группы определенных лексем конкретного характера, особенно терминологического.

В подсистеме имен показательны терминологические ряды (рассмотренные в данной работе лишь фрагментарно). Обращают на себя внимание некоторые интересные черты этой лексики.

В семантической группе терминов родства интересен тот факт, что при наличии в праиранском состоянии унаследованных из индоевропейского названий отца, матери, дочери, сына (хотя последнее слово **putra-* и вторично для диалектов индоевропейского) отсутствует единое название для обозначения детей в целом, потомства. Все обозначения этого понятия в иранских языках терминологизованы позднее, из разных основ и форм, в основном из образований от корня **zan-* 'рождать'. Позднее в ряде языков вырабатывается вторичное обозначение дочери (реже — сына), что связано уже с поздними тенденциями эвфемизмов и/или табуизмов.

Название деда — весьма древнее — восстанавливается лишь по отдельным языкам. В остальных языках выступают «детские» слова. В названиях бабушки — «детские» слова практически всегда. Это естественно, как и частые случаи вытеснения древнего названия матери разными по языкам «детскими» словами, поскольку данные термины функционируют с наибольшей частотностью именно в детской среде, начиная с первых слов ребенка.

Характерно отсутствие единых праиранских терминов для обозначения дяди и тети со стороны отца или матери. Обычно в разных языках в этих значениях выступают слова, продолжающие древние описательные обороты, образованные от названий соответственно отца или матери, а также «детские» слова. Их терминологизация происходила явно в разное время и различно по языкам. Двоюродные братья и сестры обозначаются обычно описательными оборотами, не всегда терминологизованными. Обозначения племянника и племянницы также часто продолжают описательные слова или обороты, обычно образованные от слов 'брат' и 'сестра', в зависимости от линии родства. Однако они чаще обретают статус термина, чем обозначения двоюродных (и дальше) братьев и сестер.

Термины 'внук' и 'внучка' были выработаны во всяком случае в индоиранскую эпоху, в дальнейшем в разных иранских языках они продолжают закономерно, хотя и с некоторыми инновациями в обозначениях внушки.

Многие исконные термины родства активно вытесняются в разное время по разным языкам «детскими» словами и заимствованиями. По-видимому, это обусловлено сосуществованием терминов родства с «детскими» словами и в праязыке — в условиях его диглоссии. О дальнейшей судьбе терминов родства на **-tar-* см. в гл. II.

В целом система терминологии родства, восстанавливаемая для праиранского состояния, вполне укладывается в систему древнего патриархального рода (см. [Аб. ОЯФ, 62–63; Бенв. Словарь, 144 и сл.]): четкость терминологии, относящейся к мужской восходящей и нисходящей линиям (при большей размываемости «детской» лексикой терминов родства по восходящей женской линии), названий братьев и сестер (которые в осетинском языке сохраняют и более древние значения: ‘мужчина — член моего рода’ и ‘женщина — член моего рода’), при относительно слабой разработанности и нетерминологичности обозначений родственников, находящихся «на шаг дальше».

Из терминов «родства по браку», т.е. «свойства», характерны древние названия свекра и свекрови, зятя, деверя, снохи, реже — золовки и ятрови. Все они унаследованы из индоевропейского состояния. Остальные — наименования «братьев и сестер по браку», как правило, вторичны, образованы из описательных названий, и их терминологизация по языкам относится к более поздним эпохам. Характерны различия в названиях зятя, жениха, показательные для характеристики типа брака. Если праиранское **žāmātar-* ‘зять, жених’ ← ‘женящийся’ от индоевропейского **ǵem(ə)-* ‘жениться’ [Рок. IEW, 369–370], продолжающееся во многих иранских языках, могло относиться и к патрилокальному, и к матрилокальному браку, то осетинский термин *siaxs* ‘зять, жених’ из праиранского **uiši-āxša-*, букв. ‘[в] дом принятый’, указывает на пережиток здесь матрилокального брака [Аб. ИЭСОЯ III, 101–102].

В названиях домашних животных уже в праиранском состоянии обращает на себя внимание четкая терминологичность названий взрослых животных не только по биологическому, но и, возможно, по функциональному признаку. Во всяком случае варианты в обозначении крупного рогатого скота, лошади, собаки могут быть интерпретированы и таким образом. Важно при этом, что этимологически общие названия были распространены в разных диалектах праиранского континуума. При этом термины для обозначения молодняка скота, которые прослеживаются вплоть до праиранского хронологического уровня, относительно скудны. Наименования диких животных также в целом едины в диалектах праязыка. Конкретные названия диких животных, определенных природных объектов дают возможность воссоздать в целом картину мира, окружавшего древних иранцев, что блестяще доказано В.И.Абаевым [Аб. ОЯФ, 48–51]. В этом плане можно было бы добавить только отдельные факты, о которых говорилось выше (пример значения **žrajah-*, см. с. 31–32).

Разработанность терминологии в обозначениях колеса, повозки, дороги, переправы и т.п., наряду с терминами животноводства,

характеризует кочевой скотоводческий быт древнейшего периода [Аб. ОЯФ, 56 и сл.]. Значительно труднее восстанавливается картина духовной жизни древних иранцев (см. [Аб. ОЯФ, 67 и сл.]). Однако обращение к внелингвистическим данным, в частности к реликтам древних верований ираноязычных народов, а также анализ некоторых устойчивых словосочетаний, позволяют выявить отдельные значимые элементы праиранского пантеона.

В сфере числительных мы застаем в праиранском состоянии отражение хорошо развитого десятичного счета, продолжающего соответствующий индоиранский и далее — позднеиндоевропейский, где этот счет был уже развит из более раннего — четверично-восьмиричного, этимологические рефлексy которого наблюдаются в праиранском состоянии (а некоторые наблюдаются и поныне). Сама структура словообразования числительных и их фонетическая реализация — не только числительных первого десятка, но и названий последующих круглых десятков, а также обозначений чисел от 11 до 19, — указывают на то, что не только сам счет, но и облик этих числительных, сформировались в доиранские эпохи, и древние иранцы просто унаследовали их в целом, хотя и с некоторыми конкретными различиями (фонетическими, чисто лексическими и словообразовательными), в том числе и диалектными уже для праиранского состояния. То же относится к названиям «сотня» и «тысяча».

Такая развитая система счета естественна для кочевого скотоводческого быта. Следует подчеркнуть также, что такая система «чистых» чисел, т.е. «чистых» одинаковых обозначений идеи числа, вне зависимости от качества предметов и соответственно семантического класса имен, обозначающих считаемые предметы, также свидетельствует о высокой развитости абстрактного мышления его создателей (ср. системы числительных, изменяющих свою конкретную форму в зависимости от семантического класса имени, соответствующего качеству считаемых предметов, засвидетельствованные во многих языках мира, где и сам счет обычно тоже менее развит, т.е. отсутствуют исконные числительные для обозначения чисел высоких порядков).

Различия в лексическом наполнении «ниши» для обозначения понятия 'один' в диалектах праиранского состояния и еще не утраченная связь этих лексем с дейктическими словами служат еще одним подтверждением уже высказывавшейся в литературе мысли о том, что в естественном языке понятие 'один' не является чистым числительным, а сохраняет сему «штучности» и дейксиса. То же относится к порядковым числительным: понятие 'первый' в течение длительного времени не утрачивает связь с понятиями 'передний, передовой;

начальный' и передается часто образованиями от основ с данными значениями (позднее — и с другими, но также содержащими сему 'передний', как, например, в осетинском языке).

Подсистема местоимений также позволяет сделать некоторые выводы об определенных абстрактных категориях праиранского и более удаленных периодов.

Наличие личных местоимений только для 1-го и 2-го лица с передачей идеи 3-го лица указательными местоимениями (что выразилось и в полноударных, и в энклитических местоимениях) свидетельствует о ранней членимости окружающего «обсуждаемого» пространства на три сферы: говорящего, собеседника и всего остального.

Этот же тип членения пространства отразился и в указательных местоимениях, продолжавших в праиранском более раннее — общее индоевропейское — членение указуемых объектов по принципу их соотносительности с теми же тремя пространственными сферами: I — ближней к говорящему — 'этот, что возле меня' (по К.Бругману «Ich-Dexis»), II — ближней к собеседнику — 'этот / тот, что возле тебя' («Du-Dexis», она же обычно выражала эмфатическое и/или анафорическое указание: 'именно тот; тот, который...', т.е. «Der-Dexis»), III — удаленной от обоих собеседников, находящейся при третьем лице или где-нибудь в удалении — 'тот, что возле него; тот далекий' («Jener-Dexis») [Brugm. Demonstr.].

То же соотношение тремя пространственными сферами выражалось и в местоименных наречиях ('здесь [возле меня]; сюда; отсюда' ~ 'там [возле тебя]; туда [к тебе]; отсюда [от тебя]' ~ 'там [в удалении, возле третьего лица]; туда; оттуда'). Возможно, были и иные принципы членения пространства на сферы: например, видимого ~ невидимого, конкретного ~ приблизительного, своего ~ чужого пространства, которые не были выражены столь же явно и формализованно, как членение на данные три сферы, соотносительные в конечном счете с условными пространственными сферами участников коммуникации. И хотя зафиксированный материал древних иранских языков не дает четкой картины членения пространства по этим (или иным) сферам, продолжения данной трехсерийной системы указательных местоимений и местоименных наречий в более поздних иранских языках (указательных и наречных — почти во всех языках Памира, кроме язгулямского, наречных и образованных от них других разрядов — в согдийском, язгулямском, пашто) позволяют проследить принципы организации такой системы — прежде всего ее бицентричность (т.е. центрами являются не только говорящий, но и собеседник) и асимметричность (особенно в отношении функций II серии), подробнее см. [Эд. СГВЯ-М, 215–229; Юсуфбеков 1992].

Семы активности ~ инактивности (т.е. живого ~ неживого) и инклюзивности ~ эксклюзивности для праиранских местоимений были, по-видимому, уже вымершими: мы застаем здесь уже только этимологические следы такого членения местоимений в более раннем — раннеиндоевропейском состоянии.

Можно предположить, что в праиранскую эпоху продолжался процесс (начавшийся задолго до нее) ослабления собственно дейктического содержания ряда местоименных основ. Этим объясняется процесс «склеивания» двух основ, который начался уже в диалектах индоевропейского состояния (и привел к большому количеству «вторичных» основ в праиранском). Этот процесс продолжался в последующие периоды — различно по языкам (ср., например, этимологию ср.-перс. *hān*, *ān*). В более поздний период процесс «склеивания» дейктических основ в большинстве иранских языков вытесняется процессом усиления семы указания за счет присоединения к указательным местоимениям усилительных частиц и рефлексов праиран. **ham-* ‘самый; именно’ и других, однако семантическая причина всех этих наращений остается та же — ослабление семы указательности у местоимений.

Факт продолжения в праиранском состоянии (и позднее) такого феномена, как энклитические местоимения (и полуэнклитические, неполноударные, как **iuiš-*), относится не столько к семантике самих местоимений (поскольку энклитические местоимения четко указывают на лицо, число и на те же, привязанные к определенному лицу пространственные сферы, что и полноударные местоимения), сколько к строению предложения в целом, к наличию ~ отсутствию логического ударения на слово или элемент, обозначающий объект. Тем самым оппозиция «полноударное местоимение ~ энклитическое или неполноударное местоимение» относится скорее к области их ситуационного значения, чем собственно лексического, и имеет определенный выход в прагматику, в речевое поведение.

Особое место в реконструкции семантических рядов и связанной с ними совокупности понятий занимает подсистема глагола. Трудность анализа праиранской глагольной лексики состоит в следующем. Реконструкции поддаются корни с большим набором сем. От этих корней образуются основы разного типа с различной конкретной семантикой и различными типами сращения с определенными превербами, видоизменявшими семантику глагола. При чем такое основообразование древними способами продолжалось в иранских языках (в частности, в восточноиранских) относительно долго (в некоторых — вплоть до недавнего времени), и не всегда можно с уверенностью отнести лексикализацию той или иной основы в праиранское

состояние. Поэтому здесь можно было высказать лишь фрагментарные соображения.

В праиранском еще отсутствовал глагол 'иметь' (основы от корня **dar-* обозначали еще конкретные действия: 'хватать', 'держать'), и отсутствие глагола с такой семантикой во многом предопределило не только перестройку системы на морфолого-синтаксическом уровне, но и ускорило становление семантической оппозиции «переходность ~ непереходность» глаголов. Была развита группа глаголов, восходящих к индоевропейским прототипам и обозначающих жизнедеятельность человека и животного.

Таким образом, даже рассмотренный здесь небольшой материал показывает, что использование результатов реконструкции праиранских лексических элементов может дать еще многое в реконструкции «картины мира», в котором жили древние иранцы.

Забегая вперед, следует сказать, что основная лексика, отражающая видение мира древними иранцами, оказалась в целом одина для западных и восточных иранских языков, и, следовательно, общая древняя «картина мира» была для них в принципе одина.

Глава II.

ОТРАЖЕНИЕ ИСКОННОЙ ЛЕКСИКИ В ВОСТОЧНОИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ

2.1. ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ

В дальнейшей истории лексики восточноиранских языков происходят существенные изменения, связанные как с внешними причинами — расселением племен на огромную территорию, где они контактируют с носителями разных — индоевропейских и неиндоевропейских языков, так и с внутривидовыми изменениями в самих восточноиранских языках: языки все больше расходятся в генетическом и типологическом отношениях.

2.2. ВНУТРИСТРУКТУРНЫЕ ФАКТОРЫ

В трансформации лексических систем восточноиранских языков большую роль сыграли историко-типологические изменения.

В плане историко-типологических изменений существенным оказалось изменение характера взаимодействия языковых уровней, которое происходило в контексте существенной трансформации этих языков как в континентно-типологическом, так и в структурно-типологическом планах. Тем самым образование новых лексем, а также структурные и семантические трансформации старых происходили в новых типологических условиях, различных по языкам.

В континентном плане: происходит изменение семантической классификации значимых слов (имен и глаголов), выражаемой в большинстве случаев средствами не лексического (или не только лексического) уровня.

Так, в именной подсистеме на смену семантической классификации имен существительных по принципу «одушевленный ~ неодушевленный» (или «активный ~ пассивный»), отражавшейся и на морфолого-синтаксическом уровне, в подавляющем большинстве языков восточной группы (как и западной) приходит классификация по принципу «человек ~ не-человек», или в других терминах — «личность ~ не-личность», «лицо ~ не-лицо». Это отразилось на

соотнесении имен существительных с определенными местоимениями и на некоторых морфологических правилах. В глагольной подсистеме произошла трансформация основания семантической классификации глаголов: на первый план выдвинулась оппозиция переходности ~ непереходности глагола.

Новая глагольная оппозиция изменила соотношение имен: она ориентирована на противопоставление уже не постоянных классов (т.е. неизменных лексически активных ~ инактивных, или одушевленных ~ неодушевленных), а изменяющихся, ситуационных классов активных ~ пассивных актантов, т.е. класс активного актанта (субъекта действия или состояния) ~ класс пассивного актанта (объекта действия). Такая оппозиция допускала возможность трансформации высказывания в активном и пассивном планах. Отсюда — целый ряд структурных сдвигов, включая частичную инновационную эргативизацию строя ряда иранских языков, с последующим «возвратом» части из них к номинативности (о чем будет сказано ниже, 2.4.3), а также ряд структурных и семантических изменений в имени и глаголе.

Из общих изменений в словообразовании имени и глагола следует отметить следующие.

Затусшевается роль корня, на первый план выходит основа как смыслонесущая единица. От древнего аблаута сохранились лишь этимологические рудименты. Большую роль в качестве элементов словообразования приобретают аффиксы, причем инфиксация как словообразовательное средство становится непродуктивным.

Для именной подсистемы характерно дальнейшее развитие композитов.

Наряду с новыми средствами словообразования активизируются или изменяют свои функции старые средства, которые были на грани морфологии и словообразования или синтаксиса и словообразования.

Так, характерна активизация некоторых древних глагольных классов и затухание других. При этом, например, древние презентные основы с суффиксами **-sa-* < из и.-е. **-skē/o-* (так называемые инхоативные) и **-ia-* (так называемые пассивные) со слабой огласовкой становятся во многих восточноиранских языках основами непереходных глаголов, утрачивая при этом специфические значения инхоативности и пассивности. Классы на **-aia-* (и поздние перегласовки основ по их типу) становятся основами переходных глаголов, при этом не во всех случаях они имеют каузативную семантику. В языках Центральной Азии отмечаются также ареальные каузативные основы на **-araia-*.

В некоторых случаях (особенно это явно в глаголе) фонетические изменения могут указывать на относительную хронологию тех или

иных словообразовательных (как и формообразовательных) процессов. Так, например, рефлексy древнего инхотативного суффикса — праиран. **-sa-* < и.-е. **-skē/o-* в разных языках свидетельствуют о различной «длительности» его продуктивности. Во всяком случае в части западноиранских языков его продуктивность затухает относительно рано, и он допускает возможность метатезы, ср. кл. перс. *xusp-*, *xusb-*, бел. *waps-*, *wasp-*, *wafs-* ‘спать’ < **xʷap-sa-* от корня **xʷap-* : *hup-* (< и.-е. **suep-* : *sup-*); кл. перс. *časp-*, *časb-* ‘прилипать, приставать’ < **čap-sa-* от корня **čap-* (< и.-е. **kep-*). В то же время в отдельных восточноиранских языках продуктивность этого суффикса продолжалась относительно долго, с ним образованы некоторые основы глаголов, которые прежде — в древнюю эпоху — его не имели (ср., например, шугн. *zinōys-* ‘поскользнуться’ из **snāia-* от корня **snā-* с поздним суффиксом *-s* из **-sa-*).

И наоборот: см. хорезмийскую вторичную каузативную основу *bdʼfsy-* ‘нагревать’, перегласованную по типу древних каузативных основ на **-aia-* с подъемом огласовки, но образованную от древней инхотативной с суф. **-sa-*: **upa-tafsa-* от корня **tap-*.

Характерно также свертывание в некоторых языках глагольного словообразования — с заменой исконных глаголов сложноименными (которые могут быть трактованы как глагольные композиты — разной степени семантической спаянности и разной степени устойчивости). При этом наблюдаются отдельные случаи последующего стяжения сложноименных глаголов в синтетические (например, шугнанский глагол *lāk* ‘отпускать; оставлять в покое’ из сочетания *lā kin-*, букв. ‘оставление делать’). Подробнее об этих (и других) признаках трансформации глагольной лексики см. ниже в разделе «Глагол».

В плане соотношения словообразования и морфолого-синтаксического уровня характерно соотношение словообразования глаголов с закреплением места основных членов предложения при трансформации древних синтаксических последовательностей типа (S)–Adv–Obj–Adv–V: проклiza Adv при глаголе приводит к его превращению в переверб → словообразующий префикс, энклiza при имени объекта — в грамматический послелог и затем вторичное падежное окончание, а самостоятельная акцентная позиция — к закреплению в качестве самостоятельной лексико-грамматической единицы — наречия.

Несколько слов следует сказать дополнительно о взаимодействии лексического уровня с фонетико-фонологическим, в частности с исторической фонетикой. Например, отмечаются случаи различия в фонетическом развитии между словами «обычными», нарицательными, и относящимися к ономастическому слою или к сакральной сфере,

при том что последние «консервируют» более архаичное произношение или хранят фонетический облик, заимствованный из другого, более престижного языка, или отражают более престижную манеру произношения и т.д.

Зафиксированы факты различий в фонетическом развитии основы имени или глагола в изолированном слове и в составе парадигмы, где эта основа подвержена изменению по аналогии с другими членами парадигмы.

Ср., например, продолжения древнего перфектного пассивного причастия на **-ta* (< и.-е. **-to*) от основы **kan-* 'копать, рыть': в наиболее раннюю иранскую эпоху оно должно было звучать как **kata-* / **xata-* (< арийск. **kata-* / **khata-* < и.-е. **k_ṇ-to-*, ср. др.-инд. *khātá-*). Однако уже в общеиранском состоянии эта форма лексикализовалась в значении 'дом; помещение' (через этапы 'выкопанное' > 'землянка'?), ср. авест. *kata-* 'каморка; кладовка', согд. *kt('k)*, ягн. *kat*, шугн. *čīd*, руш. *čōd*, барт. *čōd*, язг. *kūd* 'дом', кл. перс. *kad-*, *-kada* (последнее из **kata-ka-*), см. ниже, с. 166 и сл. Причастие же, оставаясь в сфере влияния глагола и войдя позднее в его парадигму в виде основы прошедшего времени финитных форм, относительно рано под воздействием основы настоящего времени по диалектам перестраивает свою огласовку в дифтонговую — либо «слабого» дифтонга **-ən-*, либо «полного» **-an-*, отразившись в дальнейшем в основном в виде рефлексов **kanta-*, ср. авест. *-kanta-*, др.-перс. *kaⁿta-*, кл. перс. *kand*, шугн. *čīnt*, руш. *čint*, язг. *kōnt* и т.п.

Поздние фонетические изменения отмечаются не только внутри единой грамматической парадигмы, но и в возникающих в разное время лексических парадигмах (например, в числительных, особенно первого десятка, в личных и указательных местоимениях и т.п.), включая лексические пары, противопоставленные по роду.

Например, во вторичных образованиях существительных и прилагательных женского рода суффиксацией **-ā*, **-ī*, **-čī* в ряде языков наблюдается последующая перегласовка корня или основы имен женского рода по так называемым *a*-умлауту и *i*-умлауту, подробнее см. [С ГОЯШ]. После отпадения суффиксов такая перегласовка становится иногда единственным формальным признаком рода имени. В условиях устойчивости таких перегласовок в некоторых восточноиранских языках возник стереотип огласовок имен женского рода, соотносимых с определенными огласовками этимологически родственных имен мужского рода, например, в шугнанском языке м.р. *ō* ~ ж.р. *ē*; м.р. *u* ~ ж.р. *i* и т.д. (например, *vōrj* 'конь' из **bāra^ka-* ~ *vēr^z* 'кобыла' из **bāra^kčī-*; *kud* 'пёс' из **kuta-* ~ *kid* 'сука' из **kuti-*, см. [С ГОЯШ, 40, 42, 46, 48 и сл.]. В дальнейшем этот

стереотип становится морфонологическим, а также лексико-фонологическим средством образования имен женского рода от других, охватившим и новые имена (включая заимствованные), и старые, не имевшие этих суффиксов в прошлом. Например, шугн. *nibōs*, руш. *nabūs*, барт. *nabōs*, сар. *nabus*, язг. *nabes* 'внук' продолжают **napāt-s* (ном. ед.ч. м.р. от основы **napāt-*, ср. ав. *napāt-*, др.-инд. *nāpat-*, *naptr-*, лат. *nepōs* из и.-е **nepōt-s*), но шугн. *nibēs*, руш. *nabēs*, барт. *nabōs*, язг. *nabās* 'внучка' образовано от слова 'внук' поздней перегласовкой по типу *i*-умлаута, поскольку древней праформы ж.р. **napāsī* не существовало: она должна была звучать **napīī-*, ср. ав. *napīī-*, др.-инд. *napīī-*, *naptrī-* 'внучка'.

Иными словами, в языках шугнано-рушанской группы возник новый аблаут (образующий не только морфологические формы, особенно в глаголе, но и новые лексемы) — как результат исторических умлаутных перегласовок и некоторых других явлений.

Наблюдаются и другие явления типа аблаута в разных восточно-иранских языках, связанные с перемещением ударения: например, образование некоторых имен от глагольных основ и образование имен женского рода от имен мужского рода в хорезмийском языке; изменение места ударения как «заместитель» артикля в осетинском языке, «неэтимологическое» озвончение анлаутного глухого согласного в определенной группе имен как показатель семантического класса имен «неотчуждаемой принадлежности» в разных языках (см. ниже, с. 233–234) и некоторые другие элементы.

Характерны типы историко-фонетического отражения некоторых слов в зависимости от их семантики, исторического типа словообразования и типа употребления. Например, в именах — терминах родства на *-*tar-* наблюдаются отражения разных (по языкам) видов основы с разными рефlekсами исхода основ и разными ступенями огласовок в зависимости от того, какая форма (падежная или звательная) генерализовалась в качестве словарной (подробнее см. ниже, с. 118–119, а также [Эд. Терм. род.]).

Во многих случаях фонетическая реализация последовательности фонем является показателем того, представляет ли данная последовательность единое слово или словосочетание. Существенные указания в этом плане дают фонетические признаки границ слова (весьма активные во многих иранских языках и особенно существенные для анализа языков, не имеющих письменной традиции), а также явления внутренних сандхи.

Так, например, во многих живых иранских языках анлаут маркируется на фонетическом уровне значительным усилением интенсивности артикуляции («прикрыванием» начального гласного гомоганным

ему согласным, интенсивностью смычки у согласных, реализацией глухих согласных с придыханием и др.), что помогает отличить самостоятельное слово от второй части композита. В некоторых языках последовательности фонем и морфем, которые могли бы трактоваться как слово и как словосочетание, могут иметь определенные фонетические признаки, «уточняющие» статус непервого компонента и, следовательно, всей последовательности. Например, озвончение начального глухого согласного непервой морфемы, стяжение гласных на стыке морфем и некоторые другие явления указывают обычно на слитность компонентов — не только синтаксическую, но и лексическую, а отсутствие этих признаков — на то, что мы имеем дело с синтаксическим сочетанием. Ср., например, шугн. *cavōr* ‘четыре’, *cēm* ‘глаз(а)’ — *cavōr cēm* ‘четыре глаза’, но *cavōr-zēm* ‘высокомерная’, букв. ‘четыреглазая’.

Иногда такие явления помогают не только уточнить этимологию слова, но и выявить его принадлежность к определенному лексическому классу, что дает ценные сведения для исторической лексикологии в целом. В частности, «неэтимологическое» озвончение начального глухого согласного в именах, о котором говорилось выше, может указывать на то, что они относятся к классу имен «неотчуждаемой принадлежности», поскольку в предшествующий период они скорее всего употреблялись с постоянным препозитивным маркером принадлежности, впоследствии отпавшим, и что этот маркер был скорее всего проклитическим.

Независимо от того, было ли это использование проклитики — маркера принадлежности спонтанным, продолжающим древнеиранский узус употребления таких имен (ср. обычное сочетание аналогичных имен с маркером принадлежности в английском языке: *my hand, my father*), или оно было стимулировано субстратным функционированием аналогичной лексики (ср. использование основ таких имен только с проклитиками принадлежности в языке бурушаски [Lorimer Burush., 133 и сл.]), отпадение маркера принадлежности происходило после того, как озвонченная согласная стала постоянной принадлежностью данных лексем. Ср. примеры таких слов в иранских языках: шугн., руш. *bēn*, язг. *bān* ‘ладонь’, пашто *baṇa* ‘маховое перо’ с этимологическим **p-* в анлауте и т.д. (материал см. также [Эд. Притяж., 98–99; Эд. «Перебои»], см. также ниже, с. 234).

Таких примеров взаимодействия лексического уровня с фонетическим, фонологическим, морфологическим и синтаксическим в иранских языках множество.

Таким образом, система лексического уровня тесно связана (и переплетена) с системами других языковых уровней как в синхронном

состоянии языка, так и в его диахронии (последнее особенно очевидно), причем в истории различных иранских языков это взаимодействие проявляется неодинаково.

В основе многих диахронических процессов лежат изменения, происходившие в содержательной стороне языка. Они реализуются прежде всего в инновациях на лексическом уровне: в виде образования новых лексем и изменения семантики рефлексам старых лексем, в виде перегруппировки унаследованных лексических множеств по новым семантическим классам. Эти изменения стимулируют трансформацию других уровней, прежде всего — морфолого-синтаксического, а затем — опосредствовано законами аналогии — фонетико-фонологического (см. с. 17–19).

Воздействие же других уровней языка на лексический носит ограниченный характер. К его проявлениям относятся, например: изменение значения или формы слова, стимулируемое постоянным сочетанием этого слова с определенными другими словами в предложении, трансформация грамматических значений определенных словоформ, стирание фонетических и фонологических (и морфонологических) признаков слова и появление других, вызывающие, например, появление омонимов или поляризацию слов. Однако такие стимулы обычно вызывают изменения только в означающей стороне слова как языкового знака, т.е. в его внешнем облике и структуре; воздействие же на семантику слова реализуется лишь тогда, когда к этому имеются определенные предпосылки в содержательной стороне языка.

2.3. АРЕАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ

Ареальные факторы сыграли существенную роль в ходе изменений лексики не только в плане заимствования слов из контактирующих (или контактировавших прежде) языков и из языков // языка субстрата, но и в плане определенных общих трансформаций и индивидуальных сбоев в исконной лексике, включая семантические.

К таким явлениям относятся: 1) определенные структурные изменения в исконных словах: а) изменение звучания слова с приближением его фонетического облика к звучанию сходного слова в другом языке (и, соответственно, сбой в историко-фонологических соответствиях материала); б) построение новых слов по субстратной модели из исконных в материальном отношении элементов; 2) семантические изменения, например изменение (частичное или полное) семантики исконного слова под воздействием круга значений соответствующего слова в языке субстрата или адстрата, или, другими

словами, иное «сцепление» сем в исконном слове, чем оно наблюдалось в прототипе. В принципе такие семантические сдвиги отмечаются и без иноязычного воздействия (или при невозможности проследить таковое), однако при анализе ряда восточноиранских слов изменения, связанные с ареальным воздействием на исконную лексику, особенно очевидны (подробнее об этом будет сказано ниже, см. с. 230 и сл.).

Как уже говорилось, изменение словообразования и его моделей и средств было не только спонтанным: ряд слов (даже базисных, относящихся к так называемому основному фонду) в некоторых восточноиранских языках образован заново по ареальным моделям (например, название лица в осетинском, колена и локтя в ваханском, местоимения 2-го лица множественного числа в ряде языков), подробнее о которых будет сказано ниже. Определенную роль сыграли, как уже говорилось, не только структурные ареальные модели инновационных лексем, но и ареальное «сцепление» сем в исконном слове.

В некоторых случаях ареальный фактор, наоборот, консервирует исконное значение ряда слов, которые в других языках изменили свое значение на более новое (см., например, архаичную семантику ряда исконных слов в осетинском языке, в частности в терминах родства, в рефлексах **baiɟar-*; сохранение более старых значений в изолированных горных регионах Средней и Центральной Азии, включая значение рефлексов **daiɟa-* и др., о чем говорилось в гл. I).

Немалую роль играют слова — главным образом в сфере культурных терминов, — относящиеся к так называемой ареальной лексике, т.е. слова, бытующие во многих языках определенного ареала, заимствуемые из одного языка в другой, притом что первичный источник заимствования уже трудно распознаваем или неизвестен и направление заимствования не всегда ясно. Таков, например, целый ряд ареальных культурных терминов, распространенных в ряде языков Памира, Гиндукуша и смежных регионов и не всегда надежно этимологизируемых. Сюда относятся названия некоторых местных реалий, термины быта и т.п., которые могут быть унаследованы из древнейшего иранского фонда, но могут быть и очень ранними субстратными или адстратными заимствованиями, адаптированными в данных иранских языках. Например, шугн.-бдж. *cēl*, руш., хуф., рош. *cīl*, язг. *cil* 'большой женский головной платок', ср. вах. *čil*, и в дардских языках калаша, дамели *čel* [Morg. EVSh, 23; Turner CDIAL, 4910]; шугн. *lāq* 'старые, ветхие штаны; обноски', *lēq* 'старое рваное одеяло', руш. *loq*, барт. *lōq* 'одежда', руш., хуф., барт. *lēq* 'старье, обноски, тряпье', язг. *lūq* 'одежда; ткань; тряпье, ветошь' (мн.ч. *laqāb* 'одеяла, постельные принадлежности'), ср. вах.

luq 'тряпье' (и осет. *lyg* | *lux* [Аб. ИЭСОЯ II, 53]. Шугн. *tāk* 'завязка на халате', руш., хуф. *tāk* 'воротник, лацкан, отворот', сар. *tok* 'пуговица, кнопка', язг. *tak*^o 'завязка у воротника женского платья', вах. *tak* 'пуговица, кнопка' — и за пределами иранских языков — шина *tlk*, кховар *tlk* 'пуговица; завязка женского платья', верш. *tlk*, буруш. *tlk* 'тесемка-завязка воротника; пуговица'. Можно предположить, что последнее слово обозначало первоначально в языках (языке?) данного ареала местную реалию: шнурок-завязку у воротника платья старинного покроя (но ср. курд. *tog* 'бечевка' — из арм.?), в противовес названию пуговицы, заимствуемому здесь из тюркских источников, ср. шугн. *tukmā*, язг. *tākmā* 'пуговица'.

Субстратное воздействие на исконную лексику проявляется в виде сдвига в семантике исконных слов (например, появление значения 'начало' у слова *dawom*, *dawōm* в памирских языках, о чем будет сказано ниже, см. с. 230) и в словообразовательных моделях — см. ниже примеры перестройки в числительных, местоимениях; субстратные модели имен, различные по ареалам. Например, характерно ареальное построение числительных после 20 по вигезимально-децимальной системе параллельно и независимо в ареалах ЦАЯС и Кавказа, инновационное построение числительных от 11 до 19 и после 20 по моделям «10 + 1», «20 + 1» взамен древних «1 + 10», «1 + 20». Ареальный фактор в перестройке системы числительных будет вкратце изложен в разделе «Числительные», подробнее см. в соответствующем разделе в [Эд. СГВЯ-М], см. также [Эд. Осет. числ.].

Давление субстратных моделей наблюдается и в таких разрядах лексики, которые обычно не поддаются иноязычному влиянию, это: названия частей тела, личные местоимения и т.п. Так, в языках ЦАЯС и примыкающих к нему отмечается инновационная словообразовательная модель личных местоимений 2-го л. мн.ч. типа **tu/a* + *(h)māx*: они оказались «составленными» в относительно позднее время из рефлексов основ 2-го л. ед.ч. (**tu-*) и основы **(h)māx*, указывающей на множественность (об истории этой основы см. ниже, с. 204–205). Тем самым данная модель приближается к субстратной модели регулярного построения местоимения мн. числа от основы местоимения ед. числа.

В некоторых случаях имеются индивидуальные словообразовательные ареальные построения — названия местных реалий, артефактов, включая относительно поздние, но создаваемые из исконного материала. Таково, например, в языках Средней и Центральной Азии построение слов, обозначающих водяную мельницу, по моделям **x^vat(a)-āraka-* 'само-молка' и **x^vat(a)-ārana-* и **x^vat(a)-āranaka-* 'само-мельница', о которых говорилось во «Введении». Ср. образованные

по моделям **xʷat(a)-āranaka-* и **xʷat(a)-ārana-*, букв. 'само-мельющая': согд. *γwt'rnk*, *xwt'rnk*, ягн. *xutanna* 'водяная мельница'; и по модели **xʷat(a)-āraka-*, букв. 'само-молка' — через этап **xʷad-yārg*: мдж. нижн. *xīr̥yā*, верхн. *xuér̥ga*, йд. *xīr̥yo* 'водяная мельница' (< **xʷad-yārg* с рефлексом суффикса **ā*); ишк. *x̌dōri*, сгл. *xiďāri*, *xōďāri* 'водяная мельница', язг. *xʰayér̥g*, шугн. *xadōrj*, *xidōrj*, руш., хуф. *xadūrj*, барт. *xadōrj*, рош. *xadārj*, сар. *xadurj*. Вах. *x̌ydorg*, *x̌adorg*, *x̌ďorg*, *x̌ďorg* — то же (может быть ранним заимствованием из шугнанского). Возможно, сюда же относится и пар. *xēra* 'водяная мельница' из **xʷat-āriaka-*, если это не заимствование из восточноиранского источника. (Подробнее об этимологии этих названий см. [ЭСИЯ 1, 203], там же более ранняя литература.) Эти слова образованы в относительно раннюю эпоху из исконного материала, продолжающего индоевропейский (ср. общеиран. **xʷat-* от местоименной основы **xʷa-*, **xʷai-* 'сам, свой' — из и.-е. основы **s(e)ue-* и производной от нее основы на **-t-* [Pok. IEW, 882–883], и именные и причастные образования от праиран. корня **ar-* — из индоиран. **al-*, продолжающего и.-е. **al-* 'молоть, размельчать' [Pok. IEW, 28–29; Mh. EWA-1, 55–56]), согласно исконной же модели — композиту. При этом, однако, данные образования не восходят к праиранскому состоянию, поскольку природные условия и способ хозяйствования соответствующей древней эпохи не предполагали существования такой реалии, и наличие в языке ее обозначения для того периода весьма сомнительно. Их вторичный характер подтверждается также их различиями по разным группам языков: в качестве второй части композита выступает в одних случаях прилагательное, в других — причастие, подробнее см. [Эд. Лексикол., 61].

В качестве примеров отдельных ареальных словообразовательных моделей, усвоенных из субстрата, можно привести построения названий колена и локтя в ваханском языке (*brin* 'колено', *brat* 'локоть'), включающие препозитивный элемент *b-* < **dba-* < **d(u)ua-* 'два' по аналогии с субстратными названиями парных частей тела в языке бурушаски, где такие имена имеют начальный компонент *lt-* из числительного *ālti*, *āltō* 'два' (см. [Кл., Эд. 1974; Ст.-К. «Колени», 213–214]). Ср. также осетинское название лица — в виде композита *cæskom*, *cæsgom*, построенного из *cæst* 'глаз' и *kom* 'рот' по субстратной кавказской модели, ср. авар. *ber-kal* 'лицо' ← 'глаз-рот', притом что в ряде других языков названия лица также представлены сложениями, но с иным составом, например, 'глаз-нос', 'нос-рот' и др., подробнее см. [Аб. ОЯФ, 79, 92, 125; Аб. ИЭСОЯ I, 303–304].

Субстратным влиянием вызваны и неэтимологические «протезы» в ишкашимском языке, наблюдаемые главным образом при терминах неотчуждаемой принадлежности: появление таких элементов может

быть калькировано с аналогичных значимых элементов в языке бурушаски, где имена этого семантического разряда обязательно имеют проклитический показатель принадлежности. Такие же проклитические показатели принадлежности вызывают и неэтимологическое озвончение глухих анлаутных согласных у соответствующих терминов (об этом явлении будет сказано ниже, см. с. 233–234; см. также [Эд. Притяж., 99; Эд. «Перебои», 176–177]).

Наблюдаются также другие индивидуальные словообразовательные модели, калькированные с субстратных слов (например, вах. *yumj* 'мука' < **ātaśī*- 'сырая, непеченая' — при буруш. *dlūdā* 'мука' ~ *dlūī* 'сырой', верш. *dlūōt* 'мука' ~ *dlūōie* 'сырой' [Ст.-К. «Колени», 212]).

Что касается заимствованной лексики, то в этом плане наблюдается ареальное адстратное, суперстратное и субстратное влияние разных типов (по регионам) в виде заимствований как из неиранских языков, так и из одного иранского в другой. Отмечаются и более сложные случаи: заимствования из иранских языков в тюркские, с «возвращением» заимствованного слова в иранские, или заимствование согдийского слова в таджикские диалекты, а оттуда на правах уже таджикского слова — заимствование в памирские языки. Имеются и заимствования по цепочке, что порождает новые синонимы и омонимы, лексические различия между близкородственными языками и даже между диалектами и говорами единого языка (см. ниже).

В качестве примера семантического изменения под воздействием субстрата можно привести также случаи изменений функций и значимости христианских святых, «пересаженных» на почву местных верований и слившихся в сознании народов с исконными божествами и святыми. См. работу В.И.Абаева «Как апостол Петр стал Нептуном» [Аб. 1972] с анализом понятийных процессов, приводящих к таким превращениям (ср. также различные представления в русской православной традиции об облике и функциях св. Николая в образе святого Николы-угодника и немецкой — в образе Санта-Клауса и т.п.).

Особые случаи представляют собой сбои в организации исконной лексики в виде новой ареальной семантической классификации слов, которая, в свою очередь, стимулирует определенные изменения в морфолого-синтаксической системе языков. Таково, например, вычленение в ареале ЦАЯС группы активных глаголов непереходной семантики, примыкающих здесь к переходным глаголам; к этой же категории изменений относится переориентация категории рода в части памирских языков на семантическую базу членения существительных по семантическим классам. Сюда же относятся случаи изменения рода существительных под давлением конкретной (иногда

даже контекстуальной) семантики в языках шугнано-рушанской группы и др. (см. [Эд. ЦАЯС; Эд. Ш-Р ОИЯ, 285 и сл.].

Географическая удаленность древних восточноиранских диалектов от «центров», в частности от центров культуры зороастризма, привела к тому, что некоторые исконные слова, которые известны в древнеиранских языках как имеющие отрицательный оттенок (под влиянием зороастризма), в части восточноиранских языков отражаются без этого оттенка, точнее, сохраняют более древнюю — нейтральную — стилистическую принадлежность. Таковы, например, слова **ka-myda-* ‘голова, череп’, **haina-* ‘войско, армия’ (выступавшее в древних текстах как обозначение вражеской армии), **daiça-* ‘божество, дэв’ и ряд других, о чем сказано в соответствующих разделах.

Все это создает новые лексические системы, причем история их развития в разных восточноиранских языках позволяет выявить определенные диахронические изменения в самом основании этих систем.

Рассмотрим вначале материал — рефлексy древних слов и основ в восточноиранских языках, а затем те процессы, которые сопутствовали становлению и/или мутациям данных лексем: образование синонимических и омонимических пар слов и преодоление синонимии и омонимии, случаи контаминации сходных древних слов и основ — в именах и глаголах.

2.4. ОТРАЖЕНИЕ ОСНОВНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ГРУПП

2.4.1. Имена существительные и прилагательные

Как говорилось в гл. I, в подсистеме имен наиболее компактными и этимологически прозрачными (и устойчивыми в диахронии) являются те группы, которые объединяют слова, оказавшиеся в той или иной мере терминологизованными в праиранский период, но чаще — в доиранский. Многие из них восходят к индоевропейским корням или производным с теми же значениями, что и в праиранском. Рассмотрим продолжения в восточноиранских языках наиболее характерных групп слов, которые были упомянуты в гл. I.

2.4.1.1. Термины семейных отношений

А. Термины кровного родства

‘Отец’ — праиран. **pitar-* из и.-е. **pətēr-*: ав. *pitar-* (ном. *pita*), др.-перс. *pitar-*, кл. перс. *pidar*, тадж. *padar* ~ согд. ман., хр. *ptr-*,

будд., ман., хр. *'ptr-* [*pitar*] или [(ə)*ptar-*] [Gharib Sogd. Dict., 53, 315]; хор. *pc* 'отец' [Benz. Chwar. Wort., 508]; осет. *fyd* | *fidæ*, пшт. *plar*, ван. *piyar*; бактр. *πῐδο* 'отец' < **pitā* ном. [S-W Bactr. Doc. II, 254]; бдж., руш., хуф., барт., рош. *pid*; хс. *pāte*, *pye* 'отец' [Bailey DKS, 237] и др. Во многих языках вытеснено «детскими» словами (см. ниже). Производные от вариантов основы: **piθr-*, **fθr-*, **turi-*, **turja-* и др. и от относительного **pitruja-* 'отцовский' используются в разных терминах родства и свойства (см. ниже).

'Мать' — праиран. **mātar-* из и.-е. **māter-*: ав. *mātar-*, др.-перс. *mātar-*, кл. перс. *mādar*, тадж. *modar* ~ хс. *māta-*, пшт. *mor* (через этап **māθr-*), бактр. *μαδο* 'мать' < **matā* ном. [S-W Bactr. Doc. II, 229–230]; руш., хуф., барт., рош. *mōd* (в бартангском и рошорвском — только в поэзии; в шугнанском остаточно — в припеве *dargīl-mōdik* песнях жанра *dargīlik*, *dargīl-mōdik*) и др. Во многих языках вытеснено «детскими» словами (см. ниже). Отмечены вторичные образования от **mātar-* и от относительного имени **māθrja-* 'материнский' (см. ниже).

'Сын' — праиран. **putra-* / *puθra-* из индоиран. **putra-*: ав. *puθra-*, др.-перс. *puša-*; ср.-перс. *pus*, кл. перс. *pus(ar)*, совр. перс. *pesār*, тадж. *pisar* ~ скиф. Πουρϑατος, Φούρτας, осет. *fyrt* | *furt*, хор. (')*pr*, хс. *pūra-*, бактр. *pouro*, мдж. *pūr*, йд. *pūr*, *pūl*, шугн., руш., барт., рош. *pus*, сар. *rys*, *pūs*, язг. *pos*, вах. *pətr* 'сын' [Ст.-К. ЭСВЯ, 281]. Отмечены рефлексy этой основы во вторичных образованиях, например, пшт. *bur* 'человек, лишившийся сына' < **a-puθra-*; *bura* 'женщина, лишившаяся сына' < **a-puθra-* + суф. ж.р. **-ā*; используется также в обозначениях двоюродного брата (см. ниже) и др., притом что в значении 'сын' в пашто используется термин *zoу* 'сын' из **zāta-* 'рожденный' (об этом словообразовании названий детей см. ниже). Из новых значений рефлексов **putra-* см. шугн., руш., барт. и др. — уменьшительный компонент *-bus* в композитах, а также в качестве самостоятельного слова: язг. *boc* 'детеныш животного, птицы; завязь плода растения' при озвончении **p-* > *b-* во второй части устойчивых словосочетаний и композитов.

'Сын, отпрыск' из праиранских основ **hūnu-*, **hūta-* в более поздних языках имеют разные оттенки значения: ср.-перс. *višūtak* 'потомок, отпрыск, отродье (о дэвовских существах)', *hunušk* или *hunušak* — то же (с пейоративным оттенком, продолжающим зороастрийскую оценку) ~ хс. *šū-* 'сын' из более раннего **všūta-* стилистически нейтрально [Bailey DKS, 410], см. подробнее [ЭСИЯ 3, 382].

'Дочь' — праиран. **dugdar-* из и.-е. **dhughāter-*: ав. *dugədar-*, *duydar-*, ср.-перс. *dux̌t*, *dux̌tar*, кл. перс. *dux̌t*, *dux̌tar*, тадж. *dux̌tar*, совр. перс. *doxtār* 'дочь, девочка, девушка' ~ согд. будд. *ḍuwt-*

(с метатезой), ман. *dwyt*(')-, хр. *dwyt*('), Ст. п. *δwxδr*, ягн. *duxtar* (уподобленное таджикскому или заимствованное); хор. *δyδ*, осет. в композите: ирон. *xo-dyūd* 'золовка'; бактр. ран. *λoγδa*, поздн. *λoγδo* 'дочь' [S-W Bactr. Doc. II, 228]; пшт. *lur* 'дочь, девочка'; ван. *lūr*, мдж. *ləyda*, *lūyda*, йд. *luydo*, язг. *δoyd*, вах. *δəy̆d*, сгл. *wuδəy̆d*, ишк. *wūdūy̆(d)* (с протезой *wu-*, *wū-*, связанной с категорией неотторжимой принадлежности); хс. *dutar-*, тумш. *dudar*. Подробнее см. [ЭСИЯ 2, 477–479].

Возможное продолжение имени ж.р. **putrī-* 'дочь', аналогичное **putra-* 'сын' могло отразиться в шугн., руш., барт. *-bic* во второй части сложений, однако не исключена и поздняя перегласовка *-buc* > *-bic* по обычной для этих языков модели образования имен женского рода от основ мужского рода путем *i*-умлаутной перегласовки (ср. обозначения внука и внучки, см. ниже).

Из других обозначений детей характерны «детские» слова (см. ниже), а также производные от праиран. **žan-* 'рождать' < и.-е. **ǵen-*. В западноиранских языках в основном это рефлексy прич. **žāta-* и вторичного суффиксального **žātaka-* 'рожденный': кл. перс. *-zād*; *-zāda*, тадж. *-zoda*, гил. *zay*, *zaak*, *zahak* 'дитя'; реже — префиксальные образования (возможно, относительно поздние): **fra-žanta-*, **fra-žanti-* 'рожденный' (ср. ав. *frazainti-*, парф. *frzynd-*, кл. перс. *farzand*, тадж. *farzand* 'дитя', чаще всего — 'сын'). В восточноиранских языках отмечаются как продолжения этих форм, например, пшт. *zoū* 'сын', *zay* 'род, племя; семья; потомок', так и более поздние различные образования от этого корня: от презентной основы (например, осет. *žænæg* 'дети'), от основ причастий и имен (например, бактр. *ζαδο* прил. 'born' < **žāta-*; бактр. *ζαδyо*, *ζαδαyо* прил. 'born, native' < **žātaka-*; *ζαδαxо*, *ζαδixо* 'дитя' из *ζαδyо* с аффиктивным суффиксом [S-W Bactr. Doc. II, 210]); рефлексy префиксальных производных типа **fra-žanti-* 'рожденный' (см. бактр. *φορζινδο*, *φορζανδο*, *φροζινδο*, *φαρζινδο* 'потомок', соответствующее ав. *frazainti-*, парф. *frzynd-* [S-W Bactr. Doc. II, 274]; характерны формы женского рода или относительного имени с префиксом **fra-*: **fra-žanīā-* 'рожденная' → 'дочь' в языках шугнано-рушанской группы (вначале, возможно, как эвфемизм или табуизм): шугн. *rizīn*, руш. *rizēn*, хуф. *rizæn*, барт. *razēn*, сар. *razen* 'дочь'.

'Брат' — праиран. **brātar-* 'брат' и/или 'кровный родственник, член фратрии' из и.-е. **bhrāter-* 'член большой семьи; мужчина — кровный родственник; брат': ав.г., п. *brātar-*, др.-перс. *brātar-*; наиболее архаичная семантика сохранена в осетинском (см. ниже). Рефлексy слова выявляют различия, объясняемые продолжениями в разных языках различных видов основы и, следовательно, разных

падежных форм. Наиболее характерны рефлексы: 1) номинатива **brātā*, например, бактр. βραδο, βαραδο 'брат' [S-W Bactr. Doc. II, 204–205]; хс. ном. *brāte*, *brrāta* [Bailey DKS, 313] (но косв. падеж *brātari* либо продолжает древний локатив, либо вторичен); 2) вокатива **brātar* или генитива **brātūr* (либо вторичного **brātur*), например, шугн., руш., барт. *virōd*, сар. *v(i)rud*, *v(ы)rud*, язг. *v(ə)réd* (отражения корневой гласной **ā* > *ō* в языках шугнано-рушанской группы, **ā* > *e* в язгулямском языке указывают на ударность **ā* в древнем прототипе [С ГОЯШ, 40–44, 83–85]), т.е. на рефлекс вокатива, ср. указание на номинатив прототипа в [Morg. EVSh, 85]; 3) вторичного вокатива из древнего инструменталиса **brāt/θrā* или датива **brāt/θrāi*, например, бел. *brās* (с -s < **θr-*), гил. *bərar* и др. ~ согд. *br'r*, пшт. *wror* (с -r < **θr-*) [Morg. EVP, 90; Morg. NEVP, 91].

В ряде языков со сходным отражением данной лексемы точная праформа не восстанавливается: ср.-перс. *brāt*, *brād*, парф. ман. *br'd* ~ согд. будд., ман. *br't* [Gersh. GMS, 138–139], ягн. *virót*; осет. *ærvád* | *ærvadæ* 'родич, член рода' [Аб. ОЯФ, 62; Аб. ИЭСОЯ II, 438], хор. *br'd* 'брат', мдж. *v(ə)roy*, йд. *vray*, *vrai*; ишк. *vru(d)*, сгл. *v^ərūd*; вах. *vryt* 'брат; мужчина одного рода, одной семьи' [Morg. IIFL II, 547; Ст.-К. ИФВЯ, 212; Ст.-К. ЭСВЯ, 383] и др.

Этимологии и подборку материала см., например, [Gauth. NYazg., 268; Аб. ИЭСОЯ II, 438–439; С ГОЯШ, 40, 85; Ст.-К. ИФВЯ, 212; Оранский ИЯИО, 135; Ст.-К. ЭСВЯ, 383; ЭСИЯ 2, 178–184]. Подробнее об отражении разных форм в различных языках древних терминов родства на *-*tar* см. также [Эд. Терм. род.]¹. Старые огласовки корня иногда отражаются в относительно ранних производных. См., например, производные слова от основы **brātar-* и от относительных имен **brātrīa-*, **brāḍtrīa-*, **brātruīa-*, **brāḍtruīa-*, используемые в других терминах, связанных с родством (например, пшт. *wrāra* 'женщина, лишившаяся брата' < **a-brāḍtr(a)-* + *-ā*), см. также ниже, с. 120–121. Более поздние производные в разных восточноиранских языках могут иметь разные значения (даже при совпадении словообразовательных моделей): руш. *virōdīj* 'побратим, сводный брат', язг. *v(ə)radīg* 'друг, приятель; побратим' из относительно поздней основы **brāta-* + **-aka-*.

'Сестра' — праиран. **h(u)uāhar-* / **h(u)uāhar-* > **x^vāhar-* / **x^vahar-* из и.-е. **suesor-*: ав. *x^vaṇhar-*, ср.-перс., кл. перс. *x^vāhar*, тадж. *xohar* (диал. Бадахшана также *x^vwar*), дари *xwār*; парф. ман. *wx'r* (с метатезой или графическим обозначением «wx» фонемы *x^v*) ~ согд. ман. *xw'r*, будд. *γw'rh* 'сестра'; осет. *xo* | *xwæræ* 'сестра; женщина из своего рода'; хор. 'x [*uxa*] 'сестра', хс. *hvar*, пшт. *xor*, мдж. *уēḥya*, *уēхya*, *уīхэ*, *уīха*, *уухэ*; йд. *ixo*, бактр. *χοαυο* 'сестра' [S-W Bactr. Doc. II,

279]; шугн., руш., барт., рош., сар. *уах* (с ранней метатезой через этапы **x^vāha-* > **hax^vā-* > **axā-*), ишк. *ixo*, сгл. *ixō*, *уахōai* (также с метатезой), вах. *ху* (< **x^vāhar-*), язг. *х°arg* (< **x^vāhar-ka-*) 'сестра', подробнее см. [ЭСИЯ 3, 433–434]. Производные от основ **x^vāhar-*, **x^vāha-* и от относительного имени **x^vāharīa-* 'сестринский' используются для обозначения других родственников (см. ниже, см. также [ЭСИЯ 3, 435–436]).

Имеются также связанные этимологически со словами 'брат' и 'сестра' обозначения свояченицы и золовки (см. ниже).

'Дядя' — в восточноиранских языках обозначается рефлексам древних производных лексем (хотя чаще — арабскими заимствованиями, дифференцируемыми по линиям родства). Отмечены продолжения относительного имени **p(i)tr(u)ia-*, **ptṛuīa-* 'дядя по отцу' ← 'отцовский' — через этап **təriā-* (ср. ав. п. *tūiryā-* 'дядя по отцу') ~ хор. *fcwr* (через этапы **trūia-* < **ftrūia-* < **p(i)trūia-*), пшт. *trə* 'дядя по отцу' < **tərya-* < **ptṛuīa-* или **(p)trūia-* (ср. в западноиранских: кл. перс. *afdar* 'дядя по отцу', дари *audor* — то же, орм. лог. *audūr* — заимствованное из дари (?), но орм. *tā-* 'дядя по отцу' — собственное развитие из **ptṛuīa-* через этапы **fṛiā-* > **fār-*) [Morg. EVP, 81–82; Morg. NEVP, 83].

'Тетя' — исконных образований немного: см. пшт. *tror* 'тетя по отцу', возможно, из **p(i)trūiā-* > **trūiā-* (ср. пшт. *trə* 'дядя по отцу'), но при контаминации с рефлексом **x^vāhar-* или **mātar-*, ср. пшт. *xor* 'сестра', *mor* 'мать'. От пшт. *tror* происходят поздние уменьшительные *trorāke* 'тетенька, тетушка', *trorāy*, *trorī* 'тетушка'. Язг. *vac* 'дядя; тетя'; руш., хуф., барт., рош., сар. *vic*; шугн. брв., бдж. *vic* 'тетя', ишк. *вс* 'дядя по отцу' могут восходить либо к **(f)triā-* 'отцов(а)', либо, что более вероятно, к **bratriā-* с выпадением первого **r* (ср. [Morg. EVSh, 83] без этимологии). Ср. также вах. *bəč* 'дядя (по отцу и по матери)', *voč* 'тетя (по отцу и по матери)' [Ст.-К. ЭСВЯ, 106, 380], там же — сравнительный материал. Название тети по матери от слова 'мать' наблюдается в пшт. диал. *māšō* от **mātriā-* (если это не заимствование из дардских языков, ср. др.-инд. *mātr̥ṣvasr-*) [Morg. EVP, 48, 107; Morg. NEVP, 52]. Обычно заменяются арабизмами.

'Племянник; племянница' — выражаются обычно описательными оборотами (типа 'сын / дочь [моего] брата'), заимствованиями, реже — лексикализированными разновременными производными от **brātar-* 'брат' (редко), **x^vāhar-* 'сестра' (чаще). Ср.:

1) **brāθr(i)ia-*, **brātrūia-*, **brāθrūia-* 'относящийся к брату' → 'племянник, сын брата': ав. *brātūiryā* ~ пшт. *wrārə*, диал. вазири *wariārə*; мдж. *vrrerī* 'племянник, сын брата' [Morg. EVP, 89–90;

Morg. NEVP, 91]; бактр. βαυριγο, βαρηγο 'сын брата, племянник' < *brāθrija-ka- [S-W Bactr. Doc. II, 205]; ср. вторичные обозначения племянницы — дочери брата: пшт. *wrerá*, диал. вазири *wrāra* (с наращением суф. ж.р. *-ā-) [Morg. EVP 89–90; Morg. NEVP, 91], мдж. нижн. *vrieriya*, верхн. *vreriga* 'племянница' (с наращением суф. ж.р. *-kā-);

2) *x^vāh(a)r(i)ia- 'относящийся к сестре' → 'племянник, сын сестры': пшт. *xwərayáyu*, *xorayáyu* 'племянник — сын сестры' (< *x^vāh(a)r(i)ia- + *-ka-) и более поздние производные (см. ниже), мдж. *xūri* 'племянник', шутн. *xēr*, руш., хуф., барт., рош. *xēr*, язг. *x^oer*, ишк. *xir*, сгл. *xīr* 'племянник; племянница'; то же — с поздним наращением других суффиксов: вах. *xəryan* 'племянник; племянница', возможно, из шугнанского источника [Ст.-К. ЭСВЯ, 412]. Ср. рефлексy *x^vāhar- в составе композитов: осет. *xæræfyrт* | *xwærifurt* 'любой потомок любой женщины моего рода' ← 'сестры сын' [Аб. ИЭСОЯ IV, 176]; гил. *xāxurza* 'племянник; племянница' ~ пшт. *xurzā* 'племянница' (из рефлексов *x^vāhar- + *zāta- причастия от корня *zan- 'рождать'); то же — в композитах пшт. *xorlánda*, *xorlána* 'племянница, соплеменница', ср. также *xoringá* 'названная сестра; подруга' и др., подробнее см. [ЭСИЯ 3, 435–436].

'Дед' — исконное *niāka- (ср. ав.п. *nyāka-*, др.-перс. *niyāka-*) для более поздних языков редкость: ср.-перс. *niyāk*, *niyāg*, кл. перс. *niyā* ~ согд. *ny'k*, пшт. *niká*; бактр. νιαγο 'дед' < *niyāka-* [S-W Bactr. Doc. II, 239]; возможно, сюда относится ст.-вандж. *naqi* 'старик' (с изменениями в таджикоязычной среде); обычно этот термин вытесняется «детскими» словами (см. ниже).

'Бабушка' — чаще всего выражается производными словами, обычно на базе «детской» лексики или при совпадении с ней (см. ниже).

'Внук; внучка' — обычно производные от основы праиран. *napāt- из и.-е. *nepōt- 'племянник; внук', ном. м.р. ед.ч. *napāt-s > *napās 'внук': ав. *napāt-* 'внук', *napī-* 'внучка' (и ав.г., п. *naptya-* 'потомок, отпрыск'), в западноиранских языках: др.-перс. *napāt-* 'внук'; кл. перс. *navā(da)*; бел. *navasay*; тадж. диал. Бадахшана *navosá* из *napāθra-ka- или из раннего сложения *nab-pus < *napāt- + *puθra-, что менее вероятно, ср. [Morg. NTS I, 61; Gersh. 1973, 73]; не исключено, что это — заимствование из восточноиранского источника, где нередки продолжения ном. *napās (< *napāt-s); в восточноиранских языках: согд. *np'ušn*, согд. ман. *npuyšn* 'внук', ягн. зап. *npáyūšin*, вост. *nipešin* 'внук; внучка' < *napθr- < *naptr- [Gersh. GMS, 139; Богол. АДД, 28] или из *napa-puθrya- [Gersh. 1973, 73]; пшт. *nwasáyu* 'внук' (с суф. *-aka), *nwasáyu* 'внучка' (вторичное образование), мдж. *nāwes* 'внук', мдж. *nāwesə*, йд. *nawīsa* 'внучка'

(также вторичны); шугн. *nibōs*, руш. *nabūs*, барт. *nabōs*, рош., сар. *nabus*, язг. *nabes* 'внук'; вторичные: шугн. *nibēs*, руш. *nabēs*, язг. *nabas* 'внучка' — результат поздних перегласовок по *i*-умлаутному типу для имен женского рода; ишк. *пъвъс*, сгл. *пъвъс*, вах. *пърыс* 'внук; внучка' — при возможной контаминации с заимствованием из таджикского говора [Ст.-К. ЭСВЯ, 249].

Обозначения правнука и правнучки в восточноиранских языках, как и в западных, обычно поздние, различные по языкам, например, пшт. *karwasáy* 'правнук', *karwasáy* 'правнучка', ср. ст.-вандж. (тадж.?) *nabesa* 'правнук'. Поздними являются и обозначения прадеда, прабабушки, например, пшт. *γurlá anā*, *γwára niyā* 'прабабушка', *γwār-nikā* 'прадед' (при *γwára* 'отборный, отличный; избранный; серьезный, важный, значительный').

'Двоюродные (и далее) брат и сестра' — обозначаются производными словами, различными по языкам. Например, пшт. *tərbur* 'двоюродный брат по отцу' = 'сын брата отца' — сложение из рефлексов **p(i)truǰia-* и **putra-* (через этап **turǰia-puθr-*), *tərla/ə* 'двоюродная сестра по отцу' = 'дочь брата отца' — из рефлексов **p(i)truǰia-* и **dugdar-* (через этап **turǰia-duγθr-*). Часто выражены инновационными описательными сочетаниями, например, пшт. диалект вазири *plōrinai tərbur* 'сын отцовской сестры', *mārinai tərbur* 'сын брата // сестры матери', а также относительно поздними композитами, например, пшт. вост. *tror-záy*, зап. *tror-zíy* 'сын тети по отцу', *tror-záy*, зап. *tror-záy* 'дочь тети по отцу' и т.п. Возможно, к таким вторичным образованиям относятся шугн., руш. *pitiš*, язг. нижний говор *pataš*, верхний *taš* 'двоюродный брат'.

«Детские» слова типа **mama-*, **nana-*, **ana-*, **atta-*, **tata-*, **dada-*, **baba-*, **wawa-*, **lala-* и т.п. повторяются по языкам с разными значениями, частично продолжают праиранские (и индоевропейские), однако они регенерируют на разных этапах развития разных языков, поскольку ограничены кругом «детского» лепета и «детской» артикуляцией. В восточноиранских языках, например, соблюдается общая тенденция, о которой говорилось в гл. I: основы с сонорными носовыми характерны для обозначения женщин (мама, бабушка), с шумными — мужчин (отец, дед), основы с *w-*, *l-* — при обозначении малышей («лялячка»). Однако исключения нередки (ср. пшт. *māmā* 'дядя по матери'). При этом историко-фонетический закон отражения звонких смычных в аглауте здесь не соблюдается: праиранские **b-*, **d-* отражаются в восточноиранских языках как смычные *b-*, *d-*, а не «закономерные» щелевые *v-*, *ð-*.

См. использование разных «детских» слов в восточноиранских языках: **a(t)ta-*: осет. *æda* (почтительно-ласковое) 'тятя, дедушка';

**tama-*, **ama-*: шугн. *tūm* 'бабушка', язг. *tūm*, *tom* 1) 'бабушка'; 2) обращение бабушки к внукам; **nanā-*, **nān-*, **anā-*: шугн. *nān*, язг. *nān* 1) 'мама'; 2) обращение матери к детям; пшт. *anā*; **bāb*, **baba-*: язг. *bob* 'дед; дедушка', шугн., барт., рош. *bōb*, хуф. *būb*, сар. *bob* 'дед, дедушка'; ишк. *būbū*, сгл. *bābā*, *bāb*, *būbū*, *bāva* 'дед по отцу'; хор. *b'b* 'отец', осет. *baba* 1) 'дедушка'; 2) 'тятя'; пшт. *baba* 1) 'папа'; 2) 'дедушка'; ср., однако, пшт. *babəu* — обращение к старшей сестре; *bābo* 'старшая сестра'; *bābəu* 1) 'невестка (жена брата)'; 2) обращение к пожилой женщине; ср. также детское язг. *baba* 'еда; «ням-ням»'; **kaka-*: пшт. *kākā* 1) 'дядя по отцу'; 2) 'дяденька' (обращение), *kākāk*, *kākū* 'дяденька, дядюшка' (обращение); **dada-*: ягн. *dodo*; шугн. *dōd* 'отец'; язг. *ded* 'отец', *dade* 'папочка'; *tata*: шугн. *tāt*, *tā* 1) 'папа, отец'; 2) обращение к старшему мужчине; 3) обращение отца к детям; вах. *tat* — то же; **papa-*: ягн. уст. *por* 'дед; предок; родственник'; вах. *pup* 'дед, дедушка'; мдж. *por*, йд. *pār* 'дедушка (по отцу и по матери)'.

В ряде случаев в функции «детских» слов выступают фонетически упрощенные обычные термины родства, при этом часто консонантизм слова, особенно представленный артикуляционно трудными для ребенка согласными, упрощается, а вокализм сохраняется или подвергается незначительным изменениям. Например, названия брата и образованных от него звательных слов в севернопамирских языках в детском варианте выглядят следующим образом: шугн., рош. *virōd*, язг. *v(ə)red* 'брат' — в звательных словах: шугн. *rō*, *a-rō*, рош. *lōd*, *lō* и т.д., язг. *vle*, *le* 'братец' — обращения к брату, родственнику, чужому человеку своей возрастной категории [Писарчик «ро»]. Эти же слова служат в данных языках частицами или междометиями обращения типа «эй!», «послушай-ка!». От такого слова могут быть и вторичные «детские» слова, например язг. *lale* (детск.) 'братик, младший братик'. Ср. верш. *lā*, *le* — обращение к мужчине [Зар. Верш., 336] (заимствование из иранского источника?). Ср. упрощенные «детские» образования от язг. *x°arg* 'сестра': *fāg* — обращение к младшей сестре, *wāg* — обращение к старшей сестре, *wawá* 'сестрица' — обозначение старшей сестры. Ср. также ст.-вандж. *har* 'старшая сестра' (из более раннего **x°ar* < **x°ahar-*).

Различия в использовании рефлексов древних и «детских» слов отмечаются даже между близкородственными языками; иногда они осложняются еще и употреблением заимствований. Например, унаследованное бдж., руш., хуф., барт., рош. *pid* < **pitar-* < и.-е. **pātér-* ~ «детское» шугн. *dōd*, *tāt* ~ заимствованное из уйгурского сар. *ato* 'отец'; унаследованное руш., хуф., барт., рош. *mōd* (в барт., рош. — только в поэзии, в шугн. также в названии песенного жанра и припева

dargil mōdik) < **mātar-* < и.-е. **māter-* ~ «детское» шугн., барт., рош. *nān* (при руш., хуф. *nān* 'бабушка') ~ заимствованное из уйгурского сар. *ano* 'мать'.

Б. Термины свойства и др.

Названия свекра и тестя обычно не различаются между собой; одинаковы и названия свекрови и тещи. Различия проводятся только по роду имени в соответствии с полом денотата. В большинстве восточноиранских языков продолжают соответствующие праиранские.

'Свекор, тесть' — праиран. **h₂asura-* / **x^vasura-* из и.-е. **s₂ek₂uro-*: ав.п. *x^vasura-*, ср.-перс. кл. перс. *xusur*, тадж. *xusur* 'тесть; свекор', совр. перс. *xosor* 'тесть, свекор' ~ ягн. *xusūr*, хор. *xsr*; пшт. *sxər* м.р. 'тесть' (с метатезой из **xsar* < **xwsar-* < **x^vasura-*) [Morg. EVP, 72; Morg. NEVP, 77], а также заимствованные или контаминированные с заимствованными пшт. *xusər*, *xusur*, *xusar* 'тесть; свекор', диал. вазири *xwsar*; мдж. *xusār*, йд. *xusər*, *x^usur*, *x^usər* (свое или заимствование из дари?) [Morg. PFL II, 268], шугн. *xisur* 'тесть, свекор', руш., хуф. *xasur* 'тесть', барт., рош. *xasur*, сар. *xasyr*, *xasūr* < **x^vasura-*; язг. *x^əasor* 'свекор, тесть; деверь, шурина' < **x^vasura-*, ср. [С ГОЯШ, 87, 101; Morg. EVSh, 98]; ишк. *xəsbər* 'тесть'; сгл. *xəsər* (Ю.) 'тесть, свекор', *xusər*, по мнению Г.Моргенштерне [Morg. PFL II, 422], заимствовано из персидского, точнее — из дари; вах. *ḫurs* 'тесть, свекор' (с метатезой *rs* < **sr*) < **x^vasura-*, см. [Morg. PFL II, 262, 553; Ст.-К. ИФВЯ, 222; Ст.-К. ЭСВЯ, 416]. Часть этих лексем (в ягнобском, мунджанском, памирских, парачи) заимствована из персидского, таджикского, дари или контаминирована с заимствованиями, см. [Эд. Фон. **x^v*, 83; Эд. СГВЯ-Ф, 123]. Подробнее см. [ЭСИЯ 3, 487–488].

В языках Памира отмечаются случаи обращения к свекру 'дядя', возможно благодаря частым кросскузенным бракам.

'Свекровь, теща' — праиран. **h₂asrū-* / **x^vasrū-* из и.-е. **s₂ek₂rū-*: кл. перс. *xvaš(a)*, совр. перс. *xoš*, *xāš*, *xoš-dāmān*, *xosru*, тадж. *xiš-doman*, дари *xošū* ~ согд. будд. *ʾγwšh* [Gersh. GMS, 56], ягн. *xiš-tomān* — заимствование из таджикского; хор. *xš* 'свекровь, теща' [Henn. Khwar. Lg., 429; Benz. Chwar. Wort., 682; Humb. CLI, 196]; пшт. *xwāšē*, *xwāša* 'теща; свекровь' (из **x^vasru-* + суф. ж.р. *-ā), диалект вазири *xwōšyē* — то же; ван. *xwāšk*, *xwāšē* — то же [Morg. EVP, 99; Гр., Эд. Афг., 21; Skj. CLI, 402]; мдж. *xišá*, *xišə* 'теща, свекровь' < *x^vasru-* 'теща, свекровь' [Гр. ОИЯ, 177]; йд. *x^ušō* (из **h₂asrū* + суф. ж.р. *-ā) [Morg. PFL II, 269]; шугн. *xīx*, руш. *xoḫ*, *xaḫ*, хуф. *xoḫ*, барт., рош. *xōḫ*; сар. *xeḫ* 'теща, свекровь', язг. *hiḫ* 'теща, свекровь; свояченица; золовка' < *x^vasrū-*, ср. [С ГОЯШ, 79, 102; Morg. EVSh, 99; Ed. Hist. Cons., 294]; ишк. *xəš* 'теща, свекровь'; сгл. *xoš* [Morg.

ИФЛ II, 423]; вах. *ḫaš* 'теща, свекровь' < **xʷaśru-* + суф. ж.р. *-ā-, ср. [Том., 774; Morg. ИФЛ II, 269, 553; Ст.-К. ИВФЯ, 222; Ст.-К. ЭСВЯ, 415; Эд. СГВЯ-Ф, 85]. В ягнобском, в языках шугнано-рушанской группы, язгулямском и ишкашимском возможна контаминация с таджикскими диалектными вариантами типа *ḫaš*. Подробнее см. [ЭСИЯ 3, 485–487].

'Зять; жених' — праиран. **zāmātar-* и **zāma-* из производных имен от и.-е. **ǵem(ə)-* 'жениться': ав.п. *zāmātar-* и *zāma-* в производном *zāmaoya-* (см. гл. I), ср.-перс. *dāmāt*, кл. перс. *dāmād*, тадж. *domod*, совр. перс. *dāmād* ~ в восточноиранских языках налицо рефлексy обеих основ: согд. *z'mt'ut* (мн.ч.); сгл. *zətmūd*, йд. *zamái* < **zāmātar-*, но пшт. *zum* 'зять, жених', ван. *zōm* < **zāma-* [Бенв. Словарь, 175].

Об обозначении зятя, принятого в дом жены, см. ниже.

'Невеста; молодая жена' — праиран. **uadū-* < арийск. **uadhū-*: ав.п. *vaδū-* 'жена' ~ согд. будд., ман. *wδ-*, хр. *wδ-* [*wa/ədu*] 'жена' [Gersh. GMS, 63, 76; Gharib Sogd. Dict., 402], хор. *wδ* [*wuδ*] 'жена' [Benz. Chwar. Wort., 646]; мдж. *wālə*, *wīlə* 'жена'; бактр. *ολο* 'жена' < **uadū-* (и производные: бактр. *ολοβωστογο* 'брачный контракт'; бактр. *οολοβαρο* 'bride-price' с суф. -βαρο, ср. пшт. *walwar*) [S-W Bactr. Doc. II, 248]; ср. также глагол язг. *wad-* : *west* 'жениться' и имя *wadók* 'кукла' ← 'невеста' (ср. типологически общее тадж. диал. *arūsák* 'кукла' — из *arūs* 'невеста').

'Сноха; невестка' — праиран. **snuśā-* из и.-е. **snusó-s*: кл. перс. *sunuh* 'сноха, невестка'; *sunhār* — то же [Ягелло, 864–865], тадж. диал. *sinhor*, *sənor* ~ согд. ман. *šwnš*, будд. *šnwš(h)*; хор. 'nh, осет. диг. *nostæ* 'невестка' (через этап **snauša-* [Аб. ИЭСОЯ II, 190] с обычным для осетинского переходом **sn-* > *n-* в анлауте под влиянием кавказского субстратного произношения) и в составе осет. *faj-nūst* | *faj-nostæ* 'ятровь; жена деверя' (из **pati-snauša-*) [Аб. ИЭСОЯ I, 417]; пшт. *nžor* (с -r под влиянием других терминов родства на *-tar, ср. *mor* 'мать', *xor* 'сестра', *ndror* 'сестра жены'), мдж. *зын'уэ*, йд. *zīnī*, *zīnio*; бактр. *ασνωυο*, *ασονωυο* 'невестка' < **snuśā-* [S-W Bactr. Doc. II, 195]; шугн. *zinaŷ*, бдж., руш. *zinaw*, барт. *zināw*, сар. *зы/inal*, язг. *z(ə)naw*; ишк. *uznyl*, сгл. *wuznel*, вах. *stəx* (*st-* < **sn-*) [Ст.-К. ЭСВЯ, 318], с закономерным отражением праиран. **-š-* > мдж., йд. у, шугн. *ŷ*, в других языках шугнано-рушанской группы и язгулямском — *w*, в сарыкольском, ишкашимском, сангличском — *l* [Эд. СГВЯ-Ф, 107–109].

'Деверь' — праиран. **daiuar-* / **θaiuar-* из и.-е. **daiuer-*: дари разг. (h)*ēwar*, тадж. диал. *ewar* (с *θ* < **h-* < **θ-*) ~ пшт. *lewar* (с *l-* < **θ-* или **d-*), ягн. *sewir*, *sīwir* (*s-* ~ *t-* — рефлексy раннеягн. **θ-*

по разным диалектам), осет. *t̃w* | *tew* (с *t-* < **ṭ*) [Аб. ИЭСОЯ II, 297], ишк. *sew*, сгл. *t̃w* (с соответствием ишк. *s-* ~ сгл. *t-* из раннеишк. **ṭ-*, как в диалектах ягнобского). Подробнее см. [ЭСИЯ 2, 310–311].

Архаичное праиран. **īātar-* : **īātr-*, **īāṭr-* в виде полногласного **īatar-* ‘ятровь’ — ‘жена брата мужа’ отразилось в ишк. *yud*, сгл. *yūd*, *yūd* ‘жена брата мужа; невестка’ (ср. возведение к ном. **yūtā-* в [Morg. IIFL II, 423; Юсуфбеков СЯ, 40]) и в виде < **yāṭr-* < **īātr-* — в пшт. *yor* ‘жена брата мужа; жена деверя’ [Morg. EVP, 100; Дыбо В.А. Афг. удар., 79] (исконность слова в пашто подтверждается формами мн.ч.: *yūṇi*, вост. *yūṇe*). Возможно также отражение основы **yāṭr-* во второй части композита раннего пшт. **wrandyār*, см. ниже.

Другие названия «братьев» и «сестер» по браку (т.е. «brother-in-law», «sister-in-law»): шурина, деверя, свояка, свояченицы, невестки, золовки — обычно производны от основных терминов родства и свойства. Например, от названий тещи // свекрови и тестя // свекра: пшт. *hoṣina*, *huṣina* ж.р., вост. диал. также *ṣina*, *ṣēna* ‘сваяченица’ (< **xʷasru-inā-* или **-ainā-*), то же — в диалекте вазири *x(w)ṣina* (ср. дари диал. *xāšna*, орм. лог. *xāšnā* — заимствования из пашто) [Morg. EVP, 98]; пшт. *áxṣay*, *áxṣəy* м.р. 1) ‘брат жены, шурин, свояк’; 2) ‘муж сестры, зять’ (**xʷas(u)ra-ka-* с протетическим **a-* или **ha/u-xʷasruṣia-* + **-ka*?) [Morg. EVP, 13], диал. вазири *wōxṣai* ‘брат жены, муж сестры’ (ср. орм. кан. *āxṣai* ‘brother-in-law’, заимствованное из пашто, др.-инд. *śvaśruya-*); пшт. *xwāṣetob* ‘положение тещи // свекрови’; пшт. *xwāṣixel* м.р. мн.ч. ‘родня тещи // свекрови’ и др. Те же значения в шугн. *xiṣīrz* ‘деверь, шурин, зять (муж сестры)’, руш., хуф. *xasir* ‘шурин’ < **huasur(i)ia-* (или из раннерушанского **xasirʒ?*); барт., рош. *xasīrz*, сар. *xaserz*, *xaserz* ‘деверь, шурин, зять (муж сестры)’ < **huasur(i)ia-žā-* или **xʷasura-* + **žā-* [Morg. Ir.-Dard., 105] со второй частью — рефлексом производного от гл. **žan-* ‘рождать’ со значением ‘рожденный’ → ‘дитя, потомок’, т.е. ‘сын свекра // тестя’ (менее вероятен прототип **xʷasura-čī* [Morg. EVSh, 98], поскольку суф. **-čī* образует имена ж.р.); вах. *ṣsərz* ‘жена брата; брат жены (шурин)’ < **xʷasura* + **žā-* (?) [Morg. Ir.-Dard., 105; Morg. IIFL II, 262, 553; Том., 774; Ст.-К. ИФВЯ, 222; Ст.-К. ЭСВЯ, 416], ср. параллельное образование производных со значением ‘brother-in-law’ в других индоевропейских языках: из слова со значением ‘свекор’ типа **suēkuro-s* ‘потомок свекра’: нем. *Schwager* из др.-верх.-нем. *swāgur* и др. [Szem. Kin., 66]; пшт. *sxərganəy* ж.р. ‘родня жены’, также *xusarganəy* ‘родня со стороны тестя, свекра’.

От названий брата и сестры образуются — от основы **xʷāha(r)-* ‘сестра’: мдж. *xiueynə*, йд. *xiueyeno* ‘сваяченица’, ишк. *inen* ‘золовка’, сар. *xaun* ‘сестра мужа, сестра жены; жена брата’ (< **xʷā(ha)-gnā-*),

мдж. *уѣхуа*, *уѣхуа* [Зар. Мундж.], *уехуо* 'золовка' (позднее образование из рефлексов **x^vāha-* и суф. **-iā* ?); осет. *xodyyd* 'золовка', тадж. диал. *хо-дэхтар* 'родственница' (из рефлексов **x^vāha-* и **dugdar-* 'девушка, дочь'). От основы **brātar-* 'брат': пшт. *wrandāra*, *wrendār(a)* 'жена брата' (и вазири *rwandyār*, в ормури заимствованное *wrander*) из более раннего пшт. **wrandyār* (?) из **brāḍṛja-* + **iāḍṛ-* + суф. **-ā* (ср. несколько иную трактовку в [Morg. EVP, 89; Morg. NEVP, 91]).

Отмечаются также заимствования из говоров таджикского и дари, типа тадж. бадахш. *xusur-bərá*, букв. 'свекор-брат', т.е. 'брат со стороны родни жены // мужа', например, йд. *x^ssər-b^ərō* 'брат жены', ишк. *x^ssər-brá* 'шурин (брат жены)'; сгл. *xusər-bərē* — то же (сюда относится и пар. *xasur-bīra*, *xasur-budā* 'brother-in-law'). Г.Моргенштерне сравнивает эти композиты с перс. (диалектным?) *xusar-pūra* < **x^vāsura-puḍra-*, букв. 'сын тестя' [Morg. PFL I, 300–301; Morg. PFL II, 268, 422], однако это скорее всего поздний диалектный композит *xusur* 'тесть' и *bərá* 'брат', т.е. 'брат со стороны родни жены // мужа' = 'brother-in-law', см. выше.

Сравнения и этимологии см. также [Morg. EVP, 72; С ГОЯШ, 25; Morg. EVSh, 99; Эд. Фон. **x^v*, 83; Эд. СГВЯ-Ф, 81, 123; ЭСИЯ 3, 485–488].

Имеются и другие термины этого круга, возникшие в разное время. Например, пшт. *ndror* 'сестра жены' (ср. др.-инд. *nanāndar-* 'золовка') с основой, измененной по аналогии с другими терминами родства на **-tar-*; пшт. *tindór*, *tindara*, диалект вазири *tandiār* 'жена дяди по отцу' — результат «склеивания» двух терминов, и уже совсем позднее типа руш. *miḵād* 'жена брата мужа', образованное из сочетания **hama-katā-* '[живущая] в том же доме'.

Названия мужа и жены различны по языкам, обычно образованы от слов 'мужчина', 'человек', 'кормилец', 'хозяин' ~ 'женщина', 'рождающая' и т.п., а также представлены заимствованиями, описательными оборотами и т.д. Различия отмечаются даже между относительно близкими (генетически и ареально) языками. Ср., например:

'Муж' — шугн. *čōr*, руш. *čūr* 'муж' из **kāra-* — с первоначальным значением 'воин'?, ср. др.-перс. *kāra-* 'войско; народ'. Язг. *wex* 'муж' с неясной этимологией (возведение Г.Моргенштерне к прототипу **wā(ha)-(ha)-xa-* или **уиwā-xa-* с потерей первого слога в [Morg. EVSh, 93] мало что объясняет). Хор. *fynd*, *βynd* 'муж' — продолжение **fšuiant-* 'кормящий, кормилец' — производного от глагола **fšau-* : **fšu-* 'кормить, содержать; давать пропитание', мдж. *šfəu* < **fšuiant-aka-* от того же корня см. [ЭСИЯ 3, 85].

'Жена' — шугн. *ḡin* < **gnā-* 'женщина'; мдж. *wələ* // *wílə* < **uadu-* от глагола **uad-* 'вести, уводить; жениться', см. гл. I, с. 39;

заимствованное язг. *xatán* (прошедшее путь от согдийского через таджикские и тюркские диалекты).

От этих слов часты обозначения мужчины и женщины, см. ниже.

Названия родства по второму браку — ‘мачеха’, ‘отчим’; ‘пасынок’, ‘падчерица’ — вторичны, обычно образованы от первичных терминов родства, различны по языкам и по словообразовательным моделям: ср., например: 1) субстантив из древнего относительного имени пшт. *mairá*, *māyrá* ‘мачеха; одна из жен многоженца по отношению к детям другой жены’ — из **māvriā-* (и производные: *terezaу*, *māurezaу* ‘неродной, сводный брат’); 2) вторичные суффиксальные образования шугн. *picēj* ‘пасынок’, *pidēj*, *tātēj*, *dōdēj* ‘отчим’, *virōdēj* ‘сводный брат’ (с рефлексами суф. м.р. **-ka*); шугн. *nānēz* ‘мачеха’, *rizīnēz* ‘падчерица’ (с рефлексами суф. ж.р. **-či*), то же в сар. *рысеуј*, вах. *pātriј* ‘пасынок’ [Ст.-К. ЭСВЯ, 281] и др.; 3) поздние композиты, включая заимствованные или контаминированные с заимствованными: язг. *moindar* — заимствование из таджикского диалектного (ср. тадж. *modar-andar* ‘мачеха’) или собственное продолжение аналогичного композита **māvṛ-antara-* < **mātar-antara-*, составленного из термина кровного родства и рефлекса *antara-* ‘другой, иной’; язг. *p(ə)səndará* ‘пасынок’ — заимствованное или построенное по той же модели (но с суф. м.р. **-aka* > язг. *a*).

‘Вдова’ — праиран. **vidauā-* ‘вдова’ из и.-е. **uidheuā-*: ав. *vidavā-* — то же, ср.-перс. *wēvak*, кл. перс. *bēwa*, тадж. *beva*, санг. *vīvek* ~ осет. *īdaz* ‘вдова’ < **uidavā-ti*, подробнее об истории слова см. [Аб. ИЭСОЯ I, 539; Цаб. ЭСКЯ I, 197].

2.4.1.2. Обозначения мужчины и женщины, человека

Обозначения мужчины связано с обозначениями мужа и человека (как обобщающего понятия), причем обозначения человека и мужчины могут этимологически продолжать также обозначение племени, народа. Например, хс. *daha-* ‘муж, мужчина’ и хс. *hu-daha-* ‘прекрасный человек (о мужчине)’ [Bailey DKS, 155, 490]; согд. *δх* ‘мужчина, человек’; вах. *ḍay* ‘муж; мужчина, человек’ [Ст.-К. ЭСВЯ, 163] происходят из праиран. **daha-* ‘народ, жители страны; человек; страна, область’, см. с. 42–43; см. также [ЭСИЯ 2, 285–288]. Шугн. *čōr* ‘муж’ < **kāra-* (ср. др.-перс. *kāra-* 1) ‘народ’; 2) ‘войско’) и позднее производное от него *čōrik* ‘мужик; мужчина’. В осетинском языке налицо продолжения других основ: осет. *moј* | *moјnæ* ‘муж’ < **manu-* ‘человек, мужчина, муж’ [Аб. ИЭСОЯ II, 127], *næl* 1) ‘самец’; 2) редко ‘мужчина’ < **narīa-* (производное от **nar-* ‘самец, мужчина’) [Аб. ИЭСОЯ II, 165–167]. Отмечаются рефлексy **martīia-* для видового обозначения

человека и мужчины, с разными оттенками, например, ср. бактр. *μαρδο* 'человек, слуга', согд. *mrtu* [S-W Bactr. Doc. II, 231], но и бактр. *μαρδανο* прил. 'доблестный, славный' (там же). В современных языках для обозначения мужчины используются заимствованные из арабского продолжения слова *ādam* 'человек', в разной степени адаптированные фонетически.

Для обозначения женщины и жены наиболее часты рефлексы основ **gnā-*, **janī-* и разновременных производных от них. Ср., например, ср.-перс., кл. перс., тадж. *zan* 'женщина, жена' (и тадж. разг. *zanak* 'женщина, баба'), парф. *žan* {*jn*} 'женщина' < **janī-*, но шугн. *žinik* 'женщина' — относительно позднее производное от шугн. *žin* 'жена' (< **g(ə)nā-*, см. [С ГОЯШ, 104] при возможной поздней контаминации с рефлексом **janī-*; постулируемый Г.Моргенштерне прототип **janī/ā-* [Morg. EVSh, 38] имел бы результатом шугн. **žin*); язг. *žinjág*, *žənjág* 1) 'женщина'; 2) 'любовница' < **jani-či-* + поздний суффикс **-ka-*. Поздняя суффиксация *-ak*, *-ik*, *-ka* в разных языках переводит значение имени из 'жена' в 'женщина' (иногда с пренебрежительным оттенком). Реже отмечаются и другие обозначения женщины, например, осет. *syl* | *silə* 1) 'самка'; 2) 'женщина' < **strī-* 'самка, женщина' и производные от него *sylgojmag* | *silgojmag* и др. 'женщина' [Аб. ИЭСОЯ III, 193–195]; осет. *ūs* | *osə* 1) 'женщина после замужества'; 2) 'жена' < **iaušā-* (ср. др.-инд. ведич. *yoṣā-* 'молодая женщина, жена'); редко встречаются и рефлексy других основ: **dāhī-*, **dainā* и др.

Обозначения девочки, девушки рефлексами праиран. **kanī̯-*, **kanī̯ā-* (см. ав. *kainī-*, *kainīn-*, *kainyā-* ж.р. 'девушка, девица', *kainikā-* 'девушка') более развиты в западноиранских языках, см. кл. перс. *kanīz*, *kanīzak* 'девушка, служанка' (из **kanī-či̯-* или **kanīka-*); в восточноиранских — единичны: согд. *knč-*, мут. *knč'k*, ман. *qnčk* 'девочка' (< **kanikā-* с вторичным суффиксом **-ikā*).

2.4.1.3. Рефлексы обозначений божеств и «потусторонних» персонажей

На обозначения этого класса имен существенный отпечаток наложили более поздние разновременные культурные и религиозные традиции народов — носителей восточноиранских языков: зороастризм, буддизм, христианство, манихейство, позднее — ислам. Их различные по языкам и ареалам наслоения на древние верования (при разной сохранности элементов древних верований в разных ареалах) вызвали в ряде случаев контаминацию божеств и мифических персонажей разных религий, поэтому этимологическое продолжение имени не обязательно обозначает тот же древний образ.

Особую область представляют собой исконно иранские имена, включая собственные имена божеств, продолжения которых в языке Авесты интерпретированы согласно зороастрийскому видению, и в такой интерпретации проникли в более поздние языки. Особенно это относится к так называемым дэвовским словам, соотносимым с отрицательными божествами, персонажами, реалиями, действиями и понятиями. Будучи в центральных значениях синонимичными «обычным», нейтральным обозначениям тех же сущностей, эти слова имеют ярко выраженный отрицательный (обычно — уничижительный) характер. При этом в продолжениях таких слов в других языках более поздних периодов этот отрицательный «заряд» может отсутствовать: поскольку эти слова получили отрицательный оттенок в зороастризме, но не имели его в праязыковую эпоху, они не приобретали его в более поздних языках тех ареалов, где зороастризм не стал преобладающей религией.

Прежде всего это касается термина **daiça-*, обозначавшего в праиранском еще 'Бог, божество' и лишь позднее, с распространением зороастризма и затем других религий, приобретшего в большинстве языков значение 'ложное божество; злое божество' → 'злой дух; дэв, демон'. В восточноиранских языках отражается в основном данное второе значение, возможно, под влиянием фольклора и господствующей религии. Ср., например, ср.-перс., кл. перс. *dēv* 'демон; дьявол; дэв' ~ согд. будд., ман. *дуw*, хр. *дуw* [*δēw*] 1) 'дьявол'; 2) 'лживый, обманный'; ягн. *dew, dev*; хор. *дуw* 'дэв'; мдж. *liw* 1) 'дурной, плохой'; 2) (редко) 'дэв'; йд. *līw*; шугн. *δēw* 1) 'дэв, злой дух, черт'; 2) 'беспокойный, одержимый, безумный'; руш., хуф., барт., рош. *δīw*; язг. *diw* 'дэв' (и заимствованное *dew*); ишк. *lew* 'дэв, бес', сгл. *lew* 'демон; сумасшедший'; вах. *liw, liv* 1) 'дэв'; 2) 'сумасшедший' (в ваханском, сангличском, ишкашимском формы с *l* < **d* заимствованы). Однако спорадически в восточноиранских языках сохраняются следы более древней божественной отнесенности этого персонажа. Частично это проявляется в лексике: см., например, согдийские слова, сохраняющие элемент архаичного положительного значения: согд. *дуw'kk* [*δēwāk*] 'небесный, голубой'; *дуwγwn* [*δēw-γōn*] 'небесного цвета, голубой'.

Кроме того, в народных верованиях в горных регионах Средней Азии продолжает жить образ древнего божественного персонажа, что особенно явно сказывается на образе так называемой *Dewi Safed* 'Белый Дэв' или, точнее, 'Белая Дэв' — образ светлой женщины в белом, покровительницы прях — аналог христианской Параскевы-Пятницы (см. [Андр. 1925; Андр. 1927; Андр. 1958; Андр. 1970]). Сохранение божественной атрибуции у имени **daiça-* было свойственно и скифским диалектам, которые остались в основном чуждыми

зороастризму. Благодаря этому в осетинском языке — в нартовском эпосе — производное от этого слова *Avdiwag* может быть трактовано как относящееся не к демонам, а к благим божествам [Аб. Избр. I, 43, 47]. (О возможном отражении образа дэва как одного из божеств при заимствовании из скифского в славянскую среду см. [Эд. 2005], там же литература.) Подробнее о развитии **daiuā-* см. [ЭСИЯ 2, 306–310].

В связи с этим предстает неоднозначной первоначальная семантика табуированного обозначения волка в пашто и ванечи: пшт. *lewə*, ван. *lew* ‘волк’ восходят к производному **daiu(i)ā-*, букв. ‘дэвовский’, которое может быть трактовано двояко: 1) в случае раннего образования слова — с семантической трактовкой ‘божий пес’ → ‘дикий пес’ → ‘волк’, аналогично такому же обозначению волка в некоторых других языках мира; 2) в случае позднего образования — как ‘дьявольское (отродье)’, подробнее о вариантах толкования этого названия см. ниже, с. 246–247 (см. также [Ed. Taboo, 124–126; Эд. Ир.-слав., 164, 205], там же предшествующая литература).

В продолжениях имени верховного божества зороастрийцев **ahura-* + **mazdā(h)* — Ахурамазда, букв. ‘благая мысль’ или ‘Господь Мудрый’, см. ав. *Ahura.Mazdāh*, в некоторых восточноиранских языках выявляется преобразование его семантики через этап осознания этого божества как солярного. Здесь произошло наложение имени Ахурамазды на образ более раннего верховного божества у народов, у которых до того был культ Солнца, и осознание Ахурамазды как ‘Бога-Солнце’. В результате собственное имя верховного божества Ахурамазда переходит в нарицательное имя ‘солнце’ и в астрономический термин «Солнце». Ср. хс. *urmaysde*, хор. *rēmažd*, ишк. *remūzd*, сгл. *ormōzd*, зеб. *ōrmōzd* ‘солнце’, подробнее см. [Morg. IIFL II, 381]; см. также [ЭСИЯ 1, 101–102]. При этом исконное название солнца, восходящее к **huuā-* / **huuān-* > **x^var-* / **x^van-*, в этих языках было вытеснено².

Сходная семантическая трансформация наблюдается и в рефlekсах праиран. **mitra* / **miθra-* ‘связь, соединение’ и персонифицированное имя божества дружбы, союза Митра (из арийск. **mitra-*, см. гл. I): ср.-перс. ({*mytr*}, ман. {*mihr*}) 1) ‘контракт; узы, связь’; 2) ‘любовь, дружба’; но и 3) ‘бог Митра; солнце’ (и календарные термины, связанные с этими понятиями) [MacK. CPD, 56], кл. перс., тадж. *mihr*³. В восточноиранских языках обозначение бога Митры и отражение имени в календарных терминах может быть и собственным, и заимствованным. См., например, согд. *myδr* [*miθra-*], согд. ман. *myš-* ‘Митра’ < **miθra-*, отраженное также в календарных терминах, см. [Gersh. GMS, 47; Gharib Sogd. Dict., 224, 226]; бактр. *μρο* и.с.

и название месяца, заимствованное из ср.-перс. *Mihr*, эквивалентно собственно бактр. $\mu\rho\omicron\upsilon\alpha\nu\omicron < *mi\ddot{d}ra-k\bar{a}na-$, см. также название дня $\mu\rho\omicron\rho$ [S-W Bactr. Дос. II, 233].

**baga-* — ‘доля, судьба, участь’ и персонифицированное ‘Бог’ из арийск. **bhaga-*, восходящего к и.-е. **bhag-o-* ‘доля, участь’ с диалектным значением ‘божество (богатства, благополучия)’ и далее ‘Бог’, с этим религиозным кругом значений продолжилось в др.-перс. *baga-* ‘Бог’, ср.-перс. *bag* ‘Бог, господин’, кл. перс. *bay* (из парфянского) 1) имя идола; 2) (в сложных словах) ‘Бог’; парф. *bay* 1) ‘Бог’; 2) ‘господин’ [Boyse WL, 27]. Из восточноиранских языков сохранилось только в вымерших: согд. ман., будд. $\beta\gamma-$, хр. $\beta\gamma-$ [*vay-, fay-*] 1) ‘Бог, божество’; 2) ‘господин’; скиф. **baga-* ‘Бог’; бактр. $\beta\alpha\upsilon\omicron-$, $\beta\alpha\upsilon\alpha-$ ‘Бог, Господь’ (и в том же значении — в производных словах); в более поздних языках прослеживаются рефлексy произвoдных, например, вах. *vož* ‘священный, святой’ < **bāg-ja-* и др., подробнее см. [Ст.-К. ЭСВЯ, 381; ЭСИЯ 2, 48 и сл.].

Отмечаются отражения двух праиранских производных слов от того же глагольного корня: 1) **bagta-* — прич. перф. ‘наделенный, выделенный, предназначенный; доля’ → ‘судьба’: ав.п. *baxta-* ‘предназначенный, выделенный в качестве доли; участь; судьба’, кл. перс., тадж. *baxt* ‘доля; судьба’; 2) **bagtar-* — имя деятеля ‘тот, кто наделяет, распределяет’; ‘податель (благ)’: ав.п. *baxtar-* ‘тот, кто наделяет, предоставляет долю’ — два персонифицированных обозначения божеств, совпавшие рефлексy которых в нескольких восточноиранских языках Памира приобрели значения ‘гигант, великан — злой дух; гигантская нечистая сила’ и др.: ср. шугн. *vūyd* (ж.р. *vōyd*); хуф., руш., барт. *vūyd* (ж.р. *vāyd*), рош. *vōyd* (для обоих родов), сар. *voyd* ‘злой дух; нечистая сила’; ишк. *vāŷd*, *vāŷd*, сгл. *vāŷd* (заимствования) — то же, ср., однако, вах. *vaŷd* центр. говор ‘злой дух, нечистая сила’; зап. говор ‘добрый дух; мифологическое существо, творящее добро’. В местных таджикских диалектах: дарв. *hoŷt*, вандж. *voŷt* ‘злой дух, нечистая сила’ (и вандж. уменьшительное *vaŷdək* ‘детеныш злого духа’) — из восточноиранского субстрата. Язг. *woŷt* ‘сказочный горный дух, великан-оборотень’ — обратное заимствование из таджикских говоров (собственное развитие дало бы **vūŷd*, прямое заимствование из таджикского было бы **baxt*). Подробнее об этой группе слов см. [ЭСИЯ 2, 54].

При различиях в трактовке (связанных иногда с разнобоями в объяснениях, данных представителями разных поколений и разной степени образованности), ясно, что речь идет о едином в принципе персонаже.

Праиранское или древнеиранское название божества ветра **uāi̯u-* (персонифицированное имя от **uāi̯u-* ‘ветер’ < и.-е. **uēi̯u-*), связанное

этимологически с праиран. **uā-* 'дуть, веять (о ветре)' < и.-е. **uē-* 'дуть, веять (о ветре)': ав.п. *¹vaui-, vaui-* 'воздух (как божество)' и *²vaui-, vaui-* — имя одного из дэвов, божество смерти [Barth. AiW, 1357–1358], продолжено в более поздних языках: ср.-перс. *Wāu-i weh* и *Wāu-i wattar* — соответственно доброе и злое божество; курд. *wāyuk* 'ночное чудовище', арм. (из иранского источника) *vahuk* 'колдун, чародей' ~ осет. *Wæjyg* | *Wæjug* 'ваюг' (популярный сказочный и эпический персонаж — великан, страж царства мертвых, первоначально — божество ветра) < **uāyu-ka-* [Аб. ИЭСОЯ IV, 68–72]. Предположенная В.И.Абаевым этимологическая связь осет. *Wæjyg* | *Wæjug* 'ваюг' с рефлексами **bagta-* и **bagtar-* в памирских языках (см. выше) и с гоголевским Виём [Аб. ИЭСОЯ IV, 68–71] не подтверждается материалом. Сопоставление с Виём опровергалось славянской этимологией имени Вий как связанного с названием не ветра, а ресницы — основного признака этого персонажа. Этимологическое сближение с данными памирскими именами невозможно, но уже по историко-фонетическим причинам: анлаутная *v-* в данных словах севернопамирских языков однозначно указывает на прототип с анлаутным **b-*, а не **u-* (последнее дало бы анлаут **w-*), т.е. на прототипы **bagta-* и/или **bagtar-*. О фонологическом различии в этих языках анлаутных *v-* и *w-* — рефлексов соответственно **b-* и **u-* см. [Эд. СГВЯ-Ф, 79, 187].

**parī-*. **parikā-* — 'пери' первоначально 'потустороннее прекрасное существо', в Авесте *pairikā-* 'ведьма, колдунья'. В дальнейшем в народной мифологии, в фольклоре 'потустороннее прекрасное существо' без авестийского отрицательного оттенка значения: тадж. *pari* 'пери'. В восточноиранских языках эти названия не сильно отличаются от прототипа: согд. будд. *pr'ykh* [*parīk*] 'пери'; ягн. *pari*, шугн. *pari* 1) 'пери, фея'; 2) перен. 'красавица'; язг. *pari* — то же, пшт. *perəu* 'пери, фея'; вах. *prəu* 'пери' — рефлекс унаследованного или раннее заимствование [Ст.-К. ЭСВЯ, 267]; о хс. *pālīka-* см. [Bailey DKS, 234].

**aži-dahaka-* из **aži-* 'змея' + **dahaka-* — имя легендарного кровожадного царя-дракона, см. ав.п. *aži-* 'змея, змей (дракон)' + *dahāka-* — производное от **dah(a)-* 'народ; человек'. В последующих рефлексах постепенно исчезает персонификация и слово обозначает 'дракон': ср.-перс. ран. *āzidahāk*, *āzdahāk*, поздн. *azdahāg*; кл. перс. *āzdahā*, *āzdarhā*, тадж. *āzda(h)o(r)* и диалектное *āzdar* 'дракон', парф. *āzdahāg* ~ согд. *zδyh* [*zδahā*] или [*žδahā*] 'змея; дракон' — заимствование из персидского или парфянского; в живых восточноиранских языках слово заимствовано как обозначение дракона: мдж. (*h*)*aždor*, йд. *ažder*, шугн. *ažda(h)ōr*, руш., хуф. *aždar*, барт. *aždar*, *aždal*,

рош. (h)aždar, сар. ažd(a)or, язг. ažda(h)or, aždalmol; вах. ažda(h)or, aždar, подробнее см. также [ЭСИЯ 1, 297–298; ЭСИЯ 2, 285–286].

*gandarba-, *gandarūa- — название мифического существа из арийск. *g(h)andh(a)rva-, *g(h)andh(a)rbha-: ав.п. gandarəwa-, gandarəwa- м.р. — имя одного из божеств, мифического существа — чудовища [Barth. AiW, 493; Mh. AirN, I/46; Mh. OnP, 176; Hinz NÜ, 102] продолжено в восточноиранских языках: согд. будд. γntrw [γandarw] — название потустороннего персонажа, соотносимого у согдийцев с водной стихией; в сочет. согд. будд. wṛ'p-γntrw 'водяной дух' соотносится с ав. upārō gandarəwō. Собственно согдийская форма, в отличие от заимствованного из санскрита аналога, транслитерированного в согд. будд. knī'rβ [Henn. SP II, 186; Gersh. Amber, 199; Gersh. GMS, 13; Gharib Sogd. Dict., 165, 191, 409]; шугн. žindūrv, ж.р. žindārv, бдж. žindūry, ж.р. žindāry 1) фольк. 'оборотень'; 2) перен. 'обжора, прорва'; хуф. žāndūr м.р., хуф., руш. žindiry ж.р. 'фантастическое чудовище, дракон', фонетические прототипы соответственно *gandarba- м.р., *gandarbā-, *gandarbi- ж.р. (см. [Morg. EVSh, 110], там же дальнейшие сравнения); ср. производное шугн. žindūrv(ak) 'оборотень' (неточный перевод). Характерно отражение в согдийском, как и в древнеиндийском, исхода основы *-ua-, в авестийском и шугнано-рушанской группе — *-ba- [Henn. SP II, 186]. См. также [ЭСИЯ 3, 149–150].

Следует отметить, что определенный пласт лексики, который в авестийском четко делился на «дэвовские» и «ахуровские» слова (например, названия частей тела, детенышей, некоторых обобщающих понятий и т.п.), сохраняет эти же оттенки в древнеперсидском (поскольку зороастризм в Древнем Иране был государственной религией) и затем в среднеперсидских текстах, так как они принадлежали приверженцам зороастризма. Во многих восточноиранских языках эти слова выступают с нейтральной коннотацией, что связано, возможно, с относительно неглубоким проникновением зороастризма в восточные регионы древнеиранского ареала. Анализ семантики таких слов требует особого внимания к их оценочной эмоциональной стороне: не всегда ясно, исчез ли в том или ином слове в восточноиранской среде в поздний период отрицательный оттенок значения, или он отсутствовал изначально и обязан своим появлением в Авесте благодаря религиозному воззрению древних зороастрийцев.

Ср., например, ав. ka-məḡda- 'голова' в дэвовском смысле, букв. 'что [за] голова' [Barth. AiW, 440], но хс. kamala- 'голова' → 'личность; начало', йд. k'emalyo 'череп' [Morg. IIFL II, 221], бактр. xamrdo — имя или титул некоего божества < *kamrda- 'голова; глава, некто главный' (соответствующее хс. kamala-) [S-W Bactr.

Дос. II, 220] — не имеют пейоративного оттенка: это либо продолжение семантики прототипа, либо результат контаминации с заимствованным из древнеиндийского *kapala-* ‘череп’. Ав.п. *haēnā-*, др.-перс. *hainā-* ‘войско, воинский отряд (вражеские)’ [Barth. AiW, 1729] и производное ав.п. *haēnyu-* ‘принадлежащий к вражеской армии, отряду’ (ср. др.-инд. *sēnyu-* ‘дружественный к армии’) [Barth. AiW, 1730]; ср.-перс. *hēn* ‘войско; армия’ (о воинстве злых сил, заимствовано из языка Авесты) [Nyb. MP, 99], но хс. *hīnā-* ж.р. ‘армия (своя и вражеская)’ (< **hainā-*) [Emm., Skj. I, 62]; см. также производные: хс. *hīña* прил. — название воинского титула; *hīña-* ‘армейский’, *hīña* ‘член (воинской) группы’, *hīnāysa-* ‘предводитель войска, полководец’ < **haina-āza-* и др. [Bailey DKS, 481–482], см. также [ЭСИЯ 3, 401]. О рефлексах **huta-* ‘сын, отпрыск’ см. хс. *ṣū-* ‘сын’ из более раннего **všūta-* [Bailey DKS, 410] (см. выше).

2.4.1.4. Названия животных

А. Домашние животные

‘Корова, бык’ — праиран. **gau-* : *gāu-* м., ж.р. из и.-е. **g^wou-*: ав. *gav-* : *gāv-* ‘корова, бык; крупный рогатый скот’; др.-перс. *gau-*, ср.-перс., кл. перс. *gāv*, совр. перс. *gāv*, тадж. *gov* и др. ~ согд. будд. *γ’w* ‘корова’, ягн. *γow* ‘корова, бык’, хор. *γ’w-*, *γok* < **gāu(a)-ka-* ‘корова’, скиф. **gau-*, осет. *qūg* | *γog* ‘корова’ (с *-g* < суф. **-k*), хс. *gāha-* ‘бык, корова’, *gūha-* ‘бык’, *gūhā-* ‘корова’ (с *-h-* на месте зияния вм. исчезнувшего **-u-*), пшт. *γwā* ‘корова’ < **gauca* + вторичный суф. ж.р. **-ā*, мдж. *γōwā*, йд. *γavo* ‘корова, бык’, шугн., бдж., руш., хуф. *žōw*, барт., рош. *žaw*, барв. *žāw*, сар. *žew* ‘корова’ (с начальной *ž-* < **γ-* < **g-* в позициях перед **-a*, **-ā*), ишк. *γu*, сгл. *uγū(i)*, *ōγūi* ‘корова’, вах. *γyw* ‘корова’, но язг. *γew* (< **gāu-*) ‘бык’ (подборку лексем на **gau-* см. [Оранский ИЯИО, 139–140; ЭСИЯ 3, 205 и сл.]).

Производные от **gau-* : *gāu-*: 1. Рефлексы др.-иран. **gāu-maiša-* ‘буйвол’ из **gāu-* ‘бык’ + **maiša-* ‘овца’ отмечены в западноиранских языках, например ср.-перс. *gāwmēš* ‘буйвол’ [MacK. CPD, 36]; кл. перс. *gāwmēš* ‘буйвол’ [Horn Gr., 198], тадж. *govmeš*. В восточных встречаются как заимствования, например шугн. *gōwmēx* ‘буйвол’. 2. Рефлексы др.-иран. **gau-* + **spanta-* ‘овца’ (вторая часть из праиран. **śuanta-* ‘священный’, ср. ав.п. *spanta-* ‘священный’ [Barth. AiW, 1619–1621]): ав. *gaospanta-* [Barth. AiW, 306]; в западноиранских языках: ср.-перс. *gōspand* {*gwspond*} ‘рогатый скот’, особенно ‘мелкий рогатый скот — овца, коза’ [Nyb. MP, 84; MacK. CPD, 37]; кл. перс. *gōspand*, *gōsfand*; тадж. *gūsfand*, *gūspand* ‘овца, баран’;

для восточноиранских спонтанное продолжение этого слова нехарактерно. Подробнее о производных от **gau-* см. [ЭСИЯ 3, 207 и сл.].

3. Название оленя, лани см. в разделе «Дикие животные» (см. ниже).

‘Бычок; бык; телец; вол’ (для откорма или тягла) — праиран. **uxšan-*, диал. **ukšan-* (м.р. ном. ед.ч. **uxšā*, **ukšā*) из и.-е. **uk^wsen-* или **ukson-* (об их этимологии см. в гл. I): ав.г., п. *uxšan-* ‘самец крупного рогатого скота; бык, молодой бычок, телец’ ~ шугн. *xiṣ* ‘бык’, руш., хуф. *xoṣ* ‘бык, вол’, барт. *xōṣ* ‘бык, вол’, рош. *xōṣ* ‘бык’, сар. *xej* ‘вол’ (из **uk/xša-ka-*). Аналогичное образование (**uk/xša + -ka*) не исключено для ягн. *kišok* ‘бык’, мдж. нижн. *kūyō*, верхн. *kūwō* ‘бык’, йд. *qīāy* ‘вол’, ишк. *kəžuk*, сгл. *kužūk* ‘бык’ (последние — при контаминации рефлексов **uk/xša-ka* с рефлексам производных от вторичной глагольной основы **kaš-* < общеиран. **karš-* ‘тянуть, тащить’ → ‘проводить борозду’⁴; к прототипу **ukšan-* возводится вторая часть вах. *drukš*, *d(ə)rušk* ‘вол, бык’ (при соотносении первой части с **druца-* ‘здоровый, крепкий, сильный’, ср., однако, другие трактовки этимологии этого ваханского слова, см. [Ст.-К. ЭСВЯ, 149–150]). Только в язгулямском языке от этой основы образовано *ḫān* ‘корова’ — из раннеязг. **uxšānā-* — вторичного производного женского рода из рефлекса **uxšān-* + суф. ж.р. **-ā* (ср. пшт. *γwā* ‘корова’ от **gaца-* с аналогичным суффиксом ж.р. **-ā*).

Об истории соотношения рефлексов **gau-* и **uxšan-* и их производных в севернопамирских языках см. ниже, 2.5.1, с. 223–226.

Надежных рефлексов праиран. **agn(i)iā-* ‘дойная корова; корова с молоком’ в поздних языках восточной и западной групп не найдено, см. [ЭСИЯ 1, 86].

‘Крупное домашнее животное, крупный рогатый скот (единица счета скота, «голова»)’ — праиран. **staura-*: ав. *staora-* ‘крупный рогатый скот; верблюд; лошадь; осёл’, ср.-перс. *stōr*, кл. перс. *sutōr* и др. ~ согд. будд. *’st’wr*; осет. *stur* | (*æ*)*stor*; хс. *stūra*; пшт. *stər*; шугн. *sitūr*, руш., барт. *sitūr*, сар. *sytewr* ‘крупный рогатый скот’ (в среднеперсидском и хотаносакском также ‘лошадь’); ягн. *s(u)tūr* ‘овца, баран’, язг. *s(ə)tār* ‘мелкий скот; счетная единица мелкого рогатого скота’ — с относительно поздним изменением значения, (возможно, в связи с условиями быта).

‘Овца, баран’ — праиран. **maiša-* м.р., **maišā-*, *maišī-* ж.р. (из и.-е. **moiso-* или **maiso-*): ав. *maēša-* м.р. ‘баран’, *maēšī-* ж.р. ‘овца’; ср.-перс., кл. перс. *mēš*, тадж. *meš* ~ ягн. *meš*; хор. *’mh*; пшт. *maž* м.р. ‘баран; муфлон; архар’; пшт. *mež* ж.р. ‘овца’; мдж. *māya*, *māa*, йд. *māo*, язг. *taw* ж.р. ‘овца’, *mū(w)* м.р. ‘баран’; вах. *mau* (заимствовано?) [Ст.-К. ЭСВЯ, 232–233], ишк. *mel*, сгл. *mēl*. В языках шугна-но-рушанской группы исходная форма закрепила за значением

‘овца’: шугн. *maŷ*, бдж. *taw*, руш., хуф. *mēw*, барт., рош. *māw*, сар. *mēwl*; обозначение барана выражено суффиксальными оборотами на **-aka-*: **maiša-* + *-aka* > шугн. *miŷiŷ*, руш., барт. *tawoj* и т.п.

Надежных рефлексов праиранского названия барана и овцы **aui-* не найдено. Отнесение к этой основе вах. *uorč*, *uobč* ‘овцы (общее название), баран (холощенный); баранина’ с прототипом **āui-čī-* [Mh. EWA-2, 135] вызывает возражения, см. [Ст.-К. ЭСВЯ, 429]. См. также [ЭСИЯ 1, 281].

Праиран. **paśu-* : *p/fśu-* > **fśu-* ‘овца, баран’ из и.-е. **peku-*: ав. *pasu-* ‘домашнее животное’; ср.-перс. *pāh* (< др.-перс. **paθu-*); бел. *pas* ~ согд. будд. *psw* (акк.), согд. ман. *psu*, *psy*; скиф. **pasu-*, осет. *fys* | *fus* ‘овца, баран’; хор. *’ps*; хс. *pasa-*; пшт. *psə*; шугн. *pīs*, руш. *pus*, барт., рош. *pös* ‘овца, баран; счетная единица мелкого рогатого скота, «голова» мелкого рогатого скота’; вах. *pus* — то же; см. также в производных: согд. ман. *fśy’ws* ‘господин’, согд. будд. *’βśy’ws* ‘старший’; вах. *šəryŋ*, *šəbyŋ* ‘пастух’ (скорее заимствованное из таджикского, чем свое [Ст.-К. ЭСВЯ, 335–336]), ср. тадж. *širon*, пшт. *špin* — то же < **fśu-rāna-* и т.п.

‘Коза, козел’ — праиран. *būza-* м.р., *bužā-* ж.р. из и.-е. **bhūgo-*: ср.-перс., кл. перс. *buž*, тадж. *buž* (с переходом **ž* > *z*, что указывает на возможное раннее заимствование слова из северо-западного источника) ~ ягн. *v/wuz*, *v/wəz*; хор. *’βz*, осет. *boz*, *bozo*, *bozol*; пшт. *wuz*, *wəz* м.р. ‘козел’, *w(u)zá* ж.р. ‘коза’; мдж. *vəzo* м.р. ‘козел’, *vəza* ж.р. ‘коза’; йд. *vəzo* ‘коза, козел’; шугн., руш., сар., язг. *vaz* ‘коза’; ишк. *vəz* ‘коза’. См. также [ЭСИЯ 2, 191–194].

Рефлексы **aža-* м.р., **ažā-* ж.р. ‘коза, козел’ в самостоятельном виде редки: в западноиранских языках отмечены ср.-перс. *az*, *azak* (из северо-западного источника), абдуи *az* ~ в восточноиранских языках не прослеживаются. Отмечаются в производных словах — названиях хозяйственных предметов из козьей шкуры и козьей шерсти — свидетельство распространенности основы в разных древних диалектах, включая восточноиранские, подробнее см. [ЭСИЯ 1, 292–293].

Названия детенышей домашнего скота обычно различны по годам их появления на свет. Большинство этих терминов в восточноиранских языках вторичны, описательны, образованы от разных древних основ, однако встречаются и относительно старые. Наиболее характерны из древних:

От праиран. корня **uat-* — **uas(s)a-* < **uats(i)a-* ‘теленки; телка’ от и.-е. **uet-*, **uetes-* ‘год’ ~ осет. диг. *wæs(s)*, язг. *wūs* ‘теленки’; с суф. **-ka-*: **uasaka-* > хс. *basaka*, ишк. *wūsūk*, сгл. *wosōk*; с суф. **-ja-*: **uas-ja-ka-* > вах. *wəšk*, *wušk* ‘теленки; телка’ (и сар. *wišk*,

займствованное из ваханского) [Ст.-К. ЭСВЯ, 398–399]. От этого же корня **uat-* из и.-е. **uet-* ‘год’: язг. *wadāg* ‘ягненок (самец и самка) до одного года’ < **uat-ak-ia-* (?).

От праиран. **uar-*, часто с суф. **-na-*, **-aka-*, **-aki-* (неясно, связана ли данная основа с названием шерсти **uarna-* или с корнем **uar-* ‘дождить’(?): ав. *vara-* в имени собственном; сходные словообразовательные модели отразились в западноиранских и восточноиранских языках: основа **uar(a)-*: осет. *wær* ‘барашек, ягненок’; вах. *war* ‘баран (нехолощеный)’ [Ст.-К. ЭСВЯ, 387]; **uarnaka-*: ср.-перс. *warrak*, *warak* ‘барашек’, кл. перс., тадж. *barra* < **uarnaka-*, совр. перс. *bārre*, тат. *wārä*; основа с суф. **-aka-* (для ж.р. — **-akī-*) ~ в восточноиранских языках и в заимствованиях из них в другие языки (возможно, ареальная модель, охватившая также отдельные западноиранские языки, находящиеся в восточном ареале): пшт. *wray*, *wuráy* (м.р. с суф. **-aka-*) ‘ягненок’, пшт. *wrây* ‘овечка’ (ж.р. с суф. **-akī-*); ишк. *waruk*, мдж. *wərgiko*, *wəraü*, йд. *wör̥yo*, *wör̥yiko*; согд. *wr’k*; вах. *wurk* ‘ягненок’ (ср. дардский язык кховар *werkū* из иранского источника); осет. *wærykk* | *wærikkæ* и т.д., ср. в ареальных западноиранских языках: орм. кан. *wrīy^a* ‘овечка’, *wrai* ‘горный баран’ (заимствование из пашто?); пар. *γarō* ‘ягненок’, бел. *gwarak*, *gwarik* ‘ягненок’ [Elf. Bal., 58].

Ср. примыкающие к ним фонетически, но отличные этимологически обозначения барана-производителя: шугн. *wīrn*, *wīrm*, хуф. *wīrn*, *wīrm*, руш. *wirn*, барт. *wīrn*, сар. *wer(i)n* ‘баран-производитель’ < **uaršni-*, ср. ав. *waršni-*, др.-инд. *vṛṣnay-* [С ГОЯШ, 57; Morg. EVSh, 92], обсуждение вариантов этимологии см. также [Ст.-К. ЭСВЯ, 387].

Рефлексы вариантов названий детенышей животных: **garba-*, **grbu-* ‘детеныш животного; плод чрева; материнская утроба; лоно; новорожденный’ — из арийск. **garbha-* < и.-е. **g^welbh-*, **g^wolbh-o-* 1) анат. ‘матка’; 2) ‘детеныш животного’: ав.п. *garəwa-* 1) ‘материнское лоно’; 2) ‘плод чрева’; ав.п. *garəbuš* ‘детеныш (животного)’; ср.-перс. *gawr*, *gawbr*, *gurū* ‘козленок’ ~ сар. *γerv* ‘козленок (годовалый)’, язг. *γ’arfeg* ‘козленок (по первому году)’ (< **grbu/a-* + раннеязг. **-āka-*) (в [С ГОЯШ, 102–103, 121] сопоставляется с шугн. *diŷvēr* ж.р. ‘козленок’, но без прототипа; ср. сомнения в соответствии сар. *γerv* авестийскому *garəbuš-* [Morg. EVSh, 37]); хс. *garba-* ‘живот, чрево’ [Bailey DKS, 81]. Подробнее см. [ЭСИЯ 3, 188–189]. Возможно, сюда же относится язг. *pəṭərwāg* (мн.ч. *pəṭərwagad*) ‘хозяева скота по отношению к летовщицам, ухаживающим за скотом’ (< **pati-garba-* (?)) ‘те, чей приплод’) или слово связано с глаголом **grab-* ‘брать’ (?).

Рефлексы производных от корня **gam-* 'идти, приходить', включавшего значение 'приходить в мир, рождаться' и 'доходить до зрелости', особенно четко выявили эти оттенки при обозначении молодняка скота (обычно — достигшего половой зрелости). Отмечены рефлексы образований:

1. **fra-gāma-*, **fra-gāma-ka-* 'подросший, дозревший', ж.р. *fra-gāma-čī-*: в восточноиранских языках — согд. *βrγ'm'k* 'годовалый козленок' [Gharib Sogd. Dict., 108] и унаследованное из диалектного согдийского ягн. *faryūmč* 'телка, первотельная корова' [ЯТ, 251] (по Г.Моргенштерне — заимствовано из языка шугн.-руш. группы [Morg. EVSh, 33], что нереально и по фонетическим, и по географическим соображениям); хор. *fry'mk* 'взрослый' < **fra-gāma-ka-* [Henn.-MacK. Khwar. Dict., 38]. Пшт. *wəryūmay*, *wuryūmay*, *uryūmay*, *waryūmay* м.р. (и вторичные *maryūmay*, *maryūmay*) 'козленок', астр. 'Козерог' (< **fra-gāmaka-*), *uryūme*, *maryūme* (из *waryūme* ж.р.) 'козочка' [Morg. EVP, 89]; мдж. *frəyōtmy*, *f(ə)rāyoməy*, йд. *fəryāmə*, *fəryāmə* 'годовалый козленок' (из *fra-gāma-ka-*), йд. *fəryōmčək* 'годовалая телка' (с наращением двух суффиксов), *frayingo* 'годовалая козочка' < **fra-gāmi-ka-* и др. [Morg. IIFL II, 208; Гр. ОИЯ, 180].

Шугн., руш., хуф. *faryēmtc*, барт. *faryīmtc* 'годовалая телка; нетель' < **fra-gāma-či-* (Г.Моргенштерне приводит также рушанские и бартангские образования на *-ōmč* со значением 'телка, нетель' с прототипом **fra-gāma-čī-/ka* [Morg. EVSh, 33], которые фонетически должны продолжать **fra-gāma-ka-*). Некоторые из них, возможно, представляют ранние заимствования (при собственном развитии ожидался бы переход **g* перед **ā* в *ž*) либо результат аналогии с основой, содержавшей огласовку **и*; отражение **-č-* в виде *-c* может быть и поздним, по аналогии с другими именами на **-čī-*. Язг. *fəryetč* 'коза по второму году' закономерно отражает **fra-gāma-čī-*, как и вандж. *fruymeš*, *fəryameš* 'годовалая овца' (последние — при контаминации с тадж. *meš* 'овца'). Тадж. бадахш. (заимствовано из памирского источника) *fəryomč*, *fəryonč* 'телка'. Ишк. *fəryəm* 'годовалая козочка'; сгл. (Ю.) *fəryim* 'козленок-самка', (М.) *fəryem*, *fəryəm* 'годовалая козочка-нетель' [Morg. IIFL II, 393]; вах. *rūm* 'нетель, нетелившаяся корова; годовалая телка' (< **fra-gāma-*) [Morg. EVP, 89; Ст.-К. ИФВЯ, 193; Ст.-К. Бактр., 340; Эд. СГВЯ-Ф, 145, 187; Ст.-К. ЭСВЯ, 294–295]. См. также вторичные производные: мдж. м.р. *fṛāyomay*, ж.р. *fṛāyenga* 'козленок, козочка от одного до двух лет' и др., см. [ЭСИЯ 3, 133–135].

2. Аналогичные обозначения годовалых барашка и овцы, яркие в языках шугнано-рушанской группы с префиксами **ham-* / **han-*, **ni-* и относительно поздними суффиксами: м.р. шугн. *anzūm(ak)*,

anzūtīj, бдж. *inzūtīj*, хуф., руш. *inz/zamoj*, барт. *enzōt* 'годовалый барашек' (из **han-jāta-* с поздними **-ka-*); ж.р. шугн. *anzēm(ak)*, бдж. *inzēm(ak)*, руш., хуф. *inzēm* (с перегласовками основ по типу имен с ранней основой женского рода на **-ī-*); вах. *nəjūt* 'ярка, негнившаяся овца' < **ni-* или **ham-gāta-* или **-jāta-*, язг. *ənjāt* 'годовалая овечка', ср. ав. **ni-jāta-* [Morg. EVSh, 15; Ст.-К. ЭСВЯ, 248]; рош. *nazōt*, сар. *nazot* 'годовалая овечка, ярка', ср. тадж. диал. (Горон) *nezet* — из **han-* или **ni-* + *jāta-*, ж.р. **-jātmī-* [Morg. EVSh, 14] либо заимствованное из памирского источника. К ним могут примыкать образования с начальным компонентом из **ham-*, но не префиксом, а продолжением **ham-* 'лето', т.е. '«летошний», летом родившийся'; в рошорвском и сарыкольском возможна также контаминация с образованиями на **naɥ-* 'новый; недавний, только что' (ср. сар. *nəwz* 'только что; еще (пока)' и заимствованное *nəwzud* 'корова-первотелка').

Ср. родственные слова (безотносительно к животным): хор. *nyc-* < **ni-gati-* в *nyc'k'r* 'зрелый, созревший' [Henn.-MacK. Khwar. Dict., 43], при хор. *nɥd* ж.р. 'взрослость, зрелость (о человеке)' < **ni-gātā-* (напр., *fɥd wɥ'k p'rwzd* 'он достиг зрелости' [Henn.-MacK. Khwar. Dict., 43; MacK. Khwar. Gl. I, 556]; хор. *fɥ'mk* 'взрослый' < **fra-gāta-ka-* [Henn.-MacK. Khwar. Dict., 38]; согд. хр. *wu'ptyt* 'юноша, достигший зрелости' [Gharib Sogd. Dict., 417] и др.

От этого же корня, но по другой словообразовательной модели, образовано вах. *roɥd* 'некотившаяся коза (до двух лет)', если оно восходит через этапы **rāɥd* < **rɥāt-* к **fra-gāta-* [Ст.-К. ЭСВЯ, 297], ср. прототип **fra-gata-* в [Morg. IFL II, 467, 537] (промежуточная ступень **rɥāt* подтверждается заимствованием из иранского источника в бурушаски в виде *e'lgit* 'некотившаяся коза' [Morg. IFL II, 537; Ст.-К. ИФВЯ, 194]).

'Лошадь, конь' — налицо рефлексy двух основ.

1. Праиран. **asūa-* из и.-е. **ekwo-s*, **asūā-* 'кобыла': ав.г., п. *aspa-*, ж.р. *aspā-*, *aspī-*; др.-перс. *asa-* (в композите *asa-bāra-* 'всадник' с *s* < **śu*) и *aspa-* (заимствование из северо-западного источника или из авестийского); ср.-перс. *asp*; кл. перс., тадж. *asp*, совр. перс. *āsp*, *āsb* и т.д. ~ согд. будд., ман. *'sp*, ягн. *asp* (контаминация с таджикским?), скиф. **aspa-* 'кобыла', осет. *jæfs(æ) | æfsæ* 'кобыла', хор. *'sp* 'лошадь', хс. *aśśa-*, бактр. **-aspa-*; пшт. *as*, мдж. *yosp*, йд. *yāsp*, вах. *yaš* (< **áśśa-* < **áśūa-*, как в хотаносакском), ишк. *asp* (заимствование из таджикского). См. [ЭСИЯ 1, 243 и сл.].

2. Отглагольные образования **bāra-*, **bāraka-* м.р., **bārāčī-* ж.р. от корня **bar-* 'нести, вести, везти' (жанровые, диалектные или функциональные варианты, см. выше, с. 48) отразились в значениях

‘конь, дошадь’ и ‘кобыла’: **bāraka*- м.р. > парф. *bārag*, ср.-перс. *bārak* ‘конь, дошадь’ ~ шугн. *vōrj*, руш. *vūrj*, барт. *vūrj*, сар. *vurj*; язг. *varág* ‘конь, лошадь’; **bāračī*- ж.р. > шугн. *vēr3*, руш., барт. *vēr3*, сар. *ver3*, язг. *verj* ‘кобыла’. При этом в ряде восточноиранских языков, как и в западноиранских, образования **bāra*-, **bāraka*- имели также значение ‘несомый’ → ‘всадник’: ягн. *vōra*, осет. *baræg* ‘всадник’; сюда же относится и основа *-bāra*- в др.-перс. *asa-bāra* ‘всадник (на лошади)’, см. [ЭСИЯ 2, 101–102]. Не исключено отнесение к этому корню ст.-вандж. *wurom* ‘лошадь’ — с фонетическим искажением на таджикской почве.

‘Осёл’ — праиран. **xara*-. ав. *xara*-, кл. перс., тадж. *xar*, перс. *xār* ~ согд. мут., будд. *yr*, хр. *xr*, ягн. *xar*, осет. *xæræg*, хс. *khara*, пшт. *xar*, мдж. *xārə*, йд. *xoro*, руш. *šor*, барт. *šör*, сар. *šer* (с закономерным отражением праиран. **x*- > *š*- перед **a*), язг., ишк. *xūr*, сгл. *xōr*; вах. *xur*. Возможно также в части языков раннее заимствование по цепочке этого культурного термина вместе с реалией.

‘Собака, пёс’ — прослеживаются отражения трех разных основ.

1. Праиран. **śuan*- : *śun*- из и.-е. **kuon*- : *kun*-. ав. *span*-, *spaka*-, ж.р. *sūnī*-, мид. **spaka*-, ср.-перс. *sak* (< **saka*- < **śuaka*- с *s* < **śu*), кл. перс., тадж. *sag*, перс. *sāg* ~ скиф. **spaka*-. пшт. *spay* (м.р. из **spaka*-), *spəu* (ж.р. из **spakī*- или вторичное образование); вах. *šač* (< **śua-čī*-) [Ст.-К. ЭСВЯ, 327], хс. *śve*- (заимствовано из индоарийского или собственное развитие? — ср. др.-инд. *śvaka*-, ж.р. *śunī*-).

2. Праиранские (или древнеиранские?) основы м.р. **kuta*-, ж.р. **kuī*- ‘пёс, собака’ — рефлексy распространены в большей части восточноиранских языков: согд. **kwtu*, ягн. *kut*, сгл. *kud*, ишк. *kūd*; язг. *k°od*; в шугнано-рушанской группе — с противопоставлением по роду: шугн., руш., хуф., барт., рош. *kud*, сар. *kūd*, *kūd* ‘собака, пёс’ < **kuta*-, шугн., руш., хуф., барт., рош. *kid* ‘сука’ < **kuī*-; осет. *k°уз* | *kuj* ‘собака’ < **kuī*-. Возможно, сюда относятся и междометия, связанные с командой собаке: язг. *kə*, *kə* — подзывание собаки, ст.-вандж. *ket* — междометие, которым прогоняют собаку.

Древние различия между этими двумя словами могли быть жанровыми (обычное и просторечное) или диалектными. Предполагавшееся ранее употребление рефлексов первого слова в западноиранских языках, а второго — в восточноиранских, не подтверждается материалом. Их ареальное размежевание носит относительно поздний характер.

3. Праиран. или др.-иран. диал. **gadua*- ‘собака’ (о вариантах трактовки см. гл. I), возможно, обозначение породы собаки, отличной от **śuan*- : *śun*- (мнение Хр.Бартоломе), либо стилистически окрашенное слово: ав.п. *gađwa*- м.р., *gađwā*- ж.р. ‘собака’ ~ согд.

ман. *γδβk* [*γadvak*] или [*γadvē*] — название животного; ‘сука’ (?) [Gersh. GMS, 38, 149]; ягн. *γafča*, употребительное в сочет. *kud-γafča* ‘щенок’ (с *γafča* < **gadua-čali-*, *kud* ‘собака’ < **kuta-*); осет. ирон. *qævdyn* ‘щенок’ < **gadūaina-* (?) с метатезой из более раннего **gædv-* [Аб. ОЯФ, 57; Аб. ИЭСОЯ II, 299]; мдж. *γolv* ‘собака’ < **gadua-*; йд. *γalv*, *γalʷv* ‘собака’ < **gadua-* через этап **γadba-* [Morg. IFL II, 212; Гр. ОИЯ, 171, 176]; вах. *γalba*, *γulba* ‘пестрая собака; собака с белой отметиной’ — заимствование через таджикский говор Вахана [Ст.-К. Вах. лекс., 181] из восточноиранского источника. Заимствовано и шугн. *γulbā* ‘собака с отрезанными ушами’. См. [ЭСИЯ 3, 103].

Основа праиран. **skan(a)-*, предположительно продолжающая и.-е. *(*s*)*ken-* ‘малый, молодой’ (ср. рус. *щен*), послужила прототипом обозначения щенка: мдж. *skun*, йд. *c(ə)kən*; язг. *s(ə)kʰon* ‘щенок’, ишк. *sknūk*, сгл. *skonok*, **skonōk* ‘щенок’, вах. *skən* ‘щенок’ [Ст.-К. ЭСВЯ, 313]; по фонетическим соображениям для данных слов ожидался бы прототип **skun-*, однако он нигде больше не отмечен. Сюда же относится осет. *stæn* ‘кобель’, соответствующий слав. **ščen-* ‘щенок’ [Аб. Ск.-европ. изогл., 14, 21–22]. К и.-е. *(*s*)*ken-* возводятся обозначения козленка в ряде восточноиранских языков: осет. ирон. *sænykk* ‘козленок, детеныш тура’ < **ščani-ka-*; мдж. *čan* ‘козленок’ и др. [Аб. ИЭСОЯ III, 71–72].

Б. Дикие животные

Следует сразу оговориться, что исконные названия ряда животных, птиц, насекомых, представляющих угрозу или, во всяком случае, неприятности человеку, вытеснялись впоследствии словами-табу или эвфемизмами. То же происходило с названиями наиболее существенной для жизнеобеспечения дичи, которые вытеснялись табуизмами, поэтому рефлексy этиx древних слов относительно немногочисленны. Эти процессы отмечаются для разных этапов существования языков, начиная с древнейшего. Часть таких слов-табу построена из исконного материала, часть заимствована. Образцы табуизмов, базирующихся на исконном материале, см. ниже, в разделе 2.7. Здесь же приводятся рефлексy древних названий.

‘Волк’ — праиран. **urka-* м.р., **urkī-* ж.р. — из и.-е. **ulḱʷo-* ‘волк’, **ulḱʷī-* ‘волчица’: ав. *vahrka-*, ср.-перс., кл. перс. *gurg*, совр. перс. *gorg*, тадж. *gurg* ~ согд. хр. *wyrq-*, будд. *wyrk*, ягн. *urk/g*, хор. *ʷrk*, осет. — в имени собственном *Wærxæg*; хс. *birgga* и осет. *biræy* | *beræy* (заимствованное?) ‘волк’ [Аб. ИЭСОЯ I, 262–263]; мдж. нижн. *wyrγ*, верхн. *wyrγ*, йд. *wury*, ишк. *urk*, сгл. *wærk*, язг. *warg*; в языках шугнано-рушанской группы рефлекс закрепился за мужским родом.

шугн., хуф., барт. *wūrj*, руш., рош. *wurj* 'волк', а для обозначения волчицы использована частично древняя форма с наращением суффикса — рош. *warjan* (< **urkī-na-*, ср. хор. *'wrk'n [urgān]*), частично та же древняя форма, но перестроенная по аналогии с именами женского рода с суф. *-čī-: шугн. бдж., барт., хуф. *wirzin*, руш. *wurzin*. О табуировании названия волка см. 2.7.

'Медведь' — праиран. **r(s)ša-* из и.-е. **r̥kso-* или **r̥kpo-*: ав. *arša-*, кл. перс., тадж. *xirs* ~ согд. *'ššh*, осет. *ars*, хор. *hrs*, пшт. *yəž* (ж.р. *yəža*), ван. *yirž*, йд. *yərš*, шугн., барт. *yūrč*, руш. *yurč*, хуф. *yūrč*, сар. *yurč*, язг. *yūrč*.

'Лисица' — праиран. **raupa-*, **raupi-*, **rupaša-*, **raupaša-* — из и.-е. **lup-*, **ulp-*: ав. *raopi-*, *urupi-* — название животного, похожего на собаку; ср.-перс., кл. перс. *rōbāh* 'лиса', совр. перс. *rubāh*, тадж. *rūboh* ~ осет. *ruvas* | *rovās*; хс. *rrūvāsa-*, ишк. *urvesok*, зеб. *arves*, сгл. *v/wərvēs*, шугн. *rūpc*, руш., барт. *rūpc*, сар. *rapc*, язг. *rəpc* (**s* > **s* > *c* после выпадения *-a-).

'Заяц' — праиран. **śaha-* — из производного от и.-е. **kas-* 'серый': ср.-перс. *sahōg* {*shwk'*} 'заяц'; пар. *sahōk*, орм. *sikak* 'заяц' ~ хор. *s'k* < **śaha-ka-*; хс. *saha-*, пшт. *soy* м.р. 'заяц' (диалект вазири *sēya*, *sōya* ж.р.), ишк. *si*, зеб. *sūi*, йд. *siγ* (< **śāha-ka-*), вах. *сыу* 'заяц' [Ст.-К. ЭСВЯ, 326].

'Олень, лань' — **gauāzna-*, **gauāśna-* или **gauasna-* (о внутренней структуре композита см. в гл. I): ав.п. *gavasna-* — название животного [Barth. AiW, 510]; ср.-перс. *gavazn* {*gw'zn'*} 'олень, лань' [MacK. CPD, 36]; кл. перс. *gavazn* 'олень' ~ согд. будд. *γ'wzn-* (мн.ч. *γ'wzn'n*) 'олень', ман. *γwzn*, *γwznyh* [Gersh. GMS, 57, 185; Gharib Sogd. Dict., 162, 180]; хор. *γwzn'n* ж.р. 'олениха', *γwz(y)n* 'олень' [Benz. Chwar. Wort., 301]; осет. *qwas*, *qəwas* | *γəwanz* 'самка оленя, лань' [Аб. ИЭСОЯ II, 319–320]; пшт. *gawāzn* м.р. 'олень, марал' заимствовано из персидского [Morg. EVP, 24]; шугн. *gawaz(n)* 'олень' заимствовано из таджикского. Ср. хс. *ggūysna-* 'олень' (ср. несколько иную этимологию Г.Бейли [Bailey DKS, 87]). См. подробнее [ЭСИЯ 1, 292; ЭСИЯ 3, 207–208].

'Свинья; кабан (домашние или дикие)' — праиран. **hū-* > *xū-* из и.-е. **sū-*: *suu-os*: ав. *hū-* 'свинья; боров; кабан', ср.-перс., кл. перс. *hūk* (с поздним суф. -k), совр. перс., тадж. *huk* ~ осет. *xwу* | *хи*; отмечены многочисленные заимствования из персидского и таджикского в другие соседние языки (например, язг. *xəg* и др.). Подробнее см. [ЭСИЯ 3, 444–445].

'Дикий кабан; вепрь' — праиран. **uarāza-*: ав.п. *varāza-* 'кабан, вепрь' (и и.с. божества), кл. перс. *gurāz* 'дикий кабан' в переводе Авесты и *barāz* — то же (результат спонтанного развития слова),

тадж. кн. *guroz* 'дикий кабан; вепрь'. В живых восточноиранских языках продолжения не прослежены. Рефлексы отмечаются в скифском **warāza*- 'кабан' и в осетинских собственных именах, включая отмеченные в нартовском эпосе: *Wæraz*, *Wææzmæg* [Аб. Ск.-сарм., 307].

Основа **parśa*- 'поросенок; свинья' широкого распространения не получила; рефлексы единичны: курд. *purs* ~ хс. *pāsa* (< **parśa*-); о наличии ее в прошлом в большем ареале свидетельствуют ее заимствования в финно-угорские языки.

'Мышь' — праиран. **mūš*- из и.-е. **mūs*-: ав. *mūš*- — название потустороннего существа; ср.-перс. *muš(a)k*, кл. перс. *mūš*, совр. перс., тадж. *muš* 'мышь' ~ согд. *mwsš*, ягн. *mūš*, хор. *mwf*, осет. *mistæ* (с суф. -t-); пшт. *mǎža* 'крыса', *mužak* 'мышь'; в ваханском, ишкашимском, йидга, мунджанском — таджикские заимствования; в языках шугнано-рушанской группы, язгулямском, ваханском, ишкашимском названия мыши продолжают старый табуизм от основы **paru*- (см. ниже, 2.7).

'Червь' — праиран. **kṛmi*- (и **karmi*- ?) из и.-е. **k^wṛmi*-: ср.-перс. *kirm* 'червь, змея', кл. перс. *kirm* 'червь', тадж. *kirm*, *kirmak* ~ согд. *kyrm*, *qrm*, ягн. *kirm* 'червь'; осет. *kalm* 'змея, червь'; мдж. *kyrm* 'червь'; йд. *kurmo* 'скорпион'; шугн., хуф., барт. *čirm*, руш. *čirm*, сар. *čerm*, язг. *karm* 'червь, гусеница'.

'Змея' — праиран. **aži*- или **aji*- из и.-е. **ang^whi*-, **eǵhi*-: ав. *aži*- 'змея; змей, дракон' ~ хор. *uuz* 'змея' (< **aži*-), мдж. *yiž*, *iž* 'змея', то же — в производных, например, согд. *zōyh* [*zōaxā*], [*žōaxā*] 'змея, дракон' — заимствование из классического персидского или парфянского [S-W Sogd. Fr., 61]. Подробнее см. [ЭСИЯ 1, 297–298]. О табуированных названиях змей см. ниже, 2.7.

'Ёж' — праиран. **ažina*- (?) из и.-е. **eǵhi-no*-: осет. *wyžyn* | *užyn* 'ёж' (если это не результат ранних скифо-славянских контактов), подробнее см. [ЭСИЯ 1, 297–298]; в других иранских языках обычны новые описательные обозначения.

'Дикобраз' — праиран. **šukurna*-, связанное с обозначением собаки (?), или, скорее, композит 'игло-шерстный; с игольчатой шерстью': ав.п. *sukurəna*-; кл. перс. *sugur(na)*, бел. *sīkūn*, пар. *šuyur*, орм. *sukal* ~ пшт. *škōṇ*, *škūṇ* 'дикобраз' < **šukurna*-, диалект вазири *škīṇə*, см. [Morg. EVP, 73].

'Выдра' — праиран. **udra*- из и.-е. **udro*- 'водяной зверь' от **ūd*- 'вода': ав.п. *udra*- 'выдра; речная выдра'; ср.-перс. *udrak* ~ осет. *wyrd* | *urdæ* 'выдра' [Barth. AiW, 387; Mh. EWA-3, 215, 218; Аб. ИЭСОЯ IV, 120].

Обозначения ряда животных образованы от названий их окраски. В некоторых случаях это могут быть поздние табуированные названия

разновременного происхождения (см. 2.7), иногда — праиранские или древнеиранские описательные (не обязательно табуированные) обозначения.

‘Леопард, барс’ — праиран. **pard-*, **pṛd-*, **pṛdanaka-* из **pṛd-* ‘пестрый, яркий’: кл. перс., тадж. *palang* < **pṛdanaka-* и др. ~ согд. *pwrδ'nk* ‘барс’, осет. *fælank* | *færank* ‘барс, леопард’ [Аб. ИЭСОЯ I, 450], пшт. *pṛāng* ‘барс’; в части восточноиранских языков исконные слова вытеснены заимствованными, например, вах. *pəlang*, шугн. *palāng* заимствованы из тадж. *palang*.

К обозначениям животных коричневого, желтого цвета относятся продолжения **ba-bru-* > **babra-*, связанные этимологически с основой **baura-* ‘гнедой, темно-коричневый’. Обычно это обозначения тигра, леопарда, льва и т.п., ср. в западноиранских языках в виде *babr* (например, тадж. *babr* ‘барс’, см. гл. I); в восточноиранских языках отмечены лишь заимствования из западноиранских языков, например, пшт. *babár* ‘лев’, шугн. *babr(i)*, язг. *babr* ‘барс’. Подробнее об этих словах см. [ЭСИЯ 2, 153]. Рефлексы производных от корня **paiś-* : *piś-* ‘рисовать, писать; быть пестрым’, возможно, от относительного имени **piś-ja-* — вах. *pəs* ‘барс’, сар. *pis* ‘барс, леопард’ [Том., 762; Morg. IIFL II, 535]. (Любезно указано Л.Куликовым.)

‘Кошка’ — общее праиранское название отсутствует, хотя дикий («камышовый») кот здесь существовал. Предположительный корень **uḷp-*, который обозначал, по-видимому, небольшое животное и отразился в перс. *gorbe*, тадж. *gurba* ‘кошка’ < **uḷp-aka-*, в восточноиранских языках не прослежен. Наиболее часты производные от звукосимволического междометия *piš*, *piš* ‘кис-кис’ и т.п., см., например, шугн. *piš* ж.р., в сложениях и некоторых словосочетаниях также *piš* м.р.; реже — иные.

В. Птицы

‘Курица, петух’ — праиран. **kṛka-*, **kurka-* из и.-е. (очевидно, звукосимволического) варианта от **kerk-*, **kork-*, **krek-*, **krok-*: ав.п. *kahrka-* 1) ‘кукареканье»; 2) ‘петух’; далее по языкам с выработкой основ женского рода типа **kṛkā-* и **kṛkī-* (или с поздними перегласовками по типу основ на **-ā* и **-ī*) для обозначения собственно курицы, в отличие от петуха: ср.-перс., кл. перс. *kark*, перс. *kārk*, *kārg* ~ осет. *kark* ‘курица’, хс. *kṛnga-* ‘петух’ [Bailey DKS, 64]; пшт. *čərg* ‘петух’, мдж. *kíryə*, йд. *klrio* ‘курица’; язг. *karj* (по говорам также *karg*) ‘курица’ (ср. язг. *k'ərok* ‘квочка’ — заимствованное из таджикского диалектного); вах. *kərk* ‘птица, курица’; ишк. *kərčīn* ‘курица; куры’, см. также [Ст.-К. ЭСВЯ, 218].

Этимологически связанное с обозначением курицы название хищных птиц — орла, коршуна, ястреба, имеющее прототипом **krkāša-*, букв. 'куроед': ав.п. *kahrkāsa-* 'коршун, ястреб'; кл. перс. *kargas* 'коршун, ястреб'. В восточноиранских языках это обычно заимствования из персидского или таджикского: шугн. *kargas* ж.р. 'черный гриф; белоголовый сип (вид орла)'; ишк. *kargas*, йд. *karyəz* и др. [Morg. IFL II, 218, 399].

'Утка' — праиран. **āti-* из и.-е. **ati-*, **anti-* от **anət-* 'утка' — в восточноиранских языках рефлексy единичны: суффиксальные образования **āti-ka-* > пшт. *hiləy, heləy* 'утка'; мдж. *yelkə*, йд. *yēxko* (через этап **āḍka-*) и **āti-čī-* > **āḍčī-* > вах. *yoč* 'утка'. Осет. *acc* | *accæ* 'дикая утка' < **āti-ka-* или **āti-čī-*, хс. *āce, āci* собирают. 'водяная птица' и производные, см. [Аб. ИЭСОЯ I, 27; Ст.-К. ЭСВЯ, 429; ЭСИЯ I, 317–318].

Для обозначений вороны, галки, отчасти гуся и утки, а также других птиц с громкими и резкими голосами, в восточноиранских языках продолжают использоваться звуко-символические основы. Наиболее часты рефлексy производных от корней **žar-* и **gar-*: **jar-*: **gr-*: **grā-* (об их индоевропейских прототипах см. в гл. I), обозначавших 'кричать; крик' и др., относящихся также к крику птиц. Например: пшт. *zərk* (ж.р. *zərka*) 'каменная куропатка, кеклик' < **žarika-* (в ж.р. — с суф. **-ā*) [Morg. EVP, 103; Дыбо В.А. Афг. удар., 73]; ягн. *zirik*; мдж. *žəržə* 'куропатка'; йд. *žoržə*, шугн. *zarīz*, руш., барт. *zarēz*, хуф. *zarəz*, сар. *zarez* 'куропатка' (< **jārači-* или **žārači-* 'поющая', менее вероятно трактовка Г.Бейли **zariči-* от **zari-* 'быть красным, желтым', поскольку куропатка серая); язг. *žarāžg* — то же (< **jarači-* при возможной контаминации с **žarači-*; менее вероятен «чистый» прототип **žarači-* с последующей ассимиляцией **z-* — *-j-* > *ž-* — *-j-* в раннеязгулямском), ср. [С ГОЯШ, 29] и [Morg. EVSh, 109]. Ишк. *užirj* 'куропатка' (с наращением префикса или начальной части композита в виде **hu-* 'хороший, хорошо' или **ha-*, **aqa-* 'его' в раннеишкашимском, см. [Эд. Притяж., 98], ср. сгл. (Ю.) *wižiržir*, (М.) *wužiržir, wužiržir* < **jaraci-* или **zariči-*, ср. [Morg. IFL II, 278, 421; Эд. СГВЯ-Ф, 156]. О фонетических перебоях в связи с заимствованиями см. [Morg. EVSh, 109].

Ряд названий этой группы содержит корни типа **zag-*, **gaz-* и т.п., включая чисто символические (ср. перс. *zāy*): пшт. *zāy* м.р. 'ворона, ворон', *zāyāwāy* ж.р. 'баклан', *zāyčāka* ж.р. 'галка', *zāyca* ж.р. 'клушица, галка' (см. также [Morg. EVP, 101]); шугн. *žāž, žāj*, бдж. *žāž*, шхд. *žāy* 'альпийская галка; клушица', руш., хуф. *žāž* 'ворона, галка', сар. *žog* 'ворона' и т.д.

Другое обозначения вороны, восходящее к более раннему древнему (диалектному?) прототипу **x^varna-*, из древнейшего композита **ku-uarna-* (ср. рус. *ворона*, лит. *kóvarnis* [Morg. EVSh, 98]), если это не древнее диалектное звукоподражательное образование (о лит. *kóvarnis*, *kóvas* 'грач' см. также [Fr. LEW I, 284–285]); язг. *x^oorn* 'ворона', шугн., барт. *xūrn* ж.р., шугн.-барв. *xurn* 'ворона', сар. *xern* 'ворон(а)' (Г.Моргенштерне [Morg. EVSh, 98] приводит также руш., хуф. *xūrn*, однако в словарях они отсутствуют). Возможно, сюда же относятся ст.-вандж. *kirna*, *kərna* 'ворона', сгл. *xarn*, ишк. *kurni* 'ворона', мдж. *xon*, йд. *xun*, если они продолжают с искажениями более раннее **k^oərna-ka-*. О модели образования композитов с **ku-* и **ka-* в восточноиранских языках см. ниже, с. 234–238.

Особняком в этой группе стоит название журавля, которое может в отдельных восточноиранских языках продолжать индоевропейское: осет. название журавля *zærnyg*, *zyrnæg* 'журавль' < **žar(a)nuka-* с метатезой гласных **žur(a)naka-* может быть из и.-е. **gereno-* от **ger-* с вариантом **gar-* 'издавать крик', см. подробнее [Аб. ИЭСОЯ IV, 304]; хор. *zwnk* 'журавль' (от прототипа с анлаутным **j-* или **ž-*, см. [Henn. Khwar. Lg., 430]; см. также [S-W Sogd. Fr., 60]), там же — о перс. *durnā* 'журавль' < **žrna-*. Подробнее об этой группе слов см. [Аб. ИЭСОЯ IV, 304]. К ним примыкает пшт. *zāṇau* м.р. 'журавль' (ж.р. *zāṇa*) из **jārnaka-* (ж.р. **jārna-* + *ā*) [Morg Ir.-1942, 264–265].

Г. Насекомые

'Вошь' — праиран. **suiš-* ав. *spiš-*, тадж. *šabuš* ~ согд. *špšh*, пшт. *spəža-* (ж.р., вост.) 'вошь', вах. *šiš*, шугн. *sipaṣ*, барт. *sipāw*, руш., хуф. *sipaw*, сар. *s(y)pal*; язг. *s(ə)raw*; ишк. *s(b)pyl*, сгл. *səpəl*, *spəl* 'вошь' [Morg. EVP, 69; Эд. СГВЯ-Ф, 84; Ст.-К. ЭСВЯ, 330–331]. См. также обозначение гниды — праиран. **likša-*, **rikša-*: ср. перс. *rišk* ~ осет. *lysk^e*, язг. *raḥk*, шугн. *raḥč* 'гнида' < **riška-* < **rikša-* [Аб. ИЭСОЯ II, 56]; о периоде прохождения метатезы в этом слове см. [Эд. СГВЯ-Ф, 61].

'Муравей' — праиран. (диал.?): **mar-*, **mur-* из и.-е. *mor-u-* / **uor-m-*, связанного с обозначением червя: тадж. *mur*, *murčak* 'муравей' и производные (с нерегулярными фонетическими изменениями): пшт. *meṣau* [Morg. EVP, 50], вах. *mir-prič* 'муравей' [Ст.-К. ЭСВЯ, 234]; ср. заимствованные из таджикского с изменениями: язг. *marčək*, руш., хуф. *murčak* и др.

'Блоха' — праиран. **frušā-* / **prušā-*, **frušt-* — из арийск. **plušā-*, **plušt-*, восходящего к индоевропейским вариантам и.-е. **plus-*, **pusl-*, **psul-*, ср. также и.-е. **blou-*, **bhlou-*: *blusa-*, *bhleusa-* 'блоха' и производные от и.-е. **preu-* 'прыгать, скакать': орм. кан.

š'ak 'блоха' (мн.ч. š'ačī) < *fruš-ka-, пар. ruč — то же < *rhuč < *fruč- [Morg. RLMA, 22] или *fruši-či- [Morg. IIFL I, 283, 409] ~ в восточноиранских языках: согд. будд. 'βš', 'βš'h [(ə)fša] (< *frušā-) [Gersh. GMS, 50, 179; Gharib Sogd. Dict., 20] 'блоха'; хор. frwf (или βrwf) < *frušā- [Henn. Khwar. Lg., 433; Henn. HbO, 110; Henn.-MacK. Khwar. Dict., 38; Benz. Chwar. Wort., 275]; пшт. wrāža 'блоха', диал. вазири wrāža, wrāžyē, в других диалектах также wrāyi, wragyē и т.п. 'блоха' < *frušā- или, по Г.Моргенштерне, *brušā- [Morg. EVP, 91] (отсутствие в исконной лексике пашто фонемы f делает возможными оба варианта); мдж. нижн. friya, верхн. friga 'блоха' < *fruši-ka- [Гр. ОИЯ, 172, 179], йд. frīyo < *fruši-kā- [Morg. IIFL II, 208]; шугн. firēžz 'блоха' (< *frāy-či- из более раннего *friž- < *f/pluši- с последующим наращением *-či [С ГОЯШ, 49]); язг. f(ə)rəš 'блоха' (< *pluši- + -či-, ср. несколько иначе [Morg. EVSh, 33]). Сюда примыкают названия разных вредоносных насекомых, несколько отличающиеся фонетически (возможно, в результате поздней суффиксации или табуирования), например, пшт. brāža, wrāža ж.р. 'клещ (верблюжий и крупного рогатого скота)' (< *f/pruš(i)-čī- + поздний суф. ж.р. *-ā-, ср. [Morg. EVP, 89] без этимологии, но при сравнении с согд. pr'z'k [f'rāzāk] — название ядовитого насекомого); пшт. brez ж.р. 'клоп' < *f/pruš(i)-či- (?) при контаминации с названиями блохи или с производными от корня *bar- в значении 'жесть, саднить'; то же — вах. prič 'гусеница, червь' (< *prūčī- или *pruš(i)-čī- [Ст.-К. ИФВЯ, 185; Ст.-К. ЭСВЯ, 267], шугн. birēz 'луговой червь, вредящий овцам; болезнь овец от лугового червя' (ср. этимологию *upa-raičī- [Morg. EVSh, 20], хотя не исключена и ассоциация с шугн. bīr 'низ, внизу'). Сравнения и этимологии см. также [Ст.-К. ЭСВЯ, 315–316; ЭСИЯ 3, 79–80].

'Саранча, кузнечик' — из праиран. *madaxa-, ср. ав.п. мадахам.р., мадахā- ж.р. 'саранча' (дэвовское животное); кл. перс., тадж. malax (с l < *d из восточноиранского или северо-западного источника), ср. прототип *madika- [Hübschmann PSt., 100] ~ хор. mḏx [Henn. Khwar. Lg., 15]; осет. ирон. mætyx 'саранча, акриды' (с оглушением *d > t) [Аб. ИЭСОЯ II, 108]; пшт. malax; бактр. μαλαχο 'саранча, кузнечик' [S-W Bactr. Doc. II, 230]; язг. daḏīx 'кузнечик, саранча' < *madaxa- с ассимиляцией первого согласного или с нарочитым искажением при табуировании. Еще большее искажение (или звуковая символика?) в шугн. židīšk 'кузнечик', руш., хуф. žadušk (см. [Morg. EVSh, 110] без этимологии), сар. malox 'кузнечик, саранча' (заимствовано из таджикского).

'Муха, москит; комар' — из праиран. *makša-, *makša-, makaša-: ав. maxsī- ж.р. 'муха', кл. перс., тадж. magas; в восточноиранских

языках — продолжения с различной полнотой огласовок и деформацией слова, возможно, в результате различия древних диалектных вариантов и/или табуизма: согд. будд. *mwṣšk*, пшт. *māšay* ‘комар; мошка’, мдж. *maṣsa*, йд. *moṣuso* ‘муха’; мдж. *mōxši*, йд. *maxšē* ‘москит’; язг. *magas* ‘муха’ (заимствование из таджикского), хс. **māšā* ‘муха; пчела’ [Bailey Prolexis, 278; Ст.-К. ЭСВЯ, 231].

‘Оса, шершень, пчела’ — в большинстве восточноиранских языков отражено праиран. **uabzā-* < и.-е. **uobhsā-* ‘оса, шершень, пчела’. Например, йд. *wofšīo* ‘мелкая оса’ [Morg. IIFL II, 261], мдж. *wafšiyo* (там же), *wāfšiya* ‘пчела, оса’ [Гр. Мундж., 373], *wāfšiya* ‘оса, овод. слепень’ [Зар. Мундж., 174], ягн. *yužvik* ‘оса’ [ЯТ, 260]. См. также осет. *ævz-*, *æfs-* в производных словах: осет. *ævzænzū* | *ævzænzō* ‘второе роение’, *æfsyz* | *æfsiz* ‘выделившийся второй рой’; осет. диг. *ævzæp* ‘пчелиный рой, из которого выделяется второй рой’ < **uabza-na-* и осет. диг. *ævzæyod* ‘внутренняя крышка улья’ < **uabza-gauda-* из **uabza-* ‘пчела, оса’ и основы глагола **gaud-* ‘укрывать, накрывать’; осет. диг. *ævzak^εæ* ‘пчелы, прибавляемые в малочисленный улей для усиления’, *ævzænpure*, *ævzæk^εec* — названия медоносного растения; ср., однако, обозначение рефлексам этого же прототипа других жалящих и жужжащих насекомых. Об обозначении пчелы см. в [Аб. ИЭСОЯ I, 208, 210]. Характерно, что общее восточноиранское обозначение именно медоносной пчелы, в отличие от осы и т.п., отсутствует. Имеются описательные названия, звуко-символические, табуированные слова и т.д., например, осет. *mydybynz* | *mudbinzæ*, букв. ‘медовая муха’ (ср. типологически сходное построение др.-инд. *madhu-māraka-* ‘пчела’).

2.4.1.5. Названия частей тела и внутренних органов

‘Голова’ — праиран. **śarah-* из и.-е. **k^her-es-* от корня **k^her-*, **k^herə-*: ав. *sarah-*, ср.-перс., кл. перс., тадж. *sar*; совр. перс. *sār* ~ ягн. *sar*, мдж. *pūsyar*, йд. *pusur* ‘голова’ < **pati-* + **śarah-*.

Композит **ka-mrda-* из вопросительно-восклицательного местоимения **ka-* и именной основы **mrda-*, **marda-* ‘голова, череп’: ав. *ka-mərəda-* ‘голова (дэвовского существа)’ с пейоративным оттенком, букв. ‘что за голова’; ср.-перс. (пехл.) *ka^hmāl* — то же ~ однако хс. *ka^hmala-* ‘голова’ → ‘личность; начало’ (ср. также бактр. *ka^hmīrdo* — имя или титул некоего божества < **ka^hmrda-* ‘голова; глава, некто главный’ [S-W Bactr. Doc. II, 220]); йд. *k^hemalyo* ‘череп’ — без пейоративного оттенка. Возможна также частичная контаминация с заимствованным из индоарийского источника **kapala-* ‘череп’.

‘Бровь’ — праиран. **(a)brū-*, диал. также **afrū-* из и.-е. **bhrū-*: первый прототип продолжен в ав. *brvat-*, кл. перс. *abrū*, совр. перс. *ābru*, тадж. *abru* ~ согд. *βr'wk*, ягн. *vəruk*, хор. *βrwc*, хс. *brrauка-la-*, пшт. *wruṣa*, мдж. *vrīga*, *vrīṣa*, йд. *vriṣo*, шугн. *virūṣ*, бдж., руш. *viraw*, язг. *v(ə)raw*, ишк. *vrīc*, сгл. *vṛīc* (с суф.), вах. *vrəw*; рефлекс второго прототипа — осет. **rfyg* | *ærfug* ‘бровь’. Подробнее см. [ЭСИЯ 1, 75–77].

‘Глаз; глаза’ — праиран. **čašman-* < **čaśšman-*: ав. *čašman-*, др.-перс. *čašman-*, парф. ман. *čšm*; ср.-перс., кл. перс., тадж. *čašm*, совр. перс. *čāšm* ~ согд. будд. *čšm-*, ман. *čšm-*, *čтуу*, хр. *čšm-*, *čту*; хор. *ст* ‘глаз’, осет. *casm*, *cans* ‘петля, силок’, *cæst* | *cæstæ* (с суф. *-t*) ‘глаз’; хс. *tceimā*, *tce* ‘глаз’; мдж. *čom*, йд. *čam*, шугн. *cēm*, язг. *čam*, *čām*, ишк. *com*, сгл. *cām*, вах. *čəžm*. Подробнее см. [ЭСИЯ 2, 238–239], там же литература.

‘Глаз(а); очи’ — праиран. **axš-*, **aš-* из индоевропейского производного от и.-е. **okʷ-* ‘видеть’: ав. *aši-* дв.ч. ‘глаза’; в поздних иранских языках в самостоятельном виде не прослеживается. Рефлексы наблюдаются в глагольных основах: хор. *βухū-*, *’βуху-* ‘учить, заучивать; запоминать; воспринимать’ и др., материал см. [ЭСИЯ 1, 281–283].

‘Ухо; уши’ — праиран. **gauša-* связано с глагольным корнем **gauš-* : **guš-* ‘звучать; слышать’: ав. *gaōša-*, др.-перс. *gauša-*, ср.-перс., кл. перс. *gōš*, совр. перс. *guš*, тадж. *gūš* ~ согд. *γwš*, ягн. *γиш*, хор. *γwx*, хс. *ggiva-*, осет. *γos*, пшт. *γwaž*, шугн. *γūṣ*, руш. *γōw*, барт. *γи*, рош. *γиʷ*, сар. *γewl*, язг. *γəvon*, ишк. *γūl*, мдж. *γūu*, йд. *γū*, вах. *γiṣ* ‘ухо; уши’ [Ст.-К. ЭСВЯ, 188; ЭСИЯ 3, 250 и сл.].

‘Ухо; уши’ — праиран. **auš-* : **uš-* из и.-е. **ōus-* : *aus-* : *us-*: ав.п. *uš-* ср.р. 1) ‘ухо (ахуровских существ)’; 2) ‘слух; слышание; понимание; разум’, дв.ч. *uši-* [Barth. AiW, 414]; ср.-перс. *ōš*, *hōš* ‘разум; сознание’ ~ согд. *’šy* ‘память’; хор. *’ws* ‘внимание, понимание, чувство’, материал см. также [ЭСИЯ 1, 268–269].

‘Зуб; зубы’ — праиран. **dantan-*, **dantān(a)-*, **dant-* из и.-е. **dont-*, **dent-* ‘зуб’: ав.п. *dantan-*, ср.-перс., кл. перс. *dandān*, совр. перс. *dāndān*, тадж. *dandon* ~ скиф. **danta-*, мдж. *lod*, *lond*, йд. *lad*, язг. *ḍān* (мн. ч. *ḍəndāḍ*), ишк. *dond*, сгл. *dant*, зеб. *dōn(t)*; с суф. **-aka*: мдж. *londəu*, согд. *ḍni’k*, ягн. *dindak*, хор. *ḍnck*, осет. *dəndak*, хс. *dandaa*, *dandai*, вах. *dəndək*. Подробнее см. [ЭСИЯ 2, 329–331].

‘Язык’ — праиран. **hižūā-* : *hižū-* — из неясного арийского прототипа, предположительно **jijhūa-* (ср. др.-инд. ведич. *jihvā-*, *juhī-*) при последующей диссимиляции, различной для праиранских и праиндоарийских диалектов. Может быть возведено к индоевропейскому (возможно, диалектному) прототипу **giğhūa-* — редулицированной основе глагола **gheu-* : **ghūā-* ‘звать, взывать’. Праиран. **hižūā-* : *hižū-*

в большинстве иранских языков после древнего периода имеет тенденцию к утрате первого слога, возможно, в результате дальнейшей ассоциации с глаголом **zāu-* : **zūā-* ‘звать, вызывать’, с отражением **zū-* в виде **zb-* (аналогично **śū-* > **sp-*), а также к наращению субстантивизирующих суффиксов: в западноиранских — суф. **-ān(a)-* (по мнению Г.Моргенштерне, по аналогии с **dantān-* ‘зуб; зубы’ [Morg. IFL II, 425]), в восточноиранских — суф. **-ka-*. Ср. ав.п. *hizvā-*, *hizvah-*, ав.г., п. *hizū-* ‘язык’, в композитах также ав.п. *hizu-* ‘язык’; др.-перс. *hizū-*, *hizan(a)-*; далее в западноиранских языках ближайший прототип — **zvān(a)-*: ср.-перс. *uzvān*, ман. *izvān* ({’wzw’n}, ман. {’zw’n}) ‘язык’ [Nyb. MP, 200; MacK. CPD, 85; Boyce WL, 25]; кл. перс. *zabān*, дари *zobān* / *zabān*, совр. перс. *zābān*, тадж. *zabon* (ср. тадж. диал. вандж. *zunuk*, дарв., кар. *zuṇun*, *zuhun*) ~ в большинстве восточноиранских языков — от праформы **zūā-ka*, реже без суффикса **zūā-*, возможно, при дальнейшей контактировании с рефлексами образований от **zūā-* ‘звать, вызывать’: согд. будд. *zβ’’k*, будд., ман. *’zβ’k(’)*, (’)*zβ’’k*, *zβ’k-*, *zβ’k*, хр. *zβ’q* [*zəvāk*, *žvāk*] < **hižūā-ka-* [EGS I, 20; Henn. BBB, 92; Gersh. GMS, 13, 38, 57; Ливш., Хр. ОИЯ, 377, 394], ягн. *živók*, *živóq*, *ziwók* [ЯТ, 368] (через этап **zbāka-* < *(*hi*)*zūā-ka-*); хор. *z^hβāk*, *əzvāk* {’*zβ’k*, *zβ’k*} ‘язык’ [MacK. Khwar. Elem., 126]; осет. *yvzag* | *əvzag* ‘язык’ [Gersh. GMS 13, 38, 148; Бенв. Оч. осет., 27; Аб. ИЭСОЯ IV, 279–280]; пшт. *žāba* ж.р. ‘язык’, диал. вазири *žabba* (через этапы **ziba* < **izbā* < *(*hi*)*zūā-*, хотя Гейгер считал это слово заимствованным из синдхи *jibha*) [Morg. EVP, 105]; ван. *zəba*; мдж. нижн. *zəvīy*, верхн. *zəvūg* анат. ‘язык’; йд. *z^hvīy*, *zlbēy* ‘язык; tongue’ (через этап с **-b-*: **z(ə)bāka-* < *(*hi*)*zūā-ka-* (ср. [Morg. IFL II, 276]); шугн., руш., хуф., барт., сар. *ziv* ‘язык (в обоих значениях)’ [Morg. NTS I, 79; С ГОЯШ, 86, 122] (< **z(ə)bā-(?)* < *(*hi*)*zbā-* < *(*hi*)*zūā-*); язг. *z(ə)veg* ‘язык (в обоих значениях)’ (< **z(ə)bāka-* < *(*hi*)*zūā-ka-*, ср. [Morg. EVSh, 109; Ed. Hist. Cons., 301], иначе [Gauth. NYazg., 270]). Тот же прототип у ишк. *z(ə)vūk*, сгл. *zəvūk*, *zəvuk*, *zəvūk* ‘язык, речь’ [Morg. IFL II, 425]. Вах. *zik* ‘язык’ из праформы *(*hi*)-*zūka-*, ср. ав. *hizū-* [Ст.-К. ЭСВЯ, 437]; хс. *bišān*, ном.-акк. ед.ч. *bišā* ‘tongue’ [Bailey DKS, 290] может быть результатом метатезы из **zūā-n-*. Г.Бейли склонен связывать это слово с корнем **sā-* : *si-* ‘острый; заострять’ [Bailey DKS, 290], что фонетически и семантически труднопредставимо. Подробнее см. [ЭСИЯ 3, 403–405].

‘Нос’ — праиран. **nah-* : *nāh-*, перед глухими согласными также **nas-* : *nās-*, из и.-е. **nas-* : *nās-*: ав., др.-перс. *nāh-*. В некоторых восточноиранских языках с разновременными суффиксами: согд. будд. *nns*, ман. *ns*, ягн. *nais*, *nec*, *nīs* ‘нос’ (< **nasja-*? или **nās-čī-*);

согд. будд. *нуś* 'ноздри' < **nāhikā*- [Gersh. GMS, 39] или **nāh-čī*- [Morg. Ir-Dard., 103 и сл.]; шугн. *nēz*, руш., хуф., барт., рош. *nēz*, сар. *noz*, язг. *nej*, ишк. *niś* 'нос' (< **nāh-čī*-).

'Лицо; передняя, лицевая часть; лоб' — праиран. **anīka*- — из арийск. **anīka*- — рефлекса производного от и.-е. **eni*-: ав.п. *ainika*- 'лицо; лоб; передняя часть', курд. *ani*, *ə'ni* 'лоб'; ср.-перс. *pēš-ānīk*, кл. перс. *pēš-ānī* 'лоб' ~ осет. *нух* | *ниx* 'лоб; лицевая часть; выступ' < **anika*- [Аб. ИЭСОЯ II, 218–219] и производные осет. *нухтæ* | *нихтæ* 'против' (там же, 221); хс. *īñā*, *īñā* 'перед; возле; в присутствии' и производные от хс. *īñā*- 'присутствие' [Bailey DKS, 31–32]. Подробнее см. [ЭСИЯ 1, 171–172].

'Рука' — из праиран. **zásta*- из и.-е. **ǵhesto*- при контаминации с **dasta*- различной этимологии, связанной с понятием руки, см. гл. I; подробнее об исходных формах см. также [ЭСИЯ 2, 371 и сл.]. В восточноиранских языках отражается прототип **dasta*-. Считать его результатом персидского влияния едва ли возможно (это было бы анахронизмом): отражение анлаутного **d*- в виде закономерных для этих языков рефлексов *δ*- и *l*- должно было произойти прежде, чем могло начаться персидское воздействие на восточноиранские языки. См. отражение данного прототипа: согд. будд. муг., ман. *δst*-, хр. *dst*-; хс. *dasta*-, пшт. *lās*, мдж. *lost*, йд. *last*, бактр. *λιστο* 'рука' (и производное *λιστοβαυδιγο* 'браслет') [S-W Bactr. Doc. II, 227]; шугн., руш., хуф. *δust*, руш. также *δost*; барт., рош. *δōst*, сар. *δyst*, язг. *δūst*, вах. *δast*, *dast* (последнее — при контаминации с тадж. *dast*). См. подробнее [ЭСИЯ 2, 371 и сл.].

Праиран. **bāzu*- 'рука; верхняя часть руки' из и.-е. **bhaǵhu*-: ав. *bāzu*- 'рука', кл. перс. *bāzū* (< **bāzū-ka*-), совр. перс. *bāzú*, тадж. *bozú* 'верхняя часть руки' ~ согд. ман. *β'z* 'рука'; хс. *bāysū*- 'рука; верхняя часть руки'; осет. *bazyg* | *bazug* 1) 'рука выше локтя; плечевая кость'; 2) 'передняя нога туши животного; крыло убитой птицы' [Аб. ИЭСОЯ I, 242]; пшт. *oza* 'предплечье' < **bāzū-ka*- при контаминации с пшт. *oza*; вазири *wōzai* 'предплечье; кость руки' < **bāzu-ka*- [Morg. Ir.-1942, 262]; йд. *vīzua*, мдж. *vizy*, *vīzy* 1) 'рука выше локтя'; 2) 'икра ноги'; сар. *vuzg* 'рука от плеча до локтя'. Ср. заимствования из таджикского: шугн. *bōzi* 'плечо, верхняя часть руки'; барт. *bōzū*, язг. *bazow* 'верхняя часть руки' и др. Подробнее см. [ЭСИЯ 2, 161–164].

Праиран. **arma*- : *rma*- 'рука' — из и.-е. **arə-mo*- : *ǵ-mo*- 'рука': ав. *arəta*- ~ осет. *arm* | *ar(m)*, йд. *yārmē* 'верхняя часть руки, ноги', вах. *yurm* 'верхняя часть руки'; хс. *ār-ra*- 'рука, ладонь' [ЭСИЯ 1, 225–226]. Соотношение рефлексов **bāzu*- и **arma*- в древних восточноиранских диалектах, как и в праиранском состоянии, неясно.

‘Локоть; локтевой сустав’ — праиран. **aratni-*, **aratna-* и диалектное **arīnā-* из индоевропейских имен от корня **el-* : *eļēi-* ‘сгибать(-ся)’: ав. *arəθna-*, др.-перс. *arašni-*, ср.-перс. *aranj* (заимствовано или из **arəθna-čī-*?) > тадж. *orinj* (скорее всего — из согдийского) ~ согд. будд. *’r’ynj*, хр. *’rynč* (< **aratni* + **-čī* или **-ika*, см. [Gersh. GMS, 39]), ягн. *ōrīnj*, *ōrūnj* ‘локоть’; осет. *-ærin* | *-ærinæ* ‘локоть’ (в композитах); хс. *arīne* прил. ‘локтевой’, сар. *yorn* ‘локоть’, а также в композитах: вах. *brət* (< **dua-aratni-*) ‘локоть’ (ср. вах. *arət* ‘локоть (мера длины)’); шугн. шхд. *wixčērn*, гнд., бдж. *xičērn*, руш. *wixčērn*, барт., рош. *xičīrn* ‘локоть’ < **huška-aratni-* [Morg. EVSh, 94], язг. *səmərn* (< **sām(īa)-aratni*) ‘локоть’ [Ст.-К. ЭСВЯ, 86, 103]. Подробнее см. [ЭСИЯ 1, 213–215].

‘Плечо, плечевой сустав’ — праиран. **supti-* из и.-е. **krupti-* или **skrupti-* ‘плечо’: ав. *supti-* ‘плечо’, ср.-перс., кл. перс. *suft* ~ осет. *syfc* | *sufcæ* — то же (только в сочетаниях), хс. *suti-*, *sve-* ‘плечо’, мдж. *səvdə*, *syvdə*, йд. *suvdo* ‘плечо; наплечная лямка корзины’; шугн., хуф., барт. *sīvd*, руш. *sivd*, сар. *sevd* ‘плечо’, ишк. *səvd*, сгл. *səvd*, зеб. *sovd* ‘плечо’.

‘Плечо; лопатка’ — праиран. **fšāna-* с неясной более ранней историей: ср.-перс. *šānak*, *šānag* ‘гребень; вилы’ и ‘лопатка (анат.)’ [MacK. CPD, 79], кл. перс. *šāna* ‘плечо’, совр. перс. *šāne* ‘плечо’, тадж. *šona* ‘плечо’ ~ согд. будд. *š’n’kh* ‘подошва ноги, плюсна’ (этимология **srāuni-* ‘бедро’, приведенная в [Gharib Sogd. Dict., 369], не подходит ни фонетически, ни семантически); ягн. *šona* анат. ‘часть кости тела’ заимствовано из таджикского *šona* ‘плечо’; йд. *šfina*, *šfino*, *šfuna* ‘подъем стопы ноги’ (ср. хазара *šāne-i pāy*), йд. *rašan* ‘подъем (ноги), подошва’ < **fra-fšana-* [Morg. IIFL II, 244]; хс. *kšāna-* ‘плечо, лопатка’ < и.-е. **psen-* [Bailey DKS, 67], подробнее см. [ЭСИЯ 3, 88].

‘Нога’ — праиран. **pād-* из и.-е. **pēd-* : **pōd-* ‘нога’: ав.г., п. *pad-* : *pād-* м.р. ‘нога’, др.-перс. *pād-*, ср.-перс., кл. перс. *pāy* ‘нога’, совр. перс. *pā(y)*, тадж. *po(y)* ~ согд. будд. *p’δ(’)k*, *p’δ*, ман. *p’δy* ‘нога’, ягн. *póda* ‘нога’, осет. *fad*, пшт. в композите *calor-bolay* ‘четвероногое’ (о пшт. *pša* ‘нога’ см. ниже); мдж. *pālə* ‘нога’, йд. *palo* ‘нога’ [Morg. IIFL II, 236]; шугн. *pōd*, руш. *pūd* ‘нога’; язг. *ped* ‘нога’, ишк. *pu(d)*, сгл. *pūd*, вах. *pad*, *pad* ‘нога’.

‘Ступня, стопа’ → ‘след ноги’ — праиран. **pada-* из и.-е. **ped-*, **pod-*, **pedo-* ‘след ноги’: ав.г. *pada-*, ав.п. *paða-* ср.р. ‘ступня, стопа; след ноги’, др.-перс. *pada-*, ср.-перс. *pay* ‘нога; стопа; след’, кл. перс., тадж. *pay*, совр. перс. *pāy* — то же ~ ягн. *pad*, *pat* ‘ступня, след’, осет. *fæd* ‘след’, пшт. *pal* ‘ступня ноги; след ноги’, мдж. *pāl*, йд. *pol* ‘след ноги’ [Morg. IIFL II, 236], шугн. *pīd*, язг. *pūd* ‘след; подошва’, вах. *pud*, *pūd* ‘след’.

‘Колено’ — праиран. **žānu-* и **žnū-* > **šnū-*, **žnū-* из и.-е. **ǵenu-*, **ǵneu-* : **ǵnū-*: 1) из **žānu-*: шугн. *zūn*, руш., барт. *zōn*, сар. *zun*, язг. *zəp* ‘колено’; с суф. **-ka-*: ср.-перс. *zānūg*, кл. перс. *zānū*, совр. перс. *zānu*, тадж. *zonu* ~ согд. будд. *z’nwk’*, ягн. *zonk*, *zunk-*, осет. *zonyg* | *zonug* ‘колено’, хс. *ysānū*, *ysānū* — то же; мдж. *zīng* (верхн. *zūg*), йд. *zīk*, *zīg*, ишк. *zəng*, сгл. *zūng*; пшт. *zangun* (с вторичным суффиксом); 2) из **žnū-*, **šnū-*: ав. *žnū-*, *šnū-*, *xšnū-*; с суф. **-ka-*: ср.-перс. *šnūk*, **šnūg* ~ согд. будд. *j(n)wwq* ‘колено’. О вторичном вах. *brin*, *b^ərin* ‘колено’ см. [Ст.-К. ЭСВЯ, 102], см. также ниже, с. 155.

‘Палец (руки и ноги)’ — праиран. **anguli-*, **anguri-* и **angušta-*, **angusti-*: 1) из **anguli-* (и возможного варианта **anguri-*): бел. *angul*, маз. *engel* ‘палец’ ~ осет. *æng^oylz* | *ængulzæ* < **angur/l(i)-ti-* [Аб. ИЭСОЯ I, 161], вах. *yangl*, *yangl(ə)k* ‘палец’ и производные, например, вах. *pčangl* ‘наперсток’ < **pati-anguli-* [Ст.-К. ЭСВЯ, 250, 421]; 2) из **angušta-* (и возможного варианта **angusti-*): ав.п. *angušta-* ‘палец (руки и ноги)’; кл. перс., тадж. *angušt*, совр. перс. *āngošt* ~ согд. ман. *’ngwšt*, будд. *’nkwšt*, ягн. *unkušt* (и заимствованное из таджикского *angušt*); пшт. *gūta*, *gwāta*, *gwūta*, диалект вазири *guta*, ван. *nəgut*, мдж. *əgūškə*, йд. *oguščo*, шугн. *angixt*, бдж., руш., барт., рош. *ingaxt*, сар. *i/yingaxt*, *i/ūngaxt* ‘палец’ (при возможной контаминации с таджикским заимствованием); язг. *γ^oaxt* (с закономерным отражением **-gu-* > *γ^oa-* при *i*-умлауте рефлекса праиран. **-u-*); ишк. *ingit*, сгл. *ingīt* ‘палец’ (в язгулямском, ишкашимском и сангличском — из **angusti-*); хс. *hamgušta-*. Отмечаются производные обозначения кольца, перстня, наперстка, например, пшт. *gwətgāy* ‘перстень’, диалект вазири *gutyē* ‘кольцо’ (с закономерным отражением **-št-* > *-t-*); мдж. *pəryəškə/ыу*, *pəryuškə/ыу*, йд. *paguščē* ‘кольцо’ (< **pari-(an)gušta-ka-*), язг. *pəry^oaxt* ‘кольцо’; вах. *pləngəšt* ‘перстень’ и др. Подробнее о рефлексах этой пары синонимов см. [Эд. «Малые» языки, 235–236; ЭСИЯ I, 168 и сл.], см. также гл. I, с. 57.

‘Рог; ноготь’ — праиран. **srū-*, **srūā-* из и.-е. корня **ker-*, **kereu-* с наращениями: ав.п. *srū-*, *srūā-* 1) ‘ноготь’; 2) ‘рог (животного)’ ~ осет. *sy* | *siwæ* ‘рог’, хор. *šw* ‘рог’, хс. *šsu-*, *šū-* ‘рог’, пшт. *škar*, ван. *šukar* ‘рог’ (< **srū-ka-* с метатезой), мдж. *šyw*, йд. *šū* ‘рог’, барт. *šaw*, руш. *šāw*, сар. *šew* ‘рог’, язг. *šow* ‘рог’, *šək* (< **srū-ka-*) ‘ноготь’; сгл. *šōw*, вах. *šəw* ‘рог; рога’ [Ст.-К. ЭСВЯ, 350]; ишк. *šox* ‘рог(а)’ — заимствовано из таджикского.

‘Копыто’ — праиран. **śapa-* / **śafa-* из и.-е. **kopho-* ‘копыто’: ав.п. *safa-* ‘копыто (лошади)’ ~ осет. *sæftæg* ‘копыто’ (с суф. **-t-* и **-aka-*) [Аб. ИЭСОЯ III, 55–56], пшт. *swa* ‘копыто’, хс. *saha-* ‘копыто’ [Bailey DKS, 423]. Сходные фонетически слова, например язг. *sarak* ‘тапочки’, язг. *sapal* ‘кисть (человека); лапа (животного)’, вах.

spal, *səpal* 'лапа (собаки, волка); ступня (верблюда)' — заимствованы из таджикских диалектов. Ср. заимствования из ранневаханского в соседние неиранские языки: кхов. *suprik*, верш. *sapa* 'копыто', буруш. *sap* 'подкова' [Ст.-К. ЭСВЯ, 314]; об иранском источнике рус. *сапог* см. [Трубачев Слав.-ир. лекс., 39 и сл.; Аб. ИЭСОЯ III, 56].

'Пятка' — праиран. **pāršni-*, **pāršna-* из и.-е. **persnī-*, **persnā-*: ав.п. *pāšna-* 'пятка', тадж. *pošna* 'пятка, каблук' ~ согд. *pšn*, хс. *pārṛā* 'пятка', пшт. *pṣa* (< **paršna-* + **-ā*) 'нога', мдж. *pāṅgiyā*, йд. *pāṅio* 'пятка', шугн. *pērnak*, руш. *pērnak*, барт., рош. *pōrnak* 'пятка, каблук' (< *pāršni/a-* + поздний суф. *-ak*), вах. *pošt* 'пятка' (с отражением *-št* < **-šn* < **ršn-*) [Ст.-К. ИФВЯ, 75; Ст.-К. ЭСВЯ, 266]. Язг. *poḥna*, руш. *pōḥna*, вах., сгл., ишк. *pošna* 'каблук' заимствованы из таджикского (вместе с реалией).

'Ягодицы, зад; бедра' — праиран. **śrauni-* из и.-е. **klouni-* от **kleu-* : **klō(u)-*: ав.п. *sraoni-* 'зад' ~ согд. *šwn* 'бедра', хор. *šwnc* — то же; осет. *sīn* | *sujnæ* 'бедро' [Аб. ИЭСОЯ III, 110]; пшт. *ṣṇa* 'нога от бедра вниз'; мдж. *šinə*, *šina* 'зад'; йд. *šino* 'vulva', шугн., руш., барт. *ḫūn*, рош. *ḫun*, сар. *ḫewn*, *ḫawn* 'ягодицы'; ишк. *šen* 'зад', *ṣṇj* 'бедро, ляжка', сгл. *šinj* 'бедро, ляжка', вах. *šin* 'зад' [Ст.-К. ЭСВЯ, 343], но вах. *šinj* 'бедро; ляжки; бедренная кость' — заимствование [Ст.-К. ЭСВЯ, 335], хс. *ṣṣūni-* [Bailey DKS, 410]. Ягн. *surun* — заимствовано из таджикского.

'Бедро' — праиран. **rāna-* < **hrāna-* 'бедро' — из и.-е. **srēno-*, **srēnā-* 'часть тела: бедро, ляжка': ав.п. *rāna-* 'бедро; внешняя часть бедра', ср.-перс., кл. перс. *rān*, совр. перс. *rān*, тадж. *ron* 'бедро, ляжка' ~ пшт. диал. *wrūn*, *vrīn* 'бедро'. Сюда же этимологически относится вах. *brin*, *b^orin* 'колено' — из ранневах. композита **dui-rāna-*, в котором первая часть восходит к числительному 'два' [Ст.-К. ЭСВЯ, 102–103].

'Кость; кости' — праиран. **ast-*, **asti-* из и.-е. **ost(h)-*, **ost(h)i-*: ав.г., п. *ast-*, ав.п. *asti-* 'кость', ср.-перс. *ast(ag)*, кл. перс. *hastā* (< **astaka-*) 'плодовая косточка' и ср.-перс. *astuxān*, кл. перс. *ustux'an*, совр. перс. *ostoxān*, тадж. *ustuxon* 'кость' ~ согд. будд. *'stk'*, ман. *'stk-*, хр. *stq-* [(ə)stak-] 'кость', ягн. *sitak*, осет. *æstæg* 'кость', хор. *'stk*, *'styk*, мдж. *yāstəu*, йд. *yastē* 'кость' (< **asti-ka-*), ишк. *wūstūk* 'кость; косточка плода', сгл. *ostōk* (с суф. **-aka-*) 'кость (человека и животного)', вах. *yauč*, *ayč* 'кость животного' (с суф. **-čī-* и выпадением **-s-* перед **-t*) [Ст.-К. ЭСВЯ, 423–424], хс. *āstaa* < **asti-ka-* [Bailey DKS, 28], подробнее см. [ЭСИЯ 1, 232–234].

'Спина' — праиран. **pršta-*, **pršti-* из и.-е. сочетания **pr-* + основа глагола **stā-* 'стоять' [Рок. IEW, 813]: ав. *paršta-*, *paršti-* 'спина'; ср.-перс., кл. перс., тадж. *pušt*, совр. перс. *pošt* ~ согд. будд. *prč(h)*

‘спина’, согд. ман., хр. *prčy* ‘позади, после’ [Gharib Sogd. Dict., 284]; ягн. *pārča* ‘край’, *parč* ‘опора моста’; хор. *pšk* (< **pršta-kā-*) ‘спина’, осет. *færсу* — послелог ‘благодаря; с помощью’ — лексикализованный местный падеж от **færc* < **paršti-* ‘спина’ [Аб. ИЭСОЯ I, 452]; хс. *palstī* ‘спина, зад’ [Bailey DKS, 221]; мдж. *pāška*, йд. *piščo*; вах. *pərt* ‘спина; зад; обратная сторона’ [Ст.-К. ЭСВЯ, 278].

‘Грудь’ — праиран. **uarah-* ‘грудь’ из и.-е. **ueros-* ‘грудь’: ав. **uarah-*, отраженное в ср.-перс. (пехл.) *war* ‘грудь’; кл. перс., тадж. *bar* ‘грудь’, предлог ‘на (поверхности)’; бел. *gwar* ‘грудь’, предлог ‘перед’ [Раст. СИГЗЯ-Ф, 101] ~ хс. *vara* ‘to, towards’ и *varata*, *var* [Bailey DKS, 376], осет. *wæraex* | *urux* ‘широкий’ [Аб. ИЭСОЯ IV, 90–91]; но сгл., вах., шугн. *bar* ‘грудь’ и язг. *būr* — то же — заимствованы из таджикского.

‘Ребро; ребра; бок, сторона’ — праиран. **parsu-*, **prsu-* из и.-е. **perk-* ‘ребра; грудь’: ав. *parəsu-*, *pərəsu-*; ср.-перс. *pahlūk* ‘ребро; ребра’, кл. перс., тадж. *pahlu*, совр. перс. *pāhlu* ‘бок, сторона’ ~ осет. *fars* ‘бок, сторона’ и осет. *færsk* | *færskæ* ‘ребро’ [Аб. ИЭСОЯ I, 423, 453], вах. *пырс* ‘ребро’ [Ст.-К. ЭСВЯ, 284]; с суффиксами (обычно **-aka-*): согд. *prs’k*, *prs’kh*, пшт. *puštəu* ж.р. ‘ребро; ребра’; мдж. *pürsəga*, йд. *pərsəyə* ‘ребро’ и мдж. *porsəu*, йд. *parsə* ‘поперечная балка перекрытия’; шугн. *pêrz*, руш., хуф. *pêrz* ‘ребро’ (точная праформа неясна: наличие *-з* может указывать на суф. **-či-*); язг. *parakāvd* мн.ч. ‘ребра’ — заимствование; рефлексy праформы выступают также в поздних образованиях: шугн., руш., хуф. *sipōxč*, сар. *s(i)poχč* ‘стропило’, вах. *sparsk*, *sprask* ‘поперечные жерди перекрытия потолка’ < **us-parša-ka-* [Ст.-К. ИФВЯ, 199; Ст.-К. ЭСВЯ, 315].

‘Хвост’ — праиран. **dum(b)a-* из и.-е. **dumb-*, **dumbh-*: ав.п. *duma-* ‘хвост’ и ав.п. *dumna-* < **dumbna-*; ср.-перс. *dumb*, кл. перс. *dumb*, *dunb*, тадж. *dum* ‘хвост’, *dumbá* (< **dumbáka-*) ‘курдюк’ ~ согд. ман. *δwm-*, будд. *δwnph* ‘хвост’, ягн. *dūm*, *duym*, *dūm* ‘хвост, курдюк’, осет. *dym* | *dun* (в сложных словах) [Аб. ИЭСОЯ I, 381] и осет. диг. *dumæg* (с суф. **-aka-*), хор. *δwm* ‘хвост’, хс. *dumaa* (с *-aa* < **aka-*), пшт. *ləm* ‘хвост, курдюк; хвостовая часть, зад’, мдж. *lut*, йд. *lum*, *ləm*; шугн., барт., руш. *lum*, сар. *дыт*, *dūt*, язг. *dom*, ишк. *дыт(b)*, сгл. *dəmb*. Вах. *dumb* — заимствованное. Подробнее см. [ЭСИЯ 2, 479–481].

‘Пуп, пуповина’ → ‘родня, род; племя, народ’ — праиран. **nāb-* и **nāf-* из арийск. *nābh-*, восходящего к и.-е. **nōbh-* ‘пуповина; родство’: ав.п. *nabā-* ‘родственный’, ав.п. *nāfa-* 1) ‘пуп’; 2) ‘родня’; др.-перс. *nāf-*, ср.-перс. *nāf* ‘семья, род’; кл. перс. *nāf* ‘пуп’, совр. перс. *nāf*, *nāfe* (< **nāf-aka-*), тадж. *nof* ‘пуп’ ~ согд. будд. *n’β*, ман., хр. *n’f* ‘народ; община’ [Ливш. 2008, 308], ягн. *nōfa* (< **nāfaka-*) ‘пуп’,

осет. диг. *naf(f)æ* ‘пупок’ (и *Naf* — название божества, предположительно — божества рода) [Аб. ИЭСОЯ II, 148–149], пшт. *nū*, *nūm*, ван. *nōv*, мдж. *nīf*, йд. *nufā* ‘пуп’, шугн. *nōf* (заимствованное из таджикского или контаминированное с заимствованным), бдж. *nēf* (исконное из **nāf-ia-*), руш. *nēf* (из **nāf-ia-*?) ‘пуп, пуповина’, язг. *naf* — то же (из **nāf-ia-*).

‘Кожа, шкура’ — праиран. **čarman-* — из и.-е. **(s)ker-men-* ‘снятая шкура’, производного от и.-е. **(s)ker-* ‘срезать, отрезать, стричь’: ав. *čarətan-* ‘шкура, кожа’; др.-перс. *čarman-* — то же; ср.-перс., кл. перс., тадж. *čarm*, совр. перс. *čārm* ‘кожа, шкура’ ~ согд. будд. *črm-* (косв. пад. *črmuḥ*), хор. *crm*, *črm*, *jrm* (последние две формы — заимствования из персидского), осет. *carm*, скиф. **čarma-* ‘кожа’; хс. *tcārman-* (засвидетельствовано в форме *tcārma* ‘кожа’), пшт. *cərmən* ‘кожа, шкура’ (и заимствованное *čarm* ‘кожа’). Подробнее, с литературой, см. [ЭСИЯ 2, 231–232].

Древнеиранская диалектная производная основа **pausta-* продолжилась в основном в юго-западных языках, отмечены также заимствования из них в языки других групп: др.-перс. *pavastā* ‘глиняная оболочка таблетки с надписью’, ср.-перс. *pōst* ‘шкура’, *pōstiyān* ‘кожа’, кл. перс. *pōst*, *pōstiyān* — то же, тадж. *pust* ‘шкура, кожа; кожура’. В восточноиранских языках отмечено как отдельное заимствованное слово и в составе заимствованных слов, например, язг. *pəst* ‘шкура; кожа; кожура; скорлупа (яйца, ореха); кора (дерева)’, шугн. *pus-bānd*, *pūs(t)-bānd* ‘кожаная петля местных сапог (для шнурков)’ и др. Отмечено также употребление рефлексов этой основы для обозначения письма, документа (первоначально написанного на коже): бактр. $\pi\omega\sigma\tau o\gamma o$, $\pi\omega\sigma\tau\alpha\gamma o$, $\pi\omega\sigma\tau i\gamma o$, $\pi\omega\sigma\tau i\iota o$ ‘document, letter, contract’ < **pawasta-ka-*, ср. согд. *pwstik* ‘document, book’ [S-W Bactr. Doc. II, 258]; то же — в композитах, например бактр. $\omicron\lambda o\beta\omega\sigma\tau o\gamma o$ ‘брачный контракт’ с $\pi\omega\sigma\tau o\gamma o$ [S-W Bactr. Doc. II, 248]; бактр. $\pi\omega\sigma\tau o\gamma o\beta\alpha\rho\gamma o$, $\pi\omega\sigma\tau o\beta\alpha\rho\gamma o$ ‘гонец с письмом’, букв. ‘письмоносец’ [S-W Bactr. Doc. II, 259].

‘Печень’ — праиран. **iak-r-* / **iak-n-* из и.-е. **iēk^w-r(t)-* / **iēk^w-n-*: ав. *yākarə-*, др.-перс. **yakar-*, ср.-перс. *jakar*, *jagar*, кл. перс., тадж. *jigar* и др. В восточноиранских языках отразились оба варианта: с **-r-* и **-n-*: осет. *igær* [Аб. ИЭСОЯ I, 541–542], хс. *gyagarra*, *jarrä*, *jarä* < **iakr-* [Bailey DKS, 108], но пшт. *yina* < **iakna-* + **-ā*; йд. *uēyən* ‘печень’ < **iaxni-ia-*, ср. [Morg. IFL II, 272].

‘Почка; почки’ — праиран. **urd-ka-* (или **urt-ka-*) анат. ‘почка, почки’ — из арийск. **urd-ka-*: ав. *vərədka-*, *vərətka-* дв.ч. ‘почки’; ср.-перс. *gurtak*, кл. перс., тадж. *gurda* анат. ‘почка; почки’, орм. *γulkak* ‘почка’ ~ согд. хр. *γwrđtq* анат. ‘почка; почки’ (заимствование?);

мдж. нижн. *wulgiyā*, *wulyā*; верхн. *wúl(ə)ga*; шугн. *wūyĵ* 'почка; почки'; язг. *widǵáw* (во мн.ч., *Pluralia tantum*) 'почки'; вах. *wəltk* анат. 'почки'; хс. *bilga-* < **ur̥tka-* анат. 'почка; почки'; пшт. *pušta-wərga* ж.р., *pušta-wərgau* м.р. анат. 'почка' (вторая часть из дв.ч.: **-uər(d)-ka-*, первая часть связана с **pa/əršti-* [Morg. EVP, 62], ср. пшт. *puštāu* ж.р. 'ребро; рёбра' и **paršti-* 'спина'.

'Сердце' — праиран. **zard-*, **zardi-*, **zrdiā-*, **zardaia-*, **zrd-* из арийск. **jhard-*, **jhardi-*, **jhardaiā-*, **jhrd-* — продолжений озвонченных ареальных вариантов и.-е. **ǵhērd-*, **ǵhrd-* и т.п. от и.-е. **kērd-*, **kr̥d-* и т.п. 'сердце': ав. *zərad-*, *zəradaya-* 'сердце', парф. ман. *zyrd*, гил. *zīl*, бел. зап. *zirde*, заза *zār*, пар. *zur*, орм. *zli*; ср.-перс., кл. перс., тадж. *dil*, совр. перс. *del* (в большинстве северо-западных языков это слово заимствовано из персидского: курд., тал. *dəl* и т.п.). В восточноиранских языках отмечаются и исконные формы, и заимствованные из персидского, таджикского, дари. См. собственно восточноиранские слова: согд. будд. *ḍrzy*, ман. *ḍrĵyu* (с метатезой из **ḍrzaya-* < **zrdaiā-*), осет. *xərdæ*, хор. *zrz*, хс. *ysira-*, пшт. *zra*, мдж. *zil*, йд. *zil*, шугн., руш., барт., рош. *zōrd*, сар. *zord*, *zord*, язг. *zāwō* 'сердце'.

'Мозг' — праиран. **māzga-* из и.-е. **moz-g-o-*: ав. *mazga-*, ср.-перс. *mazg*, кл. перс., тадж. *maʔz* ~ согд. *mʔzy*, *mʔzw*, ягн. *maʔz*; осет. *maʔz*, хор. *mʔz*, хс. *mijšā*, *mājsā* (< **mazgi-*) 'костный мозг'; пшт. *māʔzə*, рош. *mōʔz* 'мозг', сар. *muʔg* 'костный мозг' (< **māzga-*), при шугн., руш., хуф. *māʔz*, язг. *mūʔz* 'мозг', сар. *moʔz*, *moʔz* 'головной мозг' — из таджикского (с адаптацией вокализма).

'Подбородок, челюсть' — праиран. **zānu-* из и.-е. **ǵenu-* 'подбородок, челюсть': ав.п. *zānu-* (в композите); кл. перс. *zanax* ~ пшт. *zāna* ж.р. 'подбородок', вазири *zānyē* [Morg. EVP, 102], а также пшт. *zāta* ж.р. 'челюсть'; язг. *zanǵ* 1) 'подбородок'; 2) 'челюсть (верхняя и нижняя)' < **zanaka-* или **zanuka-* (?).

'Загривок, затылок; задняя часть шеи; грива' — праиран. **grīuā-*: *graiuā-* — из и.-е. **gʷrī-uā-* 'шея, место у шеи': ав.п. *grīvā-* 'шея, затылок (дэвовских существ)'; ср.-перс. *grīv* {*glyw*} 'шея, горло'; тадж. *girebon* 'воротник' < **grāiūā-* + **pāna-* ~ осет. (*æ*)*ryiw* | *æryew* 'хрящ; cartilago' < **grīuā-*, при подъеме гласного **graiūa-*, возможно, через семантические этапы: 'хребет, позвоночник' → 'позвоночные хрящи-диски' → 'хрящ' (хотя В.И.Абаев связывает это слово не с данным прототипом, а с **gari-* 'гора, хребет' [Аб. ИЭСОЯ II, 409]); пшт. *grēwa*, *grēwa* ж.р. 1) анат. 'ключица'; 2) 'петля'; 3) 'воротник', пшт. *gərwā* ж.р. 'ключица' (< **(h)an-grīuā-* или **(h)an-graiūā-*, либо контаминация исконного слова с заимствованным из раннего классического персидского); диал. вазири *grēvyē* — то же (с метатезой

*-iu- > -vu- или с огласовкой по типу др.-инд. *grāivīa*- 'относящийся к затылку, шее') [Morg. EVP, 24; Дыбо В.А. Афг. удар., 74, 80], ср. пшт. *grīwá* ж.р. 'петля (на одежде)' от корня **grab*-, **graib*-; мдж. *γárwa* 'шея', йд. *γurvo*, *γarva* 'шея (снаружи)' [Morg. EVP, 24, 27; Morg. II FL II, 213]. Отмечено также в ряде производных слов, возникших в разные периоды. Подробнее, с литературой, см. [ЭСИЯ 3, 291–293]. Сюда же относится семантическое ответвление: согд. ман. *γryw* 'тело, личность, душа; сам' [Henn. BBB, 126]; хор. *γryw* 'сам(а), себя, себе' < **grīwā*- [Henn. Khwar. Lg., 432; Benz. Chwar. Wort., 293; Humb. CLI, 195, 197], например, *γryw* в сочет. у' *γryw* 'сам себя; сам себе' [Henn.-MacK. Khwar. Dict., 23, 40; Benz. Chwar. Wort., 293]. Сравнения и этимологии см. также [Аб. ИЭСОЯ II, 409; ЭСИЯ 3, 291–293].

Названия кишки — из праиранских **rauta*- < **hrauta*- и **guda*- — чаще всего отмечаются в заимствованиях. Более или менее надежное продолжение первого прототипа можно усмотреть в ягн. *ruta* 'кишка, кишки' и, возможно, в руш., барт., рош. *rūd*, сар. *rewd*, *rawd*, язг. *rəd* 'кишка, кишки' [Morg. EVSh, 66]. Слово распространилось также в виде заимствований из персидского и таджикского, например, шугн. *rūdā* 'кишка, кишки'. Надежных рефлексов второго прототипа не обнаружено, см. гл. I, а также [ЭСИЯ 3, 293].

'Волосы':

Праиран. **uarśa*- 'волосы (человека и животного?)' из и.-е. **uel-k̑*:- ав.п. *varəsa*- м., ср.р., единичное и собирательное 'волос (человека и животного)'; ср.-перс. *vars* 'волос(ы)' ~ пшт. *weštá* м.р. 'волос' < **uarś*- + -t? (по Г.Моргенштерне, из **wr̥sa-tā* ? [Morg. EVP, 94]).

Праиран. **gauna*- : *guna*- 'волосы; масть; цвет' → 'вид' из и.-е. **gou-no-m* 'нечто вьющееся, изогнутое, сводчатое'. В семантике рефлексов налицо обозначения: 1) волóс, шерсти и т.п. (см. ниже); 2) цвета, вида, подобия и т.д. (см. также раздел обозначения качеств). Ср. ав.п. *gaona*- 1) 'волосы'; 2) 'цвет волос; цвет, масть'; др.-перс. **gauna*- 'волосы', ср.-перс. *gōn* {*gwn*'} 'цвет, вид, род, сорт' [MacK. CPD, 37; Boyce WL, 43], кл. перс. *gūn* 'цвет, сорт, род, вид; способ, манера'; кл.-перс., дари -*gūn*, тадж., совр. перс. -*gun* — суффикс, образующий прилагательные со значением 'подобный по цвету' ~ скиф. **gauna*- 'шерсть' [Аб. ИЭСОЯ II, 327; Аб. Ск.-сарм., 290]; осет. *qwuṇ* | *γun* 'волос, шерсть; шерсть с одной овцы'; осет. *særy qwuṇ* 'волосы на голове', *qwuṇγun* 'волосатый, мохнатый', *qwuṇa* | *γuna* 1) 'мох'; 2) 'плесень' и сложные глаголы: *ysqwuṇa wuṇ* 'зарастить мхом; заплесневеть' и др. [Аб. ИЭСОЯ II, 326–328]; согд. -*γwn* 'цвет; вид' (во второй части композитов); хор. *γw(n)* 'цвет' (например, в сочет. *γwh* 'его цвет'), 'волосы' (в композите *βž-γwnk*

‘длинноволосый’). См. также производные: согд. будд. *γwn'k* ‘волос(ы)’, согд. будд. *γwn'k βwn'kh* ‘hair pore’ [Gharib Sogd. Dict., 175]; *γwnč* ‘цвет’ [Henn. SP II, 248]; согд. будд. *-γwn'k* [*-γōne*] ‘похожий на что-л., кого-л.; подобный кому-л., чему-л.’ и ‘такой’ (во второй части композита); согд., ман., хр. *γwnč* ‘цвет’; будд. *γwnč'kh* ‘цвет’, будд. *γwnč'ud* ‘подобный, похожий’ и другие производные [Gersh. GMS, 152, 170], см. также будд. *γwnčy'kh* ‘красота; цвет’ [Gersh. GMS, 152; Gharib Sogd. Dict., 175]; хор. *γwnс* мн.ч. ‘волосы’, ср. *βž-γwnk* ‘длинноволосый’ [Henn.-MacK. Khwar. Dict., 18; Humb. CLI, 195–196]; хор. *γwn'с(y)k* ‘кольцо для носа, сплетенное из волоса’ из *γwnс* ‘волосы’ и *н'с* ‘нос’ [MacK. Khwar. Gl. V, 64]; пшт. *γúna* 1) ‘цвет (кожи)’; 2) ‘вид, внешность’; 3) перен. ‘нрав, поведение’ из **gauna-* + суф. **-ā* (или из **gauna-ka-*, ср. [MacK. Pashto, 554]); пшт. *γúnaу* (обычно — в форме *γúni* ж.р. мн.ч.) 1) ‘волос (на теле)’; 2) ‘кожа’; 3) ‘пóra’ [Morg. EVP, 25] — из **gauna-ka-*; пшт. *иγə́na, иγú́na* ‘козья шерсть’ из **aža-* + **gauna-* + суф. *-ā* (?); мдж. *γūnáу* ‘волосы (на теле); шерсть’ < **gáuna-ka-*; йд. *γúnia* ‘волос’ (мн.ч. *γunī* ‘волосы’) [Morg. IIFL II, 212] < **gauna-ka-*; шугн., руш., барт. *γūnj* ‘волосы на голове’ (< **gauna-ka-*) [С ГОЯШ, 20, 51], шугн. *γūnjín* ‘волосатый’; шугн. *γíncak, γīncak* ‘паутина’; ишк. *сγúnd* ‘волос’, сгл. (Ю.) *soyund*, (М.) *soyond* ‘завиток, волос (на голове)’ (из **sor-* ‘голова’ + *γūn* ?), см. [Morg. IIFL II, 411]; ишк. *γénuk, γénúk* ‘волос’, сгл. (М.) *γenōk, γēnōk* ‘волос’, сгл. (Ю.) *γenok* ‘волос; волосы’ (< **gauna-ka-*) [Morg. RLMA, 31; Morg. IIFL II, 395]; предположительно, вах. *γēno* ‘козья шерсть’ [Morg. IIFL II, 395], а также отсутствующее в словарях вах. *γani* ‘волосы; шерсть (козья)’, в котором в случае исконного развития ожидалось бы **γin* [Ст.-К. ЭСВЯ, 457], хс. ¹*ggūna-* ‘волос(ы)’ и хс. ²*ggūna-* ‘цвет’ [Bailey DKS, 86; Emm. CLI, 212–213]. Сюда же относится ишк. *-gnik* — второй компонент со значением ‘подобный’ в *urwēsak-gnik* ‘лисице-подобный’, *xūg-gnik* ‘свинье-подобный’ [Morg. IIFL II, 394]. Подробнее см. [ЭСИЯ 3, 240–245].

Обозначение образа, подобия чему-л.:

пшт. вост. *γúnde* ‘подобный, похожий; подобно, вроде’ — косв. пад. ж.р. **γúnda* < **gaunatā-* ‘сходство’ — и пшт. *gūnd, gwənd* ‘партия, группа’ из **ha(n)-gauna-ṭa-* (?) [Morg. Ir.-1942, 263]; шугн. *mi-γūnd* — постпозитивное наречие ‘подобный, наподобие’, руш. *та-γūnd*, барт., рош. *та-γūn* — постпозитивное наречие ‘вроде, наподобие; такой как, таким образом; такого рода’ < **hama-gauna-* или **ima-gauna-* (с суффиксальным *nd* ?), ср. согд. *тγwn* ‘все’ < **hama-gauna-*, но *’нγwn* ‘похожий’ < **ham-gauna-* в [Gersh. GMS, 91; Morg. EVSh, 43–44]. Сюда же согд. *βryn’, βrynh*, будд. *frynh, prynh*, ман., хр.

fryn', *fryn* 'знак, признак; способ, образ, манера' [Gharib Sogd. Dict., 108, 154, 285], если из **fra-guna-* (?); хор. *kwnc* 'разнообразные' — мн.ч. от хор. *kwn(y)k* 'вид, образ' — скорее всего, заимствование из перс. *gūna*, в отличие от исконного хор. *γwnc* 'волосы' [MacK. Khwar. Gl. III, 324]; хор. *βγwnc* ж.р. '(хороший) внешний вид, (красивый) облик' из **ābā-* '(красивый) внешний вид; красота' (ср. др.-инд. *ābhā-* — то же) + **gauna-*; хор. *b'βγwnc* 'уродливый' с начальным *b-* < **apa-*; ср. согд. *pry'βγwn'k* 'с приятной, милой внешностью' [Henn.-MacK. Khwar. Dict., 10, 32]. Осет. *зуууымтæ* | *usqumtæ* 'наизнанку, навыворот; превратно, искаженно; задом наперед' — направительный падеж из *из-γun* < **uz-gauna-* или из **duž-gauna-* 'дурношерстный', с утратой начального **d-* [Аб. ИЭСОЯ IV, 319]. Подробнее о рефлексах **gauna-* и производных см. [ЭСИЯ 3, 240–245].

Праиран. **gaiša-* 'кудри, локоны', **gaišu-* 'кудрявый' — из арийск. **gaiša-* (?): ав.п. *gaēsa-* 'кудри, локоны', *gaēsu-* 1) 'кудрявый'; 2) 'косматый, лохматый'; ср.-перс. *gēs* {*gys*} 'кудри, локоны' [MacK. CPD, 36], кл. перс. *gēs* 'волосы женские, локоны, коса', совр. перс. *gis* 'длинные женские волосы; локон(ы)' и др. ~ осет. *qīs* | *γesæ* 'грубая шерсть, щетина; конский волос; струна' (< **gaiša-*) [Аб. ИЭСОЯ II, 304–305]; к нему примыкает осет. *kīz* | *kesæ* 'жесткий, грубый (о шерсти)', которое В.И.Абаев связывает с др.-инд. *keśa-* 'волосы' с тем же развитием семантики, что и в *qīs* | *γesæ*, и считает древнеиранские **kaisa-* и **gaisa-* вариациями одного слова [Аб. ИЭСОЯ I, 597]; йд. *γīs* 'грубые нити из козьей шерсти' [Morg. IFL II, 213]. Производные слова: ср.-перс. *gēsūg*, кл. перс. *gēsū* 'волосы женские, коса'; совр. перс. *gisu* 'длинные женские волосы, локоны', тадж. *gesu* 'коса, локоны' < **gaisu-ka-* ~ осет. *qīsyg*, *qīsgyn* 'щетиный, жесткий', *qīsyn* | *γesin* 'сделанный из грубой шерсти; волосьяной; грубое сукно', *qīsyn fændyr* 'фандыр со струнами из конского волоса', *sæqqīs* 'из козьей шерсти, грубошерстный' и др. [Аб. ИЭСОЯ II, 304–305]; йд. *γīsē* 'плетеное дно кровати' [Morg. IFL II, 213]; хс. *ggīsa-* 'травинка, былинка', *gīska-* 'веревка' [Konow Primer, 101], хс. *gisana-* 'косы, волосы' < **gaišanā-*, связанное с хс. *ggīsai* 'волосы' [Bailey DKS, 84] и *ggīsai* 'травы' (если из < **gaiš-aka-*) [Bailey Prolexis, 70; Bailey DKS, 84]; пшт. *ngəšáy* м.р. 'косички, заплетаемые у женщин по обеим сторонам лба' (< **ham/n-gaišja-* + *ka* (?), по [Morg. EVP, 51], этимология неизвестна); пшт. *γəšáw* 'скребница для лошадей' (< **gaišaṣa-* (?), см. [Morg. EVP, 28]), при возможной контаминации с рефлексом производного от корня **xšau-* 'скрести, скоблить'; вах. *r̥iṣ* 'борода' (< **fra-gaišja-*) [Morg. IFL II, 537; Ст.-К. ИФВЯ, 193; Ст.-К. ЭСВЯ, 294] (ср. мнение о контаминации

в ваханском двух вариантов **raiša-* и **raixa-* [Аб. ИЭСОЯ II, 416–417], что, однако, не объясняет наличие вах. -й-). Подробнее о рефлексах праиран. **gaiša-* и его производных см. [ЭСИЯ 3, 115–117].

Праиран. **drau-*, **drauca-* ‘волосок, волос’ (более ранняя история неясна, возможно, ареальное, связанное с понятием растения, дерева): орм. кан. *dr^a*, лог. *drī* ‘волос(ы)’ ~ согд. будд. *zw-*, *zwy-* [žaw-] ‘волос’, ягн. *daraw*, *diraw* ‘волос’, осет. *ærdū* | *ærdo* ‘волос; волосинка, шерстинка’; шугн. *cīw* ‘волос, волосок’, руш., барт. *cīw*; язг. *си*, *сū* ‘волос, волосок’; хс. *dro-*, *drrau-*, *drauka-* ‘волос’, *drauta* ‘волосы’, а также *drūkā* ‘борода’, отмечен ряд производных, см. [ЭСИЯ 2, 461–462].

‘Шерсть (на животном или соскобленная, но не спряденная)’ — праиран. **uarna-*, **urna-*: ав.п. *varənā-* 1) ‘шерсть животного’; 2) ‘кудри, локоны’ ~ согд. будд. *wrnh* [warnā] ‘шерсть’ [Gharib Sogd. Dict., 412]; хор. основа *w’n-* в зафиксированной форме *w’nunys* мн.ч. ‘шерсть’ (ср. хор. *wrnk*, *wrnuk* ‘ягненок’) [Benz. Chwar. Wort., 635]; пшт. *warəy* ж.р. мн.ч. ‘шерсть’, диал. вазири *wārai* — то же (и *warīn* ‘шерстяной’) из **uarna-ka-* или **uarna-ki-* (?) [Morg. EVP, 91]; из прототипа **uarnā-*: шугн. *wūn* ‘неспряденная шерсть’, руш. *wāwn*, хуф., барт., рош. *wōwn*, сар. *won* — то же; язг. *wawn* ‘неспряденная овечья шерсть’, см. [С ГОЯШ, 60; Morg. EVSh, 90].

Праиран. **darsa-* : **dṛsa-* : **dārsa-* ‘грубая шерсть (козы, яка)’ из и.-е. **dar-k-* или **dṛ-k-* или праязыковое заимствование из древнеиндийского (ср. др.-инд. *dūrśā-* ‘вид грубой одежды из (козьей) шкуры’): хор. *ḍš* ‘козья шерсть’, ягн. **dors-* в производном *dorsena* ‘сделанный из грубой шерсти’; мдж. *lirs*, верхн. *lurs*, йд. *lirs* ‘козья шерсть’; шугн. *ḍōḥs* 1) ‘козья и ячья шерсть’; 2) ‘волосы на теле человека’; 3) ‘грубый (о ткани)’, руш., хуф. *ḍāws*, барт., рош. *ḍōws*, сар. *ḍors* — то же; язг. *ḍus* ‘толстые нити, шнур из козьей шерсти’; сгл. *šōḍx* ‘козья шерсть’ (с метатезой из более раннего **ḍoṣx* < **dorsx-* (?) < **dārsa-*), вах. *ḍyrs* ‘шерсть козы, яка’; хс. *dairśa-* ‘сделанный из козьей шерсти’ — подробнее, с литературой, см. [ЭСИЯ 2, 353–354].

2.4.1.6. Слова, связанные с жизнедеятельностью

‘Кровь’ — праиран. **uahu-*, **uahunī-*, **uahunā-*, **uahuāni-* (в диалектах также **uahuāni-* > **x^hahuni-*) из и.-е. корня **ues-* ‘увлажнять; сочиться; мокрый’: ав. *vohuna-*, *vohunī-*; кл. перс. *xūn*, совр. перс., тадж. *xun*, сив. *fin* ‘кровь’ ~ согд. будд. *γwrn-* [xurn-], *wγrn-*, согд. ман., хр. *xwrn-* [xurn-], будд. *yūwn(w)*, хр. *ywxn-*, ман. *uxwn-*, *uxwrn-* [yuxn-, y(ə)xun, y(ə)xu(r)n] ‘кровь’, ягн. *waxin*, *waxn* [Gersh. GMS, 32;

Gharib Sogd. Dict., 176, 405, 437, 446, 451, 452]; пшт. *wina*, *yini* [Morg. EVP, 87], мдж. *yina*, йд. *ino* [Morg. IIFL II, 191], ишк. *wen*, сгл. *wēn*, шугн., руш. *wixin*, барт., рош., сар. *waxin*, язг. *ḫ'an* 'кровь' [С ГОЯШ, 48; Morg. EVSh, 94]; вах. *waxan*, *wixan*, *waxat* 'кровь' [Ст.-К. ЭСВЯ, 401]; хс. *hūna-* [Bailey Prolexis, 426; Bailey DKS, 490–491].

'Слеза; слезы' — праиран. **asru-* из и.-е. **akru-* 'слеза': ав.п. *asrū-* 'слеза'; ср.-перс. *ars* (с метатезой), кл. перс. *ars* ~ пшт. вост. *ōša* ж.р. 'слеза' (< **asru-* + суф. ж.р. **-ā*). Из вторичного суффиксального образования **asru-ka-*: кл. перс., тадж. *ašk* ~ согд. *'čkw-*, будд. *čškw-* (с начальным *č-* при ассоциации с **čašman-* 'глаз' — **čašm-ašku-* [Gersh. GMS, 56, 58]), хор. *'šwk* 'слеза'; пшт. зап. *ūška*, ван. *češkū*, мдж. *yošk*, йд. *yāšk*; шугн. *yūšk*, хуф. *yūšk*, руш. *yūšk*, *yōšk*, барт., рош. *yōšk*, сар. *yūḫ(k)*; язг. *yaḫk* 'слеза; слезы'; ишк. *ošk*, сгл. *āštk*, *ašik*, вах. *yašk*, хс. *āška-* 'слезы', подробнее см. [ЭСИЯ I, 241–243].

'Пот; потеть' — праиран. **hūaid-* : *hūid-* > **x^vaid-* : *x^vid-* 'потеть; пот', **hūaida-* 'пот' из и.-е. **sueid-* 'потеть', **suoido-* 'пот': ав.п. *x^vaēd-* 'потеть', ав.п. *x^vaēda-* м.р. 'пот'; ср.-перс. *x^vistan* 'потеть'; кл. перс. *x^vah*, *x^vau* 'пот' и деноминативный глагол *x^vayīdan* 'потеть', а также кл. перс. *xaw*, *xēw*, *xaui* 'пот, испарина', совр. перс. *хоу* уст. 1) 'слюна'; 2) 'пот, испарина', тадж. диал. *xū* 'пот', *xū kardan* 'потеть, вспотеть' ~ глаголы: согд. будд. *ḡwys-* [xwīs-] 'потеть', 3-е л. ед.ч. наст. вр. *ḡwyst* 'потеет' [Gersh. GMS, 36, 83; Ливш., Хр. ОИЯ, 381; Gharib Sogd. Dict., 180]; хор. *'xs-* 'потеть' < **x^visa-* < **hūid-sa-*, прош. вр. (из имперфекта) *mxs(y)d* '(он) потел' [MacK. Khwar. Gl. IV, 534; Sam. Chwar. Verb., 242]; хс. **āhus-* 'потеть' — инх. осн. наст. вр. < **ā-hūisa-* < **ā-hūid-sa-* от **ā-hūaid-* [Emm. SGS, 13; Bailey Prolexis, 23; Bailey DKS, 30]; имена: хор. *'хуδ*, *хуδ* 'пот' (с (*a*)х- из **x^v-*) [Henn. Khwar. Lg., 431; MacK. Khwar. Gl. IV, 534]; осет. *xīd* | *xed* 'пот' [Аб. ИЭСОЯ IV, 199–200]; пшт. *xwala* 'пот' [Geiger Kl. Dial., 296, 302, 307; Morg. EVP, 98], *xwəla* (ж.р., обычно во мн.ч. — *xwalé*) 'пот' < **x^vaida-*, диал. вазири *xēla* 'пот' < **x^vaida-* [Morg. EVP, 98]; см. также вторичные производные: пшт. *xwalān* 'потный', ср. пшт. *xwalām* 'запятнанный, запачканный'; пшт. *paḫəl* м.р. 1) 'применение потогонных средств'; 2) 'потение, пропотение' < **pa(ti)-x^vaidya-* < **pati-hūaidīa-* (?), ср. [Morg. EVP, 98]; пшт. *paḫelwālay* 'потение, пропотение' и деноминативный глагол *paḫawəl* перех. 'заставить пропотеть' [Morg. EVP, 62, 98]. Мдж. *xalá*, йд. *xūl* 'пот' [Morg. IIFL II, 266]; шугн. *xēd* 1) 'грязь'; 2) 'копать, сажа' (и вторичные производные: *xēdi* 'грязь, запачканное место, пятно', *xēdin* 'загрязненный, запачканный'); руш., барт., рош. *xīd*

‘пот’, сар. хеуд ‘пот, грязь’, язг. $\check{x}^{\circ}i\delta$ ‘пот’ < $*x^{\nu}aida-$ [С ГОЯШ, 50, 101; Morg. EVSh, 96; Ed. Hist. Cons., 294]; сгл. *xaid* (Ю.), *xair* (М.); ишк. *xair* (Gr.) ‘пот’. Вах. *xəl* ‘примеси; грязь, всплывающая при перетапливании масла’ считается заимствованным из таджикских диалектов, кховар или шугнанского, см. также вторичное образование вах. *xəlmýt* ‘плохо замешенное тесто’ [Shaw Ghalchah, 238; Morg. ПФЛ II, 552; Ст.-К. ЭСВЯ, 411]. Хс. *hvī* ‘пот’ < $*x^{\nu}aida-$ [Bailey Prolexis, 437; Bailey DKS, 30, 507; Morg. Ir.-Dard., 246]. Подробнее см. [ЭСИЯ 3, 455 и сл.].

‘Моча; мочиться’ — глаголы и отглагольные образования от корня $*maiž-$: $miž-$ ‘мочиться’ из и.-е. $*meigh-$: ав. *maez-*, ср.-перс., кл. перс. *mēz-* ‘мочиться’ ~ в восточноиранских языках рефлексy:

1) глагола: согд. будд. *myz-* ‘мочиться’; хор. *myz-* [*mēz-*]; осет. *mīzyn* | *mezyn* ‘течь, мочиться’; пшт. *mež-*, *mit-* : *mitəl*, *mežəl* ‘мочиться’ (первичная презентная основа из $*maiž(ja)-$, прич. прош. вр. из причастия перфекта $*mišta-$, при взаимном влиянии основ наст. и прош. вр. друг на друга) [Morg. EVP, 48]; мдж. *mīzd* (основа прош. вр. вторичная) [Гр. ОИЯ], йд. *mīz-*; шугн. *mēz-* : *mišt*, руш., барт. *mīz-* : *mišt*, сар. *meuz-* : *mašt*; язг. *miz-* : *mašt* (< $*maiž(a)-$: $*mišta-$), хор. *pcmyz-* ‘flow’ см. [Аб. ИЭСОЯ II, 126–127; Bailey DKS, 332; Sam. Chwar. Verb, 113; Humb. CLI, 199]; ср. также язг. *čamizek* — название насекомого, пускающего струю жидкости в глаза (ср. *čām* ‘глаз’ + прич. наст. вр.); шугн. *mišx* м.р. ‘моча’ (прич. перф.);

2) разных по образованию имен: а) $*maiža-$, $*maiž-ma(n)-$ ‘моча’ > ав.п. *maēsma-* м.р. и ав.п. *maēsman-* ср.р. ‘моча’, см. в композите ав.п. *gaō-maēza-* м.р. ‘моча крупного рогатого скота’ (считавшаяся ритуально очищающим и целебным средством) [Barth. AiW, 483, 1108; Сок. ЯА, 283]; ср. ср.-перс. *gōmēz*, *mēšak*, *mēšu* или *mēžak* и др. ~ согд. *βzm-δ’ny-* ‘мочевой пузырь’; хс. *bīysma-* ‘моча’ [Bailey DKS, 286–287; S-W CLI, 169–170]; шугн. *pibizg* 1) ‘мочевой пузырь’; 2) перен. ‘пузатый; надутый’ — частичная ассимиляция из $*pati-miža-$ + *-ka* (?) или диссимилиация $*m — m > b — m$, как в согдийском и хотаносакском; б) $*maiža-ka-$ > осет. *mīzg* | *mezgæ* ‘мочевой канал’; мдж. *mīzγa*, йд. *mīzγo* ‘моча’, вах. *mīzg* ‘моча’ (< $*maižaka-$) [Morg. ПФЛ II, 530; Ст.-К. ИФВЯ, 174–175; Ст.-К. ЭСВЯ, 234], тот же прототип в хс. *mīysai* ‘моча’ [Bailey DKS, 332].

‘Кал, навоз, экскременты’ — праиран. $*gū\delta a-$, $*gūta-$ ‘кал, навоз, экскременты’ из арийск. $*gūt(h)a-$, производного от и.-е. $*g^w\delta u-$, $*g^w\tilde{u}-$ ‘грязь, навоз, экскременты; нечто отвратительное’: ав.п. *gū\delta a-* ‘нечистоты, кал; помет, навоз’; ср.-перс. *gūh* {*gwh*} ‘навоз, экскременты’ [MacK. CPD, 38]; кл. перс. *gūh*, *gū*, тадж. *guh* — то же ~ согд. будд. *γwδ* [*γū\delta*] ‘навоз, кал’ (в прил. *γwδ-’ynčh*), ягн. зап. *γūt*,

γūt, вост. *γūs* 'навоз, кал' (с диалектным отражением **-θ > зап. -t ~ вост. -s*) [ЯТ, 260; Ливш., Хр. ОИЯ, 386]; хор. *γūθ* {*γwθ*} 'экскременты' [Henn. Khwar. Lg., 435; МасК. Khwar. Gl. I, 547]; пшт. *γwul*, *γwəl* м.р. мн.ч. 'кал, испражнения'; диал. вазири *γul* — то же (< **gūθa-* с закономерным отражением *-l < *-θ*) [Morg. EVP, 25; Skj. CLI, 400]; мдж. *γūw* — то же, йд. *γo(h)*, *γ^wo*, *γū* [Morg. IIFL II, 211]; шугн., руш., хуф., барт., рош., сар. *γaθ* 'кал, навоз' (< *gūθā-*), а также сар. *γat* 'грязь, нечистоты'; язг. *γ^ooθ* 'кал; помет' (< **gūθa-*) [С ГОЯШ, 49, 102; Morg. EVSh, 37]; вах. *gi* 'кал; помет' — результат контаминации исконного слова с заимствованным или необычное развитие начального *g-* в м. *γ-* [Ст.-К. ЭСВЯ, 177]. Сгл. *guh*, *go* заимствованы из персидского [Morg. IIFL II, 393]; хс. *gūha-* 'навоз, кал' [Bailey DKS, 89], подробнее [ЭСИЯ 3, 254–255].

'Навоз, кал' — праиран. **darta-* : **dṛta-*, **darti-* из и.-е. **dhr̥-to-* от корня **dher-* 'нечистоты; испражняться': в западноиранских языках отмечаются заимствования из восточноиранских источников, в которых **d > l* (либо произошла контаминация с причастием **lita-* от корня **lai-*, см. ниже): тадж. диал. дарв, куляб. *lel*, рог., матч. *lari*; бел. *lid* заимствовано из пшт. *lād* [Ст.-К. ЭСВЯ, 162] ~ согд. будд., ман. *ḍrt*'уц(*h*), ман. *ḍrtuṣ* 'грязь, навоз, кал', хор. *ḍrc* 'навоз, помет'; шугн., бдж. *ḍīd* 1) 'навоз'; 2) 'сухой навоз, кизяк'; руш., хуф. *ḍīg*, барт., рош. *ḍēg*, сар. *ḍig* 'навоз крупного рогатого скота' < **dṛti-*, язг. *ḍāg* 'навоз крупного скота; удобрение'; ишк. *uḍel*, *wūḍel*, сгл. *wiḍil* 'навоз'; вах. *ḍart* 'навоз крупного рогатого скота; кизяк; удобрение', подробнее см. [Ст.-К. ЭСВЯ, 162; ЭСИЯ 2, 356–357].

Праиран. **rai-* : *ri-* и *lai-* : *lī-* 'испражняться' — из и.-е. **lei-* 'лить' (и и.-е. **lei-* 'мазать; слизь'), возможно, при контаминации с и.-е. **reia-* : *rī-*: ав. п. *ray-*, инф. *-irita-* 'испражняться'; ср.-перс. *ri(y)-* : *rīd-*; кл. перс. *rīn-* : *rīd-* 'испражняться'; тадж. *rin-* : *rid-*, инф. *ridan* 'испражняться' ~ осет. *lyjyn* : *lyd-* | *lijun* : *lid* 'испражняться' [Аб. ИЭСОЯ II, 54]; многие производные в разных языках: язг. *rax* — обычно в сочет. *rax k.* 'испражниться, обмараться (как правило, о младенце)' (из **ri-xa-* или **ri-xīa-*); шугн., руш., хуф., барт., сар. *riš* 'жидкие испражнения' (с *š < *x*), вах. *rəx(n)* 'испражнения (человека)' — заимствованное из таджикского [Ст.-К. ЭСВЯ, 304] или собственное развитие из **rix-īa-na-*?; ср. ишк. *brin-* : *brid* 'слабить' (с заимствованной из таджикского основой) [Morg. IIFL II, 323–324] и др. Материал и соответствия другим языкам см. также в [Эд. Ир.-слав., 165–166].

Праиран. или др.-иран. **xard-* связано с и.-е. **ker-* 'грязный, серый; мутный, нечистого цвета'; рефлексy ареально ограничены: шугн., руш., барт. *šarḍ-* : *šuxt*, инф. *šīxtōw* 'испражняться' (с *š < *x*);

язг. *xūd-* (из более раннего *xawδ-*) : *xaīt* 'испражняться', см. [С ГОЯШ, 58; Morg. EVSh, 78]; ягн. *xird-*, прич. *xirdta*, пшт. *xəṛəl*, ср. пшт. *xəṛ* 'серый, мутный', хор. *-xrd-* в существительном *pc-xrd* < **pati-xarda-* 'экскременты' [Benz. Chwar. Wort., 678]; см. также вах. *xərdəx*, *xərdəx* 'содержимое кишечника зарезанного животного; внутренности животного (с испражнениями)' [Ст.-К. ЭСВЯ, 412] и др.

2.4.1.7. Дом

'Дом, жилище' — праиран. **dam-*, **dama-*, **d(a)man-*, **dmana-*, **nmana-* из и.-е. **dēm-*, **dōm-*, **dm-*, *dm̥-*, **domo-* и др.: ав.г., п. *dam-* 'дом, жилище', *nətmō*, *dətmāna-*, ав.п. *nmāna-* 'жилище, дом', ср.-перс. парф. *mān* 'дом, жилище', кл. перс. *mān* 'дом, домашняя утварь'. В восточноиранских языках фиксируются рефлексy **dām-* (в том числе в производных): согд. будд. *ʾzwn̄t-δ'm* 'мир живых', хр. *mwrtu-d'm* 'царство мертвых'; язг. *-dom* в составе топонимов, например *Yūzdom* 'долина Язгулём', *Barzdom* — собирательное название верхних кишлаков долины. От прототипа **dmāna-*: согд. будд., ман. *δm̄'n*, *δm'n* 'дом', хс. *damānu*, *damāna-* 'дом' и рефлексy вторичных производных от данных основ, подробнее см. [ЭСИЯ 2, 324–326].

'Дом, хижина' — праиран. или др.-иран. **kata-*, **xata-* — из и.-е. **kṇ-to-* от глагола **k(h)an-* 'копать, рыть': ав.п. *kata-* 'хижина; келья', кл. перс. *kad* 'дом', в совр. перс. *kād-xodā* 'хозяин дома', тадж. *katak* 'курятник' ~ согд. ман. *qt'* [*kat*], будд. *kt'k* 'дом', ягн. *kat* 'дом', шугн. *čīd*, руш. *čod*, хуф. *čod*, барт. *čōd*, рош. *čōd*, сар. *čed*, язг. *kūd* 'дом' (рефлексy употребительны также в названиях населенных пунктов). Варианты **xata-*, **xāna-*, возможно, сохранялись долгое время и в западноиранских (парф. *x'n*, кл. перс. *xāna*), и в восточноиранских языках (согд. будд. *γ'n'k(h)* [*xānāk*] 'дом' и др.); ср. также заимствованное из восточноиранского (скифского?) источника укр. *xama*.

'Дом, жилище' — **grda-* из и.-е. **ghr̥dho-*: ав.п. *gəṛəda-* м.р. 'нора, пещера' (как жилище дэвовских существ), др.-перс. **grd(y)a-* 'раб, слуга' (как принадлежащее дому, семье), ср.-перс. *gāl* 'рабы, прислужники в доме, дворце' ~ хс. *ggālū-* 'семья' (как относящееся к дому) [Bailey DKS, 81]. Подробнее см. [ЭСИЯ 3, 292–293].

'Дом, селение; клан, род' — праиран. **uīś-*, **uīśa-* из и.-е. **ueik̑-*: *uīk̑-*, **uoȋko-* 'дом, селение; место проживания': ав. *vis-* 'дом, селение; клан', др.-перс. *viθ-* 'дом, царский дом, правящий род'; мид. **vis-*, **visa-* 'царский дом, правящий род', бел. *gis* 'дом', пар. *γos* [Раст. СИГЗЯ-Ф, 62; Ефимов Пар., 458] ~ осет. *siaxs* 'зять, жених' из более раннего **isiāxs* < **visi-āxša-* 'принятый в дом' [Аб. ИЭСОЯ III, 101–102].

‘Двери; дверь (двустворчатая)’, а также ‘двор, дворовые постройки, утварь’ — праиран. **duar-* / **duār-* из и.-е. **dhuēr-* : **dhuōr-* : **dhur-* : **dhūr-*; ав.п. *dvar-* 1) ‘ворота, двери’; 2) ‘проход в горах’; др.-перс. *duvar(a)-* ‘ворота; двери’; ср.-перс., кл. перс., тадж. *dar*; парф. *bar* ‘дверь; двери’ ~ согд. будд., ман. *ḍbr-*, хр. *db-* ‘дверь; ворота’; ягн. *divar*, *davar*, хор. *ḍbr*, *ḍfr*, скиф. **dvara-*, осет. *dwar*; пшт. *war*; мдж. *lavar*, йд. *lavor*; шутн. бдж. *divi*, *divu*, руш., хуф. *divo*, барт. *divör*, *duvör*, сар. *diver*, язг. *dəvūr*; ишк., зеб. *var*, сгл. *vör* ‘дверь’; вах. *bar* 1) ‘дверь’; 2) ‘двор — то, что за дверью’ и многие производные слова, подробнее см. [ЭСИЯ 2, 499–501].

2.4.1.8. Другие термины (Outdoor terms)

‘Дорога, путь’ — праиран. **panta-* : *paṭa-* из и.-е. **pont(h)ā-* : *pn̥t(h)ə-*; ав.п. *panti-*, ав.г., п. *paṭ-* ‘путь, дорога’; кл. перс., тадж. *pand* ‘наставление, поучение’ ~ осет. *fændag* ‘путь; дорога’ [Аб. ИЭСОЯ I, 445–446]; мдж. *ponda*, йд. *pōndo*, *pādo*; бактр. *πανδαυο* ‘путь, дорога’ < *pantā-ka-* [S-W Bactr. Doc. II, 251]; шутн. *pūnd* ‘дорога’; руш. *pānd*, хуф., барт. *pōnd*, рош. *pānd* ‘путь, дорога’, сар. *pond* [Morg. EVSh, 56]; язг. *pān*, *pand* (мн.ч. *pāndaṭ*) ‘дорога; путь’ (и как послелог ‘через, сквозь’), сгл. *pānuk*, *pān* ‘дорога, путь’; вах. *vdak*, *vəḍak* ‘путь, дорога’; хс. *pandāa-* < *pantā-ka-* [Bailey DKS, 211; Ст.-К. ЭСВЯ, 378].

‘Переправа, брод’ → ‘мост’:

‘Переправа; брод’ **pṛtu-* — производное от глагола **par-* ‘переправляться, переходить’: ав. *pəṛātu-* ‘брод’, кл. перс. *pul*, совр. перс. *pol* ‘мост’ ~ йд. *pilf* ‘брод’; шутн. *pūd*, руш., барт. *pūg*, сар. *pəwḡ* ‘мелкое место в реке; брод’ [Morg. EVSh, 53]. То же — в старой топонимии, например язг. *Šabug*, если из **uxšā-pṛtu-* ‘коровий, бычий брод’ (аналоги: англ. *Oxford* и греч. Босфор), ср. сходное построение шутн. *Ḫīrōd* с изменением второй части слова по аналогии с шутн. *pōd* ‘нога’ [Эд. Лексикол., 69].

‘Мост; плотина, запруда’ **haitu-* (← ‘плетеный, скрепленный, связанный’) — из арийск. **saitu-*, восходящему к производному от и.-е. **sē(i)-*, **sai-* : *sī-*, **sei-* : *si-* ‘связывать; веревка, ремень’: ав.п. *haētu-* ‘мост; дамба, плотина’; пар. *hī* ‘мост’ [Morg. RLMA, 20, 32; Morg. EVP, 30; Morg. IIFL I, 258] ~ согд. муг. *yttkw*, будд. *ytkw*, ман. *yṭqw* [itkw] ‘мост’ (< **haitu-ka-* с метатезой **-uk-* > *-ku* — из древней основы на **-u*) [Gersh. GMS, 17, 28, 61, 79; Gharib Sogd. Dict., 448]; ягн. *ītk*, *ētk*, *edk* ‘мост’ (< **haitu-ka-*) [ЯТ, 251; Ливш., Хр. ОИЯ, 378]; осет. *xīd* | *xed* ‘мост’ < **haitu-* [Аб. ИЭСОЯ IV, 199]; мдж. *ueya*, йд. *ueya* ‘мост’ (< **ētk-* < **haitu-ka-*) [Morg. IIFL II, 274; Гр. ОИЯ, 172]; шутн.

yēd, руш. *īd*, *yīd*, барт. *yīd*, рош. *yīd*, сар. *yēid* (Sh.) 'мост' (< **hāitu*-) [С ГОЯШ, 50; Morg. EVSh, 105]; ишк. *yatik* 'мост', сгл. *yōtuk* (Ю. *yōtuk*), *yetik* 'мост' (< **ētk*- < **haitu-ka*-) [Morg. IIFL II, 301, 424], хс. *hī* 'мост, дамба' < **haitu*- [Bailey DKS, 481]. Пшт. **hīl* или **hēl* 'мост, плотина' — ныне неупотребительно, в словарях отсутствует; прослеживается в гидрониме кл. перс. *Helmand* 'р. Гильменд', соответствующем ав.п. *Haētu-mant*- м.р. — название реки, букв. 'имеющий переправы, запруды; дамбы' [Barth. AiW, 1728–1729; Morg. EVP, 30; Гр., Эд. Афг., 35]; ср. вариант кл. перс. *Hēdmand* (на этапе перехода **-t* > *δ*) [Laz. Анс. топ., 146; Оранский И.М. К имени бактрийского (?) вождя Κατάνης (IV в. до н.э.). — Палестинский сборник. 21 (84). Л., 1970, 156]. Ср. также венг. *híd*, заимствованное из аланского [Аб. ИЭСОЯ IV, 199; Biel. CLI, 241]. См. [ЭСИЯ 3, 399–400]. Ср. язг. *taw* 'мост', связанное с гл. **taš*- 'тесать, обрабатывать дерево', менее вероятно с **haitu*- в виде производного **haitāiia*.

О названиях водяной мельницы в языках Средней и Центральной Азии см. выше, 2.3, с. 113–114.

'Колесо' — праиран. **čaxra*- < **čakra*- из арийск. **čakra*-: ав.п. *čaxra*- 'колесо'; ср.-перс. *čaxr* 'колесо', кл. перс. *čarx* 'колесо; прядильное колесо; круг вращения небосвода' и др. ~ в восточноиранских языках значение 'колесо' относится не только к транспортному, но и (особенно в языках горных регионов, где колесный транспорт был невозможен) к хозяйственному колесу, особенно к прялке, а также к каменной лавине, камнепаду. Примеры: согд. будд. *čyr*-, *čyrh*, ман. *čxr*- 'колесо, круг', ягн. *čarx* (заимствовано?), хор. *sxr*, *sxur*, *čx(y)r* 'круг; колесо для полива'; осет. *calx* 'колесо; обод колеса'; пшт. *carx*, мдж. *čārṣ* 'колесо; прялка'; йд. *čarx* 'прядильное колесо', *čarxo* 'камнепад, каменная лавина'; ср. также разновременные заимствованные из таджикского языка: вах., шугн. *čarxā* 'камнепад'; вах., шугн. *čarx* 'колесо; мельничное колесо; прялка; точильный круг'; шугн. *čarx* 'кружение, вращение; карусель', *čārṣ* 'колесо, точильный круг'; руш., барт. *čārṣ* 'прялка', рош., сар. *čarx* 'колесо, круг'; сар. также *čārṣ* 'веретено' (раннее заимствование), язг. *čūrṣ* 'прядильное колесо, прядильный станок', язг. *čarx* 'камнепад' и многие производные, подробнее см. [ЭСИЯ 2, 248–250].

О праиран. **nāu*- и его рефлексах см. с. 94–96.

2.4.1.9. Названия растений

'Дерево' — праиран. **daru*-, **dāru*-, **drau*- : *dru*-, **druca*- : **drua*- 'дерево (как растение); древесина, дерево (как материал)' из и.-е. **deru*-, **dreu*- : *dru*- и т.п.: ав.п. *dāru*-, *drav*- : *dru*-; ср.-перс., кл. перс.

dār 'дерево; древесина, бревно; виселица', маз. *dor* 'дерево' ~ хор. *δ'r* 'палка', согд. ман. *δ'rwq*, *δ'rwk* 'дерево (материал), древесина; дрова' < **dāru-ka-*; согд. будд. *δ'r'wk*('), ман., будд. *δ'rwk*(') — то же; ягн. *dork* 'древесина, палка'; пшт. *alwār* 'древесина, брёвна'; пшт. *largay* 'палка, дерево; полено', шугн. *δōrg* 'палка, жердь; бревно; древесина', руш. *δūr*k, хуф. *δūrg* — то же; язг. *δerk* — то же; ишк. *dyrk-* — то же; сгл. *durk* 'древесина, палка' и многие другие, включая производные, подробнее см. [ЭСИЯ 2, 357 и сл.].

'Дерево; лес' — праиран. **uana-* из арийск. **uana-*: ав.п. *⁵van-*, *vanā-* ж.р. 'дерево'; ср.-перс. (перевод с авестийского) *van* ~ в восточноиранских языках распространены рефлексy основ **uanā-* и суффиксальной **uanā-ka-*: например, пшт. *wəna* 'дерево' (< **uanā-* + суф. **-ā*); шугн., хуф. *wān* < **uanā-* 'ива', руш., барт., рош. *wanōj*, сар. *wanij* 'ива', язг. *waneg* 'ива' (*Salix turanica*, *Salix schugnanica*) < **uanā-ka-*, вах. *-nyk* во второй части сложений — из *(*ua*)*nāka-* и вах. *wənyk* 'ива'; хс. *bānīja* 'ива' или 'дуб' [Bailey DKS, 268–269; Ст.-К. ЭСВЯ, 252].

'Береза' — праиран. **barza-* : **brza-* : **barzi-*, **barzi-na-* из и.-е. **bhéraǵ-*, **bhṛǵ-* 'береза' ← 'светлый, белый': пар. *bhīn* 'дерево' [Morg. PFL I, 240] ~ осет. *bærz* | *bærzæ* 'береза'; мдж. *vīzvīrya*, *vīzvīrya*, *vēzvulya*, йд. *zevīryo* 'береза', шугн., бдж. *vēǰz(n)* 'береза', в диалектах: гнд., дарм., шхд. *δēǰz(n)* 'береза', руш. *vāwzn*, барт. *vōwzn*, рош. *vōwzn*, *vōwz*, язг. *vawz* и производные, подробнее см. [ЭСИЯ 2, 127 и сл.].

'Древовидный можжевельник, арча' — праиран. **ha(m)pr̥si-*, **ha(m)pr̥sā-*, возможно, связанное этимологически с **³ham-* 'лето', если учесть, что это вечнозеленое дерево ('лета просящий'?). Более ранняя история неясна. Ав.п. *hapərəsī-* — название растения (использовавшегося для приношения священному огню); рефлексy отмечены в обеих группах иранских языков, см. западноиранские: др.-перс. **hapr̥da-*, **hapr̥duya-*, мид. **haprsa-*; ср.-перс. (?), парф. *'bwr(s)* 'можжевельник', кл. перс. *abhal*, *abhil*, *abhul* {*abhl*}, *vahl*, *vuhl* {*whl*} 'горный можжевельник', совр. перс. *ābhāl* 'вид можжевельника' — собственное развитие из реконструируемого ср.-перс. *(*h*)*aβuhl* < **hapr̥da-* [Henn. Sogdica, 41; Hasandust EDP I, 72–73]. Кл. перс. *burs*, *vurs* 'ягоды можжевельника' (с диалектными вариантами *avirs*, *hovars*, *urs* и др. 'горный можжевельник', см. [Hasandust EDP I, 146]) заимствованы из восточноиранских или северо-западных источников; афтары *varse-d'ār*, талагани *hovars*, *howres*, маз. *vars*; тадж. диал. *vurs* 'арча' — из восточноиранского источника; бел. *apūrs* 'арча' [Morg. Ir.-Dard., 151–152; Morg. Stray notes, 114] ~ в восточноиранских языках: пшт. *obāšt*, ван. *obašta* (и пшт. диал. *uweštá* ж.р.,

ubúḫta ж.р.) 'можжевельник, арча'; мдж. *yéwursa*, йд. *yōvurso* 'можжевельник, арча' (из **ha-pr̥si-* [Morg. IFL II, 274], менее вероятен прототип **ap̥rsi-* [Гр. ОИЯ, 172]), шугн. *ambáḫc*, *anbáḫc*, бдж. *ambēḫc*, диал. брв. *ambēḫc* ж.р., диал. шхд. *ambēḫc* (ж.р. диал. верхн. шхд. *virḫ* (Ю.) 'древовидный можжевельник, арча'); хуф. *ambaws*, рош. *ambāws* (Ленц), сар. *ymbars/c*, *ymbars/c* < **ham-pār̥sā-*; язг. *ambis* 'древовидный можжевельник, арча' < **ham-pār̥si-* (ср. прототип **hampr̥sā-* для всех языков шугнано-рушанской группы и язгулямского в [Morg. EVSh, 14]); ст.-вандж. *vərs* 'арча или стелющийся можжевельник' — название исконно или заимствовано из другого восточноиранского языка через местный таджикский диалект; сгл. *wəšt* (М.), *vəšt* (Ю.) 'арча' (заимствование из пашто?). По мнению Г.Моргенштерне [Morg. IFL II, 420], прототипом для сангличского *wəšt* послужило **hap̥rsi-tā*, соответствующее прототипу для йидга *yōvurso*, но в таком случае неясно, откуда здесь *-t* и почему в анлайте *w-* вместо *v-*; запись Ш.Юсуфбекова *vəšt* снимает второй вопрос. См. также вторичные производные: шугн. *ambaḫcin*, *anbaḫcin*, бдж. *ambēḫcin*, диал. брв. *ambēḫcin*, язг. *ambisin* 1) 'арчовый'; 2) 'сделанный из (древесины) арчи' (ср. шугн. диал. шхд. *virḫin* 'арчовая роща'); язг. (верхн. говор) *əmbərbisúg* 'арча'. Сравнения и этимологии см. [Оранский Рус. *береза*, 138; Эд. СГВЯ-Ф, 87; Henn. Sogdica, 41; Morg. Stray notes, 114; Oranskij *buruj*, 437; Morg. Ir.-Dard., 85; Ст.-К. ЭСВЯ, 422]. Подробнее, с литературой, см. [ЭСИЯ 3, 356–357].

'Ива, лоза' — праиран. **uaiti-*, **uaita-* — из арийского имени **uaiti-*, **uaita-*, связанного с и.-е. **uei-* 'гнуть(-ся), вить(-ся)': ав.п. *vaēti-* 'ива, ивовый прут', ср.-перс. *vēt* 'ива', тадж. *bed* 'ива' ~ ягн. *wet* 'ива, лоза; виноград'; пшт. *wala* 'ива'; шугн. *wēd* 'верба, ива', сгл. *wēd* 'ива', язг. *widǵ* 1) 'виноград'; 2) 'виноградная лоза'; мдж. *wəyo* 'ива', йд. *wīya*; хс. *bī* 'ива; лоза', при осет. *widag* | *wedagæ*, *jedagæ* 'корень' (< 'нечто вьющееся') [Bailey DKS, 279; Аб. ИЭСОЯ IV, 106].

'Цветок, роза' — праиран. **uarda-* — производное от корня **uard-* 'расти': ав. *varəda-* 'роза'; ср.-перс., кл. перс., тадж. *gul*; бахт. *vel* 'цветок'; сив. *vel*, *vele* ~ согд. ман. *wrd* 'роза' [Gersh. GMS, 32, 44].

Названия культурных растений, особенно распространенных в Памиро-Гиндукушском регионе, и их этимологии см. в работе [Ст.-К. Назв. раст., 128–129].

Основные из культурных растений, древние названия которых отразились в восточноиранских языках:

'Пшеница' — праиран. **ganīṭma-*, **ganduma-* 'пшеница' — название, сходное с др.-инд. *godhūma-* 'пшеница', однако единый общеарийский прототип не реконструируется (см. гл. I); возможно, было ранним культурным заимствованием в арийские языки либо

изменено в связи с народной этимологией: ав.п. *gantuma-* м.р. 'пшеница'; ср.-перс. *gandum* 'пшеница' [МасК. CPD, 35]; кл. перс., тадж. *gandum*, дари *gandom* 'пшеница' ~ согд. хр. *γntwm*, муг. *γntm* [*γandum*] 'пшеница' [Ливш. 2008, 238; Ливш., Хр. ОИЯ, 382–383]; ягн. *γántum*, *γámtun* 'пшеница' [ЯТ, 256]; хор. *γnd(y)m* 'пшеница' [Benz. Chwar. Wort., 289; Humb. CLI, 193, 197]; пшт. *γanám* ж.р. 'пшеница' (возможно, старое заимствование, ср. в пар., орм. *ganum*, поскольку в исконных словах пашто **nt* и **nd* дают *nd*; ср. ван. *γandám*) [Morg. EVP, 26; Elf. Wan., 591; Skj. CLI, 403]; мдж. нижн. *γóndám*, верхн. *γódám*, йд. *γādám*, *γadum* (< **gāntuma-*) 'пшеница' [Morg. IIFL II, 211; Гр. ОИЯ, 179]; шугн. *žindam* I. 1) м.р. 'пшеница; пшеничное зерно'; 2) м., ж.р. 'пшеница (на корню); хлебный злак'; 3) ж.р. 'поле, участок под пшеницу'; II. 'пшеничный'; руш., хуф., барт., рош. *žindam*, сар. *žandam* 'пшеница' (по фонетическим признакам, из вторичной формы ж.р. или мн.ч. **gantumā-* (?) [С ГОЯШ, 20, 38, 49; Morg. EVSh, 110]); ишк. *γündým*, сгл. *γōndám* 'пшеница' [Morg. IIFL II, 395]; вах. *γ(ə)dim*, *γđim* 'пшеница' (< **ga(n)dūma-* [Ст.-К. ИФВЯ, 167; Ст.-К. ЭСВЯ, 189] или с утратой *-n-* под влиянием индоарийских языков или мунджанского верхнего диалекта, где утрата **-n-* перед согласным закономерна); хс. *ganama-* 'пшеница' (< **gandama-*) [Bailey DKS, 79]. Некоторые несоответствия в вокализме могут происходить не из разных унаследованных словоформ, а в связи с ранними заимствованиями слова из одного иранского языка в другой. Имеется большое число производных слов и сочетаний. Подробнее, с литературой, см. [ЭСИЯ 3, 150–152].

'Зерно, злаки; жито' — праиран. **iaça-* из и.-е. **ieço-* 'злаки; хлеб в зерне': ав.п. *yava-* 'злак', кл. перс., тадж. *jav* 'ячмень' ~ рефлексy в восточноиранских языках обозначают разные злаки, т.е. в период отделения древнейших восточноиранских диалектов от праиранского единства значение еще не было конкретизовано. Важно, что этим термином обозначались жизненно важные злаки — «жито», подробнее см. [Ст.-К. Назв. раст., 24–25]: осет. *jæw* 'просо' [Аб. ИЭСОЯ I, 563–564] и осет. ирон. *tæpæw* 'пшеница' из сочетания *tæp-jæw* 'мой злак' [Аб. ИЭСОЯ II, 92]; согд. ман. *yw-* 'ячмень' [Gharib Sogd. Dict., 448–449], ягн. *yaw* 'ячмень', язг. *žûw*, *žû* 'пшеница' (и в композите *γəržû* 1) 'плесень'; 2) 'лишайник (на камне)', где первая часть — из *γār* '(небольшой) камень; скала'); мдж. *yaw* 'зерно, хлеб', йд. *yōi* 'зерно, хлеб', ишк. *yaw* 'зерно', сгл. *yoi*, сар. *zæw* 'зерно; урожай', вах. *žaw* 'зерно; зерновые культуры; злак; хлебá' [Ст.-К. ЭСВЯ, 446].

'Зерно; хлеб в зерне; злак; зернышко' — праиран. **dāna-* из и.-е. **dhōnā-*: ав.п. *dāna-* 'зерно'; ср.-перс. *dān* 'семя; зерно, хлеб в зерне',

ср.-перс. *dānak* — то же, кл. перс. *dāna* 'зерно, семя; штука (при счете небольших предметов)' ~ согд. ман. *ḍ'n* 'семя; зерно'; ягн. *don* 'зерно'; хор. *ḍ'n* 'злаки; хлеб в зерне'; пшт. *nina* (обычно во мн.ч. *nine*) 'поджаренные зерна' (из более раннего **lūna*); шугн. *ḍūn* 1) 'жареные зерна (пшеницы, ячменя)'; 2) 'хорошо пропеченная (о лепешке)', руш., хуф., барт. *ḍōn*, сар. *ḍun* 'жареные зерна', ишк. *din*, вах. *ḍyn* — то же; а также производные: например, **dāna-ka-*: пшт. *nāngə* 'ежевика'; диал. вазири *nīnakī* 'дробь'; мдж. *lonayā* 'зерно; зернышко', йд. *napoyo* — то же; шугн. *ḍūnj* 'плодовое семечко; зернышко'; язг. *ḍanāg* 'зерно, зернышко; зерна; семечки'; сгл. *dūnik*; вах. *ḍyng*, *ḍəng* 'зерно, косточка (плода); штука (нумератив при счете мелких предметов)', хс. *dānā-* 'злаки; хлеб в зерне' и другие производные, см. подробнее [ЭСИЯ 2, 448 и сл.].

'Ячмень' — праиран. **kaśaka-* (в нотации Г.Моргенштерне **kasaka-* [Morg. EVSh, 28]): кл. перс. *kašk* ~ мдж. *kosk* 'ячмень', язг. *kusk* — то же; шугн. *čūšč*, руш. *čošč*, хуф. *čušč*, сар. *čyšč*, *čūšč* 'ячмень'; хс. *chaska* 'ячмень' [Bailey DKS, 107]. Подробнее см. [Ст.-К. Назв. раст., 23].

'Просо' — праиран. **(h)aržana-* или **āržana-*: др.-перс. **(h)ardana-* (?), ср.-перс., тадж. *arzan* 'просо' (из северо-западного или восточноиранского источника с отражением **ž > z*), но бахт. *halum* (с *l < *rd*) ~ согд. муг. *'rzn* 'просо'; пшт. *ždan*, ван. *ēždan*, мдж. *yūrzan*, йд. *yurzun* 'просо'; ишк. *užd̄yn*, сгл. *wužd̄än* 'просо'; хс. *ā'ysam*, *eysam*, хс. поздний *eysä*; вах. *yirz(n)*, *irz(n)* 'просо', см. подробнее [ЭСИЯ 1, 230].

'Конопля' — праиран. **banga-* из арийск. **bhangā-*: см. ср.-перс. *bang* 'белена', кл. перс. *bang* — род опиума из конопляных листьев, белены. В восточноиранских языках собственных рефлексов практически нет, в основном используются заимствования в виде *bang* и производные от заимствований. Подробнее см. [ЭСИЯ 2, 81–83].

Как уже говорилось (см. гл. I), названия грецкого ореха несколько различались по древним диалектам. Это были имена, производные от глагольного корня **gauž-* 'прятать(-ся), укрывать(-ся), покрывать(-ся) с разными префиксами. Наблюдаются рефлексy производных **a-gauža-*, **ni-gauža-*, **ha(m)-gauža-*. Отмечаются в западноиранских и восточноиранских языках. Конкретные имена связаны с предпочтительными словообразовательными моделями разных языков. Ср. западноиранские: ср.-перс. *gōz*, перс. *goz*, *gawz*, курд. *gūz*, маз., гил. *āyuz*, тал. *viz*. Сходные формы свидетельствуются в качестве заимствований в соседних тюркских языках. В восточноиранских языках при закономерном переходе **g- > *γ-* и **-ž > -z*: шугн. *γūz*, руш., хуф., барт., рош. *γūz*, сар. *γewz*, *γawz*, язг. *γəz*, мдж. *āyūza*,

йд. *oγūzo*, пшт. *oγoz*. Эти примеры указывают на прототип **(a)gauza-* и на то, что в среднеперсидском и других юго-западных языках слово было заимствовано из северо-западного источника (или источников). Осетинское название *ængūz* | *ængoza* и заимствованные из иранских источников груз. *nigoz-i*, мегр. *nez-i*, *nez-i*, др.-арм. *əngoja* и др. указывают на прототип с начальным **ni-*. Подробнее о словообразовании этих названий в разных регионах см. [Ст.-К. Назв. раст., 110–111; Эд., Кл. Лекс. изогл.; см. также ЭСИЯ 3, 257–258].

2.4.1.10. Названия природных объектов, явлений и стихий

‘Вода’ — названия связаны с обозначениями реки, источника и других водных объектов.

Праиран. **āp-* : *ap-* ‘вода; поток, река’ — из и.-е. **āp-* : *ap-* ‘вода; поток, река’: ав.г., п. *ap-* : *āp-* и *āpi-* ‘вода’, др.-перс. *ap-* и *āpi-*, ср.-перс. ран. *āp*, поздн. *āb*, кл. перс. *āb*, совр. перс. *āb*, тадж. *ob* ~ согд. хр. *’b*, *’p*, будд., ман. *’p* [*āp*], ягн. *op* ‘вода’, хор. *’b*; скиф. **āp-* ‘вода’; бактр. αβο ‘вода’ и бактр. ман. у’β — то же; от суффиксальных прототипов **apa-ka-*, **āpa-ka-* в восточноиранских языках сохранились: хор. *’bk* ‘пузырь’, согд. ман. *’рук* ‘водяной, водный’; пшт. *ubə*, *obə* ‘вода’, диал. вазири (у)*ēbō*, мдж. нижн. *uowya*, мдж. верхн. *uowga*, йд. *uauyə*, *youyō*; ишк. *vek*, сгл. *vēk*; вах. *uipk* ‘вода’ и другие производные, подробнее см. [ЭСИЯ 1, 311 и сл.].

Праиран. **uda-* или **auda-* ‘родник’ от глагола **aud-* : *ud-* ‘пробиваться родником, сочиться’ из и.-е. глагола **ued-* : *ud-*: ав.п. *aoda-* ‘родник, источник’, надежных продолжений в виде самостоятельных имен в восточноиранских языках не наблюдается, см. [ЭСИЯ 1, 257]. Имеется ст.-вандж. *wol* ‘вода’, но оно не обязательно связано с обозначением воды **uda-* или **uada-* (тем более, что переход **d > l* для этого языка нехарактерен), возможно, это от заимствованного культурного термина, обозначающего ‘арык’, ср. язг. *wad*, шугн. *wēd*, вах. *wod/δ*, мдж. *wēla*, йд. *wólo*, пшт. *wālə* ‘арык; оросительный канал’ < **uād(i)-*, см. [Ст.-К. ЭСВЯ, 390]; подробнее см. [ЭСИЯ 1, 257].

Праиран. **dānu-* ‘вода, река’ из и.-е. **dānu-* — от корня **dā-* ‘течь’ при праиранской контаминации с производным от **dan-* ‘течь’ < арийск. **dhan-*: ав. п. *dānu-* ‘течение; поток, река’; в западноиранских языках надежных рефлексов не наблюдается ~ в восточноиранских языках рефлексy характерны для скифо-осетинского ареала: скиф. **don-*, **dan-* ‘река, вода’ (особенно отчетливо — в составе гидронимов — названий рек *Дон*, *Днепр*, *Днестр* [Аб. ОЯФ, 162;

Аб. ИЭСОЯ I, 366–367]), алан. **dan*- ‘вода’, раннеосет. -*dan* ‘река’ (в топонимии ряда мест Кавказа), осет. *don* 1) ‘река’; 2) ‘вода’ и в производных, подробнее см. [ЭСИЯ 2, 450 и сл.].

Праиран. **xan*-, **xā*- // **kan*-, **kā*- ‘источник, родник; вода’ из арийск. **k(h)ā*-, **khan*-: ав.п. *xan*- ж.р. ‘источник; родник’, ном. мн.ч. *xā*; ср.-перс. *xān* ‘источник’, *xānīg* ‘источник; колодец’, парф. *xānsār*, *xānīg* ‘источник; колодец’, кл. перс. *xānī* ‘источник; бассей́н’ ~ в восточноиранских языках отразилось в основном в значениях ‘источник, родник’: согд. будд. *γ’γh*, ман. *x’x*, ягн. *xok* ‘ключ; ручей’; вах. *kyk* ‘источник (обычно — горячий); родник’ < **kāka*- // **xāka*-, мдж. *xūṣā*, *xūḡā*, йд. *xūṣo* ‘источник, родник’; ван. *xōzī*; хс. *khāhā* ‘источник’ и некоторые другие, менее достоверные, см. подробнее [Ст.-К. ЭСВЯ, 220–221]. Исключение — язгулямский язык, где *hex* < **xā-ka*- приобрело значения ‘вода’ и ‘река’, и ст.-вандж., где *kik* ‘вода’, *ḡik* ‘вода, ручей’ [ЯТ, 360]; но также ст.-вандж. *kain* ‘источник, родник’ < **kā-na*- (ср. название небольшой реки *Hexak*, в язгулямском ‘речушка, водичка’).

‘Река, поток’ **rautah*- из более раннего **hrautah*-, связано с корнем **rau*- < **hrau*- < и.-е. **sreu*- ‘течь’: др.-перс. *rautah*-; ср.-перс., парф. *rōd*, совр. перс. *rud*- ~ согд. ман. *rwt*, *rwwt* [*rōt*] ‘река’, ягн. *rawt*, *rowt* ‘река’ [ЯТ, 312; Ливш., Хр., ОИЯ].

‘Море, большая река’ — праиран. **zrajah*- (о ранних значениях слова и его рефлексах см. выше, гл. I, п. 1.3).

‘Огонь’ — праиран. **ātr*-, **ātar*- из и.-е. **ātr*-, **āter*-: ав.г., п. *ātar*-, *ātərə*-, *ātr*-, *āḍr*-, ном. ед.ч. *ātarš*; др.-перс. *ātar*-, ср.-перс. ран. *ātur*, поздн. *adur* ~ согд. будд., ман. **tr*- [*āt(a)r*-] ‘огонь’, **š* — название 9-го дня; ягн. *ol* (в производном глаголе *ol xaš*- ‘загораться, зажигаться, пылать’); осет. *art* ‘огонь’ (с метатезой); скиф. **ātar*-, **āḍr*-; хор. **dr* и **dyr* ‘огонь’; бактр. *ataro*- и *aḍšo* ‘огонь’; пшт. *or* (диал. вазири *yōr*, в других диалектах также *hōr*, *ōr*, *wōr*), мдж. *yūr* ‘огонь, костер’, йд. *yūr*; шугн. *yōc*, руш. *yūc*, барт. *yōc*, сар. *yuc*; язг. *yec* ‘огонь’ < **ātr*- и многие производные, подробнее см. [ЭСИЯ 1, 318–324].

‘Огонь’ — праиран. **agni*- из и.-е. **egni*-, **ogni*-: надежных примеров самостоятельного употребления в поздних языках не обнаружено. Предположительно прослеживается в производных именах в язгулямском *aṇpag* ‘кремень (?)’, если из **agn(i)a*-, и *wāṇp* ‘черный’, если из **aṇa*- + **agn(i)a*-, подробнее см. [ЭСИЯ 1, 85–86].

‘Гора’ — праиран. **gari*- ‘гора, холм; валун, скала’ из и.-е. **g^wr̥-i*-, **g^weri*- от корня и.-е. **g^wer*-, **g^wor*-: ав.п. *garay*- : *gairi*- ‘гора; горная местность, горная цепь’; мид. **gairi*- (с эпентезой, аналогичной авестийской) в производном слове **gairika*- и.с. (из греческого источника), букв. ‘горец’ [Hinz NÜ, 102]; ср.-перс. *gar* {*gl*} ‘гора’

[Nyb. MP, 81; MacK. CPD, 35]. Мнение о вытеснении в вымерших (так называемых среднеиранских) языках западной группы рефлексов **gari-* рефлексами **kauf/pa-* [S-W CLI, 168–169] не совсем справедливо, ср. рефлексы этого слова:

в западноиранских: ср.-перс. *gar* {*gl*} ‘гора’ [Nyb. MP, 81; MacK. CPD, 35]; лур., бахт. *gar* ‘гора’; курд. курм. *gir*, *girik* ‘холм, возвышенность’ [Цаб. ЭСКЯ I, 384]; пар. *gir* / *ger* ‘камень’ [Morg. RLMA, 31; Morg. IFL I, 254]; орм. лог. *giri*, орм. кан. *gri* ‘гора’ [Morg. IFL I, 395; Morg. EVP, 26] (поскольку рефлексы дожили до эпохи живых иранских языков этой группы, они должны были пережить и среднеиранское состояние);

в восточноиранских: согд. будд., ман., хр. *γr-* [*γar-*] ‘гора’, согд. ман. косв. п. *γруу* ‘гора’ [Henn. BBB, 126; Gersh. GMS, 139, 179–180; Gharib Sogd. Dict., 166]; ягн. *γar* 1) ‘гора’; 2) ‘перевал’ [ЯТ, 256; Ливш., Хр. ОИЯ, 379]; пшт. *γar* ‘гора; груды (камней, зерна и др.)’, перен. ‘титан, гигант’ [Morg. EVP, 26; MacK. Pashto, 554]; мдж. *γār* ‘перевал’ [Гр. ОИЯ, 175]; мдж. (М.) ‘hill, stone’; йд. *γar* ‘холм, гора’ [Morg. IFL II, 212]; бактр. *γαρο* ‘гора’ [S-W Bactr. Doc. II, 206]; шугн. *z̄ir*, хуф. *žær*, руш., барт. *žēr*, рош. *z̄ir*, сар. *žer* ‘камень’ [С ГОЯШ, 17, 28]; язг. *γār* ‘камень; скала; скальная вершина горы’, в топонимии — ‘гора’ [Morg. EVSh, 36, 110]; сгл. (М.) *yēr*, *ȳir*, (Ю.) *ȳir* ‘камень’ (и заимствованное *gar*) [Эд. СГВЯ-Ф, 145], вах. *γar* ‘камень’ [Ст.-К. ЭСВЯ, 187], хс. *ggara-*, *ggari* (поздн. *gara*, *ga*, лок. ед.ч. *gīra*) ‘гора’ [Bailey DKS, 80]. Имеются также производные слова в языках как западной, так и восточной группы, подробнее см. [ЭСИЯ 3, 191–193]. Таким образом, рефлексы **gari-* сохраняются в обеих генетических группах иранских языков.

Праиран. **kaupa-* / **kaufa-* ‘гора; горб (животного)’ из и.-е. **keu-p-*: ав. *kaofa-* ‘гора; горб животного’, др.-перс. *kaufa-*, ср.-перс., парф. *kōf*, перс. *kuh* ‘гора’ ~ мдж. *kīfa*, пшт. *kup* ‘сгорбившийся’, *kubau* ‘горбатый (о животном)’; язг. *kār* ‘камень; большой валун, скала’, ст.-вандж. *kup*, *kub* ‘камень, гора’, сгл. *kīf* ‘горб животного’; вах. *kār* ‘горб животного’, хс. *kuva* ‘холм’ [Эд. СГВЯ-Ф, 25, 186].

‘Земля’ — праиран. **zāt-* из и.-е. **ǵh₂dēm-*, **ǵh₂dom-*: ав.г., п. *zāt-* ‘земля’, др.-перс. *zāt-* — то же, ав.п. *zātāēna-* ‘земляной’, *zātaraē* нареч. ‘в земле’; ср.-перс., парф. *zātīg* ‘земля; страна’, тадж. *zāmin* ‘земля’ ~ согд. ман., хр. *z’у*, хр. также *зу*, ман. *z’уу*; согд. будд., ман. *z’уh* ‘земля’, будд. *z’у-βwmh* ‘земля’; а также ман. *z’уçyuk*, хр. *z’уçyug* ‘земной, земляной’ [Gersh. GMS, 184; Gharib Sogd. Dict., 457]; бактр. *ζαμίο*, *ζαμιο* ‘(участок) земли; почва; земля; мир’ [S-W Bactr. Doc. II, 211]; шугн., хуф., руш. *zimād* ‘земля, поле’, сар. *зытод* ‘земля, суша’, язг. *zātād* ‘земля’ (мн.ч. *zātadaδ* означает ‘кладбище’)

и производные, например, язг. *zəmarəy* ‘земляной гриб’; хуф. *zimar-wīx* ‘солома от зерновых’ [Morg. EVSh, 108].

‘Солнце’ — праиран. **h(u)uār- / *h(u)uan- > *x^var- / x^van- : hūr- / hūn- (?)* из вариантов и.-е. **suuél-, suél-, sūl- / *suen- : sun-* (с основами на **l/n*): ав.г., п. *hvar-*, ав.г. *x^van-* 1) ‘Солнце — как светило; солнечный свет’; 2) Солнце — как имя божества; др.-перс. **hvar-*, **x^van-* ‘солнце’ в составных словах; ср.-перс. *x^var* ‘солнце’, кл. перс. *x^var*, *xōr* ‘солнце’, хури *fār*, сив. *for* ~ согд. будд. *γwr*, ман., хр. *xwr* [*xūr*, *xōr*] ‘солнце’, ср. нестяженную форму в согд. будд. *γwур*, ман., хр. *xwур* [*xiwər*] или [*xiwä/er*] [Gersh. GMS, 36, 232; Ливш., Хр. ОИЯ, 386, 398] < **hūriya-* (ср. др.-инд. *sūrya-*, *svār* и *súvar-*) [Gersh. GMS, 36; Мh. EWA-20, 742; Мh. EWA-28, 568]; ягн. *xūr*, *xūr* ‘солнце’ < **h(u)uār-* [Gersh. GMS, 36–37; ЯТ, 363], в XIX в. сохранялась также форма ягн. *xuar*, т.е. [*x^oar*]; хор. ‘хур, ‘*xr*, хур, хwур ‘солнце’ < **huuār(ia)-* с *x-* < **x^v-* < **hy-* [Henn. Khwar. Lg., 431; Henn.-MacK. Khwar. Dict., 57]; осет. *xūr* | *xor* 1) ‘солнце, солнечный’; 2) перен. ‘счастье’ (восходит к основе косв. пад. **hūr-*, с вторичной сильной огласовкой, ср. ав. *hūrō*, др.-инд. *sūras* [Biel. Oss., 257; Аб. ИЭСОЯ IV, 246–248]; скиф. **hvar* ‘солнце’ в скифо-сарм. *Xoroaθos* ‘вестник солнца’ и др. [Аб. Ск.-сарм., 291]; пшт. зап. *lmar* м.р., *almar*, вост. *ntar*, *nwar* м.р. ‘солнце’ — с *nm-* < **nw-* < **hy-* (при назализации **h*, сходной с авестийской), диал. вазири *lmēr* [Morg. EVP, 54; Morg. Ir.-1942, 67]; шугн. *xīr*, руш., хуф. *xor*, барт. *xōr*, сар. *xer* ‘солнце’ (< **x^var-*) [Geiger Kl. Dial., 307], ср. [Morg. NTS I, 76]. Язг. *xəwūr* (< **xəuār-* < **huuār-* ‘солнце’ (соответствующее др.-инд. ведич. *súvar-* < и.-е. **suuél-*, хотя не исключено и позднее разделение фокусов **x^v-* > *xəw-* при поляризации слова с фонетически сходным *xūr* ‘осёл’) [С ГОЯШ, 25, 79; Morg. EVSh, 98; Эд. Фон. **x^v*, 84; Эд. СГВЯ-Ф, 123]; вах. (y)*ir* ‘солнце’ < **hur-* [Ст.-К. ИФВЯ, 224; Ст.-К. ЭСВЯ, 426]. См. также ст.-вандж. *yor* ‘солнце’. Подробнее см. [ЭСИЯ 3, 438–443].

‘Луна, месяц’ — праиран. **māh-*, перед глухим согласным также **mās-*: из вариантов и.-е. *mēs-, mēns-* от основы и.-е. *mēnōt-* ‘луна, месяц (включая календарный)’: ав. *māh*, ср.-перс., кл. перс. *māh*, тадж. *moh* ~ согд. *m’γ*, ягн. *moh*, *mox* — контаминация с заимствованием из таджикского); хор. *māhi*, осет. *mæj*; бактр. *μαο*, йд. *mux* < **maha-xa-*; вах. *тыу* ‘месяц (как период времени)’ < **māh(a)-* [Ст.-К. ЭСВЯ, 241]. В некоторых восточноиранских языках отражается с суф. **-ti-* — **mās-ti-*: пшт. *myāšt* ‘месяц; новолуние’ (с поздним переходом **-st-* > *-št-*, в диалектах также *myāst*, *miyāst*); шугн. *mēst*, руш. *mēst*, барт. *mōst*, сар. *most*; язг. *mast* ‘луна; месяц’; хс. *māsti* [Эд. СГВЯ-Ф, 96–97]. Вах. зап. *mak* < **māha-ka-* (иначе [Ст.-К. ЭСВЯ, 230]), вост., центр. *žytak* ‘луна, месяц’ — продолжение сочет. *žy*

‘мой, моя’ + *mak* ‘луна’ [Ст.-К. Луна] или **uš-* + *māha-ka-* (с **uš-* от основы **auš-* ‘светить’), т.е. ‘светящая луна; лунный свет’ [Эд. СГВЯ-Ф, 114–115], ср. пшт. *spožmæu* ‘луна’ [Morg. EVP, 49, 69].

‘Звезда’ — праиран. **stār-* из и.-е. **stēr-* ‘звезда’: ав. *stār-* ‘звезда’, кл. перс. *siṭāra* < **stāraka-* ‘звезда’, тадж. *sitora* ‘звезда’ ~ согд. будд. **st’rk*, *st’ry*, согд. **st’r’k* ‘звезда’ (ягн. *sitora* — возможно, контаминация с таджикским заимствованием); хор. (‘)*st’r(y)k* ‘звезда’ (мн.ч. (‘)*st’r(y)c*) [Benz. Chwar. Wort., 91, 584]; осет. *st’aly*, мдж. *storыu*, йд. *stārē* ‘звезда’; пшт. *storay* ‘звезда’, ишк. *strūk*, вах. *s(ə)tor* ‘звезда’ — контаминация исконного развития **stār(a)-* и заимствованного из тадж. *sitora* [Ст.-К. ЭСВЯ, 324]; шугн. *xitêrз*, руш., хуф. *xitêrз* < **stāra-čī-*, барт., рош. *xitōrj*, сар. *xiḷyturj*; язг. *ḫ(ə)tarag* ‘звезда’ < **stāra-ka-*.

‘Заря, рассвет’ — праиран. **aušah-*, **ušah-*, **ušāh-* из и.-е. **usōs-* и **āusōs-* ‘рассвет, заря’: ав.г., п. *ušah-* : *uš-* ‘утренняя заря, рассвет; утро’; ср.-перс. ран. *uš-bām* ‘рассвет, утренняя заря’ ~ согд. будд. **wš-* [*uš-*]; сар. *uēwl* ‘рассвет; утро’. Ср. также производные слова и сочетания: согд. будд. **wš’*у *kyr’n* ‘восток; восточный регион’; мдж. *wəyišk* ‘утро; раннее утро’, йд. *wūšč* ‘утро’; шугн. *afaṣ*, руш. *afaw*, барт. *afāw*, сар. *fal*; язг. *afaw* ‘послезавтра’ < **apyušā-* < **api-uša(h)-* и другие, менее прозрачные, типа согд. ман. *wuws* [*yuus*] ‘утро; раннее утро; заря’, согд. будд. *wu’ws* — возможно, именные образования от инхоативной основы глагола **usa-* < **uš-sa-* ‘светать’, подробнее см. [ЭСИЯ 1, 263–264].

‘Весна; лето’ — праиран. **uahar-* — от того же индоевропейского корня в огласовке **ues-*: ав.п. *vaghār-* ср.р. ‘весна’, кл. перс. *bahār*, тадж. *bahor* ‘весна’ ~ пшт. вост. *woṛay* ‘лето’; *oṛay* ‘лето; летний урожай’; мдж. *wōro*, йд. *wāro* ‘лето’, подробнее см. [ЭСИЯ 1, 264–265].

‘Лето’ — праиран. **ham-* / *han-* (второй вариант — перед ден-тальными и заднеязычными), **hama-* ‘лето (и осень?)’ из и.-е. **sem-*, **sēmā-* (с распространителем *-ā), **sēmēr-* (с распространителем *-r): ав.п. *ham-* : -*šam-* м.р. ‘лето’ и при вторичной тематизации — *hama-* ‘лето’, во мн.ч. также ‘летом, в летнее время’; ав.п. *hamina-* 1) прил. ‘летний’; 2) сущ. ср.р. ‘летнее время, летний период’; ср.-перс. (пехл.) *hamēn*, *hāmēn* ‘лето’; курд. курм. *hāvîn*; бел. *āmēn* ‘лето’ ~ согд. ман. ”*тунуу* м.р. ‘лето’ [Henn. BBB, 118]; хор. *y’mnk* ‘лето’ — препозит. артикль + **mnk* < **hamanaka-* < **hāmīna-ka-* [Henn. Khwar. Lg., 425; MacK. Khwar. Gl. I, 551; Henn.-MacK. Khwar. Dict., 48]; пшт. *māṇay* м.р. ‘осень, осенний урожай’ (< **hamīnakah* [Skj. CLI, 398–399]); сар. *menj* ‘лето, летний’ < **hamina-ka-*; язг. (h)*amanāg* (< **hāmāna-ka-*) ‘лето; летний’ [Ed. Hist. Cons., 307]; хс. *hamāna-* ‘лето’ [Bailey DKS, 459]. См. подробнее [ЭСИЯ 3, 355–356].

‘Зима’ — праиран. **zai-na-*, **zīman-*, **zīmaka-* из и.-е. **ǵhiom*, **ǵhiōm* ‘зима’ от корня **ǵhei-* : **ǵhi-* ‘зима, снег’: ав. *zayan-*, *zāēn-*, *zayana-*, *zyā-* ‘зима’ (ген. *zimō*); кл. перс. *zimistān*, тадж. *zimiston* ‘зима’ ~ согд. *zm’k*, пшт. *žəmay*, *zəmay*; бактр. *Σιμυο* зима < **zīmaka-* (ср. ав. *zəma-* ‘winter storm’, парф. *zm̐g* ‘зима’) [S-W Bactr. Doc. II, 212]; хс. *ysāmāna-* ‘зима’, сар. *zymun* ‘снег’; сар. *zēyn*, *zayn* ‘зима’; язг. *zin* ‘зима; зимой’ < **zain-* ‘зима, зимний’; вах. *zəm* ‘снег’ < **zima-* [Эд. СГВЯ-Ф, 89; Ст.-К. ЭСВЯ, 439–440].

‘Сезон, год’ — праиран. **śarad-* ‘год, сезон’ и ‘холод; холодный’ — рефлекс производного из и.-е. **kel-* 1) ‘морозить; холодный’; 2) ‘теплый’: ав. *sarəta-* ‘холодный’ и ав. *sarəd-* ‘год’; кл. перс. *sard* ‘холодный’, *sāl* ‘год’ ~ осет. *sald* ‘мерзлый’ — прич. от *sælyn* | *sælun* ‘замерзать, мерзнуть’ и осет. *særd* | *særdæ* ‘лето; летом’ [Аб. ИЭСОЯ III, 27, 64, 80]; согд. *srδ-* ‘год’, хор. *srδ*, хс. *sāla-*, язг. *sawδ* ‘год’; в производных: хор. ‘в этом году’; шугн. *asīd*, *asī*, бдж. *asīδ*, руш., хуф. *asōδ*, барт., рош. *asōδ*, сар. *sed*, язг. *asūδ*, ишк. *asol*, сгл. *asāl*, йд. *asāl* ‘этот год, в этом году’, *prasāl* ‘в прошлом году’; бактр. *σαρδο* ‘год’ (и производные: *παρσαρλο* ‘в прошлом году’; *ασαρολο* ‘в этом году’; *νωγοσαρδο* — название месяца, букв. ‘новый год’) [S-W Bactr. Doc. II, 194, 240, 251, 262]; вах. *wəsərd* ‘этот год, в этом году’ < **ā-śar(a)da-*; пшт. *psarlay* ‘весна’ < **pati-śar(a)da-ka-* (менее вероятно предлагаемое Г.Моргенштерне **upa-śar(a)da-ka-* [Morg. EVP, 60]). Этимологии см. также [Morg. EVSh, 16; Ст.-К. ЭСВЯ, 399].

‘Лед; мороз; холод’ — праиран. **aixa-* : *īxa-* ‘лед, холод; мороз; холодный, замерзший; превратившийся в лед’ из индоевропейских основ от **ei-*: ав.п. *isu-* ‘морозный, ледяной’ ~ пшт. *asay* ‘иней’, диал. ‘туман’; ишк. *ayos* ‘холод’; от варианта **aiš-* : *iš-*: шугн., бдж. *uīṣd*, *īṣd*, шугн. также *iṣ* ‘онемелый, затекший (о части тела)’; язг. *aṣd* ‘промерзший, превратившийся в лед; замерзший насмерть; задеревеневший’; вах. *uiṣ*, *iṣ* ‘лед’; согд. будд. *uudun* ‘ледник’ (с метатезой из **aixa-dāna-*), ягн. *īx*, *ex* ‘лед’; осет. *īx* | *ex* ‘лед; град’. Сюда же относятся обозначения ‘холодно, холодный’ и производные: шугн. *išēv*, *uišēv*, *šēv* ‘дрожь, озноб’ и др., подробнее см. [ЭСИЯ I, 140 и сл.].

‘Тепло, теплый; жарко, жара’:

от корня **tap-* ‘теплый, горячий’ — из и.-е. **tep-*: ав. *tap-* ‘быть / делать(-ся) горячим, нагреваться’ (през. инх. осн. *tafsa-*, прич. перф. *tapta-*, осн. кауз. *tāpaṇa-*); тадж. *tafsidan* ‘нагреваться’, *tapt* ‘жар, зной’ ~ примеры имен: пшт. *tod* ‘жаркий’ (ж.р. *taudá*); хс. *ttausaa-* ‘жар’ [Mh. EWA-8, 611]; сар. *tuv* ‘жар, огонь, пламя’ < **tap(a)-*, язг. *tev* ‘жар’ в сложноименном глаголе *tev da-* : *tev ded* ‘жарить’ и в сочет. *tev-ay ayed* ‘у него все внутри спеклось’; ишк. *tofč*

‘обожженный, обгорелый’; шугн. *pitōv*, сгл. *pitāv* ‘солнечная сторона долины’ из **pati-tāpa-* [Morg. IIFL II, 241, 301, 409]; пшт. *dōbay* ‘лето’ [Morg. EVP, 80; Morg. IIFL II, 258] и др.; примеры глаголов: хор. *bdfs-* (неперех.) ‘нагреваться; разгораться’ < **upa-tafsa-*, *bdf*су- ‘нагревать’ (вторичный кауз. от древней инх. основы), *t'bū-* ‘нагревать’ (старый кауз. из **tāpaia-*) [Sam. Chwar. Verb., 15; Humb. CLI, 199]; язг. *tifs-*, *tāfs-* : *tūvd* ‘накаляться; разогреваться, распариваться’ (основа наст. вр. из **tap-sa-* или с вторичным суф. **-sīa-*, осн. прош. вр. из прич. **tap-ta-*) и язг. *tafs-* : *tafst* ‘раскалять(-ся), накалять(-ся)’ [С ГОЯШ, 20, 91]; хс. *ttav-* ‘быть горячим’, *ttaus-* ‘нагреваться’, хс. *āuv-* ‘нагревать’ (< **ā-tap(a)-*, ср. ав. *ātāpa-* ‘нагревать’) [Barth. AiW, 632; Emm. SGS, 9, 38], осет. *ændavyn* ‘греть’ (< **han-tāp(aīa)-*) [Аб. ИЭСОЯ I, 153]; вах. *dyp-* : *dopt* ‘греться, согреваться (у огня)’ < **(ham-)tāp(aīa)-* [Ст.-К. ИФВЯ 163; Ст.-К. ЭСВЯ, 158], ср. мдж. *vədo* ‘греть руки у огня’; шугн. *sitafs-* : *sitūvd* ‘жариться’ (< **us-tafsa-* : **us-tapta-*), сар. *tiv-* : *tivd* ‘накалять’ и др.;

от корня **gar-* из и.-е. **g^wher-*: праиранская именная основа **garma-* ‘горячий, теплый’ из и.-е. **g^wher-mo-*: ав.г., п. *garəma-* ‘жар, жаркий, горячий, теплый’ [Barth. AiW, 515]; др.-перс. *garma-* ‘жара, теплота’ в композите *garma-pada-* — название (самого жаркого) четвертого месяца (июнь–июль), букв. ‘место / время жары’ [Kent OP, 183; Br., Mh. Handb., 120–121; Сок. ЯА, 246]; ср.-перс., кл. перс., тадж. *garm* ‘теплый, горячий’ ~ согд. будд., ман. *γrm* [*γarm*] ‘жарко; горячий’ [Gersh. GMS, 80; Gharib Sogd. Dict., 169]; ягн. *γarm* ‘жаркий; горячо, жарко’; хор. *γrm* ‘горячка, жар’, в сочетаниях и композитах также *γrmnd* ‘горячий; жар’ (то же в сочет. *cwb γrmncu* ‘горячая вода’, *k'δbyd'h u' γrm* ‘его тряс жар’, т.е. ‘его трясло от (болезни) жара’) [Henn.-MacK. Khwar. Dict., 40; Humb. CLI, 198]; осет. *qærm* | *γar(m)* ‘теплый’, в сочет. *qærm k.* ‘греть’ [Аб. ИЭСОЯ II, 266–267]; пшт. *garm* заимствовано из персидского, об исконных основах в пашто см. ниже, в производных; мдж., йд., ишк., вах. *garm*, шугн., руш., барт., рош. *gārm* ‘тепло, теплый’ — заимствованы; сар. *žyrm*, *žūrm* ‘жаркий, знойный; теплый’ — исконное < **garma-* [Morg. EVSh, 111]; сгл. *γōrm* ‘горячий; жаркий; теплый (о погоде)’ < **garma-*, при наличии также и позднего заимствованного *garm* ‘теплый, жаркий’ [Morg. IIFL II, 395]. Производные от **garma-*: ср.-перс. ран. *garmāk*, поздн. *garmāg* ({*glm*'*k*}, ман. турф. {*grm*'*g*}) ‘жар, жара, тепло’ ~ пшт. *γārmá* м.р. мн.ч. ‘жара, зной’ (< **garma-ka-*), пшт. *γarmá* ж.р. ‘полдень’ (< **garma-* + суф. *-ā*) и вторичные производные: пшт. *γarmakāu* ‘время перед полуднем’ (в диалектах также ‘солнце’) [Morg. EVP, 26], пшт. *γarmanáy* ‘полуденный’ и др. (см. также [Гр., Эд. Афг., 36]); хс. *garma-* ‘горячий’ [Bailey DKS, 81], хс. *grāma-*

‘горячий’ из **garma-*, а также хс. *grā-* ‘горячий’ и *grātta* ‘heat’ [Bailey DKS, 92]. Подробнее см. [ЭСИЯ 3, 160–165].

‘Снег’ и глагол ‘идти снегу, снежить’ — праиран. **snaig-* : **snig-* из и.-е. **sneig^{wh}-* : **snig^{wh}-* ‘идти снегу’, **snoig^{who}-* ‘снег’: ав. *snaēg-* ‘идти снегу’, през. осн. *snaēža-* ~ согд. ман. *šnyš-* [šnēš-] ‘идти (о снеге)’ (через этапы **šnēž-* < **snēž-* [Gersh. GMS, 68], при ассимиляции **s-* > *š-* к -*š-* < *-*ž-*); шутн., бдж. *žiniṣ*, руш., хуф. *žiniṣ*, рош. *žiniṣ* / *žiniž*, барт. *žiniž* ‘снег’ (через этап **ziniṣ* с закономерным -*ṣ* из *-*g-* перед рефлексом **a* и с последующей частичной ассимиляцией **z-* > *ž-* к -*ṣ-*), язг. *zənáy* ‘снег’ (из **snig-* или **snaig-*) [С ГОЯШ, 8, 70, 86, 104; Morg. EVSh, 110]; подробнее см. [Эд. СГВЯ-Ф, 98].

‘Снег’ — праиран. или др.-иран. **uapra-* ‘снег’ (← ‘насыпанное’?) из арийск. **uapra-* ‘нечто насыпанное’: ав. *vafra-* ‘снег’. В части более поздних иранских языков — с метатезой, обязанной частично фонетическим законам (**pr* > **fr* > *rf*), частично, по-видимому, ассоциации с гл. **uar-* ‘идти (об осадках)’, например ср.-перс. *vafr*, ман. {*wfr*}; кл. перс., тадж. *barf*; перс. *bārf*; пар. *γarp* ‘снег’ [Morg. RLMA, 22]; орм. лог. *γōš*, орм. кан. *γōš^r* ‘снег’ [Morg. RLMA, 26] ~ согд. будд. *wβr-h*, ман. *wfr* [*wafrā*] ‘снег’ [Henn. BBB, 137; Gersh. GMS, 48, 178; Gharib Sogd. Dict., 401, 403]; ягн. *waff(i)r* ‘снег’, хор. **wfrk* (*wfyrk*); пшт. *wāwra* ж.р. ед.ч. 1) ‘снежинка’; 2) обычно во мн.ч. *wāwri* ‘снег’; диал. вазири *wōvra-* [Morg. EVP, 94]; мдж. *worfa*, *wārfa*, йд. *warfo* ‘снег’ [Morg. PFL II, 262]; ишк. *warf* ‘снег’, сгл. *warf* [Morg. PFL II, 420]; вах. *barf* (заимствовано), хс. *baura-*. Подробнее см. [Эд. СГВЯ-Ф, 191].

‘Дождь’ и глагол 1) ‘дождить, идти (об осадках)’; 2) ‘увлажнять; обводнять’ — праиран. **uār-* : *ur-* из и.-е. **auer-*, **uēr-* ‘вода, течение, дождь’: ав. *vār-* 1) имя м.р. ‘дождь’; 2) глагол ‘дождить’; ср.-перс. *vār-* ‘дождить’, по В.Хеннингу, — деноминатив [Henn. Verbum, 84], кл. перс. *bār-* : *bārid-* ‘дождить’ — деноминатив, вторичное отглагольное имя *bārān* ‘дождь’. В части восточноиранских языков рефлексy представлены именами, например: вах. *wyr* ‘дождь’ < **uār(a)-* [Ст.-К. ЭСВЯ, 402], согд. будд., ман., хр. *w’r* ‘дождь’ [Gharib Sogd. Dict., 398], хор. *w’r* ‘дождь’, однако чаще — глаголами со значениями 1) ‘дождить’; 2) ‘обводнять, проводить воду на поле’, а также отглагольными именами. Например осет. *waryn* | *warun* ‘идти дождю, снегу, граду’ [Аб. ИЭСОЯ IV, 52]; согд. *w’r-* ‘дождить’ [Gharib Sogd. Dict., 398], ягн. *bor-* — то же — из таджикского; хор. *w’rŷ-* < кауз. осн. **uāraja-* ‘дождить’ [Sam. Chwar. Verb, 209]; пшт. (*w*)*oredal*, вах. *wyr(ы)v-* : *wyrovd-*, *wər(ы)v-* : *wərovd-* ‘поливать, увлажнять поле перед пахотой’ (из кауз. осн. **uāraja-*, ср. ав. *vār-*, *vāraya-*); язг. *war-* : *ward* ‘отворять воду (в желоб, в арык)’; хс. *bār-*, *ber-*. Вторичные

отглагольные имена: сар. *warəy*, йд. *wäriyo* 'дождь' < **uāraka*;- осет. *waryn* | *warun* 'дождь' — субстантивированный инф. от глагола *waryn* | *warun* 'идти дождю, снегу, граду' [Аб. ИЭСОЯ IV, 52] и осет. *ward* 'атмосферные осадки (дождь, снег, град)' — прич. прош. вр. этого же глагола [Аб. ИЭСОЯ IV, 49]); подборку и этимологии см. [Ст.-К. ЭСВЯ, 402].

'Облако, туча' (и 'небо'?) — праиран. **abra*- из и.-е. **ṛ̥mbh-ro*- или **ṛ̥mbh-lo*-: ав. п. *awra*-, др.-перс. **abra*-, ср.-перс. *abr* 'облако, туча'; орм. *uēwər* — то же ~ согд. ман. *βry* 'воздух' (точнее: 'пространство между небесными сферами'), скиф. **abra*- 'небо', осет. *arv* 'небо'; хс. *ora*- 'небо'; пшт. *owrə*, *wərə*, *orə* 'облачко, тучка' и др., частично при контаминации с рефлексам корня **uar*-, подробнее см. [ЭСИЯ I, 74–75].

'День' — праиран. **aīan*- / **aīar*- из и.-е. **āien*- / **āier*- 'день; утро': ав.г., п. *ayar*-, ав.п. *ayan*- 'день' ~ в восточноиранских языках отразилось в производных именах, например, пшт. *parun* 'вчера' < **pari-aīan(ia)*-, *parunay* 'вчерашний, истекший, прошлый, прежний', йд. *ʔiāñə* 'полдень, дневные часы' < **uz-aīan(a)*-, язг. *biyan* 'вечер; вечером', согд. будд. *ʔpyʹrh*, ман. *βyʹryu*, *βyʹrʹk* [*vyāre*] 'вечер(ом)', ягн. *piyon* 'вчера'; осет. *izær* 'вечер', мдж. *wuzir* 'вчера', шутн. *biyōr*, язг. *biyer* 'вчера', вах. *pyrz* 'вечер'; шутн., хуф., руш., барт., рош. *maḍōr* 'полдень', вах. *məḍyr* — то же < **maḍia*- + **aīar(a)*- и многие другие, подробнее см. [ЭСИЯ I, 147–149].

'День' — праиран. **dīā*-, **dīau*- : **dīu*-, **dīan(a)*- из именных основ и.-е. **dīā*-, **dīēu*- : **dīu*- 'день' и **deien*-, **deino*-, *dino*-, связанных с и.-е. *dei*- : *di*- 'светить': кл. перс. *ādīna*. В восточноиранских отмечаются рефлексы производных от основ **dīā*- (например, хор. *βy*-'*δ(y)k* 'утренняя еда, завтрак', вах. *wudg* 'сегодня' < **a-dīaka*-) и **dīan(a)*- (например, согд. *ʔḍyn*-(*h*), *ʔḍyng* 'пятница' — из среднеперсидского, хор. *ʔdunk* — то же). Подробнее см. [ЭСИЯ 2, 453 и сл.].

'Свет, день' — праиран. **rauča*- — производное от корня **rauk*- 'светить, быть светлым, блестящим' — из и.-е. **leuk*- 'светить(ся)': ав. *raoçant*- 'светящий(-ся)', ср.-перс., кл. перс. *rōz*, перс. *ruz* 'день; дневное (светлое) время суток' В восточноиранских языках, как и в некоторых западноиранских, отмечаются рефлексы производного слова **raučana*- (ср. ав. *raočana*-, *raočīna*- 'светящий' → 'окно') для обозначения окна, в том числе светового и дымового окна в крыше традиционного дома, например тадж. *rawzan* 'световое и дымовое окно в крыше' ~ согд. *rwčʹyn*, осет. *rūzyng* | *rozīngæ* 1) 'окно'; 2) 'культовый хлеб; калач' [Аб. ИЭСОЯ II, 428–430]; шутн. *rūz*, руш. *rūz*, барт. *rūzn*, рош. *rūz*, *rūzm*, сар. *rezn*; язг. *rajon*, ишк. *rečyn*, вах. *ričn* 'световое и дымовое окно в крыше', а также — производные

от вторичного корня **rauxš-*, например хс. *rruḍarū* 'сияющий, сияние' из более раннего **rruṣḍa-* < **ruxšata-* 'сияние' [Bailey DKS, 365]. Для обозначения собственно дня, аналогичного перс. *ruz*, тадж. *rūz* 'день', формы от этого корня не характерны.

'Ночь' — праиран. **xšap-*, **xšapan-* — рефлексy образования от и.-е. **k^wsep-* 'темнота, темный; тьма': ав.п. и др.-перс. *xšap-* 'ночь' (в противовес дню), ав.п. *xšapan-* 'ночь', ав.п. *xšapar-* 'ночь' и ав.г., п. *xšapā-* 'ночь'. Рефлексy широко используются в западно-иранских и восточноиранских языках: ср.-перс., парф. *šab* 'ночь'; кл. перс., тадж. *šab* 'ночь; ночью; ночной' ~ согд. будд. *ʾγšp*, ман. *ʾxšp*, хр. *xšp* 'ночь' [Gharib Sogd. Dict., 29, 83, 433]; ягн. *x(i)šap*, осет. *æxsæv* | *æxsævæ* 'ночь' [Аб. ИЭСОЯ IV, 230–231]; пшт. *špa*; йд. *xəšovo*; мдж. *xšava*; шугн. *xāb* (в сложениях также *xāb-*), язг. *šāb* (реже *šāw*) 'ночь'; хс. *šavā-* [Bailey DKS, 407] и в производных, например, осет. *axsæv* | *axsævi* 'сегодня ночью, этой ночью' (из *a-* и *xsæv*); *æxsævæ* | *æxsævæ* 'ужин' и др. [Аб. ИЭСОЯ IV, 231 и сл.]; вах. *šupr* 'ночлег', язг. *šabūr* 'топливо (дрова, кизяки и др.)' ← 'заготовки на ночь', *šābug*, *šābuk* 'раннее утро (до выхода солнца из-за гор)'; *šabay* 1) 'ночная пора'; 2) 'темнота' и др.

'Ночь' — праиран. **nakt-* / *naxt-* / *naγd-* 'ночь' из и.-е. **nek^w(-t)-*, **nok^wt-* ж.р., **nok^wti-* ж.р., **nok^wt(e)r-* ср.р. 'ночь', ср. ав. *upa-naxtar-* 'сумеречный, близкий к ночи (о вечерних и утренних сумерках)'. В самостоятельном употреблении сохранилось только в ваханском: вах. *naγd* 'ночь' и в производных, например, вах. *naγdin* 'на рассвете' [Morg. IFL II, 531; Ст.-К. ИФВЯ, 177; Эд. «Малые языки», 236; Ст.-К. ЭСВЯ, 242].

2.4.1.11. Названия качеств

А. Названия цвета

Как говорилось выше (см. гл. I, 1.5.1.11), в истории иранских языков, включая восточноиранские, многие названия цветов сформированы неодинаково, например, белый, красный, зеленый в разных иранских языках выражены словами, имеющими различные этимологии. Большую роль сыграли в процессе формирования и трансформации названий того или иного цвета разные ассоциации, свойственные не генетическим группам, а различным этносам и разным ареальным тенденциям.

Ср., например, рефлексy праиранской лексемы **žarita-*, которая должна была, согласно ее внутренней форме, иметь первоначальное значение 'желтоватый' ← 'золотистый', поскольку она была

производной от **žar-* с суф. **-ita-* (ср. ав. *zaranya-*, ср.-перс. *zarr*; бактр. *ζαρο* 'золото' < **žar(a)n(y)a-*, бактр. *ζαροζιδυο*, *ζαροζιδαυο*, *ζαρζιδαυο* 'кусочек золота, золотая монета' — вторая часть из **jataka-* [S-W Bactr. Doc. II, 211], см. также гл. I). В обозначении цвета праиран. **žarita-* (ср. др.-инд. *hārīta-* 'зеленый') продолжается в: ав. *zairita-* 'желтый, желтоватый', ср.-перс. *zard* (из северо-западного источника, поскольку в исконных словах праиран. **ž* переходила в *d*), кл. перс. *zard*, совр. перс. *zārd*, тадж. *zard*, пар. *zītō* 'желтый' и др. Продолжения в восточноиранских языках имеют значения 'желтый' и реже (ареально) 'зеленый' (ср. др.-инд. *haritaka-* 'зеленоватый, желтый' и *haritakī-* 1) — название дерева; 2) 'травя, овощи': согд. будд. *zyrt'k*, *zyrtk* [*zērtak*] 'желтый' (и в композите *zyrt'β'k* [*zērt-rāfē*] 'желтуха') [Gharib Sogd. Dict., 472], ягн. *zerta* 'желтый' (в *zerta ruyēn* 'топленое [т.е. «желтое»] масло') и заимствованное из таджикского *zard* 'желтый; русский' [ЯТ, 367]; пшт. *zyarāy* 'бледный, желтый' < **žarita* + *ka*, ср. также пшт. *zerāy* 1) медиц. 'желтуха'; 2) 'желток (яйца)' и пшт. *zyár* 1) 'желтый, рыжий'; 2) 'бледный'; 3) 'желток (яйца)' (ср. орм. лог. заимствованное из пашто *zyēr* 'желтый'); мдж., йд. *zīt*; шугн., руш., барт., рош. *zīrd*, сар. *zird*, язг. *zard* 1) 'желтый, оранжевый'; 2) 'белокурые, каштановые, рыжие (о волосах)', ишк. *zord* 1) 'желтый'; 2) 'топленое масло' (в памирских языках формы и значения обязаны частичной контаминации с заимствованиями из таджикского), сгл. *zāl* 'желтый', хс. *ysīdai*, *ysīdaa-* 'желтый' и т.п. Ср., однако, осет. диг. *zældæ* 'молодая трава; мурава; дерн' < **žarita-*, где прототип ассоциируется с зеленым цветом, то же в осет. ирон. *zæraeston* 'незасеянное, заросшее травой поле', *zæridaw* | *zæred(aw)* 'нескошенный луг' [Аб. ИЭСОЯ IV, 295, 299, 303] и др.

Неясно, как в древних восточноиранских диалектах, как и в праиранском состоянии, распределялись семантические границы между словами, обозначающими цвета «холодной» части спектра, в частности, между рефлексами прототипов **kapauta-* и **axšaina-*, о которых говорилось в гл. I.

От первого и в западных, и в восточноиранских языках происходят обозначения серо-голубого; синего; сизого; серого и т.д. и производные — названия дикого голубя, вяхиря: ср.-перс. *kabōd* 'серо-голубой', кл. перс. *kabōd* 'синий, голубой; серый'; совр. перс. *kābud* 1) 'темно-синий; синий; темно-фиолетовый'; 2) 'светло-синий, голубой, лазурный'; 3) 'голубоватый, синеватый'; 4) 'сероватый'; 5) 'серый (о масти лошадей)'; 6) 'седой, поседевший, с проседью, с сединой в волосах'; 7) 'посиневший, синий (от холода, удара и т.п.)' [Перс.-рус. словарь II, 307], тадж. *kabud* (диал. также *kabūd*) 1) 'голубой'; 2) 'синий, темно-синий'; 3) 'зеленый; темно-зеленый'; 4) 'серый

(о масти лошадей)' [Тадж.-рус. словарь 1954, 175] и т.д., ср. названия дикого голубя: ср.-перс., кл. перс. *kabōtar*, совр. перс. *kābutar*, тадж. *kabūtar* 'голубь' ~ согд. будд. *kr'wt*, *kr'wtk* 'голубой, синий, серо-голубой' [Gharib Sogd. Dict., 191]; ягн. *kapūta* 'зеленый' и т.д., ср. названия дикого голубя: согд. будд. *kr'wt'yčh* 'дикий голубь' [Gharib Sogd. Dict., 191], ягн. *k(u)pūč* 'голубь', мдж. *kāwūḍ*, йд. *koviō* 'голубь', ишк. *kūvid*, сгл. *kōvīḍ*, вах. *kābit*, язг. *kabād* 'голубь', шугн. *čibūd*, руш. *čibūd*, барт. *čabūd*, сар. *čabewd*, *čabawd* 'голубь' (**k*- > *č*- перед **-a*-) и т.п.

От праиран. **axšaina*- происходят: ав. *axšaēna*-, которое переводится обычно как 'темный', ср.-перс. *axšēn*, совр. перс. (редко употребительное) *xāšin* 'темный; серый; черный; синеватый' [Перс.-рус. словарь I, 557] ~ согд. будд. *'γs'yuh* 'зеленый', *'γs'yuh* 'зеленоватый' [Gharib Sogd. Dict., 27]; хс. *āššeina* 'синий; голубой' (и 'сизый', ср. *āšai ašnai* 'сизый голубь'); йд. *axšin*, *axšen*, осет. *æxsīn* 'темно-серый', пшт. *šin* (ж.р. *šna*) 'голубой, синий; зеленый'; шугн., руш., барт. *xīn*, сар. *xeun*, язг. *šin*, переводимые обычно как 'синий, серо-голубой; зеленый', но на практике употребляемые для обозначения широкой гаммы цветов «холодной» части спектра, а также коричнево-зеленого, «болотного» (цвет зеленых и каре-зеленых глаз) и др. Сюда же относятся производные: ср. осет. *æxsīnæg* 'дикий голубь', хс. *aššanaka*- — то же и др. Подробнее см. также [ЭСИЯ 1, 284–286], там же обзор этимологий и литературы.

Таким образом, в восточноиранских языках, как и в западных, продолжены рефлексy и того и другого праиранского слова. При этом рефлексy **kapauta*- одного языка могут быть семантически идентичны рефлексам **axšaina*- другого. Например, шугн. *xīn* охватывает практически тот же набор цветов и оттенков, которые в таджикском передаются словом *kabud*. По-видимому, та или иная группировка различных участков цветового спектра и обозначение их единой лексемой определяются не столько чисто языковым, сколько ареальным этническим способом цветоотожествления.

При обозначении черного в языках и западной, и восточной групп выступают рефлексy слов, обозначавших 'темный, черный, темно-коричневый, темно-серый' и т.п.

1. Наиболее распространены продолжения праиран. **śīāua*- 'темный, темного цвета': ав.п. *syāva*- 'черный'; ср.-перс. *syāh*, тадж. *siyoh*; парф. *sy'w*, *sy'wg* ~ осет. *saw* 'черный; смуглый' [Аб. ИЭСОЯ III, 42–43]; хор. *s'w* 'черный'; согд. будд. *ś'w* 'черный'; ягн. *šow* 'черный' [ЯТ, 328]; ишк. *šū* 'черный', сгл. *šūi* 1) 'черный'; 2) 'зрачок'; вах. *šūw* 'черный' — подборку и этимологии см. [Аб. ИЭСОЯ III, 43; Ст.-К. ЭСВЯ, 351]. Ср., однако, хс. *šāva* 1) 'медь'; 2) 'медного цвета; красный' из **śīāua*- [Bailey DKS, 397–398].

2. В некоторых языках используются рефлексы **tā(n)ṭra-*, **tā(n)ṭrija-* 'темный, черный (?)': ав.п. *tāṭrya-* 'темный', *tāṭra-* 'темнота, тьма' [Barth. AiW, 650]; кл. перс. *tārik* 'темный', совр. перс. *tārik*, тадж. *tor* 'темный, мрачный, непроглядный', *torik* 'темный, мрачный, неясный' ~ шугн. *tēr* 1) 'темный, черный'; 2) 'одноцветный'; 3) 'траур'; руш., хуф. *tēr*, барт., рош. *tōr*, сар. *tor* 1) 'черный'; 2) 'траур' [С ГОЯШ, 14, 42; Morg. EVSh, 81].

3. Рефлексы праиран. **har-* 'быть черным; темным' употребляются с более широким кругом значений (и с фонетическими переборами): совр. перс. *xire*, тадж. *xira* 'темный, мрачный; мутный' ~ осет. *xæxæ* 1) 'серый' в сочет. *xæxæ mīy* | *xæxæ meγ(æ)* 'густой туман' ← 'серый туман'; 2) 'мрачный' [Аб. ИЭСОЯ IV, 175]; хс. *haryāsa-* 'черный' < **hari-kāsa-*, букв. 'черного вида', а также хс. *khara-* 'темный', *khīraa-* 'мрачный' [Bailey DKS, 469]. Подробнее см. [ЭСИЯ 3, 371].

Понятие 'белый' представлено обычно рефлексами слов, обозначавших 'светящийся(-ся); светлый': **śūaita-* 'светящийся(-ся); светлый; блестящий' (и производных), реже — **ruk-na-* 'светлый' от корня **rauk-* 'гореть, блестеть', хотя с последним в некоторых языках связано обозначение красного цвета, см. ниже.

1. **śūaita-* : *śūita-* 'светлый, белый': ав. п. *spaēta-* 'белый, светлый'; *spita-gaona-* 'белого цвета, белый'; др.-перс. **saita-* 'белый' [Hinz NÜ, 245]; ср.-перс. (из сев.-зап.) ран. *spēt*, поздн. *spēd*; кл. перс. *sapēd*, *safēd*, совр. перс. *sāfid*, *sefid*, *āspīd*, тадж. *safed*; кумз. *spīr* 'белый'; парф. *ispēd* {*spyd*} 'белый' [Boysе WL, 22] ~ мдж. *spi* 'белый' (ж.р. *spīya*), йд. *spī* — то же; шугн. *sipēd*, *sipēd*, руш., барт. *sipīd*, сар. *syreūd*, язг. *sapid* 'белый' (заимствовано из таджикского) [С ГОЯШ, 88; Эд. СГВЯ-Ф, 84–85]; сгл. (Ю.) (*e*)*spēd* / *sapēd* 'белый'; см. также производные: **śūaita-ka-* > **spaitaka-* > согд. будд. *'sp(')yt'k*, ман. *'sp'yt'k*, хр. *spyty* [(*ə*)*spēte*] 'белый', ягн. *sipīta*, *sipēta* 'белый', хор. *spēdek*. Из прототипа **śūait-ra-* : **śūit-ra-* 'белый' от того же корня: пшт. *sperá* (м.р., ед. и мн.ч.) 'светло-серый; запыленный, загрязненный; мутный; злополучный' (< **śūaitra-* либо **śūitra-* с вторичным подъемом огласовки, ср. огласовку **ai* в [Morg. EVP, 68], ж.р. *sperá*); см. также производные: пшт. *spəlám* м.р. 'лиса; сплетник' и пшт. *sperlám* 'лиса' (из *sper-lám*, букв. 'сери-хвост' или 'светло-хвост', ср. *tor-lámay* 1) 'куница каменная'; 2) диал. 'барсук' (букв. 'темно-хвост') [Morg. EVP, 68]). Из **śūit-na-* 'белый' (ср. др.-инд. *śvitná-* 'светлый, беловатый'): курд. *ispīn-dar* 'тополь' (букв. 'бело-дерево') ~ пшт. *spin* 'белый'.

2. **ruk-na-* 'блестящий, светящийся(-ся)' от корня **rauk-* : *rauč-* : *ruk-* 'свет; светлый; светить(-ся); быть светлым, блестящим': язг. *roxh*

1) 'белый, светлый'; 2) 'рассвет', шугн. *rix* 1) 'рассвет; утро'; 2) 'светло'; 3) 'светильник; свечка'; хуф., руш. *rix*, барт. *rixn* 'свет; рассвет'; сар. *rix* 'свет; рассвет; светлый'; ишк. *rixn* 'костер'; вах. *rixn* 'белый; светлый, седой'; хор. *rix* 'рассвет; на рассвете' (хотя хорезмийская форма может продолжать и **rauxšna-* от этого же корня); хс. *rrūnattāti* 'блеск'(< **ruk-na-*). Некоторые из рефлексов **ruk-na-* рассматриваются, впрочем, как ранние заимствования в [Ст.-К. ЭСВЯ, 299].

Обозначения красного цвета связаны этимологически с обозначениями огня, огненного или светящегося, горящего.

1. **aruša-*, с которыми контаминируются иногда рефлексы праиран. **rauxšna-*, **rauxšta-*, **ruk-ta-* от того же корня **rauk-* 'быть светлым, блестящим', что и обозначения белого цвета: язг. *rušt* 'красный; рыжий'; шугн. *rūšt* (ж.р. *rōšt*) 'красный; румяный, рыжий', руш. *rošt* (ж.р. *rāšt*), барт. *rōšt* (ж.р. *rāšt*), сар. *ryšt* (ж.р. *rošt*) 'красный' [С ГОЯШ, 34]. Г.Моргенштерне считает эти формы заимствованными из перс. *rušt* [Morg. EVSh, 69], однако в персидском это, скорее всего, диалектизм, возможно, восточноиранского происхождения. Ср. родственные обозначения света и светлого или огненного цвета: ишк. *rašt* 'раннее утро, рассвет', сгл. *rašt* (Г.Моргенштерне сравнивает с вах. *rāšt* 'день', кховар *rošt* 'дневной свет' и сопоставляет с перс. *rūšn?* [Morg. IFL II, 410]); то же в ишк. *rōš-δovsuk* (Sk.) 'wild oats'; вторичные: рош. *rašta-jāw* 'пестрая', *rašt-pālaw* 'краснобокая (о сорте абрикосов, яблок)', *raš(t)-bēc* 'краснолицая', *raš-nōrj* 'краснощекая'; язг. *ruštij*, *rāštij* 'краснота; что-то красное'.

2. Рефлексы производных от **raud-* : *rud-* 'красный': ав. *raoīdita-* 'красноватый' (ср. др.-инд. *róhita-*) ~ хс. *rrusta-* 'красный' (< **reudh-s-to-*); шугн. *rūrv*, руш. *rurv* 'светло-рыжий, коричневый, бурый (о масти крупного рогатого скота)' — из **rud-ra-* < **rud-ra-* от корня **raud-* [С ГОЯШ, 47–48].

3. Рефлексы праиран. **śukra-* 'красный' ← 'горящий, огненный, пламенеющий' от **śauk-* : *śauč-* 'гореть, светить': ав. *suxra-* 'красный', др.-перс. *Θuxra* — и.с.; ср.-перс. *suxr* {*swhl*, *swh'l*} 'красный' [Nyb. MP, 182], кл. перс., тадж. *surx*; совр. перс. *sorx* 'красный'; орм. *sūš* 'красный' [Morg. RLMA, 26], пар. *surkhū* 'красный' [Morg. RLMA, 22] ~ осет. *syrx* | *surx* 'красный; алый' — заимствование. Сюда же относятся: вах. *səkr* 'красный; горячий, раскаленный до красна'; ишк. *sərx*, мдж. *sərx*, *surx*, йд. *surx* 'красный, алый', которые могут быть как исконными, так и (особенно в Памиро-Гиндукушском регионе) заимствованными из персидского, таджикского, дари [Morg. IFL II, 539; Ст.-К. ЭСВЯ, 321]. Сюда же относят: пшт. *sur* (< **suxr-* < **śuk-ra-*) 'красный, алый; румяный; раскаленный';

ярый' (ж.р. *s(ə)rá* < **suxrā*-), диалект вазири *sīr* (ж.р. *sra*) — то же [Morg. EVP, 69; Morg. NEVP, 75]; мдж. *sərx*, *surx* (заимствовано?); йд. *surk-oh* (с метатезой) [Geiger Kl. Dial., 303] и йд. *surx* (заимствовано); ишк. *sərx* (заимствовано?). В литературе приводятся также хс. *suraa-* и *surai* 'красный, алый', но хс. *suraa-* означает 'clean' < **suxra-ka-* [Bailey DKS, 427–428], а к хс. *sūrai-*, которое Бейли переводит 'bad' со знаком вопроса [Bailey DKS, 428], в [Emm., Skj. I, 121–122] делается поправка: *sūrai-* значит 'clean, pure'. Обе трактовки приводят к **sukra-*, но в значении не 'красный', а 'чистый, очищенный (огнем)'.

4. Не исключены рефлексy **śau-ra-* 'красный': кл. перс. *sūrī* или *sōrī* 'алая роза; красное вино' [Гаффаров 1974 II, s.v.]; курд. *sūr* 'красный'. Если так, то сюда же может относиться пшт. *sur* 'красный', либо оно может быть результатом контаминации рефлексов **suk-ra-* и **śau-ra-*.

Материал и этимологии см. также [Tom., 814; Geiger Kl. Dial., 294, 303; Morg. EVP, 69; Morg. IFL II, 539; Эд. СГВЯ-Ф, 26; Ст.-К. ЭСВЯ, 321].

Обозначения коричневого, бурого, темно-серого и других темных цветов продолжают древние прототипы:

1. Праиран. **baura-* 'коричневый, темно-коричневый; гнедой' отражается в восточноиранских языках: согд. *βwr* 'blond', ягн. *vur* 'серый, бурый'; хор. *βwr* 'серый', осет. *būr* | *bor* 'желтый'; мдж. *vūr* 'светло-красный (масть крупного рогатого скота)', шугн., руш. *vūr* 'бурый, серый', ишк. *bur* 'серый, бурый', сгл. *bōr* 'серый', язг. *bər* 'коричневый, коричневато-серый; карий', пшт. *bawray* 1) анат. 'желчь'; 2) 'горечь' (последние слова могут быть контаминированы с заимствованиями либо заимствованы из таджикского, персидского с сохранением анлаутного *b-*). От этого же прототипа производны названия животных и растений соответствующего цвета с разными его оттенками. Подробнее см. [ЭСИЯ 2, 151–154].

2. Праиран. **gaura-* '(грязно-)белый, серый' (?) отразилось в разных иранских языках в названиях животных (возможно, первоначально — табуистических), например, ср.-перс., кл. перс. *gōr* 'дикий осел; онагр', бел. *gōr* 1) 'дикий осел' (из персидского); 2) название красноватой рыбы [Elf. Val., 53] ~ хор. *γwr* 'дикий осел' (ж.р. *γwr'n* 'ослица', *γwr-z'dyk* 'осленок') [Henn. Khwar. Lg., 435; Henn.-MacK. Khwar. Dict., 39], хор. *γwr-γt* 'быстро бегущий (о верблюде)', букв. '(подобно) дикому ослу бегущий', пшт. *γyāra* ж.р. 'кулан, онагр' заимствовано из др.-инд. *gāura-* или продолжает **gauryā-* [Bailey DKS, 96], однако более вероятно продолжение **gāurī-* + поздний суф. ж.р. *-ā; происхождение из **garya-* 'горный' невозможно [Morg. EVP, 29].

С **gaura*- Г.Бейли связывает корень **gau-* : *gu-* 'желтый, зеленый; светлый' и образованные, по его мнению, от этого корня названия серы и других минералов, животных, растений, которые он рассматривает как происходящие от названия разновидностей светлого цвета [Bailey DKS, 96]). Подробнее см. [ЭСИЯ 3, 246].

Обозначения серого цвета также этимологически различны. Возможно, это связано с насыщенностью цвета или с его оттенками.

Праиран. **paru-* от корня **par-* 'пепельно-серый; бледно-серый': ав.п. *pouruša-*, *paouruša-* 'серый, седой' (то же в ав.п. *pouruśaspa-* — и.с. отца Заратуштры, букв. '(имеющий) серых коней' ~ хор. *prw* 'серый', осет. *fælürs* | *fælors* 'бледный' [Аб. ИЭСОЯ I, 441–442]).

Рефлексы праиран. **har-* 'быть черным, темным' (см. выше) использовались также и как обозначения грязно-серого, темно-серого, мутного.

Об обозначении животных по названию их окраски см. выше, с. 144–145; о табуистических обозначениях животных по цвету см. с. 245–246.

Сюда же можно отнести обозначения цвета, вида, качества, подобия, восходящие к **gauna-* : *guna-* 'волосы; масть; цвет' → 'вид', однако, поскольку в ряде языков эти понятия так и остались тесно связанными, чтобы избежать повторения, такие слова с обеими группами значений помещены в разделе «Части тела».

Б. Оценочные слова

Праиран. **uahu-* 'хороший, добрый, благоприятный', ж.р. **uahuī-* — из и.-е. **uēsu-* 'хороший, добрый': ав.г., п. *vaṇhu-*, *vaṇhv-*, *voṇhu-* м.р. 'добрый, хороший (в том числе в религиозном значении)'; 'подходящий, пригодный для чего-л.; благоприятный', ж.р. *vaṇhvī-*; др.-перс. *vahau-* : *va^hu-* ~ вах. *Wux* — ваханское название реки Вахан и тадж. *Waxon*, *Vaxon* — то же — из праиран. **uahuī-* 'добрая, благодатная' [Ст.-К. ЭСВЯ, 6]. Рефлексы древней формы превосходной степени **uahišta-* 'наилучший; превосходный' в восточноиранских языках прослеживаются в заимствованном обозначении рая: ав. *vahištəm ahūm* 'наилучшее существование' > 'рай' > ср.-перс. *wahišt* 1) 'наилучший'; 2) 'рай', кл. перс., тадж. *bihīšt* 'рай' ~ согд. ман. *wyšt'm*'x, хр. *wšt'm*'x [*ušt'māx*], ман., хр. *wšt'm*'x [*wəšt'māx*] 'рай' < **uahišta-(tama)-ahu-* [Gersh. GMS, 15; Gharib Sogd. Dict., 415].

'Хороший' **hu-* / *hū-* : *h_ua-* > **hu-* : **x^va-* 'хороший, хорошо; добрый; красивый' из и.-е. **su-*, **sū-*, **sue-* 'хороший, здоровый': ав.г., п. *hu-*, *hū-*, ав.п. *hva-*, *hvā-*; ав.г., п. *x^va-*, ав.п. *x^vā-*. В восточноиранских языках отражаются прототипы **hu-*, **x^v-*, **x^va-*, например согд. *xu-*, *x^v*, скиф. *hu-* и т.п. [Аб. Ск.-сарм., 291]; хс. *hu-* 'хороший' [Bailey DKS, 489] и др. Подробнее см. [ЭСИЯ 3, 414–421].

‘Плохой’ — с семантическими вариантами:

‘Плохой, злой’ — праиран. **aga-* из и.-е. **agh-* при возможной контаминации в праиранском с рефлексам **agah-* из и.-е. **agos-* ‘вражда; долг; вина, грех’: ав.п. *aya-* ‘плохой, злой’. В восточноиранских языках немногочисленные рефлексy отмечаются в основном в композитах, например, осет. *nivaγæ* ‘злой рок; гибель’ — из *nivæ* ‘счастье’ и редко встречающегося самостоятельно *aγæ* ‘беда’ (зеркальный аналог рус. *злосчастье* [Аб. ИЭСОЯ II, 184]). Подробнее см. [ЭСИЯ 1, 85].

‘Злой, плохой’ — праиран. **aka-* предположительно из и.-е. **ak^w-* ‘причинять страдания, вред, ущерб; вредить’: ав.г., п. *aka-* (ж.р. *akā-*) ‘злой, дурной, плохой’. В восточноиранских языках отмечаются рефлексy производных, например, хс. *āchai* ‘недомогание, болезнь’ < **ač-ia-*-, согд. ман. *’xty’k*, *’xty’q* ‘вражда’. Подробнее см. [ЭСИЯ 1, 150],

‘Плохой, слабый’ — праиран. или др.-иран. **uata-* из индоевропейского производного с формантом **-t-* от и.-е. **uā-*, **uō-*, **uə-* ‘ударять, ранить’: ср.-перс., парф. *wad* ‘плохой’ [Boyse WL, 90]; кл. перс., тадж. *bad* ‘плохой, плохо’ [Horn Gr., 44]; сравн. ст. с рефлексом суф. **-tara-*: парф. *wtr* ‘хуже’ ~ бактр. *oατaρo* ‘меньше, хуже’; хс. *battara-* ‘меньше, меньший’ [S-W Bactr. Doc. II, 242].

‘Дурной, плохой; недостающий; горе, несчастье’ — праиран. **dauš-* : *duš-* из индоевропейского производного с распространителем **-s* от и.-е. **deu-* — рефлексy отмечены в именах, реже — в отыменных глаголах; из восточноиранских языков, например, в пашто: отыменные глаголы: *lažawəl* 1) ‘уменьшать, сокращать’; 2) ‘вычитать’; 3) ‘ослаблять’ и т.п. и *lažedəl* 1) ‘уменьшаться, сокращаться’; 2) быть редким; редеть’; имена: пшт. *laž* ‘малый, скудный; незначительный; мало’; см. также шугн., руш., хуф., барт *dūs* ‘немного, мало’ (с неясным сохранением **d-* > *d-*); хс. *dū*, *dūva* ‘боль’ < **a-dauša-*. Характерны производные слова, например, согд. ман. *wjṣ*, хр. *’wžb-* [*užb*] ‘страх, ужас’ < **duš-ažaba-*; ишк. *dužd*, хс. *dušde* ‘злоумышленник’; осет. *duzγwun* | *duzγun* ‘потрепанный; исковерканный’ < **duš-gauna-*, букв. ‘дурношерстный’ и с обратным порядком осет. *γunt^εuz* < **γun-duz* ‘хмурый, взъерошенный’ [Аб. ИЭСОЯ I, 386] и др., подробнее см. [ЭСИЯ 2, 411–419].

2.4.2. Числительные и местоимения

Как уже говорилось (см. гл. I), числительные и местоимения, будучи относительно замкнутыми структурами, являются наиболее устойчивыми из семантических групп, особенно числительные первого

десятка и личные местоимения. Образую жесткие лексические парадигмы и лексико-грамматические группы, эти слова связаны однозначными или, во всяком случае, достаточно прозрачными отношениями и постоянно регенерируют, не допуская выпадения одного из членов парадигмы, в крайнем случае — заменяя его другим словом с тем же значением. Это сохраняет лексическую парадигму и составляющие ее элементы в плане содержания. При этом план выражения при всей консервативности элементов может изменяться. Помимо прочих изменений, о которых будет сказано ниже, существенную роль здесь играет парадигматическое выравнивание, что влечет за собой определенные «сбои» в исторической фонетике, морфологии и инновации в словообразовании. Поскольку местоимения и числительные восточноиранских языков были подробно рассмотрены в предыдущей книге [Эд. СГВЯ-М, 181–240], здесь представлены только общие аспекты, имеющие прямое отношение к их лексическим характеристикам. Кроме того, внесены некоторые дополнения и уточнения в соответствии с работами по восточноиранским языкам, вышедшими после 1990 г.

2.4.2.1. Числительные

Числительные первого десятка отражаются относительно единообразно, хотя наблюдаются рефлексy разных вариантов в обозначении единицы и различия в фонетическом отражении отдельных других числительных; часть их тоже идет от праязыковых вариантов.

В отдельных языках — осетинском и пашто — наблюдаются также лексические различия между числительными литературного языка и диалектов (в осетинском в отраслевой — «пастушеской» — терминологии). Прежде всего они касаются обозначения чисел свыше 20 (см. ниже), однако имеются и другие исключения.

Рассмотрим отражения праязыковых числительных.

‘Один’ — 1) а) **ai̯a-*: ав. *aēva-*, ав.п. *ōiva*, др.-перс. *aiva-* ~ пшт. *uaw*, в диалектах также *yo*, *āwa*, *uəwá*, *yewé*, *uwo*; шугн., хуф., руш., барт., рош. *yīw*, *yī*, сар. *iw*, *i*; мдж., йд. *yī*, вах. *yīw*, *yī*, осет. *īw* | *ew* (и *ewæ* по аналогии с *dywæ* ‘два’); согд. будд. *’uw*, *’uwḥ*, ман. *’uw*, хр. *uw* [*ēw*], хор. *’uw*, язг. *wī* (в функции краткой формы числительного и артикля); б) из основы с суффиксом **-ka-*: тадж. *yak* ~ язг. *wīg* (полная форма числительного), мдж. *yīyā*, йд. *yīyo* (при субстантивации); ишк. *u/īk*, *u/īg*, сгл. зеб. *wok*, бактр. *iōgo*; 2) **s(i)ia-*: орм. лог. *še*, кан. *sa* ‘один’ (ср. отнесение их к прототипу **ai̯a-* [Ефимов Яз. орм., 83] ~ хс. *śśau* (акк.), *śśiye*, *śśye* ‘один’, см. [Konow Saka St., 50]; отнесение их к **ai̯a-*, вопреки [Bailey DKS,

404], фонетически невозможно, см. сводку в [Эд. СГВЯ-Ф, 83–84; Эд. СГВЯ-М, 45, 183]), см. также раздел «Местоимения»; 3) *ham-* : *ha-* в восточноиранских языках прослеживается спорадически в композитах.

‘Два’ — **d(u)uá-*: ав. *dva-* (двусложная основа в ритмических текстах; ж.р. *dvā-*), кл. перс., тадж. *du* ~ пшт. *dwa* (ж.р. зап. пшт. *dwe*; ср. также пшт. *bəl* ‘другой’ < **dūtīīa-*), шугн. *ду*, руш., хуф., барт., рош. *daw*, сар. *δew*, *da*, *dow*, язг. *δow*, мдж. *lu*, йд. *lo(h)*, ишк. *db(w)*, сгл. *dōw*, *dāw*, зеб. *dū* (влияние таджикского), осет. *dywwæ*, *duwæ* | *duw(w)æ*, согд. будд., ман. *δw*’, *’δw*’, *’δw*, муг. *’δw*, хр. *dw*’; хс. *duva*, *dva*, *duta*, тумш. *dva*; вах. *bu*, *buy* (-у по аналогии со словом «три»); бактр. *λοι. λοοι, λοο* [S-W Bactr. Doc. II, 228].

‘Три’ — **trai-* : **tri-* / **θrai-* : **θri-*: ав. *θray-*, ж.р. *tišr-*, ср.р. *θrī-*; кл. перс., тадж. *se* ~ пшт. *dre* (озвончение: *d-* по аналогии со словом «два»); вах. *truu*, *tru* (исход -и по аналогии со словом «два»); язг. *cūy*, шугн., руш., хуф. *aray*, барт., рош. *arāy*, сар. *aroy* < **θrai-*, осет. *(æ)rtæ*, в сложениях *ærti*; мдж. *ḫīrāy*, йд. *ḫ^uroy*, ишк. *rū(y)*, сгл. *rōi*, зеб. *rū*; согд. будд. *dry*, *’dry*, ман. *’dry*, *’dryu*, хр. *šy*; ягн. зап. *tiray*, вост. *siray*, *saray* (зап. *t* ~ вост. *s* из *θ*), хор. *šy* (в сложениях также *’rc-* < **θrit(i)īa-*); хс. *drai*, *drrai* (с аналогическим озвончением), тумш. *dre*; бактр. *υαρηιο* [S-W Bactr. Doc. II, 272].

‘Четыре’ — **čatuār-* : **čatur-*: ав. *čadwar-*, *čatur-*, ж.р. *čatagr-*; кл. перс. *čahār*, тадж. *čahor*, разг. *čor* ~ пшт. *calor*, в диал. также *calwor*; язг. *čer*; шугн. *cavūr*; *cavōr*, руш., хуф. *cavūr*, барт., рош. *cavōr*, сар. *cavur*, мдж. нижн. *čfīr*, верхн. *čfūr*, йд. *čšīr*; вах. *cəbyr*, *сыбыр*, ишк. *cafur*, сгл., зеб. *c(ə)ḫūr*; ягн. зап. *ti/ufor*, вост. *tafor*, осет. *cuppar* | *cuppar*; хор. *cf^rr*, хс. *tcahaura*, *tcahora*, тумш. *tsahari*, согд. будд. *čtβ^r*, ман., хр. *čtf^r*, *št^fr*; бактр. *σoφαρο* [S-W Bactr. Doc. II, 265].

‘Пять’ — **pañca-*: ав. *pañca-*, кл. перс., тадж. *pañ*, ~ язг. *penj*, шугн., руш., хуф., барт., рош. *pīnz*, сар. *pinz*, мдж. *pon(j)*, йд. *pāñš*, вах. *pañz*, ишк. *pūnz*, сгл. *phōnz*, *phōns*, зеб. *phōnš*, *pūnz*, ягн. *pañč*, осет. *fonz*, пшт. *pinzə* (в диалектах также *pinzə* и др.); согд. будд., ман., хр. *pnč*, хс. *pañjsa*, тумш. *pañjsi*, *patsa*, хор. *pnc*; бактр. *πανζο* [S-W Bactr. Doc. II, 251].

‘Шесть’ — **xšvaš-*: ав. *xšvaš* ‘шесть’; тадж. *šaš* ~ шугн. *xōš*, бдж. *xōw*, руш., хуф. *xūw*, барт., рош. *xōw*, сар. *xel*, ягн. *uxš*, ишк. *xūl/!*, сгл. *xiāl*, *xoār*, зеб. *xōl*, вах. *šad*, *šad*, язг. *ḫi(w)*, мдж. *oxšə*, йд. *uxšō*; осет. *(æ)xsæz*; пшт. *špaž*, ван. *špož* и др. хс. *kša* и другие варианты, тумш. *xši*, согд. будд., муг. *wḡwšw*, редко *’ḡwšw*, хр. *xišw*; хор. *x* [*uxx*].

‘Семь’ — **haptá-*: ав. *hapta-* ‘семь’; ср.-перс., кл. перс., тадж. *haft* ~ пшт. *owá*, мдж. *ovdá*, йд. *avdó*, *ávdo*; язг. *uvd*, шугн., хуф., руш. *wūvd*, барт. *ūvd*, рош. *(w)ūvd*, сар. *yvд*; вах. *yb*, ишк. *uvd*,

сгл. (h)ōvδ, зеб. *ōvd*, ягн. зап. *aft*, *avt*, вост. *avd*, скиф. **avd*, осет. *avd*, согд. будд., ман. 'βt, 'βt'; хор. 'βd; хс. *hauda*, *hoda*, тумш. *hod*- (в порядковом *hodama* 'седьмой').

'Восемь' — **aštā*, **aštāu*: ав. *ašta* 'восемь'; ср.-перс., кл. перс., тадж. *hašt* (с наращением *h-* по аналогии с *haft* 'семь') ~ пшт. *atə*; пшт. диал. *at*, *ātə*; мдж. *oškə*, йд. *áščo*; язг. *ušt*; шугн., хуф., руш., барт., рош. *wašt*, сар. *wošt*, вах. *at*, ишк. *ot*, *aṭ*, сгл. (h)ōt, зеб. *ōt*, ягн. *ašt*, скиф. **ast* или **ašt*, осет. *ast*, согд. будд., муг. 'št, 'št', хор. 'št, хс. *hašta*; тумш. *hašti*; бактр. α τ α ο [S-W Bactr. Doc. II, 198].

'Девять' — **naṇa*- 'девять' (о возможности более раннего варианта **anaṇa*- см. ниже): ав. *nava*- 'девять'; кл. перс. *nūh*, тадж. *nūh* (с *-h* по аналогии с *dah* 'десять') ~ пшт. *nə*; язг. *ni(w)*, шугн., хуф. *nōw*, руш., барт., рош. *nāw*, сар. *nēw*, мдж. *nāw*, йд. *nōw*, вах. *naw*, ишк. *naw*, *ni*, сгл. *nōi*, зеб. *nāu*, ягн. *naw*, согд. *nw*', *nw*, муг. *nwh*, хс. *naw*, *no*, тумш. *na*. Об инновационных построениях обозначения числа 9 см. ниже.

'Десять' — **daśa*:- ав. *dasa*-, др.-перс. **daṇa*-, кл. перс., тадж. *dah* ~ пшт. *las*, язг. *δūs*, шугн. *δīs*, руш., хуф. *dos*, барт., рош. *duš*, сар. *des*, йд. *los*, вах. *das*, ишк. (левобережный) *das*, сгл. *dōs*, зеб. *dōs*, ягн. *das*, скиф. **das(a)*, осет. *dæš*, согд. будд., муг. *δs*, *δs'*, ман. *δs'*, хр. *ds*, *ds'*, хс. *dasau* (варианты в разных позициях *daso*, *dasa*-); тумш. *dase*, хор. *δ(y)s*; бактр. λ α σ ο [S-W Bactr. Doc. II, 226].

В разряде числительных от 11 до 19 наблюдаются рефлексy следyющих yнаследованных построений.

'Одиннадцать' — тип 1а) **aiṇam* **daśa*- 'одиннадцать': ав. *aēvandasa*- [Barth. Vorgeschichte, 112]; парф. 'ywnds [ēvandās] ~ осет. *īwændæs* | *ewændæs* [Аб. ИЭСОЯ I, 559]; согд. хр. *ywntsnw* [*evant/dasənu* ?] (косв. пад.); хор. 'ywnd(y)s, см. [Henn. HbO, 116; Ливш., Хр. ОИЯ, 450]; 1б) **ś(i)jam* *daśa*:- орм. лог. *śāndas*, орм. кан. *sāndas* [Ефимов Яз. орм., 83]); заза-коса *žūendās* 'одиннадцать' [Пир. Заза, 125] (об этимологии названия единицы см. выше) ~ хс. *sūmdasa*, *śsūdasa* (в составе порядкового числительного) [Bailey DKS, 404]; 2) **aiṇā-daśa*:- пшт. *yawolas* 'одиннадцать' (диалектное пшт. *yawelās* 'одиннадцать' либо представляет позднее новообразование из *yaw* 'один' и *las* 'десять' [Morg. EVP, 99], либо восходит к более раннему, но все же вторичному, сложению **aiṇa-dāśa*- [Эд. Двусн. числ., 207]; 3) **aiṇa-ča* *daśa*-, **aiṇam-ča* *daśa*:- ср.-перс. *yāzdah* [y'čdh] (с отражением **-č-* > *-z-* и **-ś-* > др.-перс. **-θ-* > ср.-перс. *-h*) и его продолжения в виде кл. перс. *yāzdah*, совр. перс. *yāzdāh*, тадж. *yozdah* (с тем же растяжением гласного **-a-* > **-ā-*); в восточноиранских языках рефлекс такого сочетания не отмечен. Сгл. *kodos* 'одиннадцать' — вторичное сложение из **aika*- (или **aiṇa-ka*-)

‘один’ + *das* ‘десять’ < **daśa-* либо рефлекс также вторичного композита **aiṇaka-daśa-* или **aika-daśa-* ‘одиннадцать’; в последнем случае композит должен быть относительно ранним, поскольку в языках данного ареала, включая сангличский, порядок компонентов этого разряда числительных обратный: «десять + один». Тумш. *śowarsana-* ‘одиннадцать’ — позднее образование, построенное по модели числительных после 20.

‘Двенадцать’ — тип а–б) **d(u)ṇādaśa-*: заза-коса *duās* ‘двенадцать’ [Пир. Заза, 125] ~ пшт. *dwólas* ‘двенадцать’ (вариант пшт. *dwalas* — новое сложение по древней модели, см. [Morg. EVP, 23]); согд. ман. *ḍw’ts*, хр. *dw’tsnw* (косв. пад.) [*ḍuwātas-*]; хор. *’ḍw’s* [*ḍōwās*]; осет. *dywwadæx* | *duw(w)adæx*; хс. *d(u)vāsu*, *dvāsa-* [Аб. ИЭСОЯ I, 385; Ливш., Хр. ОИЯ, 450]; в) **d(u)ṇā-ča daśa-*: ср.-перс. *d(u)vāzdah* {*dw’čdh*}, тадж. *duvozdah*; в восточноиранских языках рефлекс сочетания не отмечен.

‘Тринадцать’ — имеются рефлексy:

а) **trajah daśa-*, б) **trai-daśa-*: орм. лог. *šes*, орм. кан. *š’res* ~ пшт. *dyārlas* — с метатезой через этап **dray-las* [Дыбо В.А. Афг. удар., 79] и с ранним озвончением **t- > d-*, как в пшт. *dre* ‘три’ (прототип **tráyodasa-*, предлагаемый в [Morg. EVP, 21], фонетически менее вероятен); ван. *darlas*, хор. *hrḍys* (с иным фонетическим продолжением первого слога, чем в хор. *šy* [*št̪-*] ‘три’ и *šys* ‘тридцать’ [Henn. НбО, 109–110]); хс. *drraiśuvo’* (лок.), *drraiśvo*, также с ранним аналогическим озвончением **t- > *d-*; тумш. *drewarsana* — новообразование, как и числительное ‘одиннадцать’, см. выше. (Отражение доиранского сращения арийск. **traias daśa* в праиранском диалектном варианте композита **traiāz-daśa* или праиранского сочетания с союзом **-ča* можно предположить для ср.-перс. *sēzdah* {*syčdh*}, кл. перс. *sēzdah*, тадж. *sezdah* ‘тринадцать’; в восточноиранских языках не отмечено.) Рефлексы вторичного композита **tri-daśa-* или **trīn-daśa-* со слабой огласовкой первого компонента в виде **-i-*, **-ī-* по аналогии с **t/ṭri(n)-śat-* ‘тридцать’: ав. *ṭri-dasa-* ~ осет. (æ)*rtyndæx* | *ærtindæx* из **t/ṭri-daśa-* или относительно позднего **ṭrin-daśa-* по аналогии с числительными *fynddæx* | *finddæx* ‘пятнадцать’ или *īwændæx* | *ewændæx* ‘одиннадцать’ [Миллер ЯО, 72, 85; Аб. ИЭСОЯ II, 428]; напрашивается также аналогия с осет. *ṛtyñ* | *ærtin* ‘тридцать’.

‘Четырнадцать’ — отмечены рефлексy сочетаний типа а) и б): **čatuār-daśa-* и **čatur-*, **čatru-* + *daśa-*: ав. порядк. *čaṭru-dasa-*; из варианта **čatuār-daśa-* > др.-перс. **čaṭwar-daṭa-* > ср.-перс. *čahārdah* {*čh’ldh*}, кл. перс. *čahārdah* и тадж. *čahordah*, *čordah* ~ пшт. *cwārlas* (диал.), *cwārlas* — возможно, через этап **čabārdas*, поскольку прототип

**čatur-daša-*, сходный с ведич. *caturdaša-* (см. [Дыбо В.А. Афг. удар., 79]), фонетически маловероятен, как и **čārwdas* < **čāṛru-dasa-*, предложенный в [Morg. EVP, 17]; сюда же — осет. *cuppærdæš* | *cuppærdæš* ‘четыренадцать’ (если это не новое сложение), см. [Аб. ИЭСОЯ I, 322]; хс. *tcahulasä*, *tcahulasa*, *tcaulasa*, но хор. *cwrðys*, скорее всего, из **čatur-daša-*; в согдийском не засвидетельствовано.

‘Пятнадцать’ — тип б) **pañča-daša-*: ав. *pañča-dasa-* ~ согд. будд. *pnčḍs*, ман. *pnčtswḥ* или *pnčtsyḥ* [*pañčḍas*]; хор. *pns*; осет. *fynddæš* | *finddæš* (через этап **fænʒ-dæš*) [Аб. ИЭСОЯ I, 496]; хс. *pañjsūsa*, а также сгл. *pōñzəḍōš*, *pōñzədos* (с древним порядком компонентов). Пшт. *pinžəlas* — новообразование. Тип в) **pañča-ča-daša-* мог отразиться в ср.-перс. *pānzdah* ({*p'nčdh*}, ман. {*p'nzdh*}), кл. перс. *pānzdah* и тадж. *ponzdah* — при утрате первого *-*ča-* (исхода основы) в результате гаплогонии: по-видимому, именно этим объясняется развитие в среднеперсидском в данном слове последовательности *-nz-*, хотя обычным для среднеперсидского языка являлось отражение древней группы *-*nč-* в виде *-nj-*, см. [Раст., Молч. Ср.-перс., 78]; в восточноиранских языках этот тип не отмечен.

‘Шестнадцать’ — зафиксированы рефлексy праиранского композита типа (б) **xšuaž-daša-* (с наращением **x-* перед **š* еще в диалектах праиранского состояния, как и в ряде других иранских слов). Ср. продолжения при дальнейших трансформациях консонантной группы *-*žd-*: 1) *-*žd-* > *-zd-* в ср.-перс. *šāzdah* ({*š'čdh*}, ман. {*š'zdh*}), где наличие *-z-* облегчило появление вставного *-n-* по аналогии со ср.-перс. *pānzdah* ‘пятнадцать’ (см. кл. перс. *šānzdah*, тадж. *šonzdah*); 2) *-*žd-* > *-*rd-* > *-l-*: орм. лог. *šales*, орм. кан. *šoles* ‘шестнадцать’ ~ 3) *-*žd-* > *-*rd-* > *-r-*: пшт. *špāras* < **xšwārdas* < **xšuaždaša-* (предполагаемое Г.Моргенштерне вторичное сложение из *špaž* ‘шесть’ и *las* ‘десять’ [Morg. EVP, 76] менее вероятно); вариант пшт. *špārlas* — явно поздний (промежуточная группа *-*rd-* могла дать *-r-*, но не *-rl-*), возник по аналогии с пшт. *pinžəlas* ‘пятнадцать’, *owəlas* ‘семнадцать’; 4) *-*žd-* > *-*rd-* > *-rd-*: согд. хр. *xwšrts* [*xušartas*] или [*xušardas*]; хор. *'xrd(y)s* [*uxxardis*]; осет. (*æ*)*xsærdæš* (менее вероятно аналогия с числительным «четыренадцать», как полагал Вс.Ф.Миллер [Миллер ЯО, 60, 72, 84]). Ав. *xšvašdasa-* ‘шестнадцать’ — либо вторичное сложение *xšvaš* ‘шесть’ и *dasa-* ‘десять’, либо раннее гиперкорректное «фонологическое» изображение реально произносимого [**xšvaždasa-*]. Из вторичного сложения типа (в) **xšuaš-a-daša-*: хс. *kšasu*, *kšasā* и сгл. *xuāḷ(ə)ḍōš* (с *-l-* из *-*š-*), если это не позднее сложение из сгл. *xuāḷ*, *xoār* ‘шесть’ и *ḍōš* ‘десять’, синхронное образованию сгл. *kodōš* ‘одиннадцать’ с сохранением древнего порядка компонентов.

‘Семнадцать’ — **haptá-daša-*: ав. *hapta-dasa-*; ср.-перс. *haft-dah* {*hptdh*}, совр. перс. *hefdāh*, тадж. *hafdah*; орм. лог. *awés*, орм. кан. *awēs* ~ пшт. *owélas* (через этап **ābādas*, по аналогии с пшт. *atélas* ‘восемнадцать’, как в пшт. *owə* ‘семь’ по аналогии с *atə* ‘восемь’); сгл. *ōvdəδōš*, осет. *ævddæs* ‘семнадцать’ [Миллер ЯО, 85; Аб. ИЭСОЯ I, 197]; хор. *’βdδ(y)s*; хс. *haudūsa*, *haudūsī*. В согдийском зафиксировано только порядковое числительное: *bbsmyq* [*avvdasmīk*], основа которого восходит к тому же прототипу. Тумш. *hoparsana* вторично, образовано по типу обозначения больших чисел, как и числительное «одиннадцать», см. выше.

‘Восемнадцать’ — продолжения композита **aštá-daša-*: ав. порядк. *aštadasa-* ‘восемнадцатый’; ср.-перс. *hašt-dah* {*hštdh*} ‘восемнадцать’ (с протетическим *h-* по аналогии с *haftdah* ‘семнадцать’, кл. перс. *hašt-dah*, совр. перс. *hijdāh*, тадж. *haždah*; орм. лог. *aḫtes*, орм. кан. *aštes* ‘восемнадцать’ ~ пшт. *atélas* может продолжать древний композит, но не исключено и позднее сложение пшт. *atə* ‘восемь’ и *las* ‘десять’; продолжения композита: согд. будд. *’štōs*, хр. *šī’s* [*aštōs*, (*ə*)*štas*]; хор. *’štδ(y)s*; осет. *æstdæs*, *æstæs*; сгл. *hōtəδōš* (с появлением вторичного *h-* либо относительно рано, до утраты его в обозначении семнадцати, см. выше, либо под влиянием таджикского); хс. *haštūsu*, *haštusu* ‘восемнадцать’.

‘Девятнадцать’ — налицо рефлексy композита **nāṇa-daša-*: ав. порядк. *nava.dasa-* ‘девятнадцатый’; орм. лог. (*a*)*nés*, кан. *a-nes* ‘девятнадцать’ ~ пшт. *nūnas* ‘девятнадцать’ (с ассимиляцией через этап *nūlas* [Дыбо В.А. Афг. удар., 79], едва ли новообразование, как предполагал Г.Моргенштерне [Morg. EVP, 51]); осет. *nūdæs*, *ænūdæs* | *næwdæs*, сгл. *nowəδos*; хор. *nw’δ(y)s*; хс. *nausā* ‘девятнадцать’. В согдийском зафиксировано порядковое *nwtmyq* [*nawdasmīk*] ‘девятнадцатый’. В отдельных языках: осетинском (и ормури) отмечается начальная гласная — как бы рефлекс анлаутного **a-*, которое могло быть результатом отражения здесь праиранского **anaṇa-* ‘девять’ из и.-е. **eneṇen-* ‘девять’, связанного с индоевропейским словом ‘новый’ [Аб. ИЭСОЯ II, 192]. Однако не исключено здесь и вторичное наращение **a-* по аналогии с **apta-dasa-* < **hapta-daša-* ‘семнадцать’ (после отпадения начального **h-*), **ašta-daša-* ‘восемнадцать’. О таком наращении в ормури см. [Ефимов Яз. орм., 160]. Как подтвердил мне в личной беседе В.И.Абаев, осетинская форма *ænūdæs* наиболее обычна при перечислении числительных, т.е. когда она следует в речи непосредственно после *æstdæs* ‘восемнадцать’. Диалектное **nāṇa-ča daḍa-* продолжено в ср.-перс. *nōzdah* {*nwzdh*}: появление здесь -z- по аналогии с *pānzdah* ‘пятнадцать’, как предполагается в ряде работ, менее вероятно, поскольку промежуточные числительные *haftdah*

‘семнадцать’ и *haštdah* ‘восемнадцать’ его не усвоили. В восточно-иранских языках рефлексy сочетания не отмечены.

Характерно, что в осетинском и хорезмийском при обозначении числа 19, как и в обозначениях 90 (см. ниже), а в хорезмийском также 900, сохранена древняя основа **naqa-* ‘девять’, которая была в них утрачена в обозначении самого числа 9, о чем будет сказано ниже.

Названия круглых десятков

В большинстве восточноиранских языков названия двадцати и последующих десятков либо заимствованы, либо перестроены по вигезимальной (а в языках шугнано-рушанской группы — по вторичной децимальной) системе, поэтому рефлексy древних образований отсутствуют. Из сохранившихся см.:

‘Двадцать’ — **uī(n/m)śati*: ав. *vīsaiti*, кл. перс., тадж. *bist*; орм. лог., кан. *jistu* ~ пшт. *šāl* (через этапы **wiśād* < **uīśāti*) и пшт. *-wīšt* (во второй части сложений) < **uīśati*; йд. *wist*, *wistó*, сар. *wist*, язг. *wast*, сгл. *wīšt*, зеб. *wišt*; вах. *wist* (наряду с заимствованным *bist*); хс. *bistā*, *baista*, *besta*, тумш. *bista*, хор. *’wsic*; осет. *yssæz* | *insæj* (диг. *dwwin* — новообразование); в согдийском основа сохранилась в порядковом согд. хр. *wystmyq*; бактр. *οιστο* [S-W Bactr. Doc. II, 247].

‘Тридцать’ — **tri-śat-* > **θri-śat-* с вариантами **trin-śat-* > **θrin-śat-*: ав. *θrisat-* (при тематизации *θrisata-*) и ав. *θrisant-* в форме ав.п. *θrisas* < **t/θri-śan/mt-s* [Barth. AiW, 810]; др.-перс. *θriḍat-* ~ сгл. *rus*; хс. *dārsā*, *dīrsā*, тумш. *drisu*; согд. ман. *šys*, хор. *šys*; бактр. *uirso* (с метатезой); осет. *ærtyn* | *ærtin*. Реже прототипом мог послужить композит **traī-śat-*: пшт. *derš* (через этап **dréśat* с метатезой и ранним озвончением).

‘Сорок’ — **čatuāṛ-śat-*, **čatuāri + -śat-*, **čatuāṛ-śant-*: ав. *čadwarsat-*, ав.п. *čadwarə-sant-* [Barth. AiW, 578]; др.-перс. **čadvarḍat-*; кл. перс. *čihil*; заза (исконное) *čawras* ~ пшт. *calwéšt* (через этап **čarwārśat*), хор. *cfrys-*, хс. *tcahulsā*; осет. диг. *cuppor* (из более раннего *cuppors*) и в названии праздника *cuppūrs* | *cæpporse* [АБ. ИЭСОЯ I, 323]; хор. *cfrys-*, хс. *tcahulsā*, *tcaha’usā*; в согдийском основа не сохранилась.

‘Пятьдесят’ — **pančā-śat-* и **pančā-śant-*: ав. *pančāsat-* и ав.п. *pančā-sant-* [Barth. AiW, 846], др.-перс. **pančāḍat-*; кл. перс. *panjāh*, тадж. *panjoh* ~ пшт. *pinzós*, согд. *pnč’s*, хор. *pnc’s*; хс. *paṁjsāsā*, *paṁjsāsī*, тумш. *patsasu*; бактр. *π α ν ζ α δ ο* [S-W Bactr. Doc. II, 251]. Осет. *fænzaj* — вторично.

‘Шестьдесят’ — **xšuašti-*: ав. *xšvašti-*, ср.-перс., кл. перс., тадж. *šast* ~ пшт. *špetā*; согд. хр. *xwššt*, хор. *’хус*, хс. *ksaštā*, *ksašta*; бактр. *χο α τ ο* [S-W Bactr. Doc. II, 279]. Осет. *xsaj*, *æxsaj* — вторично.

‘Семьдесят’ — **haptāti-* (с растяжением **-a-* > **ā-* по аналогии с обозначением числа 80): ав. *haptāiti-*, кл. перс. *haftād*, тадж. *haftod*;

орм. *awaitu* ~ пшт. *owiā*, *owuā*, ван. *awā*; согд. ман. *ʾβt't*, хор. *ʾβd'c*; хс. *haudātā*, *hodātā*; осет. *ævdaj*.

‘Восемьдесят’ — **aštāti-*: ав. *aštāiti-*, ср.-перс. *haštād* (с наращением *h-* по аналогии с обозначением числа 70), кл. перс. *haštād*, тадж. *haštod* ~ пшт. *atyā*; осет. *æstaj*; согд. хр. *ʾšt't*, хор. **āštāc*; хс. *haštātā*.

‘Девяносто’ — **naṇti-*: ав. *navaiti-*, кл. перс., тадж. *navad*, совр. перс. *nāvād* ~ пшт. *nawe* (а также *niwī*, *nāwī*), хор. *nwyc*, осет. *næwæz* | *næwæzæ*, согд. будд. *nw't* (с растяжением гласного по аналогии с обозначением числа 80); хс. *nautā*, *notā*.

В числительных, обозначающих сочетания десятков с единицами, во многих языках изменился порядок компонентов: взамен «5 + 20» распространился порядок «20 + 5». Эта перестройка была поздней и охватила не все иранские языки и даже диалекты. Ср., например, орм. лог. *jistu še* ‘двадцать один’ (20-и 1), орм. кан. *sa-wi-jistu* ‘двадцать один’ (1-и 20).

Большие числа

‘Сто’ — **śāta-* ‘сто’: ав. *satəm*, кл. перс., тадж. *sad* и др. В большинстве поздних иранских языков используются заимствования из персидского, таджикского, дари. Из унаследованных восточноиранских: пшт. *səl*, осет. *sædæ*; согд. будд., ман. *st-*, хр. *st-*, хор. *s(y)d* (в сочетаниях также *'zd*, *-zd*); хс. *sata-* (в формах *sate*, *ssa*, *sā* и др.), тумш. *sada*, *sa*; бактр. $\sigma\alpha\delta o$ [S-W Bactr. Doc. II, 262], в том числе в составе обозначений больших чисел, например бактр. $\pi\alpha\nu\zeta o\sigma\alpha\delta o$ ‘пятьсот’ [S-W Bactr. Doc. II, 251] и др.

‘Тысяча’ — **hažáhra-* ‘тысяча’ (ном.-акк. ед.ч. **hažáhram*, ср. др.-инд. *sahásram*): ав. *hazagrēm*, кл. перс. *hazār*, тадж. *hazor* ~ хс. *ysāra-* ‘тысяча’, тумш. *zare*; согд. ман., хр. *z'r* ‘тысяча’; ср., однако, осет. *ærzæ* (< *æzræ* из более раннего **(h)azara-*) со значением ‘несметное множество’ (название тысячи заимствовано здесь из тюркского источника) [Аб. ИЭСОЯ I, 186–187]. В большинстве поздних иранских языков, включая восточноиранские, используются заимствования из персидского, таджикского, дари, которые не всегда отличимы от исконных.

‘Несметное множество’ или ‘десять тысяч’ — **baiṇar-* / **baiṇan-*; рефлексy в иранских языках: ав.п. *baēvan-* / *baēvar-* ‘десять тысяч’ [Barth. AiW, 913]; ср.-перс., кл. перс. *bēvar*, совр. перс. *bivār*, тадж. *bevar* ‘десять тысяч’ (значение условно); парф. ман. *bywr* (ср. заимств. в арм. *biur*, в груз. *bevr-i*) ~ согд. будд., ман. *βrywr* [*vrēwar*] ‘десять тысяч’, хс. *byūrru* ‘десять тысяч; множество, мириады’ [Bailey DKS, 309]; скиф. **bewar* > **beor* ‘много’ (в композитах: $\beta\alpha\iota\omicron\rho\alpha\sigma\pi o\varsigma$ ‘имеющий много коней’ и др. [Аб. ОЯФ, 22, 159–160]), осет. *bīræ* | *beræ*,

bewræ 'много, многий; долго; очень' (что наиболее близко к семантике 'несметное множество'). О возможном реальном значении слова в праязыке и материал см. также [Barth. Vorgeschichte, 112; Аб. ИЭСОЯ I, 262; ЭСИЯ 2, 63–64].

В исконных обозначениях нескольких сотен, тысяч и т.п. выступают рефлексы сочетаний числительных с данными существительными, например **duuāi śatai* 'двести', букв. 'две сотни' (дв. число) > ав. *duye saite*; **čatuarah śata-* 'четыреста' > ав. *čaθwārō sata* и т.д. При дальнейшей лексикализации таких сочетаний они превращались в детерминативный композит: например, тадж. диал. *duvest* 'двести' (из согдийского?) ~ согд. хр. *dwyst* [δuwēst], совр. перс. *pānsād*, тадж. *ponsad* ~ хор. *pnsd* 'пятьсот'; бактр. *uαηιoσαδο* 'триста' [S-W Bactr. Doc. II, 272]. Интересно, что в хор. *nwsd* 'девяťсот' сохраняется рефлекс древней основы **nauca-* 'девять', утраченной в обозначении числа 9.

Порядковые числительные лишь частично продолжают древние; как правило, они инновационны. Обозначения понятия «первый» продолжают прилагательные со значениями 'передний, находящийся впереди': **fra-tara-*, **fra-tama-*, **pauru(i)ia-* (ср. др.-инд. *pūrvyā-*, рус. *первый*): ав.г. *paouriya-*, ав.п. *paoirya-*). Во многих языках вытеснено арабизмами.

Имеются и другие разряды числительных. Важно, что рефлексы унаследованных праязыковых числительных восточноиранских языков не отличаются лексически от западноиранских.

В ряде «малых» иранских языков, находящихся в орбите «крупных» и/или «престижных» иранских языков, числительные после 10 часто заимствуются из последних либо фонетически трансформируются по типу числительных «престижных» языков. Неединообразие унаследованных числительных этих разрядов представляет интерес, поскольку часть различий объясняется не только разными путями поздних трансформаций числительных, но и ранними различиями в их древних прототипах. А это может быть дополнительным свидетельством об ареальной или диалектной неоднородности праиранского состояния периода создания числительных после 10. См. также [Эд. СГВЯ-М, 47–50].

В ряде иранских языков, особенно восточной группы, в определенных ареалах произошла перестройка числительных под воздействием неиндоевропейского субстрата, точнее, разных субстратов.

Характерны два вида изменений: 1) внедрение вигезимальности (и связанные с этим некоторые другие изменения в системах счета, в частности, в числительных после 10); 2) инновационное обозначение числа 9.

В языках центральноазиатского региона и в соседних с ними иранских языках (включая родственные индоарийские, дардские и нуристанские) произошли следующие изменения, обязанные субстратному воздействию:

а) в большинстве языков Памиро-Гиндукушского региона, в согдийском, тумшукско-сакском, а также в осетинском — под влиянием кавказских языков, произошла трансформация числительных от 30 и выше по вигезимально-децимальному принципу, т.е. с построением, например, обозначения числа 55 как словосочетания, обозначающего букв. 'два-двадцать-и-десять-и-пять' или 'два-двадцать-и-пятнадцать'; редко (отмечено только в диалектах пашто) — по чисто вигезимальному, где это число передается 'два-двадцать-и-половина [от двадцати]'. В части языков эти инновационные построения полностью вытесняют рефлексy древних числительных. В языках шугнано-рушанской группы сформировалась новая децимальная система, в которой число 55 передается как 'пять-десять-и пять'.

б) в этом же регионе произошла трансформация числительных от 11 до 19: взамен древнего порядка компонентов «1 + 10», «2 + 10», возобладал порядок «10 + 1», «10 + 2» и т.д., к тому же исконные числительные этой группы заменены на инновационные сочетания, включающие современные числительные от 1 до 10 (обычно с соединительным союзом, иногда в усеченной форме). То есть порядок компонентов здесь стал таким же, как у новых числительных после 20.

Данные разряды числительных в этих языках берут на себя семы, содержащиеся в соответствующих древних числительных, но, естественно, выпадают из реконструкции праиранского названия чисел не-первого десятка как ареальная лексическая инновация субстратного происхождения. Подробнее о механизме этого явления см. [Эд. Вигез.; Эд. СГВЯ-М, 193 и сл.; Ed. Non-dec. Syst.]).

В пашто и осетинском древняя и инновационная системы числительных сосуществуют.

В пашто наряду с продолжением в литературной норме древних обозначений десятков (см. с. 196–197) и древних названий «некруглых» чисел после 20 с древним же порядком их компонентов, например, *pinzəwīšt* 'двадцать пять', *yawdérš* 'тридцать один', новые построения по вигезимальному (редко) и вигезимально-децимальному (чаще) принципу наблюдаются в диалектах, например, *dwa nim šəle* 'пятьдесят', букв. 'две [с] половиной двадцатки' и *dwa šəle aw las* 'пятьдесят', букв. 'две двадцатки и десять'. Такое различие обусловлено скорее всего различием субстратных языков и/или диалектов, на которые наслоились диалекты пашто. Порядок компонентов в обозначении неполных десятков может быть различным: *calor bānde*

špaž šəla и *špaž šəla calor bānde* 'сто двадцать четыре', букв. 'четыре сверх шести двадцаток' и 'шесть двадцаток [и] четыре сверху' и т.д., подробнее см. [Pstrusińska 1980, 187], общий обзор таких построений в восточноиранских языках см. также [Эд. СГВЯ-М, 193 и сл.].

В осетинском языке система числительных свыше 20 построена по вигезимально-децимальному принципу под влиянием кавказского субстрата [Аб. ОЯФ, 22; Аб. От редактора в кн.: Миллер ЯО, 7–8]. При этом в дигорском диалекте в «пастушеском» счете сохраняется децимальная система, в которой часть числительных продолжает закономерно древние прототипы, а другие — даже инновационные — образованы по децимальному принципу, например (*æ*)*rtyn* | *ærtin* 'тридцать' продолжает прототип **θ/trinśat*, *cuppor* (из раннеосет. *cuppor*s) 'сорок' — из **catuqarśat*-, *nəwæz* | *nəwæzæ* 'девяносто' — из **naqati*-, однако *fənzaj* 'пятьдесят' — инновационно, образовано от *fonz* 'пять' и построено по аналогии с числительными (*æ*)*xsaj* 'шестьдесят', *ævdaj* 'семьдесят', *æstaj* 'восемьдесят' [Аб. ОЯФ, 283; Аб. ИЭСОЯ I, 449], причем и (*æ*)*xsaj* 'шестьдесят' — тоже результат новообразования или фонетического уподобления числительному *ævdaj* 'семьдесят' (праиран. **xšuašti*- 'шестьдесят' имело бы в осетинском другое отражение). Числительное 'сто' выражается в осетинском *sædæ*, продолжая древний децимальный прототип. Интересно, что числительное 'двести' обозначается чаще как *dywwæ fonzyssæzy* 'дважды по пять двадцаток', чем *dæsyssæzy* 'десять двадцаток' [Аб. Грам. очерк, 518], т.е. конструкцией, в которой имплицитно присутствует понятие «сотня», хотя и выраженное двадцатками, и при наличии числительного *sædæ* 'сто'.

Существенно, что в порядке компонентов обычного осетинского вигезимально-децимального счета соблюдается не новая (как в языках центральноазиатского ареала) система, а как бы унаследованная из древности: вначале ставятся обозначения меньших чисел, затем — больших: например, *dæs æmæ cupparysæzy* 'девяносто', букв. 'десять и четыре-двадцать', *iw æmæ dywwissæzy* 'сорок один', букв. 'один и две-двадцать'. В то же время в дигорском «пастушеском» децимальном счете порядок обратный унаследованному, например *cuppor jew* 'сорок один', букв. 'сорок один'.

Все это говорит о том, что в осетинском языке и его диалектах унаследованная децимальная система в течение длительного времени воздействовала в ментальной подоплеке счета на заимствованную из субстрата вигезимально-децимальную, и наоборот.

Вторичные инновационные обозначения числа 9, отмечаемые островками в единичных восточноиранских языках и диалектах, не изменяют самой системы счета и относятся сугубо к этимологии.

Они не восходят к исконному числительному, однако представляют особый интерес с точки зрения как семантики (отражение не-десятичной системы счета), так и синтаксических и словообразовательных моделей, отражающих эту семантику. Словообразование этих новых «девяток» в данных иранских языках подразумевает значение «перехода через восемь» — результат субстратного воздействия со стороны местных неиндоевропейских языков. Это осет. *farast* ‘девятнадцать’ < *pāra-ašta-* ‘за восемью, сверх восьми’ [Миллер ЯО, 84; Аб. ОЯФ, 21, 158; Аб. ИЭСОЯ I, 419–420]. К нему типологически близко пашто диалектное *tērai* ‘девятнадцать’, букв. ‘перешедшее’, в диалекте вазири также *tār pa wōta* ‘девятнадцать’, букв. ‘перешедшее через восемь’, включающие этимологический рефлекс корня **tar-* ‘проходить, переходить’ [Morg. EVP, 51–52], притом что в литературном пашто сохраняются рефлексы древнего **nauca-* в виде *nəh, nə*. Существенно, что эти обозначения являются в пашто относительно прозрачными, описательными. К языкам с «новой девяткой» относится и хорезмийский, где ‘девятнадцать’ обозначается хор. *š’δ* [*šād*], восходящим либо к корню **frad-* ‘увеличивать’ [Henn. Khwar. Lg., 433; Henn. HbO, 118], либо к сочетанию **fra-ašta-* ‘за восемью’ (через этапы **šāšta* > **šāta-* > *šād* с *δ* по аналогии с *δ(y)s* ‘десять’) [Эд. СГВЯ-М, 186]. О субстратном влиянии со стороны языков, имевших восьмеричную систему счета, см. также [Эд. СГВЯ-М, 45–46, 186–187].

Эти новые обозначения числа 9 калькированы или построены по аналогии с соответствующими субстратными и отражают систему счета и построение названий «девяток» в языках-субстратах, где система счисления была четверично-восьмеричной и где восемь являлось «круглым» числом, замыкающим цикл счета единицами, а девять начинало следующий этап счета [Аб. ИЭСОЯ I, 77, 419].

Типологически здесь повторилась ситуация позднего периода индоевропейского языка, когда раннеиндоевропейский четверично-восьмеричный счет с обозначением восьми (**oktōi*) как формы дв. числа от более раннего **okto* ‘четыре’ [Henn. Oktō(u); Pok. IEW, 775] еще не вполне трансформировался в десятичный, и обозначение девяти указывало на начало нового цикла счета (об этимологической связи и.-е. **neuo-s* ‘новый’ и **e-neuen* ‘девятнадцать’ см. [Pok. IEW, 318, 769]).

Относительная недавность появления этих обозначений числа 9 в данных восточноиранских языках подтверждается еще и тем, что они не распространились на двусловные числительные, сохранившие рефлекс старой «девятки»: обозначения чисел 19, 90, а в хорезмийском языке также числа 900, отделившиеся относительно рано от обозначения числа 9, сохраняют рефлекс праиранского **náuca-* (см. выше).

Во многих иранских языках, особенно в разговорной речи, наряду с употреблением обычных числительных, распространен также счет с вычитанием, например, обозначение числа 9 как «без одного десять», числа 19 как «без одного двадцать» и т.д., типа тадж. *yak kam dah* 'девять', букв. '(на) один меньше десяти'. Чем больше обозначаемое число, тем большее количество единиц может быть вычтено. Такие обозначения возникают на разных этапах истории иранских языков и склонны к регенерации, включая использование современных числительных. Аналогичные построения налицо в индоарийских языках, начиная с глубокой древности (ср. древнеиндийские модели **ekōna-*, **ekūna-* 'на один (**eka-*) меньше, чем...'). Такие построения могут быть спонтанными, независимыми от субстрата, однако часто подвержены адстратным воздействиям.

В связи с возможностью построения числительных методом сложения и вычитания, яснее становится принцип разных вариантов обозначения числа 9 в иранских и других арийских (и не только арийских) языках. Поскольку праиранское **náuca-* 'девять' продолжает и.-е. **neui̯* < **e-nauei̯*, связанное этимологически с и.-е. **neuo-s* 'новый', см. [Рок. IEW, 318, 769], их этимологическая связь указывает на особое положение числа 9 в системе индоевропейского десятичного счета, сменившего более ранний четверично-восьмеричный. При переходе со старой системы счета на новую бывшее «круглое» число 8 обычно сохраняет стабильное старое выражение, новое «круглое» число 10 получает особое обозначение, тоже ставшее стабильным (даже если оно на начальном этапе было описательным). Обозначение же числа 9, оказавшегося в «провале» между двумя «круглыми» числами, обычно ориентируется либо на первое из них, т.е. на 8, либо на второе — на 10.

Примером первой словообразовательной возможности служит позднее и.-е. **e-neuei̯* 'девять', указывавшее на то, что полный цикл счета окончен восемью и начинается новый цикл. Сюда же относятся рассмотренные выше названия девяти с семантикой «перехода через восемь». В указанных иранских языках это новое обозначение девяти обусловлено субстратным воздействием: кавказским для осетинского языка и дравидийским для диалектов пашто (хорезмийский случай остается предметом предположений, подробнее см. [Эд. СГВЯ-М, 186–187]). Примером второй возможности может служить счет с «вычитанием из десяти» (см. типологический аналог в виде латинского графического обозначения IX 'девять', ориентированного на вычитание, т.е. «без одного десять», если это не субстратная этруская модель изображения чисел) [Степанов 1989, 17].

В иранских языках происхождение «нестандартных» обозначений числа 9, как и элементов вигезимальности, стимулировано влиянием

языков, послуживших для них субстратом. Однако если вигезимальность сохраняется в большинстве этих языков в обоих ареалах поныне, то на наличие четверично-восьмеричного счета в прошлом указывают лишь косвенные этимологические рудименты. Для лексикологии важно, что эти инновационные числительные берут на себя семы, содержащиеся в соответствующих древних обозначениях чисел, но, естественно, выпадают из реконструкции праиранских числительных. Подробнее об инновационных обозначениях числа 9 и о счете с вычитанием см. [Эд. Вигез.; Эд. СГВЯ-М, 186–187, 193–199; Эд. 1993, 35–36, 39–40; Ed. Non-dec. Syst.], там же более ранняя литература. О системе числительных в восточноиранских языках в целом см. [Эд. СГВЯ-М, 181–204]; о числительных в иранских языках [Emm. Iran. Numer.], там же литература.

2.4.2.2. Местоимения

В истории различных разрядов местоимений наблюдаются существенные инновации, однако в целом они продолжают древнюю систему, учитывая ее устойчивость и/или регенерацию ее компонентов. При «провисании» одного из таких компонентов он заменяется новым, построенным из исконного же материала. О процессе замены личных местоимений 2-го л. мн. числа см. ниже.

А. Личные местоимения

Как уже говорилось, в праиранском состоянии личные местоимения были только для 1-го и 2-го л. ед., дв. и мн.ч., 3-е л. передавалось указательными местоимениями. В дальнейшем местоимения 3-го л. не во всех восточноиранских языках выделились в отдельную систему; в части языков они отделились от указательных относительно поздно, в части — не отделились и поныне, оставаясь общими не только этимологически, но и функционально. Личные местоимения дв. числа не сохранились.

Ниже приводятся рефлексy унаследованных местоимений 1-го и 2-го л. в восточноиранских языках: формы номинатива, или прямого падежа, а через двоеточие — основы косвенного падежа или формы генитива; для языков, в которых древний номинатив вытеснен косвенным падежом, дана единая форма без пометы. Об инновационном местоимении 2-го л. мн. числа будет сказано ниже.

1-е л. Ед.ч.: бактр. $\alpha\zeta o$: $\mu\alpha\nu o$; осет. $\alpha\epsilon z$: $m\alpha\epsilon n$; согд. будд., ман. 'zw : *mn*', хр. *mn*; ягн. *man* (прям. пад. из косвенного и косв. пад.); хор. 'z, y'z, n'z : *m*-; хс. *aysu*, *aysā*, *a* : *ma*-; пшт. *zə*, *zə* : *mā*; мдж. *zə*,

за : *мын*; шугн. *wuz* : *mi*; руш. (w)*az* : *min*; язг. *az*, *āz* : *mo-*, *mon*; ишк. *az(i)* : *tak*. Мн.ч.: осет. *max* (прям. пад. из косвенного и косв. пад.); согд. будд. *m'γw*, ман., хр. *m'x*; ягн. *mox*; хор. *mvu*; хс. *mi-*, *ma-*; пшт. *miž*, *minž*; мдж. *mox*; шугн., руш. *māš*; язг. *mox*; ишк. *тѣх(о)*.

2-е л. Ед.ч.: осет. *dy* | *du* : *dæw*; согд. *tγw* : *tw'*; ягн. *tu* : *taw*; хор. (ʼw)*tk* : *tw-*; хс. *thu* : *tvī?*; пшт. *tə* : *tā*; мдж. *tu* : *tə*, *ta*; шугн. *tu*; руш. *tu* : *tā*; язг. *tow* : *tu*, *ti-*; ишк. *tь* : *ti*, *fak*. Мн.ч.: осет. *symax* | *sumax* (прям. пад. из косвенного и косв. пад.); согд. будд. *šm'γw*, ман. *'šmγw*, *'šm'x* (прям. пад. из косвенного и косв. пад.); ягн. *šumox*. Инновационные: хор. *hvu*; хс. *ihu* : *ima-*; пшт. *tāse*, *tāso*; мдж. *tof*; шугн., руш. *tama*; язг. *tətox*; ишк. *тѣтѣх*.

Таким образом, восточноиранские рефлексy древних местоимений в целом этимологически аналогичны западноиранским.

В ряде языков Средней и Центральной Азии произошла ареальная перестройка личных местоимений мн. числа. Причинами послужили внутренние процессы и воздействие субстрата.

Как уже говорилось (см. гл. I, с. 82), в большинстве иранских языков наблюдаются результаты раннего процесса фонетического уподобления местоимения 2-го л. мн. числа местоимению 1-го л. мн. числа, особенно заметные в формах генитива, который впоследствии становится общекосвенным падежом, а далее во многих языках — единственной внепадежной формой. Ср.:

1-е л. мн.ч. **ahmākam* (ср. ав. *ahmākəm* ~ др.-инд. *asmākam*), при изменении: **ahmākam* > **amākham* > **amāxam*, ср. др.-перс. *amāxam* — 2-е л. мн.ч. *ušmākam* (ср. ав. *yušmākəm*, *xšmākəm* ~ др.-инд. *yušmāka(m)*), при изменении — по аналогии с 1-м л. — **ušmākam* > **ušmāxam* [Kuiper 1965, 305].

Это отмечается в иранских языках разных ветвей, ср., например, тадж. *mo* ~ *šimo*, осет. *max* ~ *symax* | *sumax*. Однако в языках Средней и Центральной Азии этот процесс продвинулся дальше. В результате закономерного здесь озвончения **-š-* и ослабления **-š-* и **-h-* в первом слоге, а затем редукции этого безударного слога, реальной стала угроза совпадения на фонетическом уровне обеих лексем, продолжающих генитив, в единое слово типа **Vmāxam* > **māx*. Это вызвало вторичную поляризацию лексем для 1-го и 2-го л. мн. числа. Она происходила в разных языках ареала различными способами, причем новые словообразовательные модели были отчасти общими с таковыми в соседних языках (включая индоарийские и дардские; в нуристанских развитие шло несколько иначе), что свидетельствует об их ареальном, скорее всего — субстратном происхождении.

Наиболее распространенной моделью такого «размежевания» лексем 1-го и 2-го л. мн. числа (наблюдаемой и в неиранских языках

ареала, см. [Morg. Pers. Pron.; Воробьев-Десятовский 1956]) стало сохранение за унаследованной «совпавшей» лексемой ('мы / вы'), звучавшей предположительно в виде др.-иран. диал. **māx* или **Vmāx*, значения 1-го л. 'мы' и выработки инновационной лексики для 2-го л. ('вы') путем присоединения к *(*V*)*māx* препозитивного элемента-детерминатива **tu/a-*, соотносимого этимологически с местоимением 2-го л. ед.ч. 'ты', т.е. **tu/a-* + *(*V*)*māx* 'ты' + 'мы/вы' → 'вы', ср., например, язг. *tox* ~ *tətox*, ишк. *tyx(o)* ~ *tytyx*, сгл. *ama/əx* ~ *təməx*; в языках шугнано-рушанской группы: шугн. *māš* ~ *tama* (из раннего *tamāš*), руш. *māš* ~ *tama*, хуф. *māš* ~ *tama*, барт. *māš* ~ раум.-сип. говор *tama*, басидский говор *tamāš*, рош. *māš* ~ *tamāš*, сар. *maš* ~ *tamaš*.

Менее распространенными способами поляризации были: а) использование энклитических местоимений — либо взамен «ослабленного» полного древнего местоимения 2-го л. мн.ч., например в хорезмийском языке (*mvy* ~ *hvy*), либо взамен детерминатива **tu/a-* (присоединение исторической энклитики к основе **māx-*); б) использование в значениях 'мы' и 'вы' разных падежных форм от этой единой общей совпавшей основы, например в мунджанском (*tox* < **amāxam* ~ *mof* < **Vmābja-*). Подробнее об этих процессах и их субстратном механизме см. также [Эд. Личн. мест.; Эд. ЦАЯС; Эд. СГВЯ-М, 209 и сл.].

Важно подчеркнуть то общее, что объединяет эти языки в лексикологическом аспекте: при «опасной степени» фонетического сближения основ слов 'мы' и 'вы' всегда происходили поляризация и размежевание плана выражения этих понятий полными местоимениями (об энклитических будет сказано ниже). Омонимия не допускалась. Поляризация реализовалась путем создания новых словообразовательных способов маркировки обозначения именно 'вы', а не 'мы'; включение в размежевание этих слов чисто морфологического механизма (использование разных падежных форм в мунджанском языке) — редкость. Однако если эти местоимения становились энклитическими (в процессе вторичной энклизы), такое размежевание уже не являлось обязательным, см., например, энклитику *ти*, *то* в пашто, общую для 1-го и 2-го л. мн. числа, происшедшую из полных местоимений после совпадения их основ. В близкородственном ванеци различие этих энклитик (1-е л. мн.ч. -*mā*, -*ī*, 2-е л. мн.ч. -*to*) скорее всего вторично.

Все элементы, участвующие во вторичной маркировке 2-го л. мн. числа, унаследованы из праиранского лексикона.

Как известно, указательные местоимения в подавляющем большинстве иранских языков имеют инновационную двучленную систему моноцентрического характера: 'этот' ~ 'тот', ближний и не-ближний по отношению к говорящему. Однако в некоторых восточноиранских языках, в основном в большинстве памирских, за исключением язгулямского, сохраняется древняя праязыковая бицентрическая трехсерийная дейктическая система, продолжающая аналогичную индоевропейскую — через этапы общеарийского — индоиранского — праиранского состояния. Это продолжение носит типологический и отчасти этимологический характер (за исключением местоимения I серии, т.е. ближайшей к говорящему). Характерно продолжение здесь (вплоть до живых языков) семантического круга каждой из серий в индоевропейском: I серия — указание на объект, находящийся в пространственной сфере говорящего (в терминологии К.Бругмана Ich-Deixis); II серия — указание на объект, находящийся в сфере собеседника (второй центр отсчета точки в пространстве, Du-Deixis), а также на известный им обоим объект (при анафоре) или как-то выделенный (при эмфазе и т.п., Der-Deixis), III серия — при указании на удаленный от обоих объект либо на находящийся в сфере 3-го лица (Jener-Deixis) [Brugm. Demonstr.]. См., например, систему шугнанских указательных местоимений: I серия *yam* < **ima*-, II серия *yid* < **aita*-, III серия *yu* < **aqa*-.

Анализ синхронного функционирования такой системы в данных живых иранских языках не только показывает неоднозначность семантики и прагматики каждой из этих серий в данном языке, но и дает типологические ориентиры для выяснения потенций изменения трехсерийной системы в двухсерийную, тем самым проливая косвенный свет на семантическую подоплеку изменений древней индоевропейской трехсерийной системы в позднейшие двухсерийные системы разных индоевропейских языков.

При этом история данных восточноиранских языков, а также история других иранских языков, с уже сформировавшимися двухсерийными системами указательных местоимений, показывают конкретные намечающиеся и уже реализовавшиеся типы и способы перестройки трехсерийной системы в двухсерийную, как и в других индоевропейских языках. Особенно наглядно пути такой перестройки прослеживаются в истории согдийского, пашто и язгулямского языков, где этот процесс происходил относительно недавно и не вполне завершен: отдельные этимологические рефлексy трех серий (с их исторической семантикой) выявляются в этих языках в разных подсистемах,

отделившихся от указательных местоимений. Их материал показывает, что перевес у местоимений II серии семантики Der-Deixis над семантикой Du-Deixis способствует сближению их в одних случаях с I серией, в других — с III серией. Эти случаи различаются не только по языкам, но и по отдельным подсистемам внутри одного и того же языка, ср., например, различное развитие указательных местоимений и рано выделившихся из них наречных (в согдийском) и лично-направительных (в языке пашто); отнесение рефлексов исторической II серии к удаленной сфере в современных указательных местоимениях, но к ближней сфере — в отделившихся от них личных местоимениях 3-го лица (в язгулямском) и др.

В других восточноиранских языках, где уже установилась двух-серийная система, местоимения ближней и дальней ступени по языкам этимологически неодинаковы. Например, в осетинском языке местоимение ближней серии в номинативе *a*, *aj* и генитиве *aj* восходит к праиранскому **a-*, а в ягнобском *iš* — к **aiša-*.

Утрата пространственного значения тем или иным указательным местоимением привела в большинстве иранских языков к вычленению из указательных отдельного личного местоимения 3-го лица 'он; она' ('оно'), сохраняющего в единичных языках пережитки различия разных серий. Личные местоимения 3-го лица в разных языках вычленяются из указательных местоимений разных серий: например, пашто в прям. падеже м.р. *day*, ж.р. *dā* (от **aita-*), язг. прям. пад. *āy* (от **a-* или **i-*), согд. м.р. [*xō*], ж.р. [*xā*] (от корня **ha-*). При постоянном употреблении указательных местоимений в таких контекстах и ситуациях, где они подразумевают отсылку к объекту, известному для говорящего и слушающего, безотносительно к пространственной сфере объекта, они приближаются семантически к личным. В этом процессе изменение центрального значения, типа 'тот' (или 'этот') → 'он', первоначально не подразумевает существенного изменения всего круга значений данного местоимения: это скорее выдвигание на центральное место периферийного значения указания на некий — определенный — объект, сопровождаемое отходом на периферию бывшего центрального значения указания на объект, занимающий строго определенное пространственное положение относительно говорящего и собеседника. Значение пространства здесь затухает и затем утрачивается.

В некоторых восточноиранских языках такая утрата семы пространства вызывает вычленение из указательных местоимений нового — по сравнению с древнейшим состоянием иранских языков — морфологического элемента: определенного артикля. В этом процессе на первый план выступают значения выделительности, идентификации,

определенности, которые также были на периферии семантического круга указательных местоимений.

Подробнее о функционировании трехсерийных систем и процессов их изменений в иранских языках см. также [Беликов 1972; Богол. Мест., 99–101; Ливш. Мест.; Ливш. Указат. мест.; Ливш. 1959; Эд. Указат. мест.; Эд. Ш-Р ОИЯ, 305–311; Эд. ЯЯ ОИЯ, 388–390; Гр., Эд. Афг., 73–74, 78–81; Эд. СГВЯ-М, 55–59, 214–240; Юсуфбеков 1992; Юсуфбеков 1998], там же литература.

В. Энклитические местоимения

Энклитические местоимения в большинстве восточноиранских языков сохраняют свою обособленную систему, за исключением отдельных языков, где они растворились в системе инновационных глагольных личных показателей — главным образом в языках Памира. Однако имеются случаи обмена элементами энклитической и полной парадигмы местоимений, как личных, так и указательных. Отмечены факты вторичной энклизы ударных местоимений, если они часто попадают в безударную позицию во фразе; реже фиксируется переход энклитик в парадигму ударных местоимений (обычно в виде основ). Например, в языке пашто энклитика 1-го и 2-го л. мн. числа *ti*, *to* произошла из полных местоимений в период после совпадения основ 1-го и 2-го л. мн. числа полных местоимений, о чем говорилось выше. В близкородственном ему языке ванеци энклитики различаются, причем энклитика 1-го л. мн. числа *-mā*, *-ī* имеет древнее происхождение, а энклитика 2-го л. мн. числа *-to* — вторична, что, возможно, связано со стремлением к их поляризации, ср. [Morg. EVP, 42–43]. В осетинском языке номинатив полного местоимения 2-го л. ед. числа *dy* | *du* ‘ты’ имеет в анлауте звонкий *d*- по аналогии с энклитическим местоимением, у которого озвончение **t-* > *d-* вызвано постоянной не-начальной позицией. В языках Памира, где энклитики становятся инновационными личными показателями в формах прошедших времен глаголов (особенно переходных), в некоторых случаях к ним присоединяются и энклизированные полные местоимения. Это относится к глагольным показателям 3-го л. мн. числа: барт., рош., сар. *-af*; язг. *-af*, которые происходят из относительно позднего рефлекса древнего полного указательного местоимения III серии в косв. падеже мн. числа (**waf* < **əwef* из древнего инструменталиса **aṣaibīš* или датива-аблатива **aṣābīah*). Случаи усиления энклитического местоимения до самостоятельного — редки и не столь очевидны. Например, осетинское (дигорский диалект) местоимение *je* ‘тот’ в номинативе предположительно возникло из энклитики **hai* в условиях попадания ее в самостоятельную позицию (через этапы **hai* > **iæ* > *je*).

Процесс «мены» между полными и энклитическими местоимениями наблюдается с глубокой древности и продолжается в историческом прошлом отдельных восточноиранских языков.

Наиболее «уязвимой» в восточноиранских языках, как, кстати, и в западноиранских, оказалась система древних энклитик мн. числа. В части восточноиранских языков, как и в большинстве западноиранских, они заменяются новообразованными энклитиками мн. числа, продолжающими древние энклитики ед. числа с наращением показателя множественности, заимствованного из именной парадигмы: например в согдийском, хорезмийском. В другой части языков энклитические местоимения мн. числа заменяются полными местоимениями, в том числе и при вторичной энклизе последних: например в ягнобском, пашто, в части памирских языков, часть энклитик в хотаносакском (иногда с соответствующими функциональными изменениями, как в севернопамирских языках, см. выше). Интересен типологический аналог в виде постепенной замены энклитик полными местоимениями в древнерусском языке, проявляющейся прежде всего во множественном числе, см. подробнее [Зализняк 2006, 19–20].

Подробнее об истории энклитик см. [Оранская Мест.-числ.; Оранская Мест. кл.; Эд. СГВЯ-М, 59–60, 229–232].

Г. Другие разряды местоимений

Рефлексы праиранских вопросительных местоимений в большинстве восточноиранских языков расширили первоначальное значение и используются как основы не только вопросительных и неопределенных, но и относительных, и в составе отрицательных местоимений.

Основные местоимения этой группы восходят к древним основам **ka-*, **kā-* (обычно в значении ‘кто’) и **čai-* (обычно ‘что; какой’) в вопросительном и относительном аспектах. Например, осет. *čī* | *ka* ‘кто’ (вопросительно-относительное для определенных лиц), *cy* | *ci* ‘кто, что’ (для неопределенных существ и вещей), *kæcy* | *kæci* ‘который, какой’, *kæcon* ‘из какого рода, чей’, *čīdær* ‘кто-то’, *cydær* ‘что-то’, *niči* ‘никто’, *ničy* ‘ничто’.

В живых восточноиранских, как и в западноиранских, языках ареала Средней и Центральной Азии четко лексическое разделение этих местоимений по принципу «человек ~ нечеловек» или, в иных терминах, «личность ~ неличность». Например, пшт. *soḱ* (косв. пад. *čā*) ‘кто (о людях)’, *sə* ‘что, кто (о вещах и животных)’, аналогично: шугн. *čāu* ~ *sav*, язг. *kī* ‘кто (о людях)’ ~ *či* ‘что, который’, *čīg* ‘что (о вещах)’ и т.п. Такое разграничение отражает семантическую классификацию имен существительных по этому признаку, притом что в самих именах она, как правило, не выражена.

Праиранское местоимение **ka-tāma-* 'который, какой', как правило, хорошо сохраняет свое первоначальное определительно-избирательное значение 'который', ср.: согд. [*kat/dām*], ягн. *kum*, хор. *kd'm*, хс. *kāma*, поздн. *kat*, пшт. *kum*, *kəm*, мдж. *kiyām*, йд. *kuəm*, ишк. *kъdъm*, вах. *kum*; шугн. *čidūm*, руш., хуф. *čidōm*, барт. *čidum*, рош. *čidum*, *čidōm*, сар. *čidum*; язг. *kadem* 'который'.

Праиранские основы относительных местоимений **ia-* (ж.р. **iā-*) в чистом виде в восточноиранских языках практически не сохранились. Поскольку они несли на себе семантическую функцию не только анафоры, но и средства выделения имени, его идентификации, это вызвало их участие в создании артиклей и относительных слов. Их рефлексy прослеживаются этимологически в служебных элементах: в артиклях, особенно в хорезмийском языке, а также в отдельных подчинительных союзах и союзных словах. См. [Эд. СГВЯ-М, 61, 173, 233].

Рефлексы притяжательного и возвратного местоимения **h(u)ca-*, **h(u)cai-* > **x^va-*, **x^vai-* 'свой, сам' широко распространены в различных производных, например **x^va-ta-* 'сам, само-' < и.-е. **suō-to-s* [Pok. IEW, 882–883]:

согд. будд. муг. *γwty*, ман. *xwty*, *xwtyy* [*xwati*, *xwadi*], согд. хр. *xwty*, *xwd*, *xwdy* 'сам' < **xvatah* [Gersh. GMS, 43, 62, 201, 205, 242; Ливш., Хр. ОИЯ, 384; Gharib Sogd. Dict., 440]; согд. будд. также [*xutu*] (< **x^vatam*); ягн. *x^oat*, *x^oač* 'сам' [ЯТ, 367]; хор. 'xd'k, xd'k 'сам; самый; он' (мн.ч. *xd'c*) [Henn. Khwar. Lg., 429–430; Henn.-MacK. Khwar. Dict., 44; Humb. CLI, 198]; скиф. **hvata* 'сам, свой' [Аб. Ск.-сарм., 292]; осет. архаичное *-xæd-* 'сам', совр. *-xæd-* | *-xwæd-* (в сращении с препозитивными энклитическими местоимениями и с суффиксом *-æg*, например *mæxædæg* | *mæxwædæg* 'я сам') [Аб. О диалектах, 2; Аб. ИЭСОЯ IV, 154–155]; ср. возведение осетинских форм непосредственно к **x^vataka-* [Thor. CLI, 472], ср. ишк. *xáda-k* 'сам' (< *x^vat-aka-*) и стяженную форму ишк. *xak* 'сам' [Morg. PFL II, 352, 421], см. выше). Ван. *xwa(y)i* < **x^vata-* 'свой'; бактр. *xoto* 'само-' [*xut*, *xwat* (?)] < **x^vata-* [Gersh. Well of Baghlan, 104; Ст.-К. Бактр., 339]; мдж. *xa(y)*, *xāy*, *xəy*, *xōy* 'сам, свой', йд. *xōi*, *хоу*, *хвоу*, *xāy* 'свой', *хоуо* 'сам', *xi* 'свой' (из ген.?) [Morg. PFL II, 270]; шугн., руш., хуф., барт., рош. *xi* (руш., хуф. также *хо*) — косв. пад. 'себе; себя' и притяж. мест. 'свой'; сар. *xy(n)* 'свой, себе, сам', язг. *xūd* (фонетически [*x^oūd*]) 'сам' < **x^vata-* [С ГОЯШ, 102], косв. пад. *xi* 'себе; себя' (< **x^vahja* — ген. ед.ч. от **x^va-*); язг. притяж. мест. *xi* 'свой' (из **x^vai-* или позднее из **xāyi* < **xūd-* + *-i*) [Эд. СГВЯ-М, 236] (ср. [Morg. EVSh, 96], где все формы возводятся к **hwatah-*). Ишк. *xi* / *хе* 'свой', сгл. *xē* (косв. пад.) — то же — из **x^vahja-*

[Morg. IFL II, 352, 421]); вах. *хы* / *хэ* 'свой, у себя' < **x^va-*; вах. *хат* 'сам; свой' < *x^vata-* [Morg. IFL II, 553; Ст.-К. ИФВЯ, 222; Ст.-К. ЭСВЯ, 415, 418–419]. Хс. косв. пад. *hvatā*, *hva* 'свой, собственный' [Bailey DKS, 486, 501–502; Emm., Skj. II, 174–176]. Подробнее о рефлексах праиран. **h(u)ца-* и производных см. [ЭСИЯ 3, 422–433].

Из местоимений выделился лексико-грамматический класс местоименных наречий, особенно заметный и разработанный в языках шугнано-рушанской группы, где он сформировал своеобразную систему пространственных отношений, ориентированную на передачу положения предмета или направление движения по отношению к течению главной реки в долине. Ср., например, шугнанские наречные местоименные основы, выступающие в срещении с предлогами, послелогоми, усилительной частицей *k-*: I серия (из **h(u)цаh*, ср. ав. *hvdō* 'этот') -*й-* в формах: -*ūd*, -*ū*, *yūd*, *kūd-*, *tarū(d)*, *yūdand* и т.д. II серия (из **aita-*) -*ēd-* в формах: -*ēd*, -*ē*, *yēd-*, *ēd-*, *kēd-*, *tarēd*, *yēdand* и т.д. III серия (из **amu-*, **ama-*) -*am-* в формах: -*am*, *yam-*, *kam-*, *taram*, *yamand* и т.д. Местоименные наречия отмечены и в других восточноиранских языках, см. [Эд. СГВЯ-М, 237–240]. Для нас важен тот факт, что их основы продолжают праиранские и индоевропейские указательные и вопросительные местоимения с пространственным значением.

Таким образом, в унаследованном фонде местоимений этимологических отличий восточноиранских языков от западноиранских не наблюдается.

2.4.3. Глагол

Изменения в составе глаголов, их семантике и в их семантической классификации были различны по ареалам и языкам и проходили с разной скоростью. Различия в семантике наблюдаются у рефлексов одного и того же глагола даже между близкородственными соседними языками. Поэтому рассмотреть в рамках данной работы рефлексy всех, даже основных, глагольных корней по всем восточноиранским языкам в сравнении с западноиранскими практически невозможно: это повторило бы весь восточноиранский материал в соответствующих статьях «Этимологического словаря иранских языков» [ЭСИЯ] и его анализ в [Эд. СГВЯ-М, 69–146]. Возможно, выход в 2007 г. большого «Этимологического словаря иранских глаголов» [Ch. EDIV] сможет облегчить такое исследование в будущем. Поэтому здесь рассматриваются лишь наиболее общие пути изменения семантических классов глагола и элементов словообразования.

Как уже говорилось (см. гл. I, с. 86), уже в праиранском состоянии намечается, а в древних иранских языках частично формируется семантическое членение глаголов на переходные ~ непереходные. Помимо общих синтаксических ориентиров (возможность наличия в предложении имени прямого объекта для переходных глаголов и отсутствие такой возможности для непереходных), эта оппозиция начинает реализовываться в грамматике — различным построением причастных конструкций перифрастического перфекта и затем прошедших времен для переходных и непереходных глаголов (о причинах см. ниже), что особенно отчетливо проявилось в древнеперсидском языке, а также уверенно реконструируется для ранних диалектов западноиранской и восточноиранской групп.

Это активизировало дифференциацию по переходности ~ непереходности рефлексов соответствующих древних презентных основ: в большинстве восточноиранских языков для переходных глаголов характерны продолжения 1) основ с сильной или средней ступенью огласовки; 2) каузативных основ на **-aia-*, а в некоторых языках восточного ареала, как и в индоарийских, также на **-āraia-*; 3) основ с назальными элементами (инфиксом, суффиксами); 4) основ без специальных признаков (рефлексов корневых и тематических), при условии наличия специальных признаков у основ непереходных глаголов. Для непереходных глаголов характерны продолжения 1) основ со слабой ступенью огласовки; 2) основ на **-ia-* (исторических пассивных); 3) основ на **-sa-* < и.-е. **skē/o-* (исторических инхоативных); 4) основ с отсутствием особых признаков (рефлексов корневых и тематических), при условии наличия специальных признаков у переходных глаголов. Комбинация разных средств по языкам неодинакова, материал см. [Эд. СГВЯ-М, 136–137]. Такое распределение основ в некоторых языках стало продуктивным средством словообразования глаголов — соответственно переходных и непереходных — от разных древних основ. Такие инновационные основы стали характерны для глаголов в разных восточноиранских языках и образовывались до относительно недавнего времени (подробнее [Эд. СГВЯ-М, 72–102]. При этом продуктивность рефлексов этих суффиксов в разных восточноиранских языках была неодинаковой, о чем свидетельствуют классы основ в живых и вымерших языках, см., например, позднюю продуктивность суффикса *-s* из инхоативного **-sa-* в шугнанском (например, шугн. *zinōys-* ‘поскользнуться, соскользнуть’ от корня **snā-* ‘плыть’), позднюю продуктивность **-aia-* в хорезмийском и т.д. Подробнее о грамматических особенностях глагольной системы восточноиранских языков в плане передачи семантики переходности ~ непереходности см. также [Эд. СГВЯ-М, 70 и сл.].

Семантическое размежевание глаголов по переходности ~ непереходности стимулировало становление соответствующей грамматической оппозиции, выразившейся в различии синтаксических конструкций с глаголами в перфекте, а затем и в других прошедших временах, падежном оформлении имени субъекта, типах спряжения глаголов и т.п. (подробнее о направлении этой зависимости [Эд. Уровни₁, 166]).

Как уже неоднократно отмечалось (см. [Benv. 1952; Benv. 1960; Benv. 1966; Пир. 1968; Ed. 1975; Эд. СГВЯ-М, 103 и сл.]), для глагольной лексики языков древнего периода и отчасти позднее (в том числе и для большинства древних восточноиранских диалектов) показательно, что в период становления перифрастического перфекта от переходных ~ непереходных глаголов большую роль сыграло отсутствие глагола с абстрактным значением 'иметь'. Глагол **dar-* : *dār-* : *dr-* : *dr-* (из арийск. **dhar-* : *dhār-* : *dhṛ-* : *dhr-* < и.-е. **dher-* : **dherə-* 'крепко держать; крепко схватывать' [Pok. IEW, 252–254]) к этому времени сохранялся еще в конкретном значении 'схватывать, крепко держать' (см. ав. г., п. *dar-* 'держать; схватывать'), лишь много позднее и не во всех иранских языках у него выработались более общие значения 'содержать' → 'иметь'. Часть языков значения 'иметь' так и не выработала (подробнее см. [Ed. 1975; ЭСИЯ 2, 332–340]), см. также ниже. Важно, что предпосылки к развитию такой семантики были уже в праиранском состоянии, но реализовались они много позднее — в западноиранских и восточноиранских языках параллельно и независимо друг от друга, в разные периоды истории разных языков — даже в пределах восточной группы.

Результатом отсутствия абстрактного глагола со значением 'иметь' послужило становление в подавляющем большинстве иранских языков (включая большинство восточноиранских) различий между причастными конструкциями переходных и непереходных глаголов: первые образовывались по типу «я пришедший есмь», вторые «у меня это сделано (есть)». Эти конструкции «перифрастического перфекта» стали позднее формами прошедшего времени, перфекта, плюсквам-перфекта, а синтаксис сформировал вторичные «эргативные» и «эргативообразные» конструкции (о которых много писали в иранистической литературе) с переходными глаголами в прошедших временах, при номинативных — с непереходными глаголами.

Исключение представили два восточноиранских языка: «литературный» согдийский (в отличие от диалектного, где сохранились конструкции типа «у меня сделано (есть)», как и в продолжении одного из его диалектов в виде ягнобского языка) и хорезмийский. В этих языках становление причастных конструкций перфекта происходило

иначе. Причины были две: 1) грамматическая — относительно длительное существование форм древнего аугментного имперфекта, которые стали практически общими формами прошедшего времени, т.е. имперфекта и претерита; 2) семантическая — относительно раннее приобретение глаголом **dar-* значения 'иметь'. В результате перфектные конструкции, ставшие затем соответствующими глагольными формами, образовывались в этих двух языках относительно поздно, когда в системе уже был глагол 'иметь', и строились по той же модели, что и в индоевропейских языках Европы: «я сделанным имею».

Таким образом, семантика одного глагола и ее динамика оказали глубочайшее влияние на структурную перестройку всего морфолого-синтаксического строя иранской семьи. Следует отметить попутно, что в качестве вспомогательных обычно выступают глаголы с более или менее абстрактной семантикой, поэтому выработка глаголом **dar-* абстрактного значения 'иметь' обогатила возможности как глагольного словоизменения (разработка аналитических форм), так и словообразование (образование сложноименных глаголов).

Что же касается семантической разработанности самого глагола **dar-*, то в разных восточноиранских языках она различна:

1. В согдийском и хорезмийском абстрактная семантика 'иметь' действительно сформировалась относительно рано (см. согд. будд., ман. *δ'r-* 'держатъ, иметъ; хвататъ; носить (одежду)', хор. *δ'ry-* 'иметь, держатъ; содержать, хранить'), благодаря чему этот глагол и вошел в парадигму «перифрастического перфекта». В согдийских диалектах, включая диалект-предок ягнобского языка, сохранились рефлексy древнего аугментного имперфекта, занявшего также нишу претерита, но при этом глагол **dar-* не приобрел значение 'иметь': см. ягн. *dor-* 1) 'держатъ'; 2) 'показывать' (со вторым значением по аналогии с рефлексом **dars'-*). Это отразилось на глагольной морфологии данных диалектов (и ягнобского).

2. В языке пашто рефлекс **dar-* расширил свою семантику в литературном нормированном стиле: пшт. *larəl* 'иметь; держатъ', однако в диалектах его позиции слабы, и употребительны конструкции со связками типа «у меня есть то-то».

3. В мунджанском языке этот глагол в виде *lor-* : *let-* и *leṛ*, *lert* выступает в значении 'иметь, держатъ', однако форма 3-го лица ед. числа мдж. верхн. *let*, нижн. *leṛ* используется в двух значениях: 'имеет' и 'имеется, наличествует', т.е. глагол находится как бы на середине пути между 'иметь' и 'содержать(-ся); иметься; быть, находиться'. Ср., например, *mən yū pur let* 'у меня есть один сын' и *da Mənjon sāsti qalbi let* 'в Мунджане имеются / есть труднопроходимые горы'.

4. В памирских языках у рефлексов **dar-* самостоятельного значения 'иметь' не выработалось: глаголы без превербов используются в значениях реального физического действия или используются как вспомогательные в лексикализованных сочетаниях (сложноименных глаголах), калькированных с аналогичных по смыслу таджикских. Таковы шугн. *ḍēr-*, руш., хуф. *ḍēr-*, рош. *ḍōr-*, сар. *ḍor-*, ишк. *dir-*, вах. *ḍыр-*, *дыр-*. Глаголы с превербами — обычно с разными значениями, производными от 'держат': язг. *pərḍar-* : *pərḍard* 'держат, удерживать' и *paḍir-* : *paḍiḡ* 'удерживаться'; в языках шугнано-рушанской группы отмечаются превербные образования аналогичной конкретной семантики: например, шугн. *wiḍir-* : *wiḍirt*, бдж. *piḍir-* : *piḍirt* 'держат; выдерживать; быть прочным', сар. *waḍor-* : *waḍord* 'брать, хватать, ловить; устраивать, справлять (свадьбу)', вах. *wyḍ(ы)r-* : *wodort*, *wodord* 'брать, держать, задерживать'.

5. В хотаносакском имеется глагольный корень *dār-* 'держат, содержать; иметь', однако он употребителен обычно в превербных глаголах (например, *pader-* 'поддерживать; сохранять') и в производных словах; в глагольной лексике может вытесняться глаголом хс. *drjs-* 'держат' [Bailey DKS, 152, 156 и др.].

6. В скифском предполагается наличие глагола **dar-* : **dār-* 'держат, владеть; носить (платье)'; в осетинском несколько иной круг значений: осет. *daryn* | *darun* 1) 'держат, выставят; подставлять'; 2) 'содержат; разводить (скот)'; 3) 'носить (одежду)'; 4) 'быть должным' [Аб. ИЭСОЯ I, 345–347].

В результате такой «задержки» в выработке у этого глагола абстрактного значения 'иметь' и слабой позиции его в некоторых языках, где он имеется, в разных восточноиранских языках развиты и широко используются связочные и другие конструкции: с глаголами 'быть, стоять, пребывать, находиться' и др., которые употребительны даже при наличии в языке глагола 'иметь'. Ср. параллельные конструкции в диалоге: мдж. — *tu tot-nena lorəu yo ċi-lorəu?* ... — *tən tot-nena āstāt* '— у тебя отец-мать есть или нет?' (букв. 'имеешь или не имеешь?') — 'у меня отец-мать есть'. Об употребительности и связи глаголов 'быть' и 'иметь' и об их роли в трансформации глагольных систем, в том числе и в иранских языках, имеется большая литература, см. например [Benv. 1952; Benv. 1960; Benv. 1966; Пир. 1968; Ed. 1975; Emm. 1987], обзор см. [Эд. СГВЯ-М, 66, 70–72, 103 и сл.].

Подробнее о происхождении и рефлексах праиранского **dar-* из и.-е. **dher-* : **dherə-* 'крепко держать, крепко схватывать' см. [ЭСИЯ 2, 332 и сл.].

Членением глаголов по переходности ~ непереходности их семантическая классификация в восточноиранских языках не ограничивается.

В иранских языках среднеазиатского (и примыкающих регионов) и отчасти кавказского ареала обнаруживается большой класс глаголов непереходной активной семантики, примыкающий по морфолого-синтаксическим признакам к переходным. Поскольку аналогичное явление наблюдается также в соседних неиранских языках (в дардских, в отдельных индоарийских — хинди, маратхи, ассамском, парья — и в соседнем неиндоевропейском языке бурушаски), вычленение этого класса глаголов является скорее всего результатом ареальных инновационных изменений в семантической классификации глаголов и связано с воздействием субстрата, имевшего и иные черты типологии активного строя (подробнее см. [Эд. ЦАЯС; Эд. СГВЯ-М, 139–141]). Однако поскольку такой строй предполагается и для раннего индоевропейского состояния [Кл. 1973; Гамкр., Ив. ИЕ I, 267 и сл.; Lehmann 2002, 3 и сл.] и поскольку ранний общеиранский мог хранить (и хранил в именной системе) его отголоски, можно предположить, что субстрат поддержал и развил в данном ареале эту существовавшую тенденцию. Поэтому представляется целесообразным еще раз рассмотреть общий семантический круг этих глаголов как (хотя бы типологически) потенциальных выразителей категории одушевленности ~ неодушевленности имен.

Сюда входят следующие семантические группы глаголов: 1) глаголы произвольного действия: 'вздыхать; чихать; кашлять; тошнить, рвать' и т.п.; 2) глаголы выражения эмоций: 'смеяться; плакать; улыбаться' и т.п.; 3) глаголы состояния и изменения состояния: 'расти; опьянеть; жадничать; гордиться' и т.п.; 4) глаголы активного движения или изменения состояния: 'кочевать; плясать; играть; купаться; качаться; устремляться; прыгать; убежать' (иногда также 'садиться') и др.; 5) глаголы, обозначающие крики животных: 'выть, реветь (о животных); кричать, петь (о птицах); блеять; ржать; мычать; лаять; рычать' и др.; 6) глаголы говорения, обычно не имеющие прямого объекта (кроме придаточного дополнительного предложения и/или прямой речи), хотя глаголы этой группы можно трактовать и как переходные: 'говорить; клясться' и т.п.; 7) глаголы физических отправлений: 'мочиться; испражняться' и др.; 8) реже — глаголы 'выпадать (об осадках); рассветать' и т.п. Все они, не будучи переходными, образуют единый семантический класс глаголов, обозначающих деятельность живого существа, а также явлений природы, которые воспринимались древними как проявление живого начала, имевшего свой жизненный цикл. Способы оформления «примыкания» таких глаголов к переходным по языкам различны: они могут спрягаться как переходные, образовывать эргативообразную (но безобъектную) конструкцию предложения, требовать косвенного падежа субъекта.

Наиболее обширный круг таких глаголов (36 лексем) выявлен в пашто, где они образуют эргативообразные безобъектные конструкции. Это глаголы: 1) непроизвольного действия: *asweləl*, *awseləl* 'вздыхать', *pərčəl*, *nžəl*, *nižəl* 'чихать', *ṭuxəl* 'кашлять', *xərawəl* 'тошнить, рвать'; 2) выражения эмоций: *xandəl* 'смеяться', *žarəl* 'плакать', *masəl* 'улыбаться'; 3) состояния и изменения состояния: *wiyārəl* а) 'расти'; б) 'гордиться'; *ningəl* 'жадничать', *nmreyəl* 'насыщаться'; 4) активного движения или состояния и изменения состояния: *yunəl* 'странствовать, кочевать', *nācəl* 'плясать; танцевать', *laprəl* 'играть', *lambəl* 'купаться', *zangəl* 'качаться', *ntužəl* 'чесаться', *dangəl* 'устремляться; прыгать', *trapləl* 'спешить; удирать', *druməl* 'отправляться', *lunedəl* 'рассыпаться'; 5) обозначающие крики животных: *anguləl* 'выть (о собаке, шакале)', *angəl* 'реветь (об осле)', *γəryrəl* 'реветь (о верблюде)', *rayəl* 'блеять (о баране)', *nārəl* 'кричать, петь (о дрофе)', *šašnəl* 'ржать; мычать', *γapəl* 'лаять', *γəržəl* 'рычать (о собаке)', *γrumbəl* 'рычать (о тигре)' и др.; 6) со значением говорения: *wayəl* 'говорить', *loṛəl* 'клясться; божиться'; 7) обозначающие физические отправления: *tukəl* 'плевать', *rinžəl* 'слабить', *mitəl*, *mežəl* 'мочиться'. Список см. [Дворянков 1960, 70–71].

В мунджанском языке такие глаголы имеют окончания 1-го и 2-го л. ед.ч. прош. вр., свойственные переходным. Отмечены глаголы: *xad-* : *xadiy-* 'смеяться', *xṣəy-* : *xṣəy-* 'плакать'; *xaf-* : *xift-* 'кашлять', *kəxm-* : *kəxmoy-* 'рвать, плевать', *fxat-* : *fxatəy-*, *fxatiy-* 'соглашаться', *rəv-* : *rivd-* 'лаять', *fərx-* : *fərxiy-* 'испражняться', *vrəm-* : *vrīmd-* 'стоять, останавливаться', *nəv-* : *nīvd-* 'выпадать (об осадках)' и др., см. [С ГОМШ, 76, 100–101 и др.].

Примеры «аномального» оформления глаголов этой группы отмечаются спорадически в памирских языках. В шугнанском они в формах прошедших времен в 3-м л. ед.числа получают показатель *-i*, свойственный переходным глаголам (например, шугн. *yu-yi piršt* 'он чихнул', *yu γida-(y)i šinč* 'мальчик засмеялся'). В язгулямском, рушанском, бартангском они требуют косвенного падежа субъекта в прошедших временах, как переходные (в язгулямском и рушанском в речи старшего поколения — с взаимоисключением личного показателя глагола, тоже как переходные, например язг. *tūn na-xant* 'я не смеялась', *im wūyd* 'она плакала'; барт. *uf-af nēwd* 'они плакали'), подробнее [Эд. Ареальные черты, 73–74; Эд. Ш-Р ОИЯ, 330; Эд. ЯЯ ОИЯ, 398]. В ваханском языке основы настоящего-будущего времени глаголов этого класса характеризуются историческим «подъемом» огласовки, отразившейся в виде *-ы-* (например, вах. *γыхыр-* 'засыпать' от корня **xʷap-* 'спать, сон'; *γыу-* 'лаять', *пыw-* 'плакать' и т.п.) [Лашк. 1985, 98]. В агнобском языке отмечен случай «сильной»

(неэтимологической) огласовки: вост. диал. *pirež-*, зап. диал. *piraiž-* 'убегать' — из согд. [*p(ə)rēž-*] [Хр. ОИЯ, 680].

Сходные явления в вымерших языках региона трактуются различно. В согдийском языке случаи «сильной» огласовки *-ē-* в группе непереходных глаголов трактуются как результат их вторичной непереходности [Ливш., Хр. ОИЯ, 388], однако их семантика (согд. хр. *pryž-* [*p(ə)rēž-*] 'убегать', согд. будд. *''γ'r-* [*āxar-*] 'вступать') дает основания и для других решений. Однако наиболее характерны в этом плане случаи употребления прошедшего времени (в христианских текстах) и перфекта (в манихейских текстах) группы непереходных глаголов с вспомогательным глаголом *δ'r-* 'иметь', характерным для форм с переходными глаголами. Здесь в эту группу входят глаголы: *b'w*, *β'w-* 'приближаться, прибывать', *wuγ'w-* 'бодрствовать', *wuws-* 'рассветать', *pšud-* 'садиться, усаживаться' и др. Это явление трактуется как образование по аналогии с переходными глаголами [Gersh. GMS, 130; Исхаков Глаг. согд., 124–125], однако вхождение данных глаголов в рассматриваемые семантические типы наводит на мысль, что эта аналогия, возможно, имела содержательную базу.

В хотаносакском языке круг соответствующих глаголов еще шире (или лучше представлен и изучен по текстам). В свое время еще С.Коноу выделил эту группу глаголов, охарактеризовав их как «...такие непереходные, которые имеют усиленно активное значение...» («...such intransitives as have a stronger active sence...» [Konow Primer, 50]). К сожалению, его формулировка не была должным образом оценена и даже подверглась резкой критике Р.Эммериком: он отнес эти «исключения» к формальному распространению переходного типа спряжения на непереходные глаголы [Emm. SGS, 221]. Однако семантическая характеристика этих глаголов в сопоставлении с аналогичными глаголами других языков ареала свидетельствует о правоте С.Коноу: в прошедшем времени именно глаголы определенного им типа спрягаются так же, как переходные. Это глаголы: *paranirv-* 'достигнуть полной нирваны', *juv-* 'жить', *tsu-* 'приходить', *bar-* 'ехать верхом', *brem-* 'плакать', *huṣṣ-* 'расти', *hūs-* 'спать', *mān-* 'оставаться' и др. Обратный случай, отмеченный Р.Эммериком, — спряжение глагола *bud-* 'понимать, знать' как непереходного, — объясняется его вхождением в группу *verba sentiendi*, которые во многих языках образуют особые типы конструкций.

Следует отметить, что аналогичные «аномалии» отмечены и в других языках Средней и Центральной Азии: в западноиранских (белуджском и парачи), в неиранских языках региона — в языках дардской группы (прослежены в кашмири, шумашти, диалектах пашаи), а также в индоарийских (прослежены в хинди, ассамском, маратхи,

в языке среднеазиатских парья) и в неиндоевропейском — бурушаски (характерны глаголы 'опьянеть; ложиться спать; прибывать; смеяться' [Lorimer Burush. I, 199 и др.]).

В другом ареале — осетинском языке — наблюдаются сходные явления, однако менее последовательно (см. переходное оформление глагола 'петь' в дигорском диалекте и переходные и непереходные парадигмы глагола 'падать' в обоих диалектах).

Для нас важно, что список таких глаголов по языкам не совпадает, различна во многих случаях и этимология семантически сходных глаголов. Все это указывает на типологическое ареальное, а не генетическое, основание этого явления. Подробнее об этих глаголах в данных иранских языках и о возможной субстратной базе этого явления см. также [Эд. ЦАЯС, 25–26; Эд. СГВЯ-М, 139–141].

Интерес представляет объединение в гетерогенные парадигмы глаголов, принадлежащих к единой семантической группе. Объединению разных этимологических корней в единую парадигму должна предшествовать их абсолютная синонимия в каждом данном языке, причем такие объединения могут быть разными в генетически близких языках и одинаковыми в генетически удаленных. Так, например, глаголы, имеющие общую сему 'идти': **tak-*, **ai-* : *i-*, **čjau-*, **gam-*, **gā-*, **dau-* и др., — объединяются одинаково в кл. перс. *āu-* : *āmad-* 'приходить' < **ā-ai-* (от корня **ai-* : *i-*) : **ā-gmata-* (от корня **gam-*), тадж. *ou-* : *omad-* — то же; мдж. *ās-*, йд. *as-* : мдж. *oṣəu-*, йд. *āṣōu-* 'идти, приходить' < **ā-i-sa-* (от корня **ai-* : *i-*) : **ā-gata-* (от корня **gam-* или **gā-*); то же в согдийском: основа наст. вр. Ст. п., муг., будд. *'ys-*, ман. *'ys-*, хр., ман. *'ys-* [*ēs-*] 'приходить, прибывать' < **ā-i-sa-*, но основа перфекта *'yt* < **ā-gata-*; соответственно хор. *'s-* 'приходить' < **ā-i-sa-*, но прич. прош. вр. **γd* < **ā-gata-*; хс. *hīs-* : *āta-* < **i-sa-* : **ā-gata-* [ЭСИЯ 1, 110–111]. Ср. иное «склеивание» в пределах гетерогенной парадигмы: основа наст. вр. мдж. *au-*, *ou-*, йд. *ou-* 'идти, уходить' от корня **ai-*, но основа прош. вр. мдж. *ṣəu-*, йд. *ṣūi-* — из прич. перф. **čjuta-* от корня **čjau-* [ЭСИЯ 2, 264]; пшт. основа наст. вр. *sə-*, *zə-* 'идти' от корня **čjau-*, но инфинитив *tləl* — результат контаминации с рефлексом корня **tak-*, ср. [Morg. EVP, 77, 80; ЭСИЯ 2, 264].

Это относится также к глаголам состояния, таким как **ah-* 'быть, существовать' и **bau-* 'быть, делаться, становиться; расти, возрастать, увеличиваться', объединяемым в одну группу в разных иранских языках; в отдельных случаях к ним присоединяется **stā-* 'стоять, пребывать'.

Трансформацию значений, их поляризацию и тем самым проведение более жестких семантических границ между глаголами можно

проследить, например, в восточноиранских рефлексах праиранской пары глаголов с корнями **kauš-* и **gan-*, о которых говорилось в гл. I. Оба они имели в древности сему 'убивать', которая сопровождалась, по-видимому, определенными коннотациями, проявившимися в более поздних языках обеих групп.

Рефлексы глагола **kauš-* в кл. перс. *kuš-* : *kušt-*, совр. перс. *koš-* : *košt-*, тадж. *kuš-* : *kušt-* имеют значения не только 'убивать', но и 'резать (о скоте)', т.е. с дополнительным терминологическим значением ритуальной процедуры резания скота (поскольку «неправильно», не по ритуалу убитое животное было запретным для еды). Здесь же налицо и дальнейшие значения (производные от основного?), возможно, через этапы переносного употребления этого глагола): 'убивать' → 'резать ритуально (о скоте)'; 'гасить (об огне)'; 'надрезать ритуально (о верхушке дыни, арбуза)'.

Во многих восточноиранских языках продолжения прототипа **kauš-* развили (или сохранили?) именно терминологическое значение 'резать, закалывать (животное) для употребления в пищу (с соблюдением ритуальных правил); свежевать, разделявать (тушу)': шугн. *kaŷ-* : *kušt* 'резать, убивать, закалывать животных; свежевать, разделявать тушу', руш. *kaw-* : *kušt*, барт. *kāw-* : *kušt*, сар. *keuŷ-* : *kašt*, вах. *čəḫ-* : *čəšt*, ишк. *kył/ŷ-* : *kyt*, сгл. *kəl-*, *kul-* : *kut* — то же. Тот же круг значений у этимологически родственных глаголов — в пшт. *kutəl* (при наличии и дополнительного значения 'резать, рубить (мясо)'), язг. *kaw-* : *k°əxt* (с дополнительным, возможно, переносным значением 'разбить (о яйце)'). Мдж. *kūy-* : *kušk-* 'свежевать, разделявать (тушу)'.

Возможно, именно с этой линией семантического развития связано значение осетинского имени *kūsart* | *kosart* 'животное, заколотое для трапезы', которое В.И.Абаев возводит к праиран. **kaušadūra-*, но считает результатом контаминации с древнееврейским (через хазарское посредство) *kāšer*, *košer* 'ритуально дозволенное мясо' [Аб. ИЭСОЯ I, 603]. Такая контаминация представляется избыточной, особенно на фоне развития того же семантического вектора в восточноиранских языках других ареалов, где не было соприкосновения с хазарами (при этом сопоставление с древнееврейским *kašrut* кажется более подходящим и фонетически, и семантически, чем *kāšer*, *košer*).

У рефлексов слов, производных от корня **gan-* 1) 'бить, ударять; попадать'; 2) 'ранить, убивать', происходит закрепление обоих этих значений, но в западных и восточных языках подчас с разными оттенками. Ср., например, ср.-перс., кл. перс. *zan-* : *zad-*, совр. перс. *zān-* : *zād-*, тадж. *zan-* : *zad-* и т.д. 'бить, ударять', но сар. *zīn-* : *zīd* 'отбирать'; шугн. *zīn-* : *zīd* 'убивать; бить, мучить', язг. *žan-* : *žūd*

‘убивать’, ишк. *žan-* : *žad*, сгл. *žan-* : *žōd-*, *jan-* : *jod-* и т.д. ‘убивать’. Однако эти различия — явно поздние.

Отмечается различное этимологическое начало глаголов, связанных с конкретной хозяйственной деятельностью, которые, казалось бы, будучи терминологизованными, должны были восходить к единым корням. Например, глаголы с семантикой ‘стричь, брить, соскабливать’, связанные также с понятием стрижки овец, восходят в одних языках к праиранской основе **bri-na-* из и.-е. корня **bhrēi-* : *bhrī-*, ср. рус. *брить*, *бритье* [Рок. IEW, 166], см. материал в [ЭСИЯ 2, 167–168]; в других — к праиран. **xšau-* ‘соскабливать’ → ‘стричь овечьими ножницами’ из и.-е. **ks-eu-* от **kes-* ‘скоблить; брить’ и ‘чесать, расчесывать, причесывать’ [Рок. IEW, 585–586], отсюда также обозначения бритвы, гребня, скребка и др., восходящие к именной основе **xšu-ra-*, ср. др.-инд. *kṣurá-* ‘бритва’ от и.-е. **ksuro-* ‘бритва’, ср. рус. *чесать*. В обоих праиранских глаголах была заложена сема ‘скоблить, соскабливать’, — очевидно, таким был первоначальный способ состригания шерсти. Возможно, по языкам имело место независимое развитие значения ‘соскабливать’ → ‘стричь’. Рефлексы обоих глаголов и их именных производных отмечены в одном и том же значении даже в соседних языках. Ср., например, ягн. *virīn-*, ишк. *vörn-*, вах. *vrin-*, *vrin-* ‘стричь шерсть’ от основы **bri-na-* [Ст.-К. ЭСВЯ, 386], но шугн. *piṣēw-*, руш. *piṣēw-*, барт. *piṣaw-*, сар. *pyṣew-*, язг. *pašaw-* ‘стричь овец; стричь овечьими ножницами’ < **pati-xšāuaia-* от корня **xšau-*, ср. вах. *ḫown* ‘ножницы для стрижки овец’. При этом основы от обоих корней в разных языках развивают и другие значения, ср., например, от **bri-*, **brina-*: ав. *brī-*, *brīn-* ‘резать’ (ср. др.-инд. *bhrīṇa-* ‘повреждать’), перс. диал. *brin-* : *būrīn-* ‘резать, кроить’ и т.п.; от **xšau-*: язг. *šāw-* (< **xšāuaia-*) ‘грызть, глотать’, вах. *šyw-* ‘грызть, глотать’, осет. *ḫsynyn* ‘грызть, глотать’, согд. будд. *’γšy-* ‘грызть, глотать; жевать’, мдж. *axšōw-*, ягн. *xšoy-* от **xšau-* ‘скоблить’.

Это означает, что оба глагола, имевшие в праиранском состоянии сходную сему ‘скоблить, соскабливать; сбрасывать’, терминологизовались в разных восточноиранских и западноиранских языках сходным образом, хотя вне терминологизации развили другие значения.

Та же ситуация, например, со становлением глагола ‘доить’, который даже в соседних родственных памирских языках развился путем терминологизации двух разных глаголов:

1) праиранский корень в двух фонетических разновидностях: **daug-*, **dauk-* из и.-е. **dheugh-* ‘нажимать, выжимать’, в индоиран. ‘доить’ (ср. др.-инд. *doh-*) [Рок. IEW, 271], основы наст. вр. соответственно праиран. **dauja-* и **dauša-*, в отдельных языках **daujaia-* и

**dauṣš*(*ja*)-. Примеры: тадж. *dūš*- < **dauṣš*- и вторичное *jūš*- и т.д. ~ пшт. *lwəṣəl*, *lwəṣəl* 'доить', шугн. *ḍūz*-, бдж. *ḍūz*-, руш., хуф., барт., рош. *ḍūz*-, сар. *ḍewz*- 'доить'; ишк. *deš*- < **dauṣš*-, вах. *ḍic*-, мдж. *lūz*-, осет. *dūcyn* | *docun*, см. [ЭСИЯ 2, 405 и сл.];

2) праиранский корень **tra(n)k*-, **θra(n)k*- 'сдавливать, выжимать' из и.-е. **trenk*- 'сдавливать, выжимать' [Pok. IEW, 1093]: ав. *θraxta*- прич. перф. (из **θrak-ta*- < и.-е. **tr̥nk-to*-) от корня **θra(n)k*- 'крепко сжимать, сдавливать' ~ язг. *sax*- : *cox*t 'доить' с относительно поздним уподоблением исхода основы настоящего времени исходу основы прошедшего времени, также вторичной, с изменением огласовки.

Число таких примеров можно увеличивать до бесконечности. Важно, что четкого распределения таких синонимических пар между западными и восточными языками не обнаруживается.

Состав глагольной лексики в разные периоды пополнялся не только за счет традиционного создания основ путем перегласовок и рефлексов древних суффиксов и — реже — инфиксов, но и за счет сращения с основами древних наречий и превербов, превратившихся в глагольные префиксы. Каузативные глаголы образуются также новыми суффиксами, как и в западной группе. В относительно поздние периоды существования восточноиранских языков глагольная лексика пополняется в основном за счет сложноименных глаголов, как и в западноиранских языках, причем по той же модели «имя + глагол», что отражает предшествующий им порядок компонентов синтаксического сочетания OV. Редко встречающиеся в восточноиранских языках сложно-вербальные глаголы обычно являются кальками с таджикских и представляют собой скорее идиоматические сочетания.

Тем самым глагольная лексика также пока не дает материала для четких противопоставлений западноиранских и восточноиранских языков.

2.5. ДИНАМИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СЛОВ В ЛЕКСИЧЕСКИХ ГРУППАХ ВОСТОЧНОИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ

История восточноиранских языков демонстрирует примеры диахронии взаимоотношений слов в лексических группах и соответственно а) появления и распада синонимичных пар; б) распада слов с богатой полисемией на слова-омонимы; в) контаминации разных слов, сходных фонетически и/или семантически.

2.5.1. Синонимия

В истории восточноиранских языков отмечаются примеры перехода слов, близких по значению, но не синонимичных, в разряд частичных и затем полных синонимов, а также примеры поляризации значений синонимов и разрушения синонимии.

Например, в общеиранском состоянии, как уже говорилось (см. гл. I), выявляется несколько слов, обозначающих особей крупного рогатого скота. Для нас в данном случае существенны два из них:

1) **gau-* : *gāu-* (м. и ж. р.; ном. ед.ч. **gāuš*) 'корова, бык' (из и.-е. **g^wou-*, ном. ед.ч. **g^wōi-s* [Pok. IEW, 482]), рефлексy широко распространены в живых и вымерших иранских языках западной и восточной групп, см. 2.4.1.4.A., с. 135–136;

2) **uxšan-* (м.р., по диалектам также **ukšan-*; ном. ед.ч. **uxšā*, **ukšā*) 'бык, телец, вол' (из и.-е. **uk^wsen-*, **ukson-* — о различных индоевропейских вариантах, их значениях и этимологии см. в гл. I); рефлексy сохранились в относительно ограниченном ареале восточноиранских диалектов Средней Азии и примыкающих регионов, см. 2.4.1.4.A. с. 136.

В праиранском состоянии и в более древнем — вплоть до индоевропейского — эти слова не были полностью синонимичными: **gau-* было родовым обозначением крупного рогатого скота, а пол животного обозначался соответствующим грамматическим оформлением имен мужского и женского рода (что отражено в падежных парадигмах), а **uxšan-* обозначало быка, бычка или телца, предназначенного для каких-то особых функций. Эти лексемы не были «разведены» по диалектам праязыка, обе встречаются в языке Авесты. В древних диалектах **gau-* : *gāu-* обозначало корову как представителя вида, в подавляющем большинстве более поздних языков за продолжениями этой основы закрепилось значение 'корова', реже также 'бык', но для обозначения собственно быка иногда используются вторичные аффиксальные образования, композиты, заимствования и др. (ср. тадж. *barzagov* 'бык', тадж. диал. Ванджа *bəqagov*, шугнанское заимствование из таджикского *gōw* 'бык' и вторичное *γur-gōw* 'бык-производитель' и т.п.). Продолжения основ **ukšan-* / **uxšan-* обычно имеют значения 'бык, вол'. Таким образом, отношения этих лексем в позднее время можно трактовать как отношения класса и подкласса, в отличие от древнего периода.

В генетической группе севернопамирских языков, состоящей из шугнано-рушанской группы и язгулямского языка (а также вымершего в конце XIX в. старованджского, в котором следы этих слов не дают определенной картины), рефлексy данных обозначений единиц

крупного рогатого скота разошлись в своей семантике как бы «зеркальным» образом, ср.:

шугн., руш., *žōw*, барт., рош. *žaw*, барв. *žāw*, сар. *žew* (с анлаутной *ž*- < *γ- < *g- в позициях перед *-a, *-ā) 'корова', но язг. *γew* (< *gāu-) 'бык';

шугн. *xīj* 'бык', руш., хуф. *xōj* 'бык, вол', барт. *xōj* 'бык, вол', рош. *xōj* 'бык', сар. *xēj* 'вол' (из *uk/xša-ka-), но язг. *xōān* 'корова' (из раннеязг. *uxšānā- — вторичного производного ж.р. из рефлекса основы *uxšān- + суф. ж.р. *-ā, ср. пшт. *γwā* 'корова' от *gauci- с аналогичным суффиксом ж.р. *-ā).

Таким образом, после дивергенции севернопамирской группы в язгулямском языке рефлексы этих древних лексем как бы «поменялись» семантикой, причем это должно было произойти в относительно позднюю эпоху, поскольку: а) в близкородственных языках шугнано-рушанской группы сохраняется «обычное» распределение значений этих лексем; б) в язгулямских топонимах сохраняется употребление рефлексов *uk/xšan- в значении, которое можно трактовать и как «обычное» — более архаичное 'бык, вол', и как общее видовое название коровы и быка.

Какими путями должны были развиваться значения слов-рефлексов обеих праиранских лексем в диалекте — предке язгулямского языка, чтобы привести к такому их «перекрещиванию»?

Очевидно, что в условиях давней традиции молочного хозяйства Западного Памира названия самца и самки крупного рогатого скота не могли просто совпасть, а уже потом размежеваться иным, противоположным образом: они обычно четко противопоставлены лексически, а при «угрозе» фонетического совпадения их противопоставление регенерирует путем создания новых терминов различными словообразовательными средствами (см. о них ниже) или использованием заимствований. Следовательно, в раннеязгулямском или в «малом» праязыке, общем для севернопамирских языков, рефлексы общеиранских *gau- и *uxšan- в семантическом плане были не обозначением (или не только обозначением) пола животного, но имели более широкий спектр значений, которые в какой-то момент могли привести к их полной синонимии. В таком случае должен был включиться процесс поляризации.

По-видимому, здесь произошло расширение или, во всяком случае, изменение семантики второго слова до обозначения им всякого быка, вола, независимо от хозяйственных или ритуальных функций, и, следовательно, до совпадения центрального круга значений рефлекса *uk/xšan- с кругом значений рефлекса *gau- : gāu- в мужском роде, т.е. до образования пары синонимов.

Далее — при филиации севернопамирских языков — в раннеязгулямском могли совпасть (полностью или частично) и периферийные значения этих слов, образовав для обозначения быка практически полные синонимы предположительно в виде **γāw* и **ḡā* или **ixā* в номинативе ед. числа. Поскольку это был период продуктивного образования имен жен. рода от основ муж. и ср. рода (а также от первичных имен жен. рода, как это произошло, например, в пашто) наращением суффиксов **-ā*, **-i*, **-ī* (ср. пашто *γwā* 'корова' из **gaɰa* + вторичный суф. ж.р. **-ā*), в язгулямском появилась и затем реализовалась возможность построения двух синонимических пар для обозначения самца и самки крупного рогатого скота. При этом для названий быка сохранялись древние основы, а для обозначения коровы были образованы вторичные с суф. **-ā*:

1) муж. род ном. **γāw* (< **gāu-*), основа **γāw* (< **gau-* : *gāu-*)

~ жен. род **γāw-ā* (< **gau-* : *gāu-* + *-ā*);

2) муж. род ном. **ḡā* (< **uk/xšā*), основа **ḡan-* (< **uk/xšan-*)

~ жен. род **ḡān-ā* (< **uk/xšan-* + *-ā*).

В дальнейшем для обозначения быка, вола в язгулямском сохранился рефлекс старого — первого слова в виде **γāw* > язг. *γew* (с закономерным для язгулямского отражением **ā* > *e*), а для коровы «выбрано» максимально отличное от него в плане выражения слово **ḡān-ā* > язг. *ḡān* (с отражением **-ā-* в позиции *a*-умлаута в виде *ā*). При этом данные основы сохраняли какое-то время и периферийные значения, на что указывает использование основы **ḡā-* или **ixā-* > язг. *ša-* в топонимике, а основы **γāw-ā* > язг. *γaw-* в образовании *γawāk* 'говяжий' (употребляемое обычно в сочетании *γawāk-i gāxt* 'говядина', букв. 'говяжье мясо').

В диалектах же, легших в основу языков шугнано-рушанской группы, в названии коровы закрепился рефлекс более старого прототипа — основы **gāu-* с долгим **-ā-* от формы номинатива ед. числа и с вторичным суффиксом женского рода **-ā* (т.е. прототип **γāw-ā* 'корова'); присутствие суф. **-ā* в прошлом подтверждается исторической фонетикой (без него отсутствовала бы *a*-умлаутная перегласовка корня, и в рушанском языке слово звучало бы **žīw*, а не *žōw*). Историческая форма мужского рода без суффикса **-ā*, т.е. **γāw* 'бык' в некоторых языках группы (в частности, в шугнанском, бартангском, сарыкольском) должна была совпасть фонетически с формой женского рода **γāw-ā* 'корова'. Возможно, этот фактор, а также стремление к поляризации названий «корова» и «бык», способствовали вытеснению формы **γāw* 'бык' ее синонимом. В результате в названии быка здесь возобладала вторая лексема, но с наращением суффикса мужского рода **-ka* (и сокращением гласного **-ā-* > **-a-*),

по типу **ixšā + ka- > *ḫaka- >* шугн. *ḫīj*, руш., хуф. *ḫoj* и т.д. Употребление суф. **-ka* здесь было закономерным: он использовался в образовании и других вторичных имен мужского рода, в том числе при необходимости подчеркнуть пол животного (особенно в случаях потенциального фонетического совпадения имен муж. и жен. рода: ср. шугн. *taḫ*, руш. *mēw*, барт. *māw*, сар. *mēwl* ‘овца’ < праиран. **maišī-* или вторичное **maiša- + ā-*, но шугн. *miḫīj*, руш., хуф. *mawoj*, барт. *mawōj* ‘баран’ < **maiša-ka-* [С ГОЯШ, 52]).

Подробнее о возникновении этой пары синонимов и об их последующей поляризации см. также [Эд. Лексикол., 68–71].

Таким образом, при возникновении в какой-то период между двумя словами отношений полной (или приближающейся к полной) синонимии в случае необходимости она устраняется. Это создает дополнительные трудности в реконструкции системы синонимов (и ее динамики) даже в относительно позднем региональном праязыке для небольшой языковой группы.

2.5.2. Омонимия

Возникновение омонимичных пар и их распадение (в ряде случаев в результате фонологической поляризации) также отмечается в истории разных восточноиранских языков. Причины их появления в целом однотипны: относительно позднее совпадение слов, производных от несходных между собой древнеиранских корней (например, осет. *ḫæryn* : *xord* (*ḫærd*) | *xwærun* : *xward* ‘есть’ от корня **h₂car-* и *ḫæryn* : *xord* | *xwærun* : *xward* ‘чесаться’ от корня **xar-* < **khar-* [Аб. ИЭСОЯ IV, 183]; осет. *fyr* | *fur* ‘баран-производитель’ < **pṛna-* и осет. *fyr* | *fur* ‘очень; много’ < **paru-* [Аб. ИЭСОЯ I, 499]; совпадение слов и основ в праиранском состоянии и одинаковые рефлексy древних совпавших основ, например осет. *arawun* : *aryd* | *arawun* : *arud* ‘опалать на огне’ из преверба **a-* и корня **rau-* ‘марать, пачкать’ и осет. *arawun* : *aryd* | *arawun* : *arud* ‘оглашать сильным шумом’ из преверба **a-* и корня **rau-* ‘шуметь, реветь’ [Аб. ИЭСОЯ I, 56–57]. Отмечаются омонимы, возникшие в результате совпадения исконного и заимствованного слова (например, язг. *mûr* зоол. ‘гусеница-красногузка, паразит абрикосовых деревьев’ и *mûr* ‘печать’ — результат адаптации заимствованного из тадж. *muhr* ‘печать’).

Примеры омонимичных пар восточноиранского происхождения (не говоря уже об омонимах с участием заимствованных слов из других языков, включая не-иранские) имеются практически в каждом словаре восточноиранских языков — живых и вымерших.

Следует отметить, что в некоторых случаях необходимость семантического разграничения слов препятствует образованию омонимичных пар. В качестве примера можно привести историю инновационных личных местоимений 2-го лица мн. числа: неприятие омонимии местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа вызвало новые словообразовательные методы их поляризации путем маркирования местоимений 2-го лица мн. числа (см. с. 204–205).

2.5.3. Контаминация

Процессы контаминации сходных фонетически и семантически корней и производных слов, отмечавшиеся еще в праиранском состоянии, продолжают и в более поздних языках, в том числе и в восточноиранских.

Так, отмечено фонетическое совпадение и затем семантическая контаминация имен, производных от разных глаголов. Например, в праиранском состоянии имелись глаголы **gah-* : *gas-* ‘есть, кушать’ (из арийск. **ghas-*, ср. др.-инд. *ghas-* ‘есть, съедать’), восходящий к и.-е. **ghōs-* ‘есть, кушать; жрать, пожирать; поглощать’ [Рок. IEW, 452; Мh. EWA-7, 514], и **gaž-*, **gaiž-* ‘жалить, кусать; быть острым, кислым; острое; острый’ (арийский прототип **gaj-* или **gaij-* реконструируется условно, надежных древнеиндийских соответствий не выявлено), возводимый в конечном счете к и.-е. **geig-* ‘острый, кислый; колоть, кусать’, см. [Рок. IEW, 356; Аб. ИЭСОЯ I, 165; Fr. LEW I, 129]. От обоих корней были образованы субстантивы по модели имен орудия с суф. **-tra-*: от первого — **gastra-*, **gastr(i)ia-* с общим значением ‘рот, зубы’ ← ‘едалка’, от второго — **gaštra-*, **gaštr(i)ia-* ‘зуб’ ← ‘кусалка’. В дальнейшем в ряде языков их рефлексy совпали, что было усилено фонетически сходными процессами развития консонантных групп: **-str-* > **-š-* и **-štr-* > **-š-*. Возникшая на промежуточном этапе **-š-* отражалась в дальнейшем по языкам в виде закономерных рефлексов: твердых глухих согласных: *š*, *š̌* и т.п. Разные авторы возводят результирующие названия рта и зуба к разным глаголам. Некоторые из этих этимологий вызывают споры, однако признание контаминации рефлексов данных сходных именных образований снимает предмет спора. Ср., например, язг. *γāš*, *γāš* ‘рот; отверстие (мешка, кувшина и т.п.)’ (< **gastr(i)ia-*, ср. [С ГОЯШ, 109] без этимологии), язг. *γūš* ‘нижняя часть горла’ < **gastra-* (ср. прототип **gaštra-* в [Morg. EVSh, 37]); вах. *γaš* ‘рот; пасть; устье’ из **gastra-* (при параллельном прототипе **gaštra-* [Ст.-К. ИФВЯ, 167; Ст.-К. ЭСВЯ, 187], хотя появление здесь **-št-* возможно только в случае ассоциации с **gaštra-* от корня **gaž-*

‘кусать, жалить’), см. также [Morg. PFL II, 524]. То же относится к хор. *γš* ‘зуб’ (< **gaštra-* или **gastra-*, последнее — в случае контаминации с производным от **gah-* ‘есть, кушать’) [Henn. Khwar. Lg., 434; Henn.-MacK. Khwar. Dict., 39, 49; Humb. CLI, 197]; пшт. *γāš* м.р. ‘зуб; зубец, лопасть’ (< **gaštra-* ‘кусалка’, хотя Г.Моргенштерне не дает прототип **gastra-* [Morg. RLMA, 34; Morg. EVP, 28–29; MacK. Pashto, 549]). Ср. обозначение зуба в диалектах западноиранского языка, находящегося в восточноиранском ареале: орм. кан. *gas* (с поздним *-s*?), лог. *gišī* ‘зуб’ [Morg. RLMA, 34; Morg. PFL I, 395]. Об этих словах также в [ЭСИЯ 3, 104 и 264].

Отмечаются случаи контаминации и в глаголе. Например, каузативные глаголы, обозначающие ‘сажать (растения)’, в некоторых восточноиранских языках могут восходить к праиран. **had-* ‘садиться, сидеть’ и/или к **dā-* ‘создавать, устанавливать’, либо, что более вероятно, быть результатом ассоциации этих глаголов, если не полной контаминации. Например, мдж. *niyon-* : *niyend-* ‘сажать (растение)’ с основной наст. вр. из **ni-ha-n-d-* при ранней контаминации с **ni-dā-* [Morg. PFL II, 234–235; Гр. ОИЯ, 212]; то же — язг. *niḏān-* : *niḏant*, прич. прош. вр. *niḏantag* 1) ‘сажать, усаживать’; 2) ‘сажать (растения); усаживать (курицу на яйца)’; 3) ‘устанавливать’; ягн. *nidon-* 1) ‘сажать (в тюрьму)’; 2) ‘сажать (деревья)’; вах. *nund-* ‘ставить; сажать (растения)’; сгл. *nēnd-* : *nēd* ‘сажать растения’ (см. также [Ст.-К. ЭСВЯ, 246; ЭСИЯ 2, 421–422] и [ЭСИЯ 3, 312]).

В отдельных языках совпадают рефлексy некоторых глаголов, являвшихся омонимичными уже в праиранском состоянии. Например, в вах. *naž(γ)ər-* : *naž(γ)ərd*, *naž(γ)ər-* : *naž(γ)ərd* 1) ‘глотать, заглатывать’; 2) ‘впитывать влагу (о земле, растениях)’ из преверба **niš-* + корня **gar-* произошла контаминация рефлексов двух древних омонимов.

1. **1gar-* 1) ‘увлажнять(-ся); наполнять(-ся) жидкостью’; 2) ‘капать’ — из арийск. **gal-*, **gar-* или **ghar-* (?), ср. др.-инд. *gal-* ‘капать, ронять капли’ (хотя М.Майрхофер не усматривает этимологических параллелей этому древнеиндийскому корню в иранских языках [Mh. EWA-6, 476; Mh. EWA-7, 477]) и др.-инд. *ghar-* ‘опрыскивать’ (соответствия последнему усматриваются под вопросом в виде классического перс. *āyārdan* ‘увлажнять’ и др. [Mh. EWA-7, 512–513]). Соответственно неясен индоевропейский прототип, хотя *-l-* в отдельных словах иранских языков может сохраняться из индоевропейского периода (при уже известном неполном ротацизме, см. [Эд. СГВЯ-Ф, 29–30]. Предположения об индоевропейском прототипе древнеиндийских корней и соответствующую литературу см. [Mh. EWA-7, 513]); подробнее см. [ЭСИЯ 3, 152–156].

2. **gar-* : *gr-*, **grā-* (?) 'есть; глотать, проглатывать; впитывать; сосать, всасывать; поглощать' — из арийск. **gar-* : *gr-*, ср. др.-инд. *gar-* 'проглатывать' [Mh. EWA-8, 589–590] и далее — из и.-е. **gel-* или **g^wel-* 'проглатывать; поглощать' с разными по языкам огласовками и наращенными (ср. например, церк.-слав. **gl̋bati* 'глотать', **gl̋bъ* 'глотка', рус. *глотать, глотка* [Pok. IEW, 365]) при контаминации с рефлексам и.-е. **g^wer-*, **g^werā-* 'глотать, глотка', ср. арм. *e-ker* 'ел', греч. βορᾶ 'еда, корм', лат. *vorāre* 'пожирать, поглощать', лит. *gėrti* 'пить', церк.-слав. *po-žrēti* 'жрать', рус. *жрать*, др.-рус. *жерело* [Pok. IEW, 365, 474–476; Fr. LEW I, 148–149; Фасмер II, 62–63; Mh. KEWA-5, 335; Mh. EWA-6, 469–470, 476].

О ваханской этимологии см. [Morg. PFL II, 533; Ст.-К. ИФВЯ, 180; Ст.-К. ЭСВЯ, 251]. Подробнее о других языках см. [ЭСИЯ 3, 156–160].

Наблюдаются также менее явные случаи контаминации, связанной с преобладанием семантики одного прототипа над другим. Так, имелись две праиранские сходные фонетически и семантически именны основы: **hišku-* и **huška-*.

Первая — праиран. **hišku-* 'сухой; иссушенный' — производная от корня **hak-* : *sk-* / -*šk-* 'пересыхать, иссыхать, иссякать' < арийск. **sak-* (ср. др.-инд. *sac-* 'иссякать, иссыхать; быть пересохшим', например *á-saścantī-* ж.р. 'неиссякаемая') — из и.-е. **sek-* 'истекать, иссякать; исчерпывать(-ся)' (ср. др.-ирл. *sesc*, лит. *sėkti* 'убывать (о воде), мелеть', *išsėkti* 'иссякать', ст.-слав. *i-sęknōti*, рус. *иссякнуть, неиссякаемый*) [Pok. IEW, 894–895; Mh. KEWA-23, 418; Mh. EWA-19, 687–688]; ав.п. *hišku-* 'сухой; иссушенный' (ж.р. *hiškvī-*) < арийск. **sišku-* < и.-е. **sə-sk-u-* или **si-sk-u-* (?), см. [Barth. AiW, 1816–1817]. Сюда относятся, например, согд. ман. *škw-*, *šwk-*, хр. *šwq-* [*šku-*, *šuk-*] 'сухой' [Gersh. GMS, 13, 61; Gharib Sogd. Dict., 373, 378; Ливш., Хр. ОИЯ, 377], согд. будд., ман. *škw* 'сухой' [Henn. BBB, 59; Gersh. GMS, 13; Gharib Sogd. Dict, 69]; хс. *škūi* 'высушенное тело; мощи' из более раннего **škuva-*, хс. *škala-* 'сухие, засушливые местности' и прил. *škala-*, *šakala-*, *šakāla-* 'сухой, высушенный' [Bailey DKS, 414], подробнее см. [ЭСИЯ 3, 343].

Вторая — праиран. **huška-* 'сухой; высохший' от корня **hauš-* : *huš-* 'сохнуть; сухой' — из арийск. **sauš-* : *suš-* 'сушить; сухой' (ср. др.-инд. *śuṣ-* : *śoṣ-* при частичной ассимиляции первого согласного из **suṣ-* : **soṣ-* 'высыхать, пересыхать; становиться сухим') — из и.-е. **saus-* : *sus-* 'сухой, пересохший' (ср. лит. *saūsti* 'сохнуть', *saūsinti* 'сушить', *saūsas* 'сухой, высохший'; *sausrà* 'сушь, засуха', церк.-слав. *sušiti*, *сухъ, сѣхнѣти*, рус. *сушить, сухой, сохнуть* и др.) [Pok. IEW, 880–881; Фасмер III, 730, 813; Fr. LEW II, 766; Mh.

KEWA-22, 362–363; Mh. EWA-19, 648–649, 658]. Отсюда производное праиран. **huška-* ‘сухой’ < арийск. **súška-* ‘сухой, высохший’ (ср. др.-инд. *súška-* ‘сухой, высохший, пересохший’) из и.-е. **sus-ko-* ‘сухой’ [Pok. IEW, 880–881]: ав. *huška-* ‘сухой’ [Barth. AiW, 1840], др.-перс. *huška-* ‘сухой’, а также ‘страна, суша’ [Kent OP, 178; Br., Mh. Handb., 149]; сюда же может относиться согд. *wšk-* [*ušk-*] (но согд. ман. *škw-*, *šwk-*, хр. *šwq-* будд., ман. *’škw* [*šku-*, *šuk-*] ‘сухой’ — возводятся к **hišku-* [Gersh. GMS, 13, 63, 190; Ливш., Хр. ОИЯ, 377; Gharib Sogd. Dict., 69, 378]); возможна контаминация обоих прототипов в язг. *waḫk* 1) ‘сухой, засохший, сушеный’; 2) ‘густой, крутой (о каше)’ (< **uška-* < **huška-*). Вместе с тем, в отмеченных Г.Моргенштерне словах, обозначающих части тела с костным основанием, восходящих к композиту, имеется в первой части элемент, восходящий к **huška-* ‘сухой’ (возможно, в значении ‘твердый, твердое основание’): йд. *ušk-māxiko* ‘лодыжка’ (ср. йд. *mōḫē* ‘палка, посох’) и др. [Morg. IFL II, 193]; шугн. шхд. *wiḫčērn*, гнд., бдж. *ḫičērn*, руш. *wiḫčērn* ‘локоть’, барт., рош. *ḫičīrn* (< **uška-araḫni-* < **huška-aratni-*, ср. [С ГОЯШ, 89; Morg. EVSh, 94], пшт. *wuč-wūlay*, *wəč-wəlay* м.р. ‘лоб’ с *wuč* < **huška-* (по [Morg. EVP, 85], этимология неизвестна), то же — в фонетических вариантах пшт. *učwūlay*, *učwəlay*, *učulay* м.р. ‘лоб’ [MacK. Pashto, 549] (ср. пшт. *wəlay* м.р. ‘лопатка (животного)’, диалект вазири *wula* анат. ‘лопатка, плечевой сустав’, ср. [Morg. EVP, 86] с праформой **bud-*); ср. бел. *wišk haḫd* ‘берцовая кость’ [Morg. IFL II, 193; Morg. EVSh, 94]. Ср. также приводимые Г.Моргенштерне слова данной семантической группы с этими и другими обозначениями понятия «сухой, твердый»: тадж. диал. Бадахшана *kāk-i pā* (с заимствованным тюрк. *qoq* ‘сухой’), перс. диал. *ḫušḱ-nāy* ‘горло, плотка; трубка’ и др. [Morg. IFL II, 193], мдж. *wuški-ostia* 1) ‘лодыжка’; 2) ‘запястье’ [Morg. IFL II, 264], см. также язг. *qóq-i lang* ‘голень (кость)’. По семантическому признаку сюда примыкает согд. будд. *’škwčh* [**šküčā*] ‘горло, плотка’, которое с метатезой *u-* стало *škwč* [**šküčā*], хотя может восходить к **hišku-* [Henn. BBB, 53, 135; Gersh. GMS, 63, 190; Gharib Sogd. Dict., 378]. Подробнее см. [ЭСИЯ 3, 384–390].

При значительной перестройке вокализма в ряде восточноиранских языков точное возведение сходных слов только к одному из этих прототипов не всегда выглядит безусловным.

Отмечаются случаи контаминации исконных и заимствованных лексем, а также нечастые совпадения разных заимствований. Например, в памирских языках и в таджикских говорах Бадахшана показателен семантический сдвиг в образовании слова *dawom* ‘начинание’, используемого со значением ‘начинать(-ся)’ в синтаксических

конструкциях типа 'начал говорить'. Слово заимствовано через таджикский язык из арабского *dawām* 'продолжение', и трансформация его значения может быть связана с наложением его на бытовавшее здесь прежде субстратное слово, родственное вершикскому абсолютиву *dohon-* 'держат, хватать; начинать' в последнем значении. Важно, что оба слова: и субстратное, и заимствованное из арабского — используются в одинаковых синтаксических конструкциях, и это стимулировало их контаминацию. См. подробнее [Эд. ЦАЯС, 23–24].

Наблюдаются еще более сложные случаи контаминации. К таким словам в языках Средней Азии относится, например, название бурдюка для плавания. Подробнее об источниках этого культурного термина и путях его распространения (с цепочками заимствований) см. ниже, с. 240–244. Здесь же целесообразно сказать о сложности выявления контаминации разных названий этой реалии.

В севернопамирской группе языков термины, обозначающие бурдюк для плавания, переправы через реки, закономерно восходят к праиран. **snā-tra-*, т.е. к имени орудия от глагола праиран. **snā-* 'мыть(-ся); купать(-ся); плавать': шугн. *zinōc*, руш., хуф. *zinūc*, барт. *zinūc*, рош. *zinōc*, сар. говор Ташкурстана *зынис*, *зыниѝ*, сар. бурунго-солтский говор *zinuc* 'турсух, мех для переправы на реке'; язг. *zānes* 'бурдюк для плавания'. Г.Моргенштерне считал слово ранним заимствованием из перс. *sināč* [Morg. EVSh, 108]. Однако соответствие язг. *-c* ~ шугн.-руш. *-c*, которое регулярно восходит к группе **-tr*, указывает на исконность язгулямского слова (в случае заимствованного *sināč* мы имели бы язг. **sāneč*; об отражении в этих языках данных согласных см. подробнее [Ed. Hist. Cons., 299; Эд. СГВЯ-Ф, 156, 172–173]).

Это значит, что в данной группе языков слова с исходом на *-c* исконны, а в сарыкольском «городском» диалекте один из вариантов: *зыниѝ* с ауслаутом *-č* — результат влияния либо таджикского *sanōč* (о его происхождении будет сказано ниже), либо тюркского (уйгурского?) *sanač* (ср. уйг. диал. *sanač* 'кожаный мешок для хранения жидкостей' и родственные слова [ЭСТЯ 7, 189–190]). Этот вариант (в отличие от первого с ауслаутным *-c*) либо целиком заимствован, либо контаминирован со сходным названием в «престижном» языке данного региона.

Подробнее о контаминации заимствований уже в самом таджикском языке и о путях распространения этого культурного термина см. ниже, с. 242–243.

2.6. НЕСТАНДАРТНЫЕ ОТРАЖЕНИЯ ИСКОННЫХ ОСНОВ

1. Фонетические «исключения».

Явление, отмечаемое в праязыке и в отдельных древнеиранских диалектах, относящееся к чисто фонетическим факторам: оглушение общеарийских звонких согласных (прежде всего придыхательных, но не только) с переходом их в глухие спиранты в анлауте и инлауте некоторых слов, например в праиран. **uaf-* (реже **uab-*) 'ткать, вязать, плести' < арийск. **uabh-* < и.-е. **uebh-*; вариант праиран. **θaiuar-* (в единичном случае **daiuar-*) 'деверь' < арийск. **d(h)aiuar-* < и.-е. **dāiue-* и др. Отмечено также в некоторых древнеиранских диалектных формах типа **(a)frū-ka-* 'бровь', продолженной в осетинском *ærfyg* | *ærfug* 'бровь', наряду с отражением в подавляющем большинстве иранских языков праформ **(a)brū-ka-* и др. (подробнее в [Аб. ИЭСОЯ II, 148–149, 406; Аб. ИЭСОЯ III, 297] и др.).

Сюда же относится праиранский или ареальный древнеиранский прототип **θau-* : *θu-*, *θū-* 'гореть; жечь', справедливо соотносимый Г.Бейли с др.-инд. *dav-* : *du-*, *dū-* 'гореть, жечь', продолжающим и.-е. **dau-* : *dū-* [Bailey DKS, 202–203]. Рефлексы этого прототипа наблюдаются в восточноиранских языках и в единичных западных, бытующих в восточном ареале.

Основные из зафиксированных рефлексов этого корня: хор. *θw-* [*θau-*] 'гореть' < **θau(a)-*, хор. *θ'wū-* 'жечь, сжигать' < кауз. **θāuaja-* [Benz. Chwar. Wort., 621, 628; Sam. Chwar. Verb. 207–208]; шугн. *θāw-* : *θud-* 'гореть, сгорать, зажигаться; обжигаться' (< **θaua-* : *θuta-*); *θēw-* : *θēwd*, *θud* 'заставлять гореть; жечь, сжигать' (осн. наст. вр. < кауз. **θāuaja-*); руш., барт. *θīw-* : *θud* (неперех., ср. барт. перех. *θāw-* 'зажигать'); сар. *θew-* : *θyd* 'гореть' (с осн. наст. вр. из **θauja-* или **θāuja-*, осн. прош. вр. из **θuta-*); хуф., руш. *θēw-* : *θēwt*, барт. *θāw-* : *θāwt* 'жечь, зажигать' (осн. наст. вр. из кауз. **θāuaja-*) и сар. поздний кауз. *θawon-* : *θawont* 'жечь' (подробнее о происхождении глагольных форм см. [С ГОЯШ, 47–49, 55]; ишк. *siw-* : *siwd* 'жечь, сжигать' (осн. наст. вр. из кауз. **θāuaja-*); ишк. *saw-* : *sūd* 'гореть, сгорать', сгл. *tāv-* : *tād* / *tād* 'гореть, сгорать' < **θau(a)-* с закономерным отражением **θ* > ишк. *s* ~ сгл. *t*, ср. также сгл. *īw-* 'жечь, сжигать' < **θauaja-* [Morg. IFL II 305, 416]. Вах. *θaw-* : *θat* 'гореть, жечь' < **θaua-* : *θuta-*, вах. *θyw-* : *θowd* 'жечь' [Ст.-К. ИФВЯ, 83–84, 209; Morg. EVSh, 83; Ст.-К. ЭСВЯ, 32, 374–375]; хс. *thūs-* 'зажигать' < **θū-sa-* [Emm. SGS, 43; Bailey DKS, 149]. В западноиранском языке парачи, бытующем в восточном ареале: *thī-* 'гореть' и *thēw-*

‘зажигать, жечь’ [Morg. IIFL I, 293]. Аналогичное отражение — в глаголах с превербами и в отглагольных именах (подробнее см. [Bailey Prolexis, 154–155; Gersh. GMS, 90; С ГОЯШ, 55, 91, 121; Morg. EVSh, 82–83, 115; Эд. СГВЯ-Ф, 166; Эд. СГВЯ-М, 99; ЭСИЯ 2, 387–391], там же литература).

Таким образом, материал многих живых и вымерших иранских языков свидетельствует о существовании древнеиранского варианта **ḍau-* : **ḍī-*, рефлексы которого закреплены не за генетической группой языков, а за восточным ареалом, с охватом не только восточноиранских, но и западноиранских языков.

2. *Фонетические «исключения», зависимые от семантики.* Отмечаются случаи уже не древнеиранского, а значительно более позднего изменения анлаутных согласных. Это озвончение праиранских глухих смычных согласных в отдельных словах. Явление справедливо объясняется В.И.Абаевым как результат обычного употребления данного слова в словосочетаниях или в составе композитов в постоянной второй позиции, либо с историческим препозитивным элементом, впоследствии отпавшим, т.е. в таком контексте, где нынешний начальный согласный находился исторически в ненаачальной позиции, благодаря чему подвергся озвончению. См., например, осет. *gæs* ‘стой, присматривающий, караульщик’ (от корня **kaś-* ‘смотреть’) — лексикализовавшаяся вторая часть сложных слов, ср. *ræγaw-gæs* ‘табунщик’, *k°uroj-gæs* ‘мельник’ и т.д. [Аб. ИЭСОЯ I, 516]; осет. *gænæn* ‘возможность, средство’ из *kænæn* от *kænyп* ‘делать’ с озвончением во второй части сложных слов типа *mi-gænæn* ‘орудие для работы (*mi*)’ [Аб. ИЭСОЯ I, 513] и др.; осет. *dy* | *du* ‘ты’ с озвончением под влиянием энклитического местоимения [Аб. ИЭСОЯ I, 378]; осет. *gæn* | *gænæ* ‘конопля’ (из более старого осет. **kæn*, свидетельствуемого производными (*kættag* < *kæn-tag*) ‘полотно’ и заимствованиями названий конопли в разные языки в виде сван. *kan*, греч. *κάνναβις*, рус. *конопля* и др., сюда же перс. *kanab*, хор. *knb*, согд. *кунр*’, хс. *kumbā*, *kanbā*, груз. *k°anap* и др. [Аб. ИЭСОЯ I, 513]. Неясно, связано ли это озвончение с историческим препозитивным артиклем, с наличием в прошлом проклитического элемента или с изменением слова при табуизации.

Наблюдения над аналогичными явлениями в ряде других иранских языков, особенно Памиро-Гиндукушского региона, помогает установить этимологические связи ряда таких слов и объяснить причины озвончения анлаутных глухих согласных, которые обычно в данных языках в начальной позиции не озвончаются.

С одной стороны, это слова, использовавшиеся исторически в качестве второго компонента композита и лишь впоследствии получившие

самостоятельное употребление. Например, шугн. *jīcak* 'помещение для молодняка скота' из второй части композита *-jīc* (из **-kata-čī-*) 'помещение для чего-л., кладовая для чего-л.', ср. шугн. *čīd* 'дом' < **kata-*, но *χūvd-jīc* 'кладовая для молочных продуктов на летовке' (*χūvd* 'молоко'), *wōḥ-jīc* 'сеновал, сенник' (*wōḥ* 'трава, сено').

С другой стороны, это слова, употреблявшиеся исторически постоянно с препозитивным показателем принадлежности (который впоследствии мог отпадать по фонетическим причинам), — это, как правило, названия частей тела, термины родства, обозначения детенышей скота и т.п., — т.е. термины «неотторжимой принадлежности», ср. оппозицию отторжимой ~ неотторжимой принадлежности, — категорию, поддерживаемую в языках Памиро-Гиндукушского региона субстратом. Сюда относятся, например: шугн., руш., хуф., барт. *bēn* 'ладонь', рош. *bīn* 'ладонь', которые Г.Моргенштерне возводит к **(hu)-pāni-*, сравнивая с ними йд. *pəno*, вах. *pun* 'ладонь' [Morg. EVSh, 19]. Можно добавить язг. *bān* 'ладонь'; пшт. *baṇa* 'маховое перо', пшт. *bāṇa* 'ресницы', где *b-* продолжает **p-*; шугн. *būd* 'уток (в ткани)', вах. *bit*, ишк. *vid* < **pūta-*, ср. ягн. *pud*, язг. *pəd*, пшт. *pud* — из перс., тадж.; шугн.-руш. *-bus*, язг. *boc* 'детеныш' < **putra-*; шугн. *bistūn* м.р. 'вымя' (раннее заимствование из тадж. *piston* 'грудь (женская); вымя').

В этой связи трудно отвлечься от того обстоятельства, что случаи озвончения глухих согласных в словах со значением «неотторжимой принадлежности» отмечены и для более отдаленного прошлого в индоевропейских диалектах — предках иранских языков. Ср., например, обозначения сердца: арийск. **jhērd-* : **jhrd-* (> праиран. **žrd-* ~ др.-инд. *hrd-*) из праарийского диалектного варианта **ghērd-* : **ghrd-*, при глухом анлауте в ближайше родственных (по группе «сатэм») языках: ср. церк.-слав. *srъdyce*, лит. *širdis* 'сердце', восходящие к более архаичному и.-е. *kerd-*, *kērd-*, *krd-* [Pok. IEW 579–580]. Не исключено вторичное озвончение в праиран. **gaiša-*, **gaišu-* 'волосы, косы', ср. ав. *gaēsa-*, *gaēsu-* и др.-инд. *kéśa-*, *keśavá-* и т.д. (о первичности **k-* в этих лексемах см. [Mh. EWA-6, 401]).

Таким образом, фонетические «исключения», «отклонения» проливают свет не только на историческую фонетику, но и на принципы словообразования, синтаксическое употребление и семантику данных слов в прошлом и настоящем, а также способствуют выявлению новых этимологий.

3. **ki-этимологии*. Имеется одна редкая и нерегулярная словообразовательная модель, которая прослежена в разных индоевропейских языках, но всюду оказывается на периферии общего продуктивного словообразования. Это модель образования имен, реже — глаголов,

в которых в роли препозитивных элементов (префиксов, превербов, а возможно и проклитик) используются морфемы, начинающиеся на *k-*, *č-*, происхождение которых связывают с индоевропейскими вопросительными местоимениями **k^wa-*, **k^wo-*, **k^we-*, а также **k^wu-* и их продолжениями в виде, например, слав. **ka-*, **ko-*, **ku-*, **ča-*, **če-*, индоар. и праиран. **ka-*, **ča-*, **ku-*, а также связанных с ними полнозначных и служебных слов и частиц в виде др.-инд. *kad / kat, kiṁ*, слав. **къ-*. Слова, построенные с помощью этих элементов, обычно эмоционально окрашены, в ряде случаев с пейоративным значением; иногда носящие элемент иносказания.

Поскольку они подробно рассматривались в славянских языках (см., например, [Трубачев 1976, 175–176; Варбот 1983, 71; ЭССЯ-4; ЭССЯ-9; ЭССЯ-13; Никончук 1979], там же более ранняя литература), в древних индоиранских языках как «композицы — трансформы риторических вопросов» (см. [Оранская 1995, 192]) и в иранских языках (в связи с их славянскими параллелями [Эд. Ир.-слав., 187–193]), здесь имеет смысл привести только материал восточноиранских образований этого типа и еще раз вернуться к семантическому аспекту таких построений.

Высказывалось мнение, что препозиция **ka-*, **ča-* указывает на экспрессивное значение слова: «что за...», а препозиция **ku-* придает слову пейоративный оттенок. Однако иранский материал показывает, что прямой зависимости от огласовки здесь нет. Если для ав.п. *kū-nāiri-* ‘дурная женщина, распутница’ [Barth. AiW, 474] это как будто применимо, то ав.п. *ka-mərəda-* ‘голова (по отношению к дэвовским существам)’ [Barth. AiW, 440] (ср. др.-инд. *mūrdhán-*) уже не вполне соответствует такой трактовке. Однако в коннотации этого авестийского слова, как говорилось выше (см. с. 116, 134–135), решающую роль сыграло не словообразование, а зороастрийское толкование термина. В более поздних языках в регионах, где зороастризм не стал преобладающей религией, рефлексy этого древнеиранского слова не имеют пейоративного оттенка и соотносены с отрицательными существами, например йд. *kʷemalyo* ‘череп’ (< **ka-mṛdaka-*); хс. *kaṁala-* ‘голова’, затем ‘человек, личность’ и ‘начало’ [Bailey DKS, 52]; бактр. *kaṁrdo* — имя или титул божества < **kaṁrda-* ‘голова; глава (чего-л.), господин’ [S-W Bactr. Doc. II, 220]. То есть ведущим в этом образовании был оттенок экспрессии, а положительная или отрицательная коннотация задавалась мировоззрением.

В поздних иранских языках, включая живые языки Средней и Центральной Азии, прослеживаются образованные аналогичными способами слова, в которых в разной степени просвечивает элемент экспрессии, удивления, эмоциональной оценки: «что за...!», «какой...!».

Сюда могут быть отнесены, например, пшт. диал. вазири *kapra* 'труднопроходимое место' < **ka-prīā*- от корня **par*- 'проходить, переходить' [Morg. EVP, 33]; пшт. *krawsán, krawsánd, krosánd* 'легко раскалывающийся, хрупкий, ломкий; негибкий' < **ku-rafsand*- 'плохо поддержанный', ср. ав. *rap*- [Morg. Ir.-1942, 264] или **ka-rafsand*- (морфологическая форма второй части неясна).

Сюда входит ряд имен в севернопамирских языках, особенно характерны отдельные обозначения растений и животных: язг. *káméd* бот. 'горное растение с толстым полым стеблем' (< **ka-māda*-) и барт. *čamōd* 'растение *Heracleum Lehmannianum*' — название растения, стебли которого используются для приготовления трута; оба названия закономерно выводятся из **ka*- + **mād(i)a*-, сопоставляемого с шугн., барт., рош. *mōd*, руш. *mūd*, сар. *māb*, йд. *mōxi* 'палка, посох' < **māda*- [Morg. EVSh, 26] (но не ***ku-mād(y)a*-, как предполагал Г.Моргенштерне, поскольку **ku*- в безударной начальной позиции дало бы язг. *k°ə*-, барт. **ki/a*-). Элемент **ku*- отразился в рассмотренных выше названиях вороны (см. с. 147), которые в некоторых языках закономерно выводятся из **ku-uar(a)na*- с ранним выпадением предупредного гласного и с ближайшим прототипом **x'ar(a)na*- (< **xwarana*- < **k-uarana*-): язг. *x°orn*, шугн. *xūrn*, сар. *xern* 'ворон, ворона', сгл. *xarn, xern* (Gr.), ишк. *kurni*, йд. *xun*, мдж. *xon* 'ворона' [Morg. IIFL II, 266, 422; Morg. EVSh, 98], о слав. **kavorna* / **kavornъ* из **ka*- + **vorna* / **vornъ* и др. см. [ЭССЯ-9, 166]. (Сомнения В.И.Абаева [Аб. ИЭСОЯ IV, 138] в обоснованности этимологии Г.Моргенштерне [Morg. EVSh, 98] напрасны: она вполне укладывается в общую систему названий вороны, ворона в языках этого ареала.)

Возможно, к этому же разряду слов относится язг. *kawūx* 'барс', если принять этимологию Г.Моргенштерне **ka/ku-uastra*-? ср. ав. *vastra*- 'пасть (дэвовских существ)' [Morg. EVSh, 42], хотя возможны и другие варианты этимологии (звукосимволика или табуированное название по цвету животного, ср. язг. *kaw* 'пестрый'). Сюда же, по-видимому, относится имя шугн. *kirīs*, употребляемое в сочетании *kud-at kirīs* 'собаки и прочая тварь, хищники', если имя восходит к производному от основы настоящего времени **rī-sa*- от корня **rai*- 'лаять'.

В части этих имен не исключено и переосмысление местоименных элементов **ka*-, **ku*- как относительных: 'который...; [тот] который...', притом что сами «новые» относительные местоимения, восходящие к вопросительным, имеют здесь иной облик.

К производным именам с **ku*-, особенно хорошо прослеживаемым в шугнанском языке (возможно, просто в силу его лучшей изученности), относятся также слова других семантических разрядов,

в которых начальное шугн. *ki-* (< **ku-*) также, возможно, имело экспрессивный оттенок при их образовании: шугн. *kisipč* 'большая корзина (для переноски соломы, шерсти)', где элемент *ki-* подчеркивает величину объекта, ср. сар. *sip̄t* 'корзина', язг. *sebj* 'круглая корзиночка (для клубков шерсти при вязании)'; шугн. *kilublub* 'болтун, говорун', ср. глагол *lūv-* 'говорить, сказать' и др. Ср. приводимое Г.Моргенштерне перс. (диал.?) *ku-wan* 'a kind of willow' [Morg. EVSh, 90].

Следует оговориться, что в части имен в языках шугнано-рушанской группы начальные слоги *ki-*, *ka-* могут восходить не только к рассматриваемому здесь местоименному элементу **ku-*, но и к современной эмфатической частице шугн. *ik-*, *yik-*, *k-* 'именно', и к частице-междометию побуждения к действию *ku*, *ko*, *ko-* 'ну-ка, а ну...' (также связанному этимологически с местоимением). Поскольку и они имеют экспрессивные оттенки, соединения с ними именных и глагольных основ не всегда легко отличимы друг от друга; см., например, *karaf* — окрик — призыв быков к драке (ср. шугн. *raf-* основа наст. вр. 'трогать, задевать', язг. *raf-* 'драться'), который может быть образован и с рассматриваемым выше префиксом *ku-*, и с понудительной частицей.

К таким образованиям примыкают в языках шугнано-рушанской группы отглагольные и другие имена с оттенком значения 'к, готовый к' с шугн. *či-* < праиран. **ka-*: шугн. *čirīzāk* 'нары в доме справа от входа' (с указанием на месторасположение при, возле нар, ср. язг. *raž* 'нары в доме'); *či-gāp* 'способный разговаривать' (*gāp* 'слово, речь; разговор' — заимствование, т.е. данное слово — результат очень недавнего образования).

В иранских языках (как и в славянских) в этот тип словообразования вовлечены не только имена, но и отдельные глаголы — со всей полнотой спрягаемых форм. Это явные инновации. Таковы, например, в языках шугнано-рушанской группы немногие глаголы с рефлексами **ku-* в виде непродуктивного преверба *ki-* (древнее **ka-* дало бы в языках этой группы **či-*, **ča-*): шугн. *kirīws-* : *kirīūd* 'вытекать (целиком)', барт. *kirīws-* : *kirīwd* 'смыть' (?) (или 'быть смытым' — основа наст. вр. с рефлексом инх. суф. *-*sa-* указывает на непереходность глагола; возможно, перевод в [Morg. EVSh, 41] неточен) с рефлексом праиран. корня **raik-* с дальнейшими трансформациями по аналогии с другими глаголами; шугн. *kirēz-* : *kirēzd*, *kirīwst* 'выливать; опорожнять (сосуд от жидкости)' — каузатив к предыдущему глаголу; шугн. *kidōys-* : *kidūyd* 'вытекать, течь; освобождаться (от жидкости)' от корня **tak-*; шугн. *kidēz-* : *kidūyd* 'выливать, вливать (остаток чего-л.)' — каузатив к *kidōys-* : *kidūyd*; шугн. *kigīx-* : *kigīxt*

1) 'усердно трудиться, стараться; силиться, тужиться; возиться'; 2) 'при-
нуждать, заставлять возиться, трудиться; мучить' (от корня **karš-*);
сар. *kaneyson-* : *kaneysond* — кауз. к *kaneyd(ew)* 'сдвигать, смешать',
если из **ku-* + корень **nai-* (ср. [Morg. EVSh, 41] без этимологии);
сар. *kardoz-* : *kardozd* 'цедить, фильтровать' от корня **tak-* и др.
Эти глаголы имеют некий экспрессивный оттенок, который можно
охарактеризовать как действие усиленное или полностью охватываю-
щее весь объект.

Особый интерес представляет хорезмийское именное образование
kw'žc 'шутка' или 'шутки' — возможно, форма мн. числа от *kw'žk*
'шутка' — из **ku-* и основы **arja-* 'стоимость, ценность' или, ско-
рее, **uarža-* 'исполнение' (см. [Benz. Chwar. Wort., 366]); последнее
предположение более вероятно, а также интересно тем, что находит
этимологический аналог в виде рус. *каверза*, диал. также *коверза*,
из *ka-*, *ko-* + рефлекс **в̆рз-* 'вязать, плести' с переходом значения к
'лгать' [Фасмер II, 153].

Имена и глаголы с данными начальными элементами не являются
общими иранскими, общими индоиранскими, и тем более общеиндо-
европейскими производными. Такие слова в иранских, индоарийских
и славянских языках, как правило, не совпадают лексически (единст-
венное надежное соответствие прослежено только в названии воро-
ны и/или ворона); разновременны по происхождению. Это производ-
ные слова единого (в типологическом отношении) способа словооб-
разования с едиными же (в этимологическом отношении) первыми
компонентами. Этими компонентами являются основы (реже — пол-
ные формы) вопросительных местоимений, выполнявших, возможно,
также роль восклицательных (а в поздних языках ставших также от-
носительными местоимениями).

Для нас эти слова важны тем, что дают возможность выявить более
полную и объемную картину различных принципов словообразова-
ния в индоевропейских языках, в частности, восточноиранских.

Имеются прямые и косвенные данные о префигировании также
отдельных других местоимений к имени в истории некоторых иран-
ских языков Средней и Центральной Азии, однако это явление свя-
зано здесь с категорией посессивности и носит в определенных слу-
чаях явно субстратный характер.

Думается, что дальнейший сбор материала разных языков, где
прослеживаются слова, образованные с помощью аналогичных основ
вопросительных местоимений и сходных с ними элементов, поможет
более точно реконструировать семантические принципы этих слово-
образовательных моделей и выявить причину их диахронической
«живучести» (и/или способности к регенерации, к вовлечению в этот

процесс других сходных элементов), вопреки непродуктивности и периферийному характеру самих моделей в системе каждого из этих языков в отдельности.

4. *Фонетические, лексические и семантические варианты и «перебои», связанные с взаимовлиянием языков.* Существует большое количество лексических диалектных различий внутри одного и того же языка, различий в лексике близкородственных языков, кажущихся «сбоев» в семантике и фонетических обликах слов и других подобных явлений, связанных, в конечном счете, с заимствованиями, включая заимствования из близкородственных языков. Это делает лексическую картину современных восточноиранских языков еще более пестрой, чем она была бы при наличии только внешних лексических заимствований.

Примером такой пестроты может служить Памиро-Гиндукушский регион с его многоязычием и наличием большого пласта ареальной лексики и перекрестных заимствований. Характерно, что часть таких заимствований и уподоблений четко локализована — они распространяются на диалекты, бытующие возле горных перевалов, через которые шло общение до строительства машинных дорог [Эд. Лекс. сев.-памир.].

Например, возможной контаминацией с бартангским названием мотыги объясняется огласовка суффикса в язгулямском слове *kanûj* ‘мотыга с острым концом’, поскольку прямое развитие из праиран. **kana-či-* или **kana-ka-* от корня **kan-* ‘копать’ не могло дать огласовку суф. *-ûj*. Очевидно, здесь отразилось барт. *-ôj* < **-aka*. Аналогичным влиянием объясняется и *c-* вместо *č-* в язг. *caréy* ‘масляная лампа, светильник’. В языках шугнано-рушанской группы, особенно в сарыкольском, отмечаются ваханские заимствования. Это связано с контактами сарыкольского языка с островными говорами ваханского, бытующими в Сарыколе. Есть ваханские заимствования и в диалектах и говорах шугнанского языка, бытующих вблизи перевалов, ведущих в Вахан: в барвозском и шахдаринском. Ср. слова, обозначающие ‘горный поток, боковой приток главной реки долины’: шугн. *šarvidōj*, но в барвозском диалекте шугнанского — *zirāv* — адаптация раннего заимствования из вах. *jirav*. К таким заимствованиям относятся также сар. *ǰuv* ‘яма для хранения зерна’ из вах. *ǰuv* (из основы **gaba-*; ср. собственное развитие прототипа **gaba-* в других языках шугнано-рушанской группы: шугн. *zīv*, барт. *žöv*, сар. *žev* ‘закрома, внутренняя часть амбара’). К таким заимствованиям относятся также шугн. *ǰipik* ‘блин’, сар. *ǰ(i)rik* ‘большая лепешка’ из вах. *šapik* ‘блин(ы)’ — вид блинов, выпекаемых на раскаленном камне, ср. также кхов., буруш. *šapik* ‘лепешка’ [Morg. RLMA, 77; Ст.-К. ЭСВЯ, 341–342].

Поскольку языки этого региона — бесписьменные и не имеют письменной традиции в истории, такие заимствования легко приживаются — отсутствие наддиалектного нормирования не препятствует их закреплению в местных вариантах языка.

Варианты выявляются не только в заимствованиях.

Характерны случаи, когда исконной лексеме одного из близкородственных языков соответствует заимствованная, уподобленная или вытесненная иной лексемой другого языка. Такие расхождения часты даже внутри шугнано-рушанской группы. Например: рош. *mōžg* 'мозг', сар. *mižg* 'костный мозг' < **māzga-*, ср. ав. *mazga-*, др.-инд. *majjā-*, пшт. *māzṛá, māyṛá* < и.-е. *moz-g-o-*, *moz-g-en-*, *mos-k-o-* [Рок. IEW, 750] ~ шугн. *māyṛ*, руш., хуф. *māyṛ, māyṛ*, язг. *māyṛ* 'мозг', сар. *moṛz, moṛz* 'головной мозг' — последнее при контаминации с тадж. *maṛz*.

О замене исконного термина родства «детскими» словами и заимствованиями в близкородственных языках и диалектах см. выше, с. 123–124.

Особенно усложняется проблема при заимствовании слов из родственных и неродственных языков, прошедших «по цепочке» через различных посредников и контаминированных с другими сходными по звучанию и значению словами. Таков, например, термин, обозначающий в языках Средней Азии бурдюк для плавания, о котором говорилось выше (с. 231).

Известно, что для переправы через реку, плавания по реке в регионах Средней и Центральной Азии традиционно использовался бурдюк из надутой цельной шкуры, обычно — крупного козла, при том что для хранения продуктов, включая молочные, применялись и другие бурдюки.

В севернопамирских языках эти большие плавательные бурдюки назывались словами, закономерно продолжающими общий для этих языков ближний прототип **znā-tra-*, т.е. имя орудия на *-*tra-* от глагола **znā-*, продолжающего праиран. **snā-* 'мыть(-ся); купать(-ся); плавать' (ср. ав. *snā-* 'мыть, промывать', през. осн. *snāda-*, *snaya-*, *-snyā-*, прич. перф. *snāta-* [Barth. AiW, 1628–1629]): шугн. *zinōc*, руш., хуф. *zinūc*, барт. *zinūc*, рош. *zinōc*, сар. диалект Ташкургана *зынис*, *зыниś*, сар. бурунгольский *zinic* 'турсук, мех для переправы на реке'; язг. *zənes* 'бурдюк для плавания'. Как уже говорилось, с прототипом **znā-tra-* < **snā-tra-* не согласен Г.Моргенштерне [Morg. EVSh, 108], считая слово ранним заимствованием из перс. *sināč*, хотя и с оговоркой, что неясно появление язг. *-c*. Тем не менее именно наличие соответствия язг. *-c* ~ шугн.-руш. *-c* указывает на исконность слова и на наличие *-*tr* в едином прасевернопамирском прототипе (консонантные группы **tr* и **dr* отражались здесь одинаково

в виде язг. -с ~ шугн.-руш. -с, в отличие от праиранской *č и группы *θr, рефлексy которых в язгулямском языке отличны от шугнано-рушанских), в случае заимствования этого слова в язгулямском был бы ауслаут *-č, см. подробнее [Ed. Hist. Cons., 299; Эд. СГВЯ-Ф, 156, 172–173].

В сарыкольском вариант *зыпиč* засвидетельствован в диалекте Ташкурмана — города, где сарыкольцы живут вперемешку с носителями таджикских диалектов, уйгурами и другими народами и где много заимствованных слов. Такой вариант может быть обязан воздействию таджикского *zanoč* или тюркского (уйгурского?) *sanač* (ср. уйг. диал. *sapač* 'кожаный мешок для хранения жидкостей' [ЭСТЯ 7, 189–190]). В «деревенском» же бурунголском диалекте распространена собственно сарыкольская форма с ауслаутным -с. Тем самым сарыкольская форма с ауслаутным -с — исконна, а вариант с -č либо целиком заимствован, либо контаминирован со сходным названием в «престижном» языке данного региона: таджикским или уйгурским.

О первоисточнике этого термина велась большая дискуссия (в основном, в частной E-mail переписке между А.В.Дыбо, мной и Д.Буянером). Вырисовывается следующая картина.

Известно, что в диалектах таджикского языка и в распространенных на территории Средней Азии тюркских языках фиксируется раннее влияние согдийского языка и его диалектов. Поэтому не исключено и согдийское происхождение слова, которое проникло в ташкурманский диалект сарыкольского языка через посредников и затем было контаминировано с исконным сарыкольским *зыпис*. Напрямую заимствовать из согдийского сарыкольцы едва ли могли. Если так, то в случае иранского прототипа, это должен быть субстантив от глагола праиран. *snā- 'мыть(-ся); плавать'.

Исконность имени *snā-tra- в иранских языках Памиро-Гиндукушского ареала подтверждается существованием в них «живых» — употребительных и продуктивных — глаголов, продолжающих праиран. *snā-: язг. *zəpay-* : *zəned*, шугн. *zini-* (барв. *zina-*) : *zinōd* 'мыть, стирать', сар. Ташкурмана *z(ы)pay-* : *z(ы)nud*, бур. *z(i)pay-* : *z(i)nud* 'мыть(-ся); стирать'; ишк. *zəpay-* : *zənud*, мдж. *wūzn-* : *wuznoy-* 'мыть, стирать' < *aça- + snā- [Morg. IIFL II, 276], йд. *zəpay-* 'мыть(ся), купаться; плавать' и др., а также вторичных производных от них (включая недавние).

«Живым» этот глагол со значениями 'плавать; мыть(-ся), купать(-ся)' был и в согдийском языке: согд. будд. осн. наст. вр. *sn''(y)-* [*snā(y)-*] (где -(y)- для уничтожения зияния, как и в памирских языках, менее вероятен здесь рефлекс суф. *-ia основы *snā(ia-), осн. прич. прош. вр. *sn''t* [*snāt*] < *snā-ta-, осн. перф. *sn'd'r* [Gerch.

GMS, 137; Gharib Sogd. Dict., 356], ср. также глагол с превербом: согд. ман. *fsn'y-* [*f(a)snāy-*] 'купаться, плавать' < **fra-snāja-* [Gersh. GMS, 49; Gharib Sogd. Dict., 158]; см. также производные от этого корня [Gharib Sogd. Dict., 356–357, 368], включая композиты с его участием [Gharib Sogd. Dict., 144]⁵. Однако производное, которое обозначало бы именно плавательный бурдюк, в текстах не зафиксировано. В ягнобском языке, продолжающем группу согдийских говоров, сохраняется рефлекс глагола от корня **snā-*: ягн. *sinoy-* 'мыть', прич. прош. вр. *sinoyta*, инф. *sinoyak* [ЯТ, 321–322], однако название бурдюка здесь вытеснено таджикским заимствованием *mašk* 'бурдюк, мех' [ЯТ, 285], продолжающим др.-перс. *maškā-*, которое, в свою очередь, заимствовано из семитского источника [Br., Mh. Handb., 132].

От глаголов, восходящих к **snā-*, в разных иранских языках образовывались и другие производные имена, в том числе для обозначения плавания и плавательного средства — бурдюка. В этом отношении предполагаемое согдийское диалектное **snāč*, **sanāč* или **sināč*, **sanōč* и т.п. из **snā-čī-* могло означать 1) 'плавание'; 2) 'плавалка — бурдюк', что вполне вероятно. Субстантивирующий суффикс *-*čī-* (обычно — для имен ж.р.) образовывал разные по семантике субстантивы — от абстрактных до конкретных предметных — параллельно в разных языках, см. [Morg. Ir.-Dard., 102–107]. В согдийском этот суффикс зафиксирован при образовании: 1) прилагательных от существительных (в буддийских текстах); 2) отглагольных абстрактных имен и герундия, например *γrβčy* 'тот, кто должен знать' [Ливш., Хр. ОИЯ, 438]. Образованное им согдийское слово в значении 'бурдюк для плавания' и было, по-видимому, заимствовано в ранние таджикские и тюркские диалекты.

В таджикском языке слово *sanoč* обозначает два вида бурдюка: 1) 'мешок из шкуры животных (для хранения и перевозки жидкостей)'; 2) 'кожаный мешок, надутый воздухом (употребляется для переправы через реку)'. Имеется также тадж. *sanočak* — уменьшительное 1) 'дорожная кожаная сумка для провизии'; 2) 'кожаный кошелек'. Это значит, что таджикский язык мог усвоить два сходных по звучанию и значению слова: 1) *sanōč* из согд. **s(a)nāč* (< **snā-čī-*) 'плавательный бурдюк из цельной шкуры'; 2) *sanač* из тюрк. *sanač* 'небольшой бурдюк для продуктов' (о последнем см. [ЭСТЯ 7, 189–190]). В дальнейшем эти слова были контаминированы в одно — с соответствующей двузначностью.

Если прототипом этого образования было **snā-čī-*, то в таджикском языке термин *sanoč* не может быть исконным (как и перс. *sināč*, на которое ссылался Г.Моргенштерне, см. выше): праиран. *-*č-*

в интервокальной позиции отражается здесь как -z-, -z, см. подробнее [Раст. СИГЗЯ-Ф, 124–125].

При этом прототип **snā-čī-* имелся и в истории самого таджикского языка. Закономерным продолжением этого прототипа стало ср.-перс. ран. *šnāč*, поздн. *šnāz* {*šn'č*} 'плавание', откуда происходит деноминативный глагол *šnāzīdan*, осн. наст. вр. *šnāz-* {*šn'čytī* : *šn'č-*} 'плавать' [МасК. CPD, 80] (на его деноминативное происхождение указывает форма инфинитива на -*īdan*). Происхождение начальной *š- здесь объясняется ранним наращением в ряде слов «защищающего» *x- перед анулатным *s- в позиции перед согласным и сонантом, свойственным древнеперсидскому и авестийскому языкам и диалектам-предкам осетинского языка (о последнем см. ниже), подробнее см. [Эд. СГВЯ-Ф, 53–54]. В раннем классическом персидском языке эта именная основа должна была продолжиться в виде **šanāz* или **šināz*, что, по всей вероятности, было в диалектах, во всяком случае на территории Центральной Азии (см. ниже). В первом издании «Персидско-русского словаря» Б.В.Миллера, где учитывались отчасти слова и формы языка дари (рассматривавшегося тогда как диалект перидского языка, распространенный в Афганистане), приведено, наряду с *šenā* 'плавание, купание', слово *šināz* 'турсук (бурдюк для переправы через реку)' с пометой «афг.», т.е. зафиксированное в дари [Миллер Б.В. Персидско-русский словарь. М., 1950, 518], однако во втором издании словаря (1953 г.) это слово отсутствует, поскольку слова дари были сняты. Отсутствует это слово в словарях и литературного дари, и литературного персидского языка. Таким образом, форма *šināz* была характерна только для персидского диалектного варианта Афганистана. Из какого-то диалекта среднеперсидского или раннеклассического языка в пашто было заимствовано *šanāz*, *šināz* 1) 'гупсар, турсук — надувной кожаный мешок для переправы через реку'; 2) 'бурдюк' [Пушту-рус. словарь, 553]. Это слово не могло быть исконным для пашто, поскольку группа **sn-* имела здесь другие рефлексy, ср. пшт. *minzəl*, *preminzəl* 'мыть', *nžor* 'сноха', см. [Эд. СГВЯ-Ф, 98].

Сходные по семантике 1) абстрактные имена типа 'плавание' и 2) предметные 'инструмент для плавания' → 'плавательный бурдюк' — образовывались в иранских языках также при помощи суф. *-ka-. Сюда можно отнести кл. перс. *šinā* 'плавание (человека, животного)' с вариантом *šināh* (из более раннего **šnāy*, где -y из суффикса ср.-перс. ран. -ak, поздн. -ag [Раст., Молч. Ср.-перс., 68–69]). Эта форма восходит к др.-иран. **šnā-ka-* из праиран. **snā-ka-*. Отмечено также кл. перс. *šanāx* 'плот из надутых бурдюков' [Гаффаров 1974 II, 510] (если это не описка вместо *šanāj*).

К образованиям этого типа можно отнести также осет. диг. *nakæ* 'плавание' < **snāka*- [Аб. ИЭСОЯ II, 152] (ср. осет. глагол *najun* : *nad* | *najun* : *nad* 1) ирон. 'купать'; 2) диг. 'переходить вброд; плавать на судне' — с характерной для осетинского утратой анлаутного **s*- в группе **sn*- [Аб. ИЭСОЯ II, 151–152])⁶, соответствующее, с одной стороны, кл. перс. *šinā* 'плавание', с другой — ишк. *ūznūk* 'бурдюк для плавания' < **snāka*- (с характерной для ишкашимского протезой: ср. ишк. *uspir* 'плуг' от **spar*-, *uznyl* 'сноха' < **snušā*-, *urvesok* 'лиса' < **raupaša*- и т.п.).

Происхождение вах. *uazn* 'турсук, мех, надутая шкура (для переправы через реку)' может объясняться двояко: 1) из **iza*- (козья) шкура'; 2) от корня **snā*- (см. [Ст.-К. ЭСВЯ, 424], там же о других ареальных названиях бурдюка для плавания). О названиях этого вида бурдюков в языках Центральной Азии см. также [Буауег 2006].

Таким образом, в этом названии местной реалии мы имеем дело с двумя примерами контаминации: в таджикском языке — заимствований из согдийского и тюркского, в ташкурганском диалекте сарыкольского — собственного рефлекса с заимствованием.

Осетинские названия бурдюка *k^εūpri* | *k^εup(u)ri*, *laly*, *dīk^ε* заимствованы, см. [Аб. ИЭСОЯ I, 362–363, 641; Аб. ИЭСОЯ II, 12], диг. *gæbæt* относится к звукосимволической лексике [Аб. ИЭСОЯ I, 509–510].

2.7. ЗАМЕНА ИСКОННЫХ СЛОВ ТАБУИЗМАМИ И ЭВФЕМИЗМАМИ

Лексика, обязанная происхождением явлениям табу и эвфемизмов, заслуживает особого внимания.

С одной стороны, она дает богатейший материал для «чистой» лингвистики, предоставляя сведения о разных способах пополнения лексического (и фразеологического) фонда языков, включая степень продуктивности различных словообразовательных моделей и материальных средств словообразования в различные периоды жизни языка. Она же свидетельствует о семантических классах слов, которые по тем или иным причинам «нуждаются» в замене их иносказаниями (страх, нарушение этикета и т.п.).

С другой стороны, этот лексический пласт дает информацию о внешней истории языка: в случаях заимствования табуизмов или калькирования словообразовательных моделей (что тоже не редкость) мы узнаем об источниках их заимствования и тем самым о разновременных и разнотипных языковых контактах.

Кроме того, этот пласт лексики ценен для этнолингвистики, психоллингвистики и других смежных отраслей, поскольку в нем особенно ярко проявляются: а) условия существования этноса в определенной природной и мировоззренческой сферах, которые предписывают некую систему допущений и запретов, стимулирующих выработку иносказаний в назывании тех или иных реалий и явлений; б) свойственная данному этносу в данных условиях система семантических ассоциаций, выражающаяся в выборе определенных слов, которыми следует заменить общенародные слова, обозначавшие ту же реалию или понятие.

Когда эти слова-табу «выжимают» исконные лексемы из употребления, они становятся, как известно, общенародными обозначениями тех или иных реалий, утрачивая исконное значение и семантический элемент иносказания. В восточноиранских языках нередко такие слова — бывшие и современные табуизмы — которые вошли или входят в словарный фонд, вытеснив исконные.

Приведу в качестве примеров некоторые табуизмы в иранских языках Средней и Центральной Азии (часть из них с разной степенью подробности была рассмотрена в [Эд. Ир-слав., 162–165], в статье [Ed. Taboo] и др., поэтому здесь неизбежны повторы).

Табуируются прежде всего: 1) названия животных, на которых охотятся (для пропитания или для других хозяйственных нужд), прежде всего — названия горных коз; 2) названия хищников, природных стихий, «потусторонних» сил и персонажей и т.п., словом — всего того, что представляет угрозу человеку или домашнему скоту, прежде всего — названия волка, медведя, барса, змеи и т.п.; 3) названия того, что представляет угрозу для урожая или для сохранения уже собранных запасов жизненно необходимого продовольствия, прежде всего — названия мыши, саранчи. В их обозначениях даже в родственных языках, распространенных в относительно едином ареале, отмечаются интересные различия.

При этом названия диких зверей и «потустороннего» особенно тщательно избегаются во время пребывания на летовке в горах, где человек особенно одинок и незащищен (подробнее см. [Мирбобоев 1985]).

Наблюдаются разные типы табуирования «нежелательных» названий.

1. Использование эпитетов и описательных названий взамен общепринятого. Некоторые из них стали уже достоянием истории, вытеснив исконное название.

Например, в языках Западного, Южного Памира и Гиндукуша древнее индоевропейское название мыши вытеснено более новым,

обозначавшим первоначально 'серая, серенькая'. Таковы: мдж. нижн. *porγ*, верхн. *porg*, йд. *pāry*, язг. *purg* 'мышь', шугн., хуф. *pūrg* 'мышь, крыса', руш. *purg*, сар. *pyrg* — то же; вах. *pyrk*, ишк. *pūrk*, сгл. *pōrk* — то же (но ср. зеб. *park* 'зола, пепел'), — которые восходят к общему прототипу **paru-ka-*, букв. 'серенький' от праиран. **paru-* от корня **par-* из и.-е. **pel-*, **pol-uo-* 'серый, седой, половой' [Pok. IEW, 804–805]. Это производное как бы продолжает уменьшительно-ласкательное и.-е. **pelu-ka-* 'серенький', хотя на деле в этих языках данные слова могут быть и относительно недавними, поскольку в разных иранских имеются и другие производные от праиран. **paru-*, см. хор. *prw* 'серый', ав. *pouruša-* 'серый', осет. *fæl-ūrs* 'бледный' [Morg. EVSh, 58] и т.п. Наличие таких производных означает, что в общеиранский период, а возможно, и позднее, основа **paru-* была живой и могла давать разные вторичные образования.

Интересно, что с аналогичными обозначениями мыши из рефлексов и.-е. **pel-* сопоставимы соответствующие слова в балтийских языках: лит. *pelė*, лтш. *pele* 'мышь', др.-прус. мн.ч. *peles* 'мыши', связанные с балтийскими же обозначениями серого (ср. [Sabaliauskas 1990, 66, 151]), причем имеется даже практически идентичный словообразовательный аналог иранскому **paru-ka-*: это уменьшительно-ласкательное лит. *peliūkė* 'мышка, мышонок' (которое также можно было бы трактовать как дальнейшее продолжение и.-е. **pelu-ka-* 'серенький'). То есть налицо прямая аналогия памирских и балтийских языков, хотя оба табуированные названия развились параллельно, без языковых контактов, в то время как в других иранских языках, окружающих данный памирский регион, как и в славянских языках, отделяющих рассматриваемые языки от балтийских, мышь обозначается рефлексами общеиндоевропейского **mūs-* (ср. перс. *miš*, пшт. *mižák* и т.п.; рус. *мышь* и многие другие), а в русском языке через слово «серый» табуируется обозначение не мыши, а волка. (Ср. также рус. *полчок* [Новое, 172–173], образованное от того же индоевропейского корня, но по иной модели.) См. дополнительный материал в [Ed. Taboo, 127–128].

Особый случай использования эпитетов при табуировании представляет собой название волка в языке пашто: *lewə* 'волк' < **daiu(i)ja-*, букв. 'дэвовский', т.е. 'божий' или 'дьявольский', в зависимости от времени образования этого термина, о котором говорилось выше (см. с. 131), требует отдельного объяснения. Г.Моргенштерне, вслед за В.Гайгером, возводит слово к ав. *daēva-* 'demon', но с поправкой: к ав. *daēvya-* 'daevic' [Morg. EVP, 40], т.е. дэвовский, относящийся к миру дэвов, злых духов. Эта этимология в плане сопоставления конкретных слов и исторической фонетики безукоризненна, поскольку

в табуировании названий волка в Центрально-Азиатском регионе уже имеется практика пейоративного обозначения (см. ниже), она не вызывала сомнений. Однако сопоставление этого названия — явного табуизма — с этимологиями иносказательных обозначений волка в других языках показало, что трактовка его семантической подоплеки может быть неоднозначной.

Как уже говорилось (см. 1.5.1.3. и 2.4.1.3.), праиранское **daiuia-* продолжает арийское и далее — индоевропейское слово со значением 'Бог, божество' и в праиранском это слово еще сохраняло данное значение (см. [Henn. SP II, 628; Mh. EWA-10, 742–744]). При этом производные слова типа 'божий' используются в разных языках в значении 'божье (создание)', т.е. нечто дикое, не выращенное человеком. Отсюда, например, табуистические названия волка (и других животных): схрв. *dīvli nās* 'божий пес', т.е. 'неприрученный пес', ср. полабское *dajvə karvo* 'олень', букв. 'дикая корова'; лтш. *dieva zuosis* 'дикие гуси', *dieva vērši* 'дикие быки' и *dieva suns* 'волк', букв. 'божий пес', т.е. 'неприрученный пес'; хет. *šiunaš hūitar* 'дикие животные', букв. 'животные богов' [Аникин 1995, 92–93]; ср. рус. *дивий мед* = *божий мед* [Мартынов 1981, 22] и т.д. Имеются также не только этимологические, но и семантические параллели, см. рус. диал. колымское *божий олень* 'дикий олень' [Аникин 1995, 92–93]. О характерности семантической связи понятий «дикий» ← «божий» в архаичных традициях см. также [Топоров 1980, 197–202].

В связи с этим совершенно закономерен вопрос об относительной хронологии начала употребления эпитета **daiuia-* по отношению к волку: 1) поздний период, после распространения зороастризма, когда божественность **daiuia-* была уже утрачена и он стал трактоваться как «злой дух»; тогда **daiuia-* 'волк' воспринимался как дэвовское существо, т.е. «дьявольское (отродье)»; 2) ранний период, когда эпитет **daiuia-* обозначал 'божий', т.е. 'дикий, не прирученный', — аналогичный хеттскому, славянским и балтийским языкам; в таком случае волк воспринимался как дикая собака — «божья собака», т.е. «божья (тварь)». Подробнее об этом обозначении волка в пашто см. также в [Эд. Ир.-слав., 162–164, 205; Ed. Taboo, 124–126; ЭСИЯ 3, 308, 310].

2. Употребительны были местоимения, «намекающие» в определенной ситуации на то или иное нежелательное название, например язг. *duk* 'тот', *du čīg*, букв. 'та вещь' и т.п.

3. Употребление заимствований, в том числе и из других иранских языков, причем с возможными семантическими различиями по языкам. Например, тадж. *naxčir* 1) 'дичь'; 2) 'горный козел'; 3) уст. 'охота' (ср. ср.-перс., кл. перс. *naxčīr*, совр. перс. *nāxjir*, *nāxčir*

‘охота’; согд. *n(ʼ)γšyr* ‘охота’ < **naxu-ščara-* ‘лучшая добыча’ [Geršhevitch I. Dr. Unvala Memorial Volume. Bombay, 1964, p. 92]) в большинстве языков Памира, как и в других восточноиранских языках региона, используется для обозначения горного козла — основной дичи, объекта охоты. А в ваханском языке оно (в форме *вах. naxčir, naxšir*) означает лисицу (притом что в остальных языках Памира в этом значении выступают рефлексy древнего названия лисы, восходящие к праиран. **raupaša-*). Язг. *bəzərgen* — адаптированная ранне-таджикская форма мн. числа **buzurgān* ‘великие’ от тадж. *buzurg* ‘великий’ используется как собирательное название «потусторонних» персонажей (результат сохранения древних народных верований, которые не допускают применения в этом случае пейоративных названий).

Распространено также использование в качестве слов-табу заимствованных названий волка и медведя — наряду с исконными словами либо взамен их. Причем направления заимствований бывают различными. Например, буруш. *ūr̥k*, верш. *urk* ‘волк’ заимствованы либо из иранского источника (предположительно, из ишкашимского языка), либо из соседних дардских или других (возможно, не сохранившихся) арийских языков региона.

4. Нарочитое искажение слова разными фонетическими приемами (метатеза, замена звонких согласных глухими, замена гласных и т.п.) в разных, даже близкородственных, языках. Так, названия змей, «змéя», сильно различающиеся по индоевропейским языкам в фонетических вариантах (в связи с семантикой и ранними табуистическими преобразованиями, см. [Гамкр., Ив. ИЕ II, 525–527]), даже в столь узком ареале, как рассматриваемый здесь и при сходстве слов в части языков, показывают фонетическое неединообразие и «погрешности» против нормальных историко-фонетических правил в звукосоответствиях между языками. Иногда это вызывает спорные этимологии. Например, шугн. *divűsk* ‘змея’, руш., хуф. *divăsk*, барт. *tafāwsk*, *t(u)fāwsk*, рош. *tufāwsk*, сар. *tyfysk*; язг. *δ(ə)γűfc*, ишк. *vűxs*, сгл. *woxs*, вах. *fuks* ‘змея’. В некоторых трудах слово сравнивается с др.-инд. *bhogá-* ‘извив змей’, *bhujaga-* ‘змея; змей’, связанными с др.-инд. корнем *BHUI-* ‘изгибать(-ся)’ [Mh. KEWA-15, 503–504; Turner CDIAL, 9526], и возводится к прототипу **ati-buga-čī-* [Morg. Ir.-Dard., 24–25], однако фонетически и семантически такой прототип маловероятен, даже если предположить фонетическую деформацию данного прототипа при табуировании [Morg. Ir.-Dard., 25]. Более вероятным выглядит возведение этих слов к древнему, возможно, диалектному образованию **duag-sa-* или **duag-sīa-* от корня **duag-* ‘развеваться, извиваться; совершать быстрые волнообразные движения; перемещаться зигзагами; биться на ветру’, ср. ав. *dvag-* ‘биться’, др.-инд. *dhvajin-*

‘змея’, см. [Morg. EVSh, 30, 113–114; Bailey DKS, 165; Ст.-К. ЭСВЯ, 173]. При этом в каждом из рассмотренных языков слово искажалось по-своему, и единый прототип даже для таких относительно близкородственных языков, какими являются севернопамирские, не восстанавливается [Morg. EVSh, 30, 113–114]. Возможно, эти поздние искажения связаны как со звуковой символикой (изображение извивающегося предмета), так и с табуированием (см. [Ed. Taboo, 126–127], там же литература; [ЭСИЯ 2, 491]). Ср. явные заимствования в других языках: пшт. *mār*, *mangūr*; вах. *mor* (из таджикского) и др.

5. Комбинации разных методов табуирования. Особенно показательны названия волка, носящие обычно пейоративный характер. Хотя в большинстве языков региона имеются обычные названия волка: рефлекс прайран. **urka-* < и.-е. **ul̥kʷo-s* в виде шугн. *wūrj*, барвозский диалект *wurj*, язг. *warg*, ишк. *urk* и т.п., отмечаются явные табуизмы: так, сар. *xiṭp* и барвозское диалектное (табуированное) *xiṭp* ‘волк’ — оба заимствованы с метатезой — из вах. *ṣapt* ‘волк’, которое, в свою очередь, усвоено из некоего дардского источника в виде **ṣapt-*, ср. современное кхов. *ṣapīr* ‘волк’, предположительно из промежуточного раннего кхов. **ṣapita-* или **ṣapita-*, которое, в свою очередь, происходит из более ранней формы, связанной с др.-инд. *śaptá-* ‘проклятый’ [Morg. IIFL II, 438, 456, 544; Morg. EVSh, 104].

На летовке названия волка табуируются еще дальше: например, в том же барвозском диалекте шугнанского языка, наряду с табуированным *xiṭp*, волк называется *bilisak* (в обычной шугнанской речи этим словом обозначается ‘вихрь, смерч; столб пыли от ветра; сильный ветер с пылью’). Ишк. *sabilak* — уничижительная форма от заимствованного *sabil* ‘проклятый, выброшенный’, вах. *sabilak* — то же; отмечены также другие ваханские «летовочные» названия волка: *diyori*, букв. ‘деревенский’ (т.е. заходящий в деревню); барса: *kuyi* ‘горный’ (т.е. живущий в горах). Используются также табуизмы: *yišok*, букв. ‘ушко’ (о волке, рыси); *сыбыр-рыд* ‘четвероногий’; *boxak* ‘хищник’ (о волке, медведе) и др., подробнее о ваханских табуизмах см. [Мирбобоев 1985].

Варианты табуизмов отмечаются также в названиях медведя, ср. вах. *noṣordum*, *niṣurdum*, *nəṣardum* ‘круглохвостый’ или ‘куцехвостый’, при наличии обычного вах. *xirs* ‘медведь’, которое, в свою очередь, заимствовано из таджикского; в языке пашто при наличии исконного *už*, *iž* ‘медведь’ — из древнего **rkša-*, имеются также и *milú* (описательное), и *xərs* (заимствованное).

Ср. также позднее табуированное (или эвфемистическое) название блохи: вах. *spərdənj* ‘блоха’ от **spar-* ‘пинать, лягать: попираť ногой’ [Ст.-К. ЭСВЯ, 315–316].

В осетинском языке сказались другие ареальные тенденции: здесь название волка заменено другим (очевидно, табуированным *bīræy* | *beræy*, которое связывается В.И.Абаевым с восточным финно-угорским источником, где оно могло быть заимствовано, в свою очередь, из иранского, предположительно — сакского источника), притом что названия медведя (*ars*) и лисы (*rūvas* | *rovas*, *robās*) продолжают праиранские [Аб. ОЯФ, 49; ИЭСОЯ I, 69, 262–263].

В некоторых закрытых общинах развиты системы «секретных языков» с разными способами избегания общепринятых обозначений предметов, качеств, действий. Как правило, в них используются практически все способы «засекречивания» обычных слов, см., например, [Климчицкий].

Наблюдается также вытеснение исконного слова эвфемизмом, причем даже в такой устойчивой системе, как терминология родства. Например, в севернопамирской группе языков только язгулямский сохраняет слово *ḍoyd* ‘дочь’, продолжающее соответствующую индоевропейскую лексему, а языки шугнано-рушанской группы заменили ее на рефлекс относительно позднего образования **fra-zanya-* < **fra-žan-ia-* ‘рожденная’ от праиран. **žan-* ‘рождать’: шугн. *rizīn*, хуф. *rizæn*, руш. *rizēn*, барт. *razēn*, сар. *razen* ‘дочь’ (ср. этимологически близкое к этому образованию кл. перс. *farzand* ‘дитя’ < **fra-žanta-* от того же корня).

Таким образом, лексика, связанная с табу и эвфемизмами, наглядно показывает, что при реконструкции прототипов определенных лексем приходится считаться с большим количеством исключений, объяснение которых лежит не только в лингвистической сфере.

2.8. ВЫВОДЫ

Как уже говорилось, на начальном этапе сравнительно-исторического изучения иранских языков поиски изоглосс, отделяющих западноиранские языки от восточноиранских, проводились не только в аспекте исторической фонетики и фонологии, но и в исторической морфологии и синтаксисе. Впоследствии при более детальном изучении языков и той и другой групп и их истории выяснилось, что изоглоссы морфолого-синтаксического уровня носят не материальный, а типологический характер, они относительно поздние и не являются всеобъемлющими ни для западной, ни для восточной группы языков.

Поиски таких изоглосс на лексическом уровне также не дают абсолютных изоглосс — это скорее частотность нахождения рефлексов определенных (очень немногих!) праязыковых слов в западной

или в восточной группе языков, причем только в части языков группы. Привожу их в том виде, в котором они даны в работах И.М.Оранского, где констатируется, что в западноиранских языках слово 'собака' восходит к др.-иран. **spaka-*, а в восточноиранских — к **kuta-* или **kuti-* и приведены примеры и исключения:

зап.-иран.: перс. *sāg*, тадж. *sag*, курд. *se(h)*, тап. *səpa*, вон. *esbá*, кохр. *espá*, нат. *ispe*, сив. *ispa*, санг. *espé*, *äsbé*, семн. *äspä*, язди *sag*;

вост.-иран.: осет. *kudz*, ягн. *kut*, барт., рош. *kud*, шугн., руш. *kud*, язг. *k°od*, ишк. *kəd*; однако с замечанием об исключении в виде афг. *srau* [Оранский Введ.₁, 351]; в работе [Оранский Введ.₂, 343–344] отсутствует осет. *kudz*, но есть указание на исключения в виде афг. (т.е. пшт.) *srau*, хс. *śvānā* и вах. *šāč*.

То же — в обозначении понятия 'рыба':

зап.-иран.: тадж. *mohi*, перс. *māhi*, семн., сурх., санг. *māhī*, бахт. *māhī*;

вост.-иран. осет. *kæf*, афг. *kab*, йд. *kap*, мдж. *kap*, а также в вымерших согд. *kap-*, хс. *kava-* и в отражении скифского слова **panti-kapa* 'путь рыбы' в названии греческой колонии Παντικάπαιον — Пантикапей [Оранский Введ.₁, 351–352; Оранский Введ.₂, 343–344].

Из этого списка видно, что практически ни одно из данных обозначений не охватывает всю западную или восточную группу языков.

Для вымерших языков среднеиранского периода Н.Симс-Вильямс пытается проследить лексические изоглоссы в отражении древних лексем. В частности, он приводит рефлексy **gari-* 'гора', сохранившиеся в восточноиранских языках (хс. *ggara-*, согд. *γr-*), но замененные на *kōf* в западноиранских, хотя отмечает, что это менее значимый факт, чем различия в обозначении рыбы (в его нотации: **kapā-* — хс. *kavā-*, согд. *kp-*, хор. *kyb*), заменившее **māsyā-* (ср.-перс. *m'hyg*, парф. *m'sy'g*) [S-W CLI, 168–169], т.е. **matsīa-*.

Следует отметить, что и из этих слов не все действительно представляют существенные изоглоссы: слишком много исключений (ср., например, язг. *γar* и *kəp*, употребляемые в оронимах как синонимы (*Sayegi γar* = *Sayegi kəp*), см. также с. 174–175).

Интересны данные о лексических новообразованиях, которые Н.Симс-Вильямс считает восточноиранскими (привожу его список): **sāna-* 'враг': хс. и тумш. *sāna-*, согд. *s'n-*, осет. *son*; **maidā-* 'день': согд., хор. *myd*, шугн. *mēd* и др.; **drava-* 'волос': хс. *drau-*, согд. *žw-*, ягн. *dirau*, орм. *drī* и др. (замечу, что включение сюда данных языка ормури указывает на ареальную, а не генетическую изоглоссу); **ava-suxta-* 'чистый': хот., тумш. *vasuta-*, согд. *'wswyty*, хор. (с другим превербом) *(')fsyd*, бактр. *ωσοϋδο*, ср. осет. *syūdæg*; **abi-ar-* 'находить, обретать': согд. *βyr-*, хор. *βyr-*, бактр. ман. *'βyr-*, язг.

vir- и др.; **pati-gaz-* 'to accept': хс. *pajāys-*, согд. *pčγ'z-*, хор. *pcγ'z-* [S-W CLI, 169]. Следует отметить, что бóльшая часть этих образований ограничена ареалом Центральной и Средней Азии и, следовательно, представляет более ареальные, чем генетические характеристики данных языков. Отмеченное заметное число заимствований в «средние» восточноиранские языки (кроме хорезмийского) из индийских источников (частично под влиянием буддизма) относится также и к западноиранскому — парфянскому языку. Главное же — заимствованная лексика не показательна при решении вопроса об изоглоссах генетического членения иранской языковой семьи.

Таким образом, анализ рефлексов основного ядра исконной праиранской лексики не позволяет выявить такие различия между западноиранскими и восточноиранскими языками, которые могли бы трактоваться как признаки генетической дифференциации между этими двумя языковыми группами. Мы можем говорить только о частотности употребления тех или иных лексем в западных или восточных языках, о большем или меньшем охвате представляющими их изоглоссами языков той и другой группы, но не о четком противопоставлении восточных языков западным на лексическом уровне.

Рассмотренная проблематика сравнительно-исторического исследования лексики иранских языков и образцы некоторых семантических полей (при разной степени компактности наполнения этих полей) праиранской лексической системы, а также анализ основных путей изменения лексики в восточноиранских языках, дают основания для определенных выводов.

1. Для праиранского периода и для периода древнейших иранских диалектов в принципе восстанавливаются элементы основного ядра лексики, продолжающие соответствующие индоевропейские или более поздние (праарийские, праиндоиранские), но доиранские образования от индоевропейских корней.

Притом что каждый из этих праиранских лексических элементов, будь то корень, основа, слово, является результатом единичной, «штучной» реконструкции — материальной, структурной и содержательной, — их общая совокупность в принципе составляет определенную систему, которая в целом поддается обобщению и осмыслению с точки зрения как основных структурных характеристик разных лексических (и лексико-грамматических) разрядов, так и приблизительного набора сем каждой из единиц, соотношения сем смежных единиц и соотношения этих единиц — лексических элементов в семантической группе. Выявляются также основные семантические поля и лексические группы, составляющие общую лексическую систему.

Это дает возможность реконструировать фрагменты (иногда довольно значительные) лексической системы, соотносимой с праиранским хронологическим срезом, а также с диалектами древнеиранского состояния. Наиболее прозрачными для реконструкции предстали слова, которые образуют относительно замкнутые системы, в особенности такие лексико-грамматические группы, как местоимения и числительные.

В настоящей работе не ставилась задача полного списка реконструируемых семантических полей и образующих их лексических элементов. Это задача будущих исследований, с привлечением в качестве базы наработок, сделанных в «Этимологическом словаре иранских языков». Этому способствуют работы по реконструкции некоторых семантических полей и соответствующих лексических групп

праиранской и древнеиранской системы (см. [Аб. ОЯФ, 48 и сл.; Benv. 1949; Ст.-К. Флора; Ст.-К. Назв. раст.; Ст.-К. Назв. пахотн. орудия; Ст.-К. Терм. орош.; Ch. EDIV] и др.), а также труды по другим индоевропейским языкам, где используется материал иранских языков (см., например, [Трубачев Терм. род.; Трубачев 1960; Гамкр., Ив. ИЕ II; Sabaliauskas 1990] и др.). Все они демонстрируют перспективность не только исследования праязыковой лексики как системы, но и реконструкции на ее основе культурно-исторического контекста существования этноса, фрагментов картины видения мира носителей праиранских диалектов.

Следует отметить, что материал восточноиранских языков предоставляет ценные сведения для реконструкции праиранской лексической системы в целом и для этимологии ряда слов в частности.

Например, восстановление древнейшего значения праиран. **daiua-* 'Бог, божество', развитие значений образов Ахурамазды и Митры как солярных божеств — динамика соотношения понятий Верховного божества и Солнца, «реабилитация» семантики ряда слов, которые в языке Авесты носили пейоративный характер, и т.п. — результат сведений, предоставляемых именно восточноиранскими языками.

Существенные данные дают восточноиранские языки для реконструкции праиранской семейной терминологии и трактовки семейных отношений древних иранцев. В целом система терминологии родства, восстанавливаемая для праиранского состояния, вполне укладывается в систему древнего патриархального рода, о чем писал еще в 1949 г. В.И.Абаев в разделе «Общественно-бытовые отношения и мировоззрение» своей книги «Осетинский язык и фольклор», представляя по лингвистическим данным мир древних иранцев (см. [Аб. ОЯФ, 62–63]). Это же подтверждают исследования Э.Бенвениста, обобщенные им в [Бенв. Словарь, 144–186].

Существенно, что помимо чисто лексических, терминологических сведений восточноиранский мир предоставляет и ценный этнологический материал, подтверждающий реконструированную В.И.Абаевым и Э.Бенвенистом систему семейных отношений носителей древнеиранских диалектов. В частности, тезис Э.Бенвениста о том, что индоевропейское общество было патриархальным, в котором «родство устанавливается по отцовской линии и реализуется тип „большой семьи“ (еще сохранявшейся в Сербии в XIX в.) во главе с пращуром, вокруг которого группируются все потомки мужского пола со своими более мелкими семьями» [Бенв. Словарь, 144], — подтверждается относительно недавним прошлым семейных отношений у ираноязычных народов Памира. Здесь еще в первой половине XX в. (а в некоторых местах и в середине XX в.) существовал единый «большой

дом», в котором жила «большая семья» — пожилые родители с взрослыми семейными сыновьями. Дом имел определенное традиционное устройство, а постепенное отселение сыновей — по принципу старшинства — имело результатом наследование родительского дома младшим из сыновей.

Другой пример: очень важна линия особых близких семейных отношений между дядей по матери и племянником, которые наблюдаются у носителей индоевропейских языков с глубокой древности. Эта линия констатируется в ряде исследований, где она увязывается с кросскузенными браками, см., например, [Бенв. Словарь, 156–159, 184–186; Гамкр., Ив. ИЕ II, 772–774]. Эти отношения свидетельствуют, по Э.Бенвенисту, о наложении друг на друга разных систем родства, т.е. при патриархальном типе родства сохраняются «остатки таких родственных связей, в которых доминирующую роль играл дядя по матери» [Бенв. Словарь, 186]. Данная семейная линия отношений практически не имеет в индоевропейских языках особого терминологического выражения. Общий для индоевропейских языков термин «дядя по матери» не реконструируется [Бенв. Словарь, 172]. При этом у народов Памира эта особая семейная связь сохраняется. На это указывают определенные обычаи: например, определенная часть калыма, уплачиваемого за девушку ее родственникам, предназначается ее дяде со стороны матери (существует определенный, хотя и поздний, термин, обозначающий эту часть, например язг. *aqšir*, букв. 'право молока', т.е. 'плата за (материнское) молоко', — заимствован из местных таджикских диалектов: тадж. диал. *haqqi šir* из тадж. *haqq* < араб. *haqq* + тадж. *šir* 'молоко'). Об этом же говорят и некоторые фольклорные сюжеты: например, главный герой сказки при конфликте его отца и дяди со стороны матери выступает на стороне дяди.

Сохраняются и некоторые редкие индоевропейские термины, например обозначение ятрови.

2. Интересные данные для истории индоевропейских языков в целом предоставляют восточноиранские языки в плане типологии трансформации некоторых лексических подсистем, например в отношении процессов перестройки дейктической системы из троичной в двоичную, выработки местоимений 3-го лица из указательных; перестройки системы счисления (и соответствующих числительных) из четверично-восьмеричной в десятичную, в перестройке основного принципа классификации глагольной лексики и др.

Следует отметить и случаи семантической трансформации конкретных слов, сходные с аналогичными в других индоевропейских языках. Сюда можно отнести, например, выработку глагола с абстрактным

значением 'иметь' из глаголов с конкретными значениями 'хватать; держать' (см. гл. I, примечания 2–3, гл. II, с. 213–215), способы называния животных по их окраске, табуизации и т.д.

Особый интерес в плане диахронической семантики представляют процессы становления и последующего разрушения синонимических пар, возникновения омонимов из единого слова с развитой полисемией, контаминации сходных (семантически или материально) слов, образования гетерогенных парадигм из синонимических основ, а также обратные процессы в виде поляризации сходных слов в условиях неприемлемости их контаминации или омонимии (например, в системе личных местоимений мн. числа) и т.п.

Все эти данные исторической лексикологии восточноиранских языков дают материал для дальнейших разработок семантической типологии в ее синхронном и диахроническом аспектах.

3. Рассмотрение основных элементов и системы праиранского лексикона и дальнейшего изменения как отдельных лексем, так и некоторых лексических подсистем, в последующих языках восточноиранской группы при сравнении этимологии ряда слов с лексикой западноиранских языков позволило вернуться еще раз к поиску изоглосс, которые были бы значимыми для генетической классификации иранских языков, во всяком случае, при членении их на две основные генетические группы — западную и восточную.

В конце XIX и начале XX в. предполагалось существование некоторого количества лексических противопоставлений между западными и восточными иранскими языками, обзор проблемы см. [Оранский Введ., 343–344]), которые, как и морфологические противопоставления, могли бы подкреплять членение иранской семьи на генетические группы, базировавшееся на историко-фонетических (точнее — историко-фонологических) изоглоссах. Однако оказалось, что накопленный в XX в. лексический материал (в том числе и по тем языкам и диалектам, о которых в XIX в. еще не было известно) «размыл» эти лексические изоглоссы: он показал, что таких лексических изоглосс, которые были бы «абсолютными», т.е. четко членили бы языковой массив на генетические группы, не обнаруживается. То же показал сравнительно-исторический анализ морфологии иранских языков [Эд. СГВЯ-М, 265–267].

Наличие определенных слов только в восточноиранских языках (см. [S-W CLI, 169]) характерно не для всех языков данной генетической группы (см. выше) и потому служит не генетическим признаком восточноиранской группы в целом, а характеристикой определенных языков, не только восточноиранских, распространенных в определенных ареалах иранского мира.

Таким образом, все лексические изоглоссы, найденные на данном этапе изучения лексики (и соответственно все слова, которые могли бы быть «тестирующими» при определении генетической принадлежности того или иного языка к западной или восточной ветви иранских языков), охватывают либо не все языки и той и другой группы, либо различные языки обеих групп, либо большинство языков одной группы и часть языков другой, либо отдельные ареалы (независимо от генетической принадлежности бытующих там языков) и т.п.

В связи с этим и на данном этапе сравнительно-исторического исследования иранских языков приходится признать, что единственным непротиворечивым критерием филиации древнейшей праиранской языковой общности на генетические группы и подгруппы остается историко-фонетический, точнее — историко-фонологический, который указывает на раннее членение праиранского континуума — кстати, более раннее, чем это принято было считать в иранистической традиции (ср. [Оранский ИЯИО, 140–145; Эд. СГВЯ-Ф, 212–216; Эд. Филиация; Эд. Генет. класс.].

Можно предположить *a priori*, что на раннем этапе бытования праиранского диалектного континуума и членения его на группы лексические, как и фонетические, изоглоссы существовали, однако не все из них были привязаны к линии дивергенции на «восток ~ запад»: могли быть и наверняка были линии разделения «центральный ареал ~ маргинальные ареалы» и другие. При этом пока относительно единый праязыковой континуум диалектов не был разделен на «ветви», могли быть постоянные изменения, связанные с кочевым бытом, с созданием и распадом племенных союзов, с волнами разнонаправленных миграций, а затем с разнесением близкородственных языков по разным ареалам и совмещением отдаленно родственных языков в едином ареале (и с их взаимным влиянием) и т.п. — такие «изначальные» различия были размыты.

Отмечаются некоторые различия между восточноиранскими и западноиранскими языками в словообразовании ряда слов от одних и тех же корней. Например, рефлексy праиранского **hižua-* ‘язык’ в западноиранских языках выступают в основном с рефлексами суффикса **-ān(a)-* (например, совр. перс. *zābān*); в восточноиранских языках — в основном с рефлексами суффиксов **-aka-*, **-āka-* (например, язг. *zəveg*) или без суффикса (например, шугн. *ziv*). Однако и такие различия в словообразовании охватывают обычно не все языки каждой из групп, часто являются ареальными инновациями и не носят системного характера, поэтому не могут быть квалифицированы как генетические признаки той или другой группы.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что именно подвижность лексики, ее открытость и большая зависимость от ареальных тенденций (включая субстратное воздействие и дальнейшие адстратные и суперстратные контакты, в том числе и с родственными иранскими языками) смывают черты древнего генетического членения. Особенно это касается «малых» языков, бытующих в многоязычном ареале, к тому же под влиянием «престижного» иранского языка, как это имеет место в Средней и Центральной Азии, где исконные слова уже не всегда легко отличить от адаптированных заимствований.

Таким образом, системное изучение унаследованной лексики восточноиранских языков приводит к двум основным выводам.

1. Системное изучение лексики восточноиранских языков дает большой новый материал, пополняющий индоевропейский этимологический корпус, а также помогает уяснить некоторые процессы, происходившие в разные периоды существования индоевропейского языка.

2. На современном уровне исследованности исконной лексики восточноиранских и западноиранских языков выявить такие лексические различия, которые можно было бы однозначно квалифицировать как лексические изоглоссы, разделяющие (или разделявшие) генетически восточную и западную группы (и сопоставимые по древности с историко-фонетическими изоглоссами), не удастся.

В итоге следует еще раз подчеркнуть, что наиболее непротиворечивыми и показательными для генетического членения иранских языков на западную и восточную группу являются признаки фонетико-фонологического уровня, наиболее удаленного от содержательной стороны языка. Элементы морфолого-синтаксического уровня, существенно трансформированного в иранских языках после древнего периода и более зависимого от глубинных содержательных категорий, и элементы лексического уровня, самого подвижного и открытого и наиболее зависимого от содержания, для генетического членения иранских языков не показательны.

К разделу «Введение»

¹ Несмотря на поздние изменения, живые языки и диалекты дали возможность существенно откорректировать общеиранскую праязыковую фонетико-фонологическую систему, которая оказалась более архаичной, чем система языков древних памятников, т.е. традиционно называвшаяся «праиранской». Одним из существенных уточнений является звучание (и соответствующий фонемный статус) рефлексов индоевропейских палатальных $*\hat{k}$, $*\hat{g}$, $*\hat{g}h$: они предстают в праиранском в виде еще не свистящих $*s$, $*z$, а в виде свистяще-шипящих $*\acute{s}$, $*\acute{z}$, сходных с праиндоарийскими \acute{s} , \acute{j} > др.-инд. \acute{j} . Полностью свистящими они станут в большинстве диалектов иранского континуума позднее, причем этот процесс затронет не сразу окраинные диалекты, ср. отражение их в виде «шепелявых» ϑ , $*\delta > d$ в древнеперсидском, сохранение шипящей артикуляции в рефлексах группы $*\acute{s}i$ в языках сакско-ваханской группы, шипящая артикуляция и совпадение с \acute{s} в диалектах осетинского языка. Их сдвиг на место $*s$, $*z$ происходил позднее, постепенно, начиная с центрального ареала, подробнее см. [Эд. СГВЯ-Ф, 40–45, 50–51].

² Имелись в виду индоевропейские языки, известные к тому времени.

³ Ряд положений был опубликован мною в вышедших ранее работах, на которые здесь даются отсылки. Часть этимологий взята из моей картотеки для Этимологического словаря иранских языков, создаваемого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) по проектам № 98-04-06260, 99-04-00243, 02-04-00071, 05-04-04170.

К главе I

¹ Пользуюсь случаем выразить признательность Ю.С.Степанову за его советы по данной проблеме и особенно за тезис о непрямолинейности соотношения собственно лексической системы и общего культурологического контекста ее функционирования.

² Поскольку глагол с абстрактным значением 'иметь' не был единым для всей индоевропейской семьи, а вырабатывался относительно поздно и параллельно в разных подсемьях, он развивался из разных корней с первоначальным буквальным значением физического действия, обычно 'схватывать, хватать; брать, держать; удерживать' и затем уже 'содержать' и далее (не всегда) 'иметь', ср. продолжения в нем корней с этими значениями: $*em-$, $*em-$ в славянских языках [Pok. IEW, 310–311], $*tuer-$: $tur-$, $*tuerā-$ в балтийских [Pok. IEW, 1101], $*ghabh-$ в итальянских [Pok. IEW, 407–409], $*kap-$ в германских [Pok. IEW, 527–528], $*dher(ə)-$ в иранских [Pok. IEW, 252].

³ В зависимости от возможности или невозможности использования глагола с абстрактной семантикой 'иметь' в качестве вспомогательного в формах перифрастического перфекта, в древних иранских диалектах по-разному трансформировался синтаксис. Следует отметить попутно, что в качестве вспомогательных могут выступать глаголы с более или менее абстрактной семантикой, поэтому для древнеиранского уровня (о праиранском судить по реконструкциям трудно) характерно использование в роли вспомогательных таких уже абстрагированных к тому времени от конкретных значений глаголов, как **bau-* : *bu-*, **ah-* и возможно по диалектам **stā-*. Лишь впоследствии в разных языках к ним присоединяются глаголы от корней **kar-*, **dā-*, **čīau-*, **gam-* и другие (с семантикой 'делать; давать; бить; идти; становиться' и другими). И только в двух восточноиранских — согдийском и хорезмийском — и в одном западноиранском — персидском — рефлексy глагола **dar-* стали вспомогательными в разных глагольных формах.

К главе II

¹ Аналогичные виды древних основ прослеживаются в разных иранских языках и при отражении других общеиранских терминов на **-tar* (**pitar-* 'отец', **mātar-* 'мать' и др.), а также сходного с ними парадигматически слова **x^vāhar-* / **h^vāhar-* 'сестра'. Ср., например, гил. *per* (с *-er* < **-iθr-*) ~ руш. *pid* (с *-id* < **-ita-*) 'отец', гил. *mār* ~ руш. (поэт.) *mōd* 'мать', гил. *xāxur*, пшт. *xor* ~ руш. *uax* (< **hax^vā* < **x^vāhā*), язг. *x^oarġ* 'сестра' (через этап возможно уменьшительного **x^oār-ka* из более ранней основы **x^vāhar-* с поздним суффиксом **ka-*) и т.п.

Возможно, такие различия связаны не только с использованием косвенных падежей при обозначении субъекта непереходных глаголов, о чем уже писалось, но и с тем, какая именно падежная (или внепадежная) форма служила в те или иные исторические эпохи в разных языках «звательным словом», т.е. обращением. Учитывая обычную традицию обращения в семье (во всяком случае, в Средней Азии) не по имени, либо не только по имени, а с использованием термина родства (типа «брат // братец N», «сестра // сестрица M»), можно предположить, что наиболее частотной становилась именно форма обращения, иногда уменьшительная, либо «упрощенная» для детской речи. Именно она и становилась затем словарной формой слова.

В языках, где эту функцию выполнял древний вокатив (или номинатив), основа этих имен закрепилась с полной ступенью огласовки суффикса **-tar*, и мы наблюдаем в них закономерные рефлексy **-t-* в интервокальной позиции. В языках же, где в этой функции выступал один из косвенных падежей со слабой огласовкой суффикса либо звательное слово, построенное по особой словообразовательной модели, где суффикс выступал в виде **-tr-* / **-θr-*, мы наблюдаем рефлексy этих слов со следами данных консонантных групп. Типологической параллелью ко второму варианту могут служить случаи образования вторичного вокатива, совпадающего в своей основе с одним из косвенных падежей (с наращением или без наращення звательной частицы), см., например, зательную форму некоторых имен в языке пашто.

² Сходный этап — в осмыслении имени Ахурамазды как солярного божества и связи его с понятием солнца, который можно усмотреть и в развитии одного

из значений современного персидского *hormozd*, а именно — в назывании этим словом первого дня каждого месяца солнечного года (хотя другое его значение — название планеты Юпитер — может указывать на продолжение в персидском другой семантической линии: 'божество' → 'планета-божество' или 'светило-божество'), см. [Перс.-рус. сл. I, 716–717].

³ Тем самым параллели в развитии семантики слов, не связанных этимологически и имевших в «нарицательном» употреблении разные значения, но получивших общий элемент в составе сем — как имена божеств **Ahura- Mazdah* и **Mitra* — показывают, что общая семантика сакральных терминов не всегда восходит к общей семантике в праиранском, при этом дальнейшие пути развития этих терминов могут идти параллельно и приводить к одинаковым более поздним значениям: в случае с **Ahura- Mazdah* и **Mitra* это значение 'верховное божество' → 'солярное божество' → 'Солнце'.

⁴ В условиях Памиро-Гиндукушского региона, где пахота, молотба, перевозка груза на волокуше и пр. традиционно производились на быках или волах, такая ассоциация вполне естественна — с переосмыслением данного слова как 'тягло-вой' → 'пашущий; тягловый, волочащий'.

⁵ Отражение в согдийском языке праиранского сочетания **sn-* в виде *sn-* подтверждается рефлексам и других праиранских лексем с таким анлаутом: ср. согд. будд. *sn'w* 'жила' < **snāyār-* [Gersh. GMS, 139; Gharib Sogd. Dict., 357]. Случаи отражения здесь праиранского **sn-* в виде *šn-* связаны с ранней межслоговой регрессивной ассимиляцией, например согд. будд. *šwnš(h)* [*šunš(a)*] 'невестка' (с метатезой) < **snušā-*, ср. др.-инд. *snuṣā-*; согд. ман. *šnyš* [*šnēš*] 'идти снегу, снежить', ср. ав. *snaēža-*. Ср. иную трактовку — с отражением **sn-* > согд. *šn-* в [Ливш., Хр. ОИЯ, 410].

⁶ Праиранское анлаутное сочетание **sn-* отразилось в осетинском языке двояко, что сказалось и на судьбе глагола от корня **snā-*: 1. С наращением «защитающего» **x-*, как в ряде слов древнеперсидского и авестийского языков: ср. осет. *æxsyn* : *æxsad* | *æxsun* : *æksnad* 'мыть, стирать' и производные от него [Аб. ИЭСОЯ IV, 239–240]. 2. С утратой начального **s-*, свойственной и другим языкам кавказского ареала (адыгским, нахским): осет. *najyn* : *nad* | *najun* : *nad* 1) ирон. 'купать'; 2) диг. 'переходить вброд; плавать на судне' и производные от него [Аб. ИЭСОЯ II, 151–152], см. также осет. *nwar* | *nawær* 'жила, сухожилие' < **snāyār-*; осет. *nostæ* 'невестка, сноха' < **snušā-* [Аб. ИЭСОЯ II, 190]. Правила отражения **sn-* см. также [Эд. СГВЯ-Ф, 99].

Условные сокращения названий языков и диалектов

- ав. — авестийский
ав. г. — авестийский — диалект Гат
ав. п. — авестийский поздний
алан. — аланский
алб. — албанский
англ. — английский
англо-сакс. — англо-саксонский
арийск. — общеарийский
арм. — армянский
бактр. — бактрийский
балт. — балтийские (языки)
барв., брв. — барвазский (барвозский)
(диалект шугнанского языка)
барт. — бартангский
бахт. — бахтиари
бдж. — баджувский (диалект шугнанского языка)
бел. — белуджский
бур. — бурунгольский
буруш. — бурушаски (изолированный
неиндоевропейский язык в отрогах
Каракорума)
ван. — ванеці (язык // диалект, близко-
родственный пашто)
вандж. — ванджский (группа говоров
таджикского языка)
вах. — ваханский
ведич. — ведическое наречие древне-
индийского языка
венг. — венгерский
верхн. — верхний
верш. — вершиковский (диалект языка
бурушаски)
вон. — вонешуни
вост. — восточный
гил. — гилианский
гнд. — гундский (говор шугнанского
языка)
гот. — готский
греч. — древнегреческий
груз. — грузинский
дарв. — дарвазский (группа говоров
таджикского языка)
дарм. — дарморахтский (говор шугнан-
ского языка)
диал. — диалект(-ный)
диг. — дигорский (диалект осетинско-
го языка)
др.-англ. — древнеанглийский
др.-арм. — древнеармянский
др.-верх.-нем. — древневерхненемецкий
др.-инд. — древнеиндийский
др.-иран. — древнеиранский
др.-ирл. — древнеирландский
др.-исл. — древнеисландский
др.-норв. — древненорвежский
др.-перс. — древнеперсидский
др.-прус. — древнепруссский
др.-фриз. — древнефризский
зап. — западный
зеб. — зебаки, зебакский (диалект, род-
ственный ишкашимскому и санг-
личскому)
и.-е. — индоевропейский
индоар. — индоарийский
индоиран. — индоиранский
иран. — иранский
ирон. — иронский (диалект осетинско-
го языка)
ишк. — ишкашимский
йд. — йидга
кан. — диалект Канигурама языка ор-
мури
кар. — каратегинский (группа говоров
таджикского языка)
кл. перс. — классический персидский

кн. — книжный
 кохр. — кохруди
 куляб. — кулябский (группа говоров таджикского языка)
 курд. — курдский
 курм. — курманджи (диалект курдского языка)
 кхов. — кховар (один из дардских языков Читрала)
 лат. — латинский
 лит. — литовский
 лог. — диалект Логара языка ормури
 лтш. — латышский
 маз. — мазандеранский
 ман. — манихейские тексты (на среднеперсидском, парфянском и согдийском языках)
 матч. — матчинский (говор таджикского языка)
 мдж. — мунджанский
 мегр. — мегрельский
 мид. — мидийский
 муг. — см. согд. муг.
 нат. — натанзи
 нем. — немецкий
 нижн. — нижний
 общеиран. — общеиранский
 орм. — ормури
 осет. — осетинский
 пар. — парачи
 парф. — парфянский
 перс. — персидский
 пехл. — среднеперсидские тексты, написанные пехлевийским письмом
 поздн. — поздний (о памятнике и состоянии языка)
 польск. — польский
 поэт. — поэтический
 праиран. — праиранский
 пракр. — пракриты
 праслав. — праславянский
 пшт. — пашто, пушту
 разг. — разговорный
 ран. — ранний (о памятнике и состоянии языка)
 раум.-сип. — раумедо-сипанджский (диалект бартангского языка)
 рог. — рогские говоры таджикского языка

рош. — рошорвский (орошорский)
 рус. — русский
 руш. — рушанский
 санг. — сангесари
 сар. — сарыкольский
 сван. — сванский
 сгл. — сангличский, санглич
 сев. — северный
 семн. — семнанский
 сив. — сивенди
 скиф. — скифский
 скифо-сарм. — скифо-сарматские наречия
 слав. — славянские (языки)
 слов. — словенский
 совр. перс. — современный персидский
 согд. — согдийский
 будд. — буддийские тексты
 ман. — манихейские тексты
 муг. — тексты с горы Муг
 Ст. п. — «Старые письма»
 хр. — христианские тексты
 ср.-верх.-нем. — средневерхненемецкий
 ср.-нижн.-нем. — средненижненемецкий
 ср.-перс. — среднеперсидский
 ст.-вандж. — старованджский
 ст.-слав. — старославянский
 сурх. — сурхеи
 схрв. — сербскохорватский
 тадж. — таджикский
 тал. — талышский
 тат. — татский, татский-мусульманский, язык татов Азербайджана
 тох. — тохарский (А и В)
 тумш. — сакские тексты из Тумшука
 турф. — среднеперсидские тексты из Турфана
 тюрк. — тюркские
 уйг. — уйгурский
 укр. — украинский
 уст. — устаревшее
 хет. — хеттский
 хор. — хорезмийский
 хр. — христианские тексты на согдийском языке
 хс. — хотаносакский
 хуф. — хуфский

центр. — центральный
церк.-слав. — церковнославянский
чеш. — чешский
шугн. — шугнанский
шугн.-руш. гр. — шугнано-рушанская
языковая группа

шхд. — шахдаринский (говор шугнан-
ского языка)
элам. — эламский
ягн. — ягнобский
язг. — язгулямский

Условные сокращения грамматических терминов

акк. — аккузатив
ген. — генитив
гл. — глагол
дат. — датив
дв. — двойственное (число)
ед. — единственное (число)
ж., жен. — женский (род)
заимств. — заимствование, заимство-
ванный
инф. — инфинитив
инх. — инхоатив
и.с. — имя собственное
кауз. — каузатив
косв. — косвенный (падеж)
л. — лицо
лок. — локатив
м., муж. — мужской (род)
мест. — местоимение
мн. — множественное (число)
наст. вр. — настоящее время
ном. — номинатив

осн. — основа
пад. — падеж
перен. — переносное (значение)
перф. — перфект
порядк. — порядковое (числительное)
превосх. ст. — превосходная степень
(прилагательных)
през. — презенс, презентный
прил. — прилагательное
притяж. — притяжательный
прич. — причастие
прош. вр. — прошедшее время
прям. — прямой (падеж)
р. — род
сочет. — сочетание
ср. — средний (род)
сравн. ст. — сравнительная степень
(прилагательных)
суф. — суффикс
сущ. — существительное
ч. — число

Условные сокращения других терминов

анат. — анатомический
бот. — ботанический
медиц. — медицинский

- Аб. Грам. очерк — *Абаев В.И.* Грамматический очерк осетинского языка. — Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе, 1962.
- Аб. Избр. — *Абаев В.И.* Избранные труды. Т. I. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990. Т. II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995.
- Аб. ИЭСОЯ — *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.—Л., 1958. Т. II. Л., 1973. Т. III. Л., 1979. Т. IV. Л., 1989. Указатель (Указ.). М., 1995.
- Аб. О диалектах — *Абаев В.И.* О диалектах осетинского языка. — *Indo-Iranica. Mélanges présentés à G.Morgenstierne à l'occasion de son soixante-dixième anniversaire.* Wiesbaden, 1964.
- Аб. ОЯФ — *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. I. М.—Л., 1949.
- Аб. Ск.-европ. изогл. — *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы: На стыке Востока и Запада. М., 1965 (то же с дополнениями в кн. Аб. Избр., II).
- Аб. Ск.-сарм. — *Абаев В.И.* Скифо-сарматские наречия. — ОИЯ. Древнеиранские языки. М., 1979.
- Аб. Слож. слова — *Абаев В.И.* Сложные слова — хранители древней лексики. — ВЯ. 1983, № 4.
- Аб. Этимол. заметки — *Абаев В.И.* Этимологические заметки. — Труды Института языкознания. VI. М., 1956.
- Аб. 1972 — *Абаев В.И.* Как апостол Петр стал Нептуном. — Этимология 1970. М., 1972.
- АДД — автореферат докторской диссертации.
- АКД — автореферат кандидатской диссертации.
- Аламшоев 2002 — *Аламшоев М.М.* Отраслевой словарь шугнанского языка (животноводство). СПб., 2002.
- Андр. — материалы М.С.Андреева (в разных трудах).
- Андр. 1925 — *Андреев М.С.* Об этнографии таджиков: Некоторые сведения. — Таджикистан. Сб. статей (с картой). Таш., 1925.
- Андр. 1927 — *Андреев М.С.* Средне-Азиатская версия Золушки (Сандрильоны). Св. Параскева-Пятница. Диу-и Сафед. — По Таджикистану. Таш., 1927.
- Андр. 1953–1958 — *Андреев М.С.* Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи). Вып. I. Сталинабад, 1953. Вып. II (подготовлен к печати и снабжен замеч. и доп. А.К.Писарчик). Сталинабад, 1958.
- Андр. 1970 — *Андреев М.С.* Материалы по этнографии Ягноба (записи 1927–1928 гг. Подгот. к изд. и ред. А.К.Писарчик). Душ., 1970.
- Андроникашвили 1966 — *Андроникашвили М.К.* Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. I. Тб., 1966.
- Аникин 1995 — *Аникин А.Е.* Несколько оговорок к русским данным в праславянской реконструкции. — Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995.

- Беликов — *Беликов В.И.* К употреблению указательных местоимений в шугнанском языке. — Памирские языки и фольклор. I. Душ., 1972.
- Бенв. Общ. лингв. — *Бенвенист Э.* Общая лингвистика (под редакцией, с вступительной статьей и комментарием Ю.С.Степанова). М., 1974.
- Бенв. Оч. осет. — *Бенвенист Э.* Очерки по осетинскому языку. М., 1965.
- Бенв. Словарь — *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. I. Хозяйство, семья, общество. II. Власть, право, религия. Пер. с французского. Общая редакция и вступительная статья академика Ю.С.Степанова. Комментарий Ю.С.Степанова и доктора филологических наук Н.Н.Казанского. М., 1995.
- Бенв. Словообр. — *Бенвенист Э.* Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.
- Битарова 1974 — *Битарова З.А.* Лексика родства и родственных отношений в осетинском языке. АКД. Тб., 1974.
- Богол. АДД — *Боголюбов М.Н.* Ягнобский (новосогдийский) язык. Исследования и материалы. АДД. Л., 1956.
- Богол. Личн. мест. — *Боголюбов М.Н.* Личные местоимения в хорезмийском языке. — Филология стран Востока. Ученые записки ЛГУ, № 306. Серия востоковедческих наук. Вып. 16. Л., 1962.
- Богол. Мест. — *Боголюбов М.Н.* Местоимения в хорезмийском языке. — КСИНА. 1963, вып. 67. Иранская филология. М., 1963.
- Богол. Словообраз. — *Боголюбов М.Н.* К древнеиранскому словообразованию. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1978, т. 37, вып. 1.
- Богол. Согд. док. — *Боголюбов М.Н.* Согдийские документы с горы Муг (языковые данные). — XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.
- Богол. Согд. этимол. — *Боголюбов М.Н.* Согдийские этимологии. — Иранское языкознание. Ежегодник. 1980. М., 1981.
- Богол. Язык док. — *Боголюбов М.Н.* Язык документов. — СДГМ. Вып. III. М., 1963.
- Варбот 1983 — *Варбот Ж.Ж.* Место основ настоящего времени в системе отглагольного словообразования праславянского языка. — Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов (Киев, 1983). Доклады советской делегации. М., 1983.
- Воробьев-Десятовский 1956 — *Воробьев-Десятовский В.С.* Развитие личных местоимений в индоарийских языках. М.-Л., 1959.
- ВЯ — Вопросы языкознания. М.
- Гамкр., Ив. ИЕ — *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I-II. Тб., 1984.
- Гаффаров 1974 — *Гаффаров М.А.* Персидско-русский словарь. 2-е изд. Т. I-II. М., 1974.
- Грантовский 1970–2007 — *Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. 2-е изд., исправленное и дополненное. М., 2007.
- Гр. Мундж. — *Грюнберг А.Л.* Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык. Л., 1972.
- Гр. ОИЯ — *Грюнберг А.Л.* Мунджанский язык. — ОИЯ. Новоиранские языки: Восточная группа. М., 1987.
- Гр., Эд. Афг. — *Грюнберг А.Л., Эдельман Д.И.* Афганский язык. — ОИЯ. Новоиранские языки: Восточная группа. М., 1987.

- Дворянков 1960 — *Дворянков Н.А.* Язык пушту. М., 1960.
- Дыбо А.В. Семант. рек. — *Дыбо А.В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996.
- Дыбо В.А. Афг. удар. — *Дыбо В.А.* Афганское ударение и его значимость для индоевропейской и балто-славянской акцентологии. I. Именная акцентуация. — Балто-славянские исследования. М., 1974.
- Елизаренкова 1960 — *Елизаренкова Т.Я.* Аорист в «Ригведе». М., 1960.
- Елизаренкова 1982 — *Елизаренкова Т.Я.* Грамматика ведийского языка. М., 1982.
- Ефимов Пар. — *Ефимов В.А.* Парачи. — ОИЯ. Новоиранские языки: Северо-западная группа. II. М., 1997.
- Ефимов Яз. орм. — *Ефимов В.А.* Язык ормури в синхронном и историческом освещении. М., 1986.
- Зализняк Слав.-ир. — *Зализняк А.А.* Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода. — Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. М., 1962.
- Зализняк 1975 — *Зализняк А.А.* Морфонологическая классификация древнеиндийских глагольных корней. — Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975.
- Зализняк 2006 — *Зализняк А.А.* Можно ли создать «Слово о полку Игореве» путем имитации. — ВЯ. 2006, № 5.
- Зар. Верш. — *Зарубин И.И.* Вершикское наречие канджутского языка. — Записки Коллегии востоковедов. Т. II, вып. 2. Л., 1927.
- Зар. Мундж. — *Зарубин И.И.* К характеристике мунджанского языка. Из материалов по иранской диалектологии. — Иран. I. Л., 1927.
- Иванов Лекс. конт. — *Иванов Вяч.Вс.* Славяно-арийские (= индоиранские) лексические контакты. — Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М., 2002.
- Исхаков Глаг. согд. — *Исхаков М.М.* Глагол в согдийском языке (документы с горы Муг). Таш., 1977.
- КД — кандидатская диссертация.
- Кл. 1973 — *Климов Г.А.* Типология языков активного строя и реконструкция праиндоевропейского. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1973, т. 32, № 5.
- Кл., Богол. 1980 — *Климов Г.А., Боголюбов М.Н.* [Рец. на:] *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л., 1979. — ВЯ. 1980, № 5.
- Кл., Эд. 1974 — *Климов Г.А., Эдельман Д.И.* К названиям парных частей тела в бурушаски. — Этимология. 1972. М., 1974.
- Климчицкий — *Климчицкий С.И.* Секретный язык у ягнобцев и язгулемцев. — Труды Таджикистанской базы Академии наук СССР. IX. История — язык — литература. М.-Л., 1940.
- КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. М.
- Лашк. КД — *Лашкарбеков Б.Б.* Ваханский глагол в историческом аспекте. КД. М., 1984.
- Лашк. 1985 — *Лашкарбеков Б.Б.* Становление системы ваханского глагола на трех стадиях языкового развития. — ВЯ. 1985, № 1.
- Ливш. Мест. — *Лившиц В.А.* Местоимения в афганском языке (пашто). КД. М., 1951.

- Ливш. Указат. мест. — *Лившиц В.А.* Указательные местоимения в афганском языке (пашто). — Известия АН ТаджССР. Отделение общественных наук. Сталинабад, 1956, № 9.
- Ливш. 1959 — *Лившиц В.А.* Лично-направительные местоимения в афганском языке. — Ученые записки СГПИ. Серия филол., т. 18, вып. 8.
- Ливш. 2008 — *Лившиц В.А.* Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб., 2008.
- Ливш., Хр. ОИЯ — *Лившиц В.А., Хромов А.Л.* Согдийский язык. — ОИЯ. Среднеиранские языки. М., 1981.
- Макаев 1977 — *Макаев Э.А.* Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.
- Мартынов 1981 — *Мартынов В.В.* Балто-славяно-иранские языковые отношения и глоттогенез славян. — Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981.
- Махмудов, Бердиев — *Махмудов М., Бердиев Б.* Лугати мухтасари лахчаҳои Бухоро. Душ., 1989.
- Мейе Введ. — *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.–Л., 1938.
- Миллер ЯО — *Миллер В.Ф.* Язык осетин. М.–Л., 1962.
- Мирбобоев 1985 — *Мирбобоев А.* Об одном этнолингвистическом явлении в лексике летописчиков Вахана. — Вопросы памирской филологии. 3. Душ., 1985.
- Мирбобоев 1991 — *Мирбобоев А.* Лексика животноводства ваханского языка. АКД. Душ., 1991.
- Молч. Йезди — *Молчанова Е.К.* Йезди (зороастрийский дари). — ОИЯ. Среднеиранские и новоиранские языки. М., 2008.
- Мухиддинов 1975 — *Мухиддинов И.* Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX — начале XX в. (историко-этнографический очерк). М., 1975.
- Мухиддинов 1984 — *Мухиддинов И.* Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX — начале XX века. Душ., 1984.
- Мухиддинов 1989 — *Мухиддинов И.* Реликты доисламских обычаев и обрядов у земледельцев Западного Памира (XIX — начало XX в.). Книга I. Душ., 1989.
- Нажмутдинова 1991 — *Нажмутдинова Д.У.* Военная лексика сочинения «Адаб-ал-һарб ва-ш-шоджайт» Мубаракшаха (XII–XIII вв. КД. Душ., 1991.
- Никончук 1979 — *Никончук Н.В.* Приставки *ка-* и *ко-* в полесских говорах. — Этимология. 1977. М., 1979.
- Новое — Новое в русской этимологии. I. М., 2003.
- ОИТИЯ — Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. I–II. М., 1975.
- ОИЯ — Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. Среднеиранские языки. М., 1981. Новоиранские языки. Западная группа, прикаспийские языки. М., 1982. Новоиранские языки. Восточная группа. М., 1987. Новоиранские языки. Северо-западная группа. I. М., 1991. Новоиранские языки. Северо-западная группа. II. М., 1997. Среднеиранские и новоиранские языки. М., 2008.
- Оранская Мест. кл. — *Оранская Т.И.* Местоименные клитики в индоиранских языках. КД. Л., 1986.
- Оранская Мест.-числ. — *Оранская Т.И.* Местоимения и элементарные числительные (на материале древних индоиранских языков). — Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1984, т. 62, вып. 1.

- Оранская 1995 — *Оранская Т.И.* Композиты — трансформы риторических вопросов в санскрите и славянских языках. — Стхапакшраддха. Сборник статей памяти Г.А.Зюграфа. СПб., 1995.
- Оранский Введ.₁ — *Оранский И.М.* Введение в иранскую филологию. М., 1960.
- Оранский Введ.₂ — *Оранский И.М.* Введение в иранскую филологию. 2-е изд. М., 1988.
- Оранский ИЯ — *Оранский И.М.* Иранские языки. М., 1963.
- Оранский ИЯИО — *Оранский И.М.* Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.
- Оранский Рус. береза — *Оранский И.М.* Есть ли этимологическая связь между русск. береза и тадж. burs 'арча'? — Этимология. 1975. М., 1977.
- Осет.-рус. словарь — *Осетинско-русский словарь.* Орджоникидзе, 1962.
- Периханян 1973 — *Периханян А.Г.* Сасанидский судебник: «Книга тысячи судебных решений» (Mātakdān ī hazār dāstān). Ереван, 1973.
- Перс.-рус. словарь — *Персидско-русский словарь.* Под ред. Ю.А.Рубинчика. Т. I–II. М., 1970.
- Пир. Заза — *Пирейко Л.А.* Заза. — ОИЯ. Новоиранские языки. Северо-западная группа. II. М., 1997.
- Пир. 1968 — *Пирейко Л.А.* Основные вопросы эргативности на материале индо-иранских языков. М., 1968.
- Писарчик «ро» — *Писарчик А.К.* Термины обращения «ло» (LO) и «ро» (RO) в шугнано-рушанской группе языков в верховьях Пянджа (Аму-Дарья). — Известия Таджикского филиала Академии наук СССР. 1949, № 15.
- Пушту-рус. словарь — *Асланов М.Г.* Пушту-русский словарь. 2-е изд. Под ред. Н.А.Дворянкова. М., 1985.
- Раст. СИГЗЯ-Ф — *Расторгуева В.С.* Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков. Фонология. М., 1990.
- Раст. 1963 — *Расторгуева В.С.* Очерки по таджикской диалектологии. Вып. 3. Таджикско-русский диалектный словарь. М., 1963.
- Раст., Молч. Ср.-перс. — *Расторгуева В.С., Молчанова Е.К.* Среднеперсидский язык. — ОИЯ. Среднеиранские языки. М., 1981.
- С ГОМШ — *Соколова В.С.* Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-язгулянской языковой группы. Л., 1973.
- С ГОЯШ — *Соколова В.С.* Генетические отношения язгулянского языка и шугнанской языковой группы. Л., 1967.
- СДГМ — Согдийские документы с горы Муг. Вып. I. *Фрейман А.А.* Описание, публикации и исследование документов с горы Муг. М., 1962. Вып. II. Юридические документы и письма (чтение, перевод и комментарии В.А.Лившица). М., 1962. Вып. III. Хозяйственные документы (чтение, перевод и комментарии М.Н.Боголюбова и О.И.Смирновой). М., 1963.
- Семер. Введ. — *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
- Сок. ЯА — *Соколов С.Н.* Язык Авесты (учебное пособие). Л., 1964.
- Сок. ЯА ОИЯ — *Соколов С.Н.* Язык Авесты. — ОИЯ. Древнеиранские языки. М., 1979.
- Степанов 1989 — *Степанов Ю.С.* Индоевропейское предложение. М., 1989.
- Ст.-К. Бактр. — *Стеблин-Каменский И.М.* Бактрийский язык. — ОИЯ. Среднеиранские языки. М., 1981.

- Ст.-К. Вах. лекс. — *Стеблин-Каменский И.М.* Новые материалы по ваханской лексике. — Иранское языкознание. Ежегодник. 1980. М., 1981.
- Ст.-К. Глаг. — *Стеблин-Каменский И.М.* Историческая классификация ваханских глаголов. — Иранское языкознание. Ежегодник. 1980. М., 1981.
- Ст.-К. ИФВЯ — *Стеблин-Каменский И.М.* Историческая фонетика ваханского языка. КД. Л., 1971.
- Ст.-К. «Колени» — *Стеблин-Каменский И.М.* «Колени» и «локти» памирского субстрата. — Переднеазиатский сборник. III. История и филология стран Древнего Востока. М., 1979.
- Ст.-К. Луна — *Стеблин-Каменский И.М.* Ваханское *(žə)tak* '(моя) луна', *(y)it'ik* 'хвойник' и древнеиранское *hahta*. — Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания. Тезисы докладов. М., 1970.
- Ст.-К. Назв. пахотн. орудия — *Стеблин-Каменский И.М.* Название пахотного орудия в памирских языках. — Иранское языкознание. Ежегодник. 1981. М., 1985.
- Ст.-К. Назв. раст. — *Стеблин-Каменский И.М.* Очерки по истории лексики памирских языков. Названия культурных растений. М., 1982.
- Ст.-К. Терм. орош. — *Стеблин-Каменский И.М.* Термины орошения в памирских языках. — Иранское языкознание. Ежегодник. 1982. М., 1987.
- Ст.-К. Флора — *Стеблин-Каменский И.М.* Флора иранской прародины (этимологические заметки). — Этимология. 1972. М., 1974.
- Ст.-К. ЭСВЯ — *Стеблин-Каменский И.М.* Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.
- Тадж.-рус. словарь. Под ред. М.В.Рахими и Л.В.Успенской. М., 1954.
- Топоров 1980 — *Топоров В.Н.* Балто-слав. **karv-* и **deiv-* *karv-*. — *Lingua Posnaniensis*. XXIII. Poznań, 1980.
- Трубачев Сем. рек. — *Трубачев О.Н.* Приемы семантической реконструкции. — Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988.
- Трубачев Слав.-ир. лекс. — *Трубачев О.Н.* Из славяно-иранских лексических отношений. — Этимология. 1965. М., 1967.
- Трубачев Терм. род. — *Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
- Трубачев 1960 — *Трубачев О.Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960.
- Трубачев 1976 — *Трубачев О.Н.* [Рец. на:] *Etymologický slovník slovanských jazyků*. Praha, 1973. — Этимология. 1974. М., 1976.
- Трубачев 1985 — *Трубачев О.Н.* О семантической теории в этимологическом словаре. Проблема омонимов подлинных и ложных и семантическая типология — Теория и практика этимологических исследований. М., 1985.
- Трубецкой Письма — *Jakobson R.* N.S.Trubetzkoy's Letters and Notes. The Hague-Paris, 1975.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1964–1973.
- Хр. ОИЯ — *Хромов А.Л.* Ягнобский язык. — ОИЯ. Новоиранские языки. Восточная группа. М., 1987.
- Хр. Согд. слова — *Хромов А.Л.* Согдийские слова в говорах таджикского языка. — Известия АН ТаджССР. Отделение общественных наук. Душ., 1965, № 3 (41).

- Цаб. ЭСКЯ I — Цаболов Р.Л. Этимологический словарь курдского языка. Т. I (А–М). М., 2001.
- Цховребов 1973 — Цховребов В.К. Скотоводческая терминология в осетинском языке. АКД. Тб., 1973.
- Эд. Ареальные черты — Эдельман Д.И. Ареальные черты в севернопамирской морфологии. — Иранское языкознание. Ежегодник. 1980. М., 1981.
- Эд. Вигез. — Эдельман Д.И. К генезису вигезимальной системы числительных. — ВЯ. 1975, № 5.
- Эд. Генет. класс. — Эдельман Д.И. К генетической классификации иранских языков. — ВЯ. 1984, № 6.
- Эд. Двуосн. числ. — Эдельман Д.И. К истории двуосновных числительных в иранских языках. I. — Памяти В.С.Расторгуевой. Сборник статей. М., 2007.
- Эд. Ир.-слав. — Эдельман Д.И. Иранские и славянские языки. Исторические отношения. М., 2002.
- Эд. Ист. морф. — Эдельман Д.И. Некоторые вопросы сравнительно-исторической морфологии иранских языков. — ВЯ. 1988, № 6.
- Эд. Лексикол. — Эдельман Д.И. Состояние и перспективы сравнительно-исторической лексикологии иранских языков. — ВЯ. 1994, № 3.
- Эд. Лекс. сев.-памир. — Эдельман Д.И. К лексическому составу севернопамирских языков. — Вопросы памирской филологии. 3. Душ., 1985.
- Эд. Личн. мест. — Эдельман Д.И. К вопросу о словообразовании местоимений в индоиранских языках. — Индийская и иранская филология. Вопросы лексики. М., 1971.
- Эд. «Малые» языки — Эдельман Д.И. Свидетельства «малых» языков об истории языковой семьи (на примере «Этимологического словаря иранских языков»). — Гуманитарная наука в России. Соросовские лауреаты. Филология. Литературоведение. Культурология. Лингвистика. Искусствознание. М., 1996.
- Эд. Осет. числ. — Эдельман Д.И. К истории осетинских числительных. — In the Orient where the Gracious Light... Satura Orientalis in Honorem A.Pisowicz. Krakow, 2006.
- Эд. «Перебои» — Эдельман Д.И. К этимологии слов с историко-фонетическими «перебоями» в анлауте. — В.И.Абаеву 100 лет: Сборник статей по иранистике, общему языкознанию, евразийским культурам. М., 2000.
- Эд. Притяж. — Эдельман Д.И. К выражению притяжательности в восточноиранских языках. — Иранский сборник (к 75-летию со дня рождения и 50-летию научной и педагогической деятельности проф. В.С.Расторгуевой). М., 1987.
- Эд. Реконст. общеир. — Эдельман Д.И. К перспективам реконструкции общеиранского состояния. — ВЯ. 1982, № 1.
- Эд. СГВЯ-М — Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М., 1990.
- Эд. СГВЯ-Ф — Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986.
- Эд. Терм. род. — Эдельман Д.И. К истории форм терминов родства на *-tar в иранских языках. — Ученые записки С.-Петербургского университета, № 432. Серия востоковедческих наук. Вып. 37. Востоковедение. 21. Филологические исследования. СПб., 1999.
- Эд. Указат. мест. — Эдельман Д.И. К истории язгулямских и шугнано-рушанских указательных местоимений. — Иранское языкознание. История, этимология, типология (к 75-летию проф. В.И.Абаева). М., 1976.

- Эд. Уровни₁ — Эдельман Д.И. Взаимодействие языковых уровней в истории иранских языков. — Иранское языкознание. Ежегодник. 1982. М., 1987.
- Эд. Уровни₂ — Эдельман Д.И. Еще раз о взаимодействии языковых уровней в истории иранских языков. — ВЯ. 1995, № 4.
- Эд. Филиация — Эдельман Д.И. Еще раз об этапах филиации арийской языковой общности. — ВЯ. 1992, № 3.
- Эд. Фон. *x^v — Эдельман Д.И. К фонемному составу общеиранского (о фонологическом статусе *x^v). — ВЯ. 1977, № 4.
- Эд. ЦАЯС — Эдельман Д.И. К субстратному наследию Центральноазиатского языкового союза. — ВЯ. 1980, № 5.
- Эд. Ш-Р ОИЯ — Эдельман Д.И. Шугнано-рушанская языковая группа. — ОИЯ. Новоиранские языки. Восточная группа. М., 1987.
- Эд. ЯЯ ОИЯ — Эдельман Д.И. Язгулямский язык. — ОИЯ. Новоиранские языки. Восточная группа. М., 1987.
- Эд. 2004 — Эдельман Д.И. Об одной словообразовательной модели в иранских языках. — Семиотика. Поэтика. Лингвистика. Памяти А.А.Реформатского. М., 2004.
- Эд. 2005 — Эдельман Д.И. Еще раз о славянском Диве и иранских дэвах. — Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т.М.Николаевой. М., 2005.
- Эд., Кл. Лекс. изогл. — Эдельман Д.И., Климов Г.А. Из истории одной переднеазиатской лексической изоглоссы. — Ирано-афразийские языковые контакты. М., 1987.
- ЭСИЯ — Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1 — 2000; т. 2 — 2003; т. 3 — 2007. М.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Под ред. О.Н.Трубачева (с вып. 33 под ред. А.Ф.Журавлева). Вып. 1–34. М., 1974–2008.
- ЭСТЯ — Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». Отв. ред. Л.С. Левитская. М., 1989. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». Отв. ред. А.В.Дыбо. М., 2003.
- Ю. — материалы Ш.П.Юсуфбекова (полевые записи).
- Юсуфбеков СЯ — Юсуфбеков Ш.П. Санглинский язык в синхронном и диахроническом освещении. М., 1999.
- Юсуфбеков 1992 — Юсуфбеков Ш.П. Семантика и прагматика дейктических слов в языках шугнано-рушанской группы. КД. М., 1992.
- Юсуфбеков 1998 — Юсуфбеков Ш.П. Дейктичность в языках шугнано-рушанской группы. М., 1998.
- Ягелло — Ягелло И.Д. Полный персидско-арабско-русский словарь. Таш., 1910.
- ЯТ — Андреев М.С., Пещерева Е.М. Ягнобские тексты. С приложением ягнобско-русского словаря, составленного М.С.Андреевым, В.А.Лившицем, А.К.Писарчик. М.–Л., 1957.

Ab. Hist. des mots — Abaev V.I. Contribution à l'histoire des mots. — Mélanges linguistiques offerts à Émile Benveniste. P., 1975.

AM — Asia Major. L.

APAW — Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse. B.

- ASGW — Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Lpz.
- Bailey DKS — *Bailey H.W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge–London–New York–Melbourne, 1979.
- Bailey Prolexis — *Bailey H.W.* Prolexis to the Book of Zambasta (Indo-Scythian Studies being Khotanese Texts. Vol. VI). Cambridge, 1967.
- Barth. AiW — *Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904 (repr.: Berlin–New York, 1979).
- Barth. Vorgeschichte — *Bartholomae Chr.* Vorgeschichte der iranischen Sprachen. — GIPh. Bd. I, Abt. 1. Strassburg, 1895–1901.
- Benv. Inst. — *Benveniste É.* Le vocabulaire des institutions indo-européennes. P., 1970.
- Benv. 1949 — *Benveniste É.* Noms d'animaux en indo-européen. — BSLP. 1949, t. 45, fasc. 1.
- Benv. 1952 — *Benveniste É.* La construction passive du parfait transitif. — BSLP. 1952, t. 48, fasc. 1.
- Benv. 1959 — *Benveniste É.* Études sur la langue ossète. P., 1959.
- Benv. 1960 — *Benveniste É.* «Être» et «avoir» dans leurs fonctions linguistiques. — BSLP. 1960, t. 55, № 1.
- Benv. 1966 — *Benveniste É.* Le verbe *stā-* comme auxiliaire en iranien. — Acta Orientalia. 1966, t. XXX.
- Benz. Chwar. Wort. — *Benzing J.* Chwaresmischer Wortindex (mit einer Einleitung von H.Humbach). Wiesbaden, 1983.
- Biel. CLI — *Bielmeier R.* Alanisch, Jassisch und Altossetisch. — CLI. Wiesbaden, 1989.
- Biel. Oss. — *Bielmeier R.* Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz. Frankfurt am Main, 1977.
- Boyce WL — *Boyce M.* A Word-list of Manichaean Persian and Parthian. Téhéran–Liège, 1977 (Acta Iranica, sér. 3, vol. 2, Suppl.).
- Br., Mh. Handb. — *Brandenstein W., Mayrhofer M.* Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964.
- Brugm. Demonstr. — *Brugmann K.* Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Sprachen (Eine bedeutungsgeschichtliche Untersuchung). — ASGW. 1904, Bd. XXII, № VI.
- BSLP — Bulletin de la Société de linguistique de Paris. P.
- BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. L.
- Buck Synon. — *Buck C.D.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago–London, 1949 (repr.: 1988).
- Buyaner 2006 — *Buyaner D.* On the Designation of «water-skin» in some Languages of Central Asia. — Acta Orientalia. 2006, vol. 67.
- Ch. EDIV — *Cheung J.* Etymological Dictionary of the Iranian Verb. Leiden–Boston, 2007.
- CLI — Compendium Linguarum Iranicarum. Hrsg. von R.Schmitt. Wiesbaden, 1989.
- Ed. Hist. Cons. — *Edelman D.I.* History of the Consonant Systems of the North-Pamir Languages. — IJ. 1980, vol. 22, pt 4.
- Ed. Non-dec. Syst. — *Edelman D.I.* On the History of Non-decimal Systems and their Elements in Numerals of Aryan Languages. — Numeral Types and Changes Worldwide. Ed by J.Gvozdanović (Trends in Linguistics. Studies and Monographs 118). Berlin–New York, 1999.

- Ed. Taboo — *Edelman D.I.* Some Taboo-words in Iranian Languages of Central Asia. — Language in Time and Space. A Festschrift for W. Winter on the Occasion of his 80-th Birthday. Berlin–New York, 2003.
- Ed. 1975 — *Edelman D.I.* Les verbes «être» et «avoir» dans les langues iraniennes. — Mélanges linguistiques offerts à Émile Benveniste. P., 1975.
- EGS I — *Gauthiot R.* Essai de grammaire sogdienne. 1. Phonétique. P., 1914–1923.
- EGS II — *Benveniste É.* Essai de grammaire sogdienne. 2. Morphologie, syntaxe et glossaire. P., 1929.
- Elf. Bal. — *Elfenbein J.* An Anthology of Classical and Modern Balochi Literature. Vol. II. Glossary. Wiesbaden, 1990.
- Elf. Wan. — *Elfenbein J.* Laṇḍa, zor wəla! Waṇecī. — Archiv Orientalní. Praha. 1967, vol. XXXV.
- Emm. CLI — *Emmerick R.E.* Khotenese and Tumshuqese. — CLI. Wiesbaden, 1989.
- Emm. Iran. Numer. — *Emmerick R.* Iranian. — Indo-European Numerals. Trends in Linguistics: Studies and Monographs 57. Berlin–New York, 1992.
- Emm. SGS — *Emmerick R.E.* Saka Grammatical Studies. L., 1968.
- Emm. 1987 — *Emmerick R.E.* Auxiliaries in Khotanese. — Historical Development of Auxiliaries. B., 1987.
- Emm., Skj. — *Emmerick R.E., Skjærvø P.O.* Studies in the Vocabulary of Khotanese. I — 1982; II — 1987. Wien.
- Fr. LEW — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Heidelberg–Göttingen, 1962–1965.
- Gauth. NYazg. — *Gauthiot R.* Notes sur le yazgoulami, dialecte iranienne des confins du Pamir. — JA. Sér. II. 1916, t. 7, № 2.
- Geiger Kl. Dial. — *Geiger W.* Kleinere Dialekte und Dialektgruppen. — GIPh. Bd. I, Abt. 2. Strassburg, 1898–1901.
- Gersh. Amber — *Gershevitch I.* Amber in Persepolis. — Studia classica et orientalia. Antonio Pagliaro oblata. Vol. II. Roma, 1969.
- Gersh. GMS — *Gershevitch I.* A Grammar of Manichean Sogdian. Oxf., 1954.
- Gersh. Hymn — *Gershevitch I.* The Avestan Hymn to Mithra. Oxf., 1959.
- Gersh. Ir. chron. adv. — *Gershevitch I.* Iranian Chronological Adverbs. — Indo-Iranica. Mélanges présentés à Georg Morgenstierne à l'occasion de son soixante-dixième anniversaire. Wiesbaden, 1964.
- Gersh. Outdoor terms — *Gershevitch I.* Outdoor Terms in Iranian. — A Locust's Leg. Studies in Honour of S.H. Taqizadeh. L., 1962.
- Gersh. Well of Baghlan — *Gershevitch I.* The Well of Baghlan. — AM. 1966, vol. XII, pt 1.
- Gersh. 1973 — *Gershevitch I.* Genealogical Descent in Iranian. — Cyrus Commemoration Volume. I. Leiden, 1973.
- Gharib Sogd. Dict. — *Gharib B.* Sogdian Dictionary. Sogdian-Persian-English. Tehran, 1995.
- GIPh — Grundriss der iranischen Philologie. Hrsg. von W. Geiger und E. Kuhn. Bd. I–II. Strassburg, 1895–1904.
- Gr. — Материалы Дж. Гриссона (в разных трудах).
- Hasandust EDP — *Hasandust M.* An Etymological Dictionary of Persian Language. Vol. 1. Tehran, 2004 (на перс. яз.: Fārhāng-e rišešenāxti-ye zābān-e fārsi. 1. Tehrān, 1383).
- HbO — Handbuch der Orientalistik. Abteilung I. Bd. 4. Iranistik. Abschnitt 1. Linguistik. Leiden–Köln, 1958.

- Henn. BBB — *Henning W.B.* Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch. — APAW. 1936, № 10 (= Henn. SP I, 417–558).
- Henn. HbO — *Henning W.B.* Mittelperianisch. — HbO. Leiden-Köln, 1958.
- Henn. Khwar. Lg. — *Henning W.B.* The Khwarezmian Language. — Zeki Velidi Togan'a Armağan. Istanbul, 1955 (= Henn. SP II, 485–500).
- Henn. LW — *Henning W.B.* Sogdian Loan-Words in New Persian. — BSOAS. 1939 (= Henn. SP I, 639–651).
- Henn. Oktō(u) — *Henning W.B.* Oktō(u). — TPhS. 1948. L., 1949.
- Henn. Sogdica — *Henning W.B.* Sogdica. L., 1940 (= Henn. SP II, 1–68).
- Henn. SP — *Henning W.B.* Selected Papers. Vol. I–II. Téhéran-Liège, 1977 (Acta Iranica, t. 14–15).
- Henn. Verbum — *Henning W.B.* Das Verbum des Mittelpersischen der Turfanfragmente. — ZII. 1933 (= Henn. SP I, 65–160).
- Henn.-MacK. Khwar. Dict. — *Henning W.B.* A Fragment of Khwarezmian Dictionary. Ed. by D.N. MacKenzie. L., 1971.
- Hinz NÜ — *Hinz W.* Altiranisches Sprachgut den Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975.
- Horn Gr. — *Horn P.* Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg, 1893.
- Horn NP — *Horn P.* Neupersische Schriftsprache. — GIPh. Bd. I, Abt. 2. Strassburg, 1898–1901.
- Humb. CLI — *Humbach H.* Choresmian. — CLI. Wiesbaden, 1989.
- Hübschmann PSt. — *Hübschmann H.* Persische Studien. Strassburg, 1895.
- IJJ — Indo-Iranian Journal. The Hague-Leiden-Dordrecht-Boston.
- JA — Journal asiatique. P.
- JASB — Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal. Calcutta.
- Kazama 1986 — *Kiozo Kazama.* A Phase of the History of Indic. — The Journal of Indo-European Studies. Wash., 1986, vol. 14, N 3–4.
- Kel. NR — *Kellens J.* Les noms-racines de l'Avesta. Wiesbaden, 1974.
- Kent OP — *Kent R.* Old Persian (Grammar, Texts, Lexicon). New Haven, 1950 (2nd ed., 1953).
- Klimov 1998 — *Klimov G.A.* Etymological Dictionary of the Kartvelian Languages. Berlin-New York, 1998.
- Konow Primer — *Konow S.* Primer of Khotanese Saka. — NTS. 1949, Bd. XV.
- Konow Saka St. — *Konow S.* Saka Studies. Oslo, 1932.
- Kuiper 1965 — *Kuiper F.B.J.* [Rec.:] *Brandenstein W., Mayrhofer M.* Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964. — IJJ. 1965, vol. 8, № 4.
- KZ — Kuhn's Zeitschrift. — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, gegründet von A. Kuhn. Berlin-Göttingen.
- Laz. Anc. mon. — *Lazard G.* La langue des plus anciens monuments de la prose persane. P., 1963.
- Lehmann 1991 — *Lehmann W.P.* The Importance of Models in Historical Linguistics. — Language Typology 1988. Typological Models in Reconstruction (Current Issues in Linguistic Theory, 81). Amsterdam-Philadelphia, 1991.
- Lehmann 2002 — *Lehmann W.P.* Pre-Indo-European. Wash., 2002.
- Lorimer Burush. — *Lorimer D.L.R.* The Burushaski Language. Vol. I–II. Oslo, 1935. Vol. III — 1938.
- LSI — Linguistic Survey of India. Ed. by G.A. Grierson. Vols I–XI. Calcutta, 1904–1927.

- M. — Материалы Г.Моргенштерне (в разных трудах и в личных письмах).
- MacK. BSTBL — *MacKenzie D.N.* The Buddhist Sogdian Texts of the British Library. Téhéran-Liège, 1976 (Acta Iranica, 10).
- MacK. CPD — *MacKenzie D.N.* A Concise Pahlavi Dictionary. L., 1971.
- MacK. Khwar. Elem. — *MacKenzie D.N.* The Khwarezmian Element in the *Qunyat al-munya*. L., 1990.
- MacK. Khwar. Gl. — *MacKenzie D.N.* The Khwarezmian Glossary. — BSOAS. I — 1970, vol. 33, pt 3; II — 1971, vol. 34, pt 1; III — 1971, vol. 34, pt 3; IV — 1971, vol. 34, pt 4; V — 1972, vol. 35, pt 1.
- MacK. Pashto — *MacKenzie D.N.* Pashto. — The World's Major Languages (ed. B.Comrie). L., 1987.
- Mh. AirN — *Mayrhofer M.* Die Altiranischen Namen. — Iranisches Personennamenbuch. Herg. von M.Mayrhofer. Bd. I. Wien, 1979.
- Mh. EWA — *Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Heidelberg, 1986–2001.
- Mh. KEWA — *Mayrhofer M.* Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1953–1975.
- Mh. OnP — *Mayrhofer M.* Onomastica Persepolitana. Das altiranische Namengut der Persepolis-täfelchen. Wien, 1973.
- Morg. EVP — *Morgenstierne G.* An Etymological Vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.
- Morg. EVSh — *Morgenstierne G.* Etymological Vocabulary of the Shughni Group. Wiesbaden, 1974.
- Morg. IIFL — *Morgenstierne G.* Indo-Iranian Frontier Languages. Vol. I — 1929. Vol. II — 1938. Vol. III, pt 1 — 1967, pt 2 — 1944, pt 3 — 1956. Vol. IV — 1973. Oslo.
- Morg. Ir.-1942 — *Morgenstierne G.* Iranica. — NTS. 1942, Bd. XII.
- Morg. Ir.-Dard. — *Morgenstierne G.* Irano-Dardica. Wiesbaden, 1973.
- Morg. NEVP — *Morgenstierne G.* A New Etymological Vocabulary of Pashto. Wiesbaden, 2003.
- Morg. NTS I — *Morgenstierne G.* Notes on Shughni. — NTS. 1928, Bd. I.
- Morg. Pers. Pron. — *Morgenstierne G.* The Personal Pronouns First and Second Plural in the Dardic and Kafir Languages. — Indian Linguistics. Poona, 1935, vol. V (repr.: Poona, 1965).
- Morg. RLMA — *Morgenstierne G.* Report on a Linguistic Mission to Afghanistan. Oslo, 1926.
- Morg. Stray Notes — *Morgenstierne G.* Stray Notes on Persian Dialects. — NTS. 1960, Bd. XIX.
- NTS — Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. Oslo.
- Nyb. MP — *Nyberg H.* A Manual of Pahlavi. Pt 2. Glossar. Wiesbaden, 1974.
- Oettinger 1986 — *Oettinger N.* Avestisch *hāirišī-* 'Frau' syn- und diachron. — Indogermanische Forschungen. B., 1986, Bd. 91.
- Oranskij *buruj* — *Oranskij I.M.* Indo-Iranica IV. Tadjik (régional) *buruj* «bouleau». — Mélanges linguistiques offerts à Émile Benveniste. P., 1975.
- Pok. IEW — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- Pstrusińska — *Pstrusińska J.* Vigenticimal System of Counting in Pashto. — Folia Orientalia (1979). 1980, vol. 20.
- Reichelt Aw. — *Reichelt H.* Awestisches Elementarbuch. Heidelberg, 1909.
- Sabaliauskas 1990 — *Sabaliauskas A.* Lietuvių kalbos leksika. Vilnius, 1990.

- Sam. Chwar. Verb. — *Samadi M.* Das chwaresmische Verbum. Wiesbaden, 1986.
- Sh. — материалы Р.Б.Шоу (в разных трудах).
- Shaw Ghalchah — *Shaw R.B.* On the Ghalchah Languages (Wakhi and Sarikoli). — JASB. 1876, vol. 45, pt I, N 2.
- Sk. — материалы Х.Шёльда (в разных трудах).
- Skj. CLI — *Skjærvø P.O.* Pashto. — CLI. Wiesbaden, 1989.
- S-W Bactr. Doc. II — *Sims-Williams N.* Bactrian Documents. II. L., 2007.
- S-W CLI — *Sims-Williams N.* Eastern Middle Iranian (p. 165–172), Sogdian (p. 173–192), Bactrian (p. 230–235). — CLI. Wiesbaden, 1989.
- S-W Sogd. Fr. — *Sims-Williams N.* The Sogdian Fragment of the British Library. — IJ. 1976, vol. 18.
- Szem. Ir.-1 — *Szemerényi O.* Iranian Studies, I. — KZ. 1959, Bd. 76, H. 1–2.
- Szem. Kin. — *Szemerényi O.* Studies in the Kinship Terminology of the Indo-European Languages, with Special References to Indian, Iranian, Greek and Latin. — Acta Iranica. Troisième série. Text et mémoires. Vol. VII. Varia, 1977. Téhéran-Liège, 1977 (Acta Iranica, 16).
- Thor. CLI — *Thordarson F.* Ossetic. — CLI. Wiesbaden, 1989.
- Tom. — *Tomaschek W.* Centralasiatische Studien. II. Die Pamir-Dialekte. Wien, 1880.
- Top. 1968 — *Toporov V.N.* Parallels to Ancient Indo-Iranian Social and Mythological Concepts. — Pratidānam. Indian, Iranian and Indo-European Studies. Presented to F.B.J.Kuiper on his Sixtieth Birthday. The Hague-Paris, 1968.
- TPhS — Transactions of the Philological Society. L.
- Turner CDIAL — *Turner R.L.* A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. Fasc. I–XI. L., 1962–1966.
- Watkins 1990 — *Watkins C.* Etymologies, Equations, and Comparanda: Types and Values, and Criteria for Judgment. — Linguistic Change and Reconstruction Methodology. Ed. Ph.Baldi (Trends in Linguistics. Studies and Monographs 45). Mouton de Gruyter. Berlin-New York, 1990.
- Watkins 1992 — *Watkins C.* The Comparison of Formulaic Sequences. — Reconstructing Languages and Cultures. Eds. E.C.Palomé, W.Winter. (Trends in Linguistics. Studies and Monographs 58. Ed. W.Winter). Mouton de Gruyter. Berlin-New York, 1992.
- ZII — Zeitschrift für Indologie und Iranistik. Lpz.
- Zimmer 1981 — *Zimmer S.* Idg. *ukson-. — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1981, Bd. 95, Heft 1.

Введение	3
Глава I.	
Основные черты праиранской лексики	22
1.1. Общие соображения	22
1.2. Взаимодействие лексического уровня с другими языковыми уровнями в праязыковой системе.....	23
1.3. Семантическая реконструкция.....	31
1.4. Слово как языковой знак — элемент реконструируемой лексической системы	32
1.5. Основные лексические группы	36
1.5.1. Имена существительные и прилагательные	36
1.5.1.1. Термины семейных отношений	36
А. Термины кровного родства	36
Б. Термины свойства и др.	39
1.5.1.2. Обозначения мужчины и женщины, человека	40
1.5.1.3. Обозначения божеств и «потусторонних» персонажей	43
1.5.1.4. Названия животных.....	46
А. Домашние животные	46
Б. Дикie животные	49
В. Птицы	51
Г. Насекомые	52
1.5.1.5. Названия частей тела и внутренних органов.....	53
1.5.1.6. Слова, связанные с жизнедеятельностью	60
1.5.1.7. Дом.....	62
1.5.1.8. Другие термины (Outdoor terms).....	63
1.5.1.9. Названия растений.....	63
1.5.1.10. Названия природных объектов, явлений и стихий.....	66
1.5.1.11. Названия качеств	70
А. Названия цвета	70
Б. Оценочные слова	74
1.5.2. Числительные и местоимения.....	75
1.5.2.1. Числительные.....	75
1.5.2.2. Местоимения.....	80
А. Личные местоимения.....	81
Б. Указательные местоимения.....	82
В. Энклитические местоимения	85
Г. Другие разряды местоимений	85

1.5.3. Глагол	86
1.6. Взаимоотношения слов в праиранских лексических группах	88
1.6.1. Синонимия	88
1.6.2. Омонимия	93
1.6.3. Контаминация	97
1.7. Выводы	98

Глава II.

Отражение исконной лексики в восточноиранских языках	105
2.1. Общие соображения	105
2.2. Внутроструктурные факторы	105
2.3. Ареальные факторы	111
2.4. Отражение основных лексических групп	116
2.4.1. Имена существительные и прилагательные	116
2.4.1.1. Термины семейных отношений	116
А. Термины кровного родства	116
Б. Термины свойства и др.	124
2.4.1.2. Обозначения мужчины и женщины, человека	128
2.4.1.3. Рефлексы обозначений божеств и «потусторонних» персонажей	129
2.4.1.4. Названия животных	135
А. Домашние животные	135
Б. Дикие животные	142
В. Птицы	145
Г. Насекомые	147
2.4.1.5. Названия частей тела и внутренних органов	149
2.4.1.6. Слова, связанные с жизнедеятельностью	162
2.4.1.7. Дом	166
2.4.1.8. Другие термины (Outdoor terms)	167
2.4.1.9. Названия растений	168
2.4.1.10. Названия природных объектов, явлений и стихий	173
2.4.1.11. Названия качеств	182
А. Названия цвета	182
Б. Оценочные слова	188
2.4.2. Числительные и местоимения	189
2.4.2.1. Числительные	190
2.4.2.2. Местоимения	203
А. Личные местоимения	203
Б. Указательные местоимения	206
В. Энклитические местоимения	208
Г. Другие разряды местоимений	209
2.4.3. Глагол	211
2.5. Динамика взаимоотношений слов в лексических группах восточноиранских языков	222
2.5.1. Синонимия	223
2.5.2. Омонимия	226

2.5.3. Контаминация	227
2.6. Нестандартные отражения исконных основ	232
2.7. Замена исконных слов табуизмами и эвфемизмами	244
2.8. Выводы	250
Заключение	253
 Примечания	 259
Список сокращений	262
Литература	265

Д.И.Эдельман

**Сравнительная грамматика
восточноиранских языков
Лексика**

Монография завершает серию работ автора, посвященную сравнительно-историческому исследованию восточноиранской группы языков. Предыдущие книги под общим названием «Сравнительная грамматика восточноиранских языков» с подзаголовками «Фонология» и «Морфология. Элементы синтаксиса» изданы в 1986 и 1990 гг. соответственно. В данной работе рассматривается лексическая система реконструированного праиранского состояния и продолжение ее элементов в восточноиранских языках. Материалом послужили слова живых иранских языков, включая бесписьменные (хранящие иногда глубочайшие архаизмы), а также вымерших языков, дошедших до нас в памятниках письменности различных эпох.

ISBN 978-5-02-036396-0

